

Валерий Борисов

Последняя любовь Хемингуэя

16+

Валерий Борисов

Последняя любовь Хемингуэя

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=67114473

SelfPub; 2022

Аннотация

В романе "Последняя любовь Хемингуэя" освещается одна из самых загадочных страниц жизни великого писателя – нежная и страстная любовь 50-летнего Эрнеста Хемингуэя и 18-летней итальянской графини Адрианы Иванчич.

В 2016 году книга стала победителем, золотым лауреатом Германского международного литературного конкурса "Лучшая книга года".

Содержание

Пролог	5
Эрнест Хемингуэй	5
Мэри Хемингуэй	10
Адриана Иванчич	12
Глава 1. За океаном – Венеция	14
1	18
2	25
3	46
4	63
5	81
6	101
7	119
8	130
9	149
10	157
11	170
12	186
Глава 2. И снова – Венеция	194
1	198
2	216
3	226
4	233
5	251

6	270
7	282
8	296
Глава 3. Остров любви и разлуки – Куба	309
1	318
2	322
3	334
4	347
5	366
6	379
7	397
8	410
9	425
10	445
Глава 4. Последний раз – Венеция	468
Эпилог	483
Посмертное письмо Хемингуэя	483
Эрнест Хемингуэй	486
Мэри Хемингуэй	491
Адриана Иванчич	493

Валерий Борисов

Последняя любовь Хемингуэя

Пролог

Эрнест Хемингуэй

Жизнь – река, стремительно несущаяся от своего истока-родника, в просторный океан. Я вижу, как кто-то мчится по реке жизни на байдарке, проскакивая все ее пространство быстро и легко, не заметив красоты берегов и островов, глубины воды и бесконечности неба, чтобы разбиться на порогах или сгинуть в водопаде. А может судьба будет милостива к нему и поможет обойти все препятствия на жизни-реке. Люди! Возьмите индейское каноэ, на котором нахожусь я. Оно, позволяет грести против течения, причаливать к берегам с красивыми лугами, лесами, горами, на нем можно замереть на месте и рассматривать живущих в воде, разговаривать с далекими звездами. Копайтесь в русле реки, стремитесь, к холодным планетам! Везде увидите жизнь. Я борюсь со стремниной на каноэ, и предлагаю вам – пересаживайтесь

ко мне, вместе будем грести против течения, преодолеем все пороги и водопады. Мы дольше продержимся на глади воды, нас будет медленнее сносить к бездне водопада. Мы увидим прекрасное – в десятки или сотни раз больше, чем те, кто отдался во власть реки потому, что боремся с неудержимым течением жизни. Мы сами поднимем бури, шквалы и ураганы, а потом с потерями прорвемся сквозь, созданную нами стихию. Мы научим тех, кто проносится мимо нас на байдарках, придерживать скорость и приставать к берегу и нашим островам любви, надежды и веры. Мы их уговорим пересечь на наше каноэ и постараемся выгрести вверх по течению на великий простор океана.

Да, именно так!

Все реки текут из океана, а заканчиваются бурными водопадами.

Прошлое всегда больше и значительнее будущего...

Мы атомы молекулы, созданной собственным воображением!

Что такое? Я пишу книгу или сплю? За окнами темная тропическая ночь. Ночь Кубы... А ночью я никогда не писал книг. Значит, не сплю и не пишу. Значит, снова бессонница. Сколько лет она длится во мне? С первой мировой войны или со второй? Наверное, с тех пор, как в Берлине и в Токио были подписаны капитуляции, и я не могу найти героическую личность, и не о чем стало писать. Мне для работы необходим бурный исторический фон и смятенный ге-

рой, выпадающий из этого фона.

Фона и героя нет! Я оказался не готовым к изображению мирной жизни.

Восемь лет творческого простоя. После «Колокола...» не написал ни одного романа, даже хорошего рассказа. Оказался неспособным влиться в обыденную жизнь с ее повседневными не героическими заботами, мелкими проблемами и страстями.

Мне необходим Колокол...

По ком он звонит?

Не знаешь до сих пор! Он звонит по своему создателю. Колокол напоминает всем, что он кем-то и когда-то создан.

Человеком!

И он обязан звонить, потому что сотворен из человеческой души. А человеческие руки отлили только его плоть. Когда-то он застонет звоном. Я давно изваял свой Колокол... На трех войнах!

Где-то на столе осталось немного виски. Надо выпить и забыть все. Прежде всего, прошлое, потом настоящее... И не думать о будущем.

Теплое виски, противно растекается во рту. Ничего! Зато сейчас станет легче в душе. Вот уже легче. Виски растекается теплом в груди, рукам, ногам... Как утренний туман над морем у Кохимары заползает в голову, пеленает мягкой кошачьей лаской мозги и мысли.

Сегодня я должен заснуть. Впереди – только остаток жиз-

ни из таких ночей. Бессонница! Сколько времени она меня преследует? Кажется, три года. И я не могу написать что-то большое. Такое, чтобы на меня снова обратили внимание.

Спорили, ругали, вознесли до небес!

Неужели выдохся, как изношенный боксер! Не выдержал всех пятнадцати раундов боя и, валишься с ног от усталости и равнодушия к себе уже в двенадцатом раунде. Мой, более выносливый и молодой соперник, специально входит в клинч, додерживая меня до пятнадцатого раунда, чтобы на последней секунде схватки нокаутировать. Красота зрелища! Что может быть лучше такой красоты?! Зрители оценят благородство противника, – он им доставил наслаждение, а мне, всем известному, позор. Какой сейчас раунд? Двенадцатый, а может только десятый? И я уже выдохся?

Держись, старик!

Вдохни густого, от животного неистовства людей, воздуха!

Взгляни на свою любимую, которая тебя безмерно любит. Ее широко распахнутые глаза в слезах. А в них любовь! Соберись с силами, продержись до четырнадцатого раунда и выиграй пятнадцатый. Где же глаза любимой? Их нет. А значит неоткуда взять новые силы.

Ты всегда любил открытые глаза. Где они сейчас?

Осталось еще виски? Есть немного. Сейчас засну. Так с каких пор ты перестал спать ночами? Три года назад? Обманываешь себя, старик! Ты не спишь тридцать лет из со-

рок девяти, пока, прожитых тобой. Ровно тридцать лет назад, когда выносил с передовой раненого итальянского снайпера, немецкая мина раздробила тебе обе ноги. В довершение всего, пуля австрийского пулемета перебила колено. А итальянского снайпера ты зря тащил на себе, – он оказался мертв. Вот почему ты не спишь? Ты боишься войны! Тебя тот бой напугал на всю жизнь. Ты жизнью бравируешь днем, чтобы трусливо не спать ночью.

Ты тогда был молод. Всего – девятнадцать! Тридцать лет прошло...

...Как быстро пробежало время! С тех пор я не посещал место ранения. А был же в Италии не раз!

Скоро мне – пятьдесят. Пора подводить итоги. Надо поехать в Италию помянуть погибших, себя вспомнить. Да, пора себя вспоминать.

Ну, вот, от воспоминаний заныли ноги. Осколки зашевелились. Меньше вспоминай прошлое! Где виски?

А теперь попробуй заснуть. Так, чтобы ничего не вспоминать!

Всегда не вспоминать...

Мэри Хемингуэй

Когда меня спрашивают: «Трудно ли быть женой Хемингуэя?», я всегда с улыбкой отвечаю: «Трудно!» Но никто не знает, что мне хочется сказать честно: «Тяжело!» Эрнест сложный человек, импульсивный, живущий чувствами, а не сознанием. О его неординарности писали, пишут, и будут писать. И мне не просто трудно, а очень тяжело, в глазах всего мира поддерживать, созданный им самим, образ разгульного парня и гениального писателя. Я, как жена, обязана добавлять, что-то новое, к легенде его жизни.

Но, увы! Но должна честно признаться, у меня это плохо получается. Я по профессии журналист и всегда любила свою работу. Но, как я сейчас не ненавижу своих собратьев по перу. Раньше я не замечала, а сейчас вижу, что они суют свой нос, где не следует и куда не положено. Думаете приятно читать в газетах статьи, что за время совместной жизни со мной Хемингуэй не написал ни одной книги? Вроде, что-то пишет, но не публикует. Получается, что я не его мужа. С первой женой Хедли он написал «Фиесту», с Полин – «Прощай оружие!», с Мартой – «По ком звонит колокол». А со мной – пока ни одного романа. Вот и получается, что все прошлые жены вдохновляли его, а я – нет. Разве не тяжело и не обидно?

Тяжело видеть, как он мучается, не спит ночами, и пони-

мать – у него творческий упадок. А я не способна вывести его из заказанного им состояния. Что же предпринять? Как быть? Он просто выдохся. Я это вижу, все это видят. Но он хочет продолжать свой бег, через силу, и обязательно по пересеченной местности. Я должна вдохнуть в него новые силы. Стараюсь. Но он их не принимает.

Конечно, он постарел. Сильно сдал здоровьем, стал раздражительным, бывает, не сдержан, особенно со мной. Больше любит море, спиртное и мечты о прошлом. Понимаю, что я для него не любовь, а хозяйка дома, критик творчества, наконец, жена, но не любовь. А кусочек любви ему сейчас иметь необходимо. Как его найти в себе, передать ему, чтобы он зажегся и больше не угасал?

Может поменять обстановку? Куда-то съездить? Пусть отвлечется, а может и развлечется. Все ему так советуют. Все хотят, чтобы он снова стал тем же Папой Хемом, каким был недавно.

Я его жена и обязана сделать все, чтобы мое имя вошло в историю и литературу рядом с именем Эрнеста. Вряд ли он, в случае развода со мной, найдет новую любовь. На любовь он уже не способен. Я его последняя жена и мы оба это прекрасно понимаем.

Я его последняя любовь и об этом должны все знать!

Тяжело жить в тени великого человека.

Знайτε об этом.

Адриана Иванчич

Мне восемнадцать лет – графиня из древнего далматинского рода. Я не славянская графиня, а итальянская, несмотря на свою фамилию, необычную для Италии. Я стесняюсь называть себя графиней. Настоящие князья и графы живут намного лучше нас. В годы войны мой отец был генералом, и его убили партизаны. Часть имущества, после войны, у нас отняла новая власть, и мы живем далеко не богато. Наша семья – последовательные католики и мы чтим все предписанные обряды. Я их тоже стараюсь соблюдать, насколько это возможно.

Я окончила гимназию и пока больше нигде не учусь. Но серьезно занимаюсь рисованием и стихами. У меня много друзей и подруг и со всеми нахожусь в прекрасных отношениях. Я жду своей судьбы.

Моя душа полна Овидием, Платоном, Д'Аннунцио. Я выросла в годы войны и иностранные писатели, особенно англосаксы, оказались вне поля моего зрения.

Хемингуэя, до сих пор, вообще не читала. Слышала от друзей, что есть такой писатель, которым восторгается мир.

Если бы мне, в мои восемнадцать лет сказали, что встречу с Хемингуэем, и между нами вспыхнет любовь, а ее пламя будет обжигать своим жаром наши сердца долгие годы, то я бы никогда не поверила этому человеку. Посмеялась бы

над ним и его неудачной шуткой.

Неужели я вдохновляла Хемингуэя в жизни и творчестве, в его последние годы? Была песней? Через океан.

Неужели я любила Папу? Первой и последней любовью...

Глава 1. За океаном – Венеция

«—Ты моя последняя, настоящая и единственная любовь».

«За рекой, в тени деревьев».

Хемингуэй оставил свой «бьюик» на окраине Фоссальты. – Подождите меня, пожалуйста, здесь. – Сказал шоферу. Он пошел от Фоссальты, вдоль Пьявы, заросшей по берегам камышом. Мутно-синяя вода в реке будто остановила свое течение, в крайнем случае, текла лениво. Место, где его ранило, найти было нетрудно. Вот излучина реки. Здесь когда-то стояли тяжелые пулеметы. Вот воронка от мины, навечно оставившей в его ногах свои осколки. Воронка густо заросла травой, но козы и овцы выщипали ее и углубление в земле хорошо видно. Сейчас воронка больше напоминала лунку для игры в гольф. Ошибиться было невозможно. Тридцать лет назад он знал каждую выемку на этом пятачке. Чуть дальше, в пятидесяти метрах отсюда, в окопах сидели австрийцы. И еще друг против друга – снайперы. Их – австрийские и наши – итальянские. Покажется макушка над бруствером, и нет солдата – или австрийского, или итальянского. Да, он не мог ошибиться. Это была воронка от его мины. Тогда все поле состояло из них. Оно тогда само было сплошной воронкой. Хемингуэй еще раз оглядел все вокруг.

Сомнений не было – это его место. Точно!

Хемингуэй осмотрел осеннее поле. «Надо бы это место удобрить. – Подумал он. – Надо показать свое отношение к войне. Пусть будет плодороднее земля». Но не вдалеке, по полю войны, ходили люди. Пастухи – взрослые и дети, пасли овец и коз. Оправиться даже по малому на место, где тридцать лет назад пролилась его кровь, он не мог. Ему мешали.

Хемингуэй вздохнул и вынул из кармана складной золингеймский нож. Щелкнув, открылось лезвие. Он склонился над заросшей воронкой и ножом по кругу вырыл аккуратную ямку. Потом вытер о подошву ботинка лезвие, закрыл его и сунул в карман. Еще раз посмотрел по сторонам и достал бумажку в десять тысяч лир. Положил ее в ямку, приброесал дерном и притоптал. Эта сумма полагалась ему за итальянские ордена, которыми он был награжден.

«Вот так! – С горьким удовлетворением размышлял Хемингуэй. – За «Серебрянную медаль за военную доблесть» Италия платит своим ветеранам пятьсот лир в год. За «Крест Виктории» – десять гиней. Медаль «За отличную службу» ничего не стоит. «Серебряная звезда» – тоже бесплатная. Двадцать лет мне платят деньги за эти побрякушки. Я отдаю эти деньги обратно той войне. Теперь все в порядке. Мы с ней в расчете. Пока в деньгах. Но как с ней рассчитаться в остальном? До сих пор не могу и не знаю. Раны о ней напоминают, и внутри что-то щемит. А земля зажила. Какая трава! Все понятно. В земле дерьмо, деньги, кровь. А еще желе-

зо. Да нога Джино и обе ноги Рандольфо. И еще твоя правая коленная чашечка. А сколько еще рук и голов? Чем не памятник восемнадцатому году? Страшный памятник на Пьяве! Никто его только не видит. Все забыли прошлое. Кроме нас. Меня»...

Хемингуэй посмотрел на Пьяву, на вновь отстроенную Фоссальту, которую он видел когда-то разрушенной и плюнул в реку. К его удивлению комок слюны долетел до воды. А в ту раненую ночь, он не мог плевать, все пересохло во рту, и слюны не было.

«Научился!» – Со злым удовольствием подумал о себе и медленно пошел обратно к машине.

– Проснитесь. – Сказал, задремавшему за рулем, шоферу. – Едем обратно в Венецию.

Машина тронулась и поехала вдоль каналов, обсаженных ивами. А мозг снова непроизвольно вспоминал:

«Когда-то наше наступление закончилось страшной бойней. Трупы сбрасывали в каналы, чтобы расчистить дорогу. Нижние шлюзы были в руках австрийцев и поэтому на запоре. Вода стояла без движения, и раздувшиеся трупы моих товарищей плавали в ней. А сейчас в канале плавают утки и гуси, да рыбаки ловят на удочку рыбу. В воде, сохранившей вкус войны. Птица не знает, люди не помнят! А вода-то жирная».

Хемингуэй отвернулся от канала и стал смотреть, надвигающуюся по шоссе, Венецию. Город волновал его также,

как и тогда, когда ему было восемнадцать лет, и он увидел его впервые. Тогда, в спешке войны, Хемингуэй ничего в нем не понял, только чувствовал, как все в Венеции красиво.

...Мэри глядела в взволнованное лицо мужа.

«Неужели он становится самим собой?» – С надеждой подумала она о нем, а вслух произнесла.

–Эрни! Где ты был? Все хорошо?

–Да, моя дорогая мисс Мэри. – Так он называл миссис Хемингуэй. – Я встретился со своими друзьями из той войны. Я отдал долг войне...

–Эрни! Ты выглядишь сейчас таким мудрым и ликующим, на все сто долларов. Я так за тебя рада. Правильно мы сделали, что поехали в Италию. Какие у нас дальнейшие планы? Нас приглашает граф Карло Кехлер к себе в Кортина Д'Ампеццо.

–Мы хорошо погостили у его брата Федерико. Поедем и к Карло. Но позже. Хочу закончить очерк о Гольфстриме. Журнал просит. А я затягиваю сроки...

–Хорошо, Эрни. Делай, как знаешь. А потом снова поедem в Кортина, покатаемcя на лыжах. Ты будeшь охотитьcя на куропаток.

–Да. Поедем охотитьcя на куропаток.

1

Из письма Чарльзу Скрибнеру

Венеция.

Декабрь 1948 г.

Дорогой Чарльз!

...Работаю над романом о море, земле и воздухе. Сейчас пишу о море. Это самая трудная часть романа, которая охватывает период с 1936 по 1944 год.

...Работа идет медленно. Во-первых, мучает постоянный звон в ушах. Из-за него, проклятого звона, я вынужден в течение пятнадцати месяцев, каждые четыре часа принимать лекарства. Иногда задаю себе вопрос – по ком этот звон? Во-вторых, я хочу написать так хорошо, как не писал еще никогда в своей жизни...

...А Италия прекрасна, даже зимой. А Венеция – само чудо. Здесь хочется жить и работать...

Первая половина зимы 1948 года в Кортина Д'Ампеццо выдалась теплой и дождливой. Декабрьская непогода перешла в январь.

– Неудачная зима для отдыхающих. – Констатировал Карло Кехлер, обращаясь к Хемингуэям. – Но зато для охоты на уток – лучше погоды не бывает.

– Да. – Ответил Хемингуэй глухим голосом. Он немного

простудился, но от утиной охоты отказываться был не намерен. – Сегодня барон Франчетти будет нас ждать на утиную охоту.

–Он давно мечтает показать вам свой заповедник. – Произнес граф Кехлер. – Барон создал прекрасный уголок заповедной природы, где все оборудовано для охоты. Охотнику лишь нужно подождать, когда зверь подойдет или птица подлетит прямо к нему, нажать на спусковой крючок. И дичь твоя.

–Конечно, лучше побродить по лесу и самому найти дичь, но в такую погоду... – Хемингуэй замолк, подбирая выражение.

–Эрни! – Вмешалась в разговор Мэри. – А может, мы действительно подождем несколько дней, пока не наладится погода. Ты ж простудился...

–Мы обещали барону, и он нас ждет. Нельзя его подводить.

–Я ему позвоню и извинюсь. Барон деликатный человек и все правильно поймет.

–Невозможно. Я настроен на охоту.

–Хорошо, милый! Только оденься по сезону.

Граф Кехлер, слушавший разговор Мэри и Эрнеста, произнес:

–Как я понимаю, охота на завтра не отменяется. Тогда, после полудня мы выезжаем. Я заказываю две машины.

–Не надо двух машин. Поедем на моем «бьюике». Неда-

ром я вез его сюда из-за океана. Там места всем хватит.

–Я думал об этом, но не смел предложить. – Галантно ответил граф, как истинный аристократ. – Тогда активно готовимся к отъезду. Да, в машине останется место для моей знакомой, которую я хочу посадить к нам по дороге?

–Конечно. Даже в переполненной машине всегда найдется место для вашей знакомой.

Граф ушел, а Мэри подумала: «Пусть Хем немного отдохнет. Он в Европе посвежел и с увлечением продолжает писать роман. Раз ему нужна охота в такую погоду – пусть будет так».

...Выехали на машине позже, чем предполагали. Хемингуэй, почему-то, захотел почистить свое ружье, и все задержались. Карло Кехлер был спокоен, – он знал, что сегодня все равно они уедут. Единственное, что он произнес, не обращаясь конкретно ни к кому:

–Моей знакомой, видимо, придется подождать на перекрестке. Не пошел бы дождь.

Хемингуэй, извиняюще ответил:

–Мы будем гнать машину на полной скорости. «Бьюик» – лучшая марка американских автомобилей. Вашей знакомой долго ждать не придется.

Но, как только выехали, сразу же начался дождь – мелкий и частый. Хемингуэй недовольно хмурился и ерзал на переднем сидении, рядом с шофером, всеми своими двести двадцатью фунтами веса. Он чувствовал вину за задержку с

отъездом.

Шофер под дождем не мог быстро гнать машину, и к перекрестку Латисана—Удино они подъехали с большим опозданием.

—Притормозите здесь. — Попросил граф Кехлер шофера. — Видите, девушку под дождем. — Он сделал паузу. — Совсем, бедная, промокла. Она ждет нас. Позовите ее? — Попросил он шофера.

Шоферу не сильно хотелось вылезать под дождь и он, приоткрыв дверцу, начал махать девушке рукой. Та смотрела на машину, но не двигалась с места.

Недовольный действиями шофера, Кехлер снова сказал:

—Ее звать Адриана. Крикните?

—Сейчас позову. — Вместо шофера ответил Хемингуэй и, опустив боковое стекло дверцы, крикнул:

—Адриана! Эй! Вы слышите? Идите сюда?

Девушка, закутанная пеленой дождя, удивленно повернула к ним голову, но продолжала стоять на месте. Она, будто бы, не понимала, что машина пришла за ней.

—Адриана! — Еще раз, на этот раз громче, крикнул Хемингуэй и махнул ей из окна рукой.

Девушка, неуверенным шагом пошла к ним, настороженно рассматривая незнакомый автомобиль. И тут граф тоже окликнул ее в приоткрытую дверь:

—Адриана! Быстрее же!

И только тогда девушка ускорила шаг.

– Ты, что нас не узнала и не слышала, как мы тебя зовем? – Оборотился к ней с упреком Кехлер. – Садись быстрее!

Девушка протиснулась на заднее сидение, тряхнула головой, и с ее мокрых волос на всех полетели дождевые брызги.

– Слышала! Да, как вас узнать в такой машине? Вы всегда ездили на итальянских... Не ожидала увидеть вас в американском авто. Где вы его раздобыли? – В ее голосе слышалось явное недовольство их опозданием.

– Это знаешь, чья машина?

– Премьер-министра или президента? – С иронией спросила девушка.

– Адриана – это Хемингуэй. – Вместо ответа на ее ироничный вопрос, граф представил хозяина машины.

Хемингуэй грузно, вполоборота повернулся к девушке. Внимательно взглянув на нее, он устало улыбнулся:

– Извините, Адриана, за опоздание. Это я виноват. Вы давно нас ждете?

– Недавно. Часа два. – Тихо ответила Адриана, смущенная пристальным взглядом Хемингуэя, и ее недовольство и ирония куда-то исчезли. Ей уже не хотелось громко возмущаться.

– Вы, наверное, промокли насквозь? – Вмешалась в разговор Мэри, злившаяся до сих пор на мужа, не сумевшего вовремя собраться в дорогу. – Эрнест, видишь, до чего доводят твои долговременные сборы. Девочка промокла...

– Нет. Я не промокла. У меня плащ прорезиненный... –

Возразила Адриана все также тихо, не отводя глаз от Хемингуэя. Его сочувствующе – виноватый взгляд почему-то заставил ее забыть злость на них, скопившуюся за два часа ожидания под зимним дождем. Но тот, недовольный вмешательством жены, уже отвернулся от девушки и стал смотреть сквозь мутную водяную пленку стекла на дорогу.

– Возьмите плед. Согрейтесь. – Участливо проговорила Мэри и положила на ее колени одеяло. – Вот вам платок. Вытрите лицо.

– Мисс Мэри. – Сказал Кехлер, обращаясь ко всем. – Адриана, как и я, еще и графиня.

– Какая я графиня! – Смущенно ответила девушка, вытирая платком Мэри мокрое лицо и густые волосы.

Адриана смотрела в тронутый сединой затылок Хемингуэя. Но тот больше не оборачивался к ним.

Барон Франчетти встретил их у ворот своей усадьбы с широко распростертыми руками. Его радостный вид показывал, что он до глубины души обрадован приездом гостей.

– Дорогой Эрнест! Милая, мисс Мэри! До самого вашего появления, не был уверен, что вы к нам явитесь. И все из-за погоды – будь она не ладна! Я так рад! Так рад. – Барон не мог выразить своего удовлетворения их приездом. – Все в дом! Немедленно сушитесь и переодевайтесь. Гости для встречи с вами уже съехались. Стол накрыт. Ждем только вас! Увидеть и познакомиться с вами желают князь..., граф..., барон...

Барон Франчетти перечислял наиболее именитых гостей сегодняшнего ужина. Кажется, он назвал и виконта. Назвал или мне послышалось, думал Хемингуэй, проходя с Мэри в отведенные для них комнаты.

Ужин был великолепен. Барон постарался на славу, встречая знаменитого писателя.

Хемингуэй скользил взглядом по лицам гостей. Адрианы не было. Граф Кехлер пояснил, что она сегодня решила лечь спать пораньше. Боится заболеть и пропустить охоту. Она очень сильно промокла под дождем.

Хемингуэй чувствовал себя виноватым перед ней.

2

В четыре часа Адриану разбудил стук в дверь. Не тот аккуратный стук, которым чопорные служанки будят изнеженных барышень, намекая своим господам, что давно пора вставать, скоро завтрак, а призывные удары – пора на охоту! Спешите, а то все проспите.

Адриана поспешно натянула на себя охотничий брючный костюм. Немного помучилась, надевая утепленные резиновые сапоги и, бегом, выскочила во двор. Там уже толпились все те, кто решил пойти охотиться на уток. Пешком двинулись к каналу. На берегу рассаживались по большим лодкам, и гребцы везли охотников по каналу в глубь лагуны. У Адрианы радостно билось сердце, – она впервые участвовала в настоящей охоте на уток. Вскоре лодки причалили к островку в заливе. В темноте можно было разглядеть сарай. Это был охотничий домик, стилизованный под старину, на манер крестьянского строения. Отсюда охотники разъезжались на маленьких лодках по охотничьим засадам. Здесь гребцами были настоящие егеря, знающие охоту и умеющие ублажать знатных гостей.

Адриана обратила внимание, что она прибыла сюда на последней лодке. Те, кто приехал раньше, по одному с егерями, уже уплывали вглубь лагуны, туда, где стеной стояли густые заросли камыша. Но ее и других начинающих охотни-

ков, снова посадили в большую лодку, в которой они сюда приплыли, и вскоре высадили на другом островке, недалеко от охотничьего домика. Егеря небрежно разбросали возле них чучела уток и дали ружья.

До Адрианы дошло, что именно таким стрелкам как она, достались самые худшие места. Настоящие охотники забились в глубь залива, где вдали от людей зимуют утки – в камышах, на песчаных косах.

Что делать? Надо было устраиваться на указанном егерями месте. А место представляло собой простую бочку, врытую в землю, приброшенную сверху для маскировки, камышом и ветками, куда она и влезла.

Было темно, но Адриана разглядела на неподвижной глади воды тихо скользящие лодки. Егеря заканчивали приготовления к охоте. Она крепко сжимала в руках ружье, приготовившись по первому зову уток начать по ним стрельбу. Но все было тихо, а в темноте к тому же плохо видно. Правда, звезды стали немного блекнуть, обещая долгий зимний рассвет. Вскоре Адриана почувствовала холод. Мороз пролез вначале в ноги, а потом стал забираться выше. Конечно, какой это мороз, если в любой момент готов пролиться холодный январский дождь. Но все равно не жарко.

Рассвет не торопился, и Адриана, незаметно для себя задремала. Снились какие-то обрывки снов, не соединенные в общий сюжет. Периодически появлялись охотники, наводящие на нее свои ружья, но не стреляли, а почему-то прохо-

дили мимо пешком по воде. И вот из темноты вышел огромный, как медведь, охотник и навел на нее ружье. Она не успела разглядеть его лица, как раздался выстрел. Адриана закричала от страха и... проснулась. Одиночные выстрелы, дулеты сливались временами в гул и раздавались будто бы над самым ухом. От страшного сна и грохочущих рядом выстрелов она вздрогнула всем телом и, закричав, в растерянности стала выбираться из бочки. Но рядом раздался крик: –Спрячься! А то попадешь под выстрел!

Адриана в испуге упала на дно бочки. Выстрелы продолжали грохотать, в перерывах между ними она слышала скрежет жестких птичьих крыльев и тревожно-растерянное криканье, мечущихся от страха уток. Она осторожно выглянула из бочки. Птицы пытались укрыться от людей в камышах, но их и там встречали огнем из ружей. Кажется, в лагуне не осталось ни одного места, где могла бы спрятаться бедная утка. Охотники были кругом – в бочках, в лодках, под лодками и беспощадно били беззащитных птиц.

Адриана взяла ружье наизготовку, пристально вглядываясь в туманную даль воды, и приготовилась подстрелить свою утку. Но стрельба внезапно прекратилась, как и началась. Птиц нигде не было. Лишь рядом с чучелами плавали лапами вверх убитые утки, окрашивая воду в красный цвет. К ним спешили егеря в лодках, подплывали охотничьи собаки и в пастях несли добычу своим хозяевам.

«Не успела! – Огорченно подумала Адриана. – Не надо

было спать». – Укорила она сама себя.

Потом она огляделась и увидела в двух шагах рядом с собой охотников пять, замаскированных в бочках, как и она. Так вот почему она испугалась во сне. Стреляли действительно над самым ухом. Эти места рядом с охотничьим домиком были приготовлены специально для новичков. Где-то в глубине лагуны охотников немного и не видят друг друга. Там они по-настоящему охотятся.

«Но кто же из охотников целился в меня во сне? – Размышляла Адриана. – Вроде, незнакомый».

Она пыталась вспомнить, кто же это был, но не могла. Не успела запомнить лица, только огромную фигуру.

Подплыли на лодках егеря и отдали охотникам убитых уток. Адриане егерь тоже положил возле бочки одну. Кажется, он хотел положить две утки, но, увидев девушку, ограничился одной.

–Теперь тихо. – Предупредил он ее и всех охотников, находившихся рядом. – Ждем следующего прилета.

Но ждать пришлось до обеда. Утки, как назло не прилетали. Где-то далеко слышались выстрелы, отзвуки которых, отраженные водой, были ей слышны. Ближе к обеду стал моросить дождь, и она пожалела, что впопыхах собираясь на охоту, не пристегнула капюшон к куртке. Ее длинные волосы намокли и прилипли к плечам и спине. Она снова почувствовала холод.

Утки подлетели после полудня. Адриана снова прогляде-

ла их прилет и увидела птиц, когда услышала выстрелы. Утки кружились низко над водой, стараясь спрятаться в камыши, но отовсюду гремели выстрелы. И они взмыв вверх, снова устремлялись вниз, к спасительным зарослям...

Адриана прицелилась из ружья в утку, которая в очередной раз взмыла вверх и выстрелила. Она умела стрелять. Еще в детстве отец разрешал ей стрелять из ружья и даже из пистолета. Он был генералом и мог позволить дочери пострелять из боевого оружия. А после гибели отца, ей позволял стрелять из ружья родной брат – Джанфранко.

Раздался выстрел и пустая дымящаяся гильза, выскочив из ствола ружья, ударилась о край бочки и, срикошетив, скользнула по ее лбу. От неожиданности она бросила ружье и стала ладонью тереть лоб. Сейчас Адриану даже не интересовало, – попала ли в цель, и вообще, желание стрелять дальше, у нее пропало. Она была напугана, терла лоб и смотрела на ладонь, – нет ли крови? Но крови не было, и это ее успокоило, но не надолго. Появилась боязнь, – а не вскочила ли шишка? Как теперь показаться ей на глаза друзьям? Но зеркала с собой не взяла и поэтому не могла убедиться, все ли в порядке с лицом.

Охота, лично для нее, закончилась. Адриане хотелось, как можно быстрее покинуть бочку. Но за ними долго никто не приезжал. Она видела, как возвращались охотники с дальних островов лагуны и исчезали внутри охотничьего домика. За ней и, находящимися рядом начинающими охотника-

ми, приехали в последнюю очередь. Так, в крайнем случае, ей показалось.

Адриана вошла в охотничий домик. Оказывается, зал для встреч находился в подвале. По крутым ступеням лестницы Адриана спустилась вниз. В зале жарко пылал камин, вокруг него сидели охотники, разгоряченные охотой, и шумно обсуждали прошедший день. Их было человек двадцать, и у каждого в руках бокал вина, которое подавал слуга, непрерывно сновавший из зала в кухню. Огонь от печи в кухне отбрасывал в затемненный зал свои багровые сполохи. Соединяясь в ограниченном пространстве подземелья, пламя камина и огонь печи придавали залу романтический вид. На вертелах, внутри печи, жарились утки. Охотники разогревались вином, и беседа текла непринужденно.

Возле самого камина с бокалом вина сидел главный гость графа – Хемингуэй. Адриана, осторожно спускаясь по лестнице, услышала хрипловатый голос писателя, медленно растягивающего слова.

–Сегодняшняя охота доставила мне большое удовольствие. Но такая охота на уток больше похожа на бойню. Ты только ждешь птицу, а сам полностью скован. Никуда не двинешься, привязан к бочке, и становишься рабом ожидания. Хорошо, когда выпадает счастливый случай. А если нет, то кроме разочарования, такая охота ничего не приносит. Вот в Африке выслеживаешь добычу долго. Упорно ее ведешь, приближаешься все ближе, ближе... Только оглядывайся, а

то сзади тебя может вести лев или леопард, и сам можешь стать его добычей. – И первым громко расхохотался Хемингуэй. Охотники засмеялись вслед за ним, по достоинству оценив его чувство юмора. А он продолжал. – Помню, как-то я подбирался к газели, а это очень чуткое и поэтому пугливое животное... – Он неожиданно замолк, не закончив фразы. Его глаза остановились на лестнице.

Сначала он увидел сапоги. Потом, заправленные в них брюки. А дальше полностью женские ноги, с грациозной осторожностью касающиеся ступенек. Он не видел еще лица обладательницы этих длинных и стройных ножек, но, помимо воли, мелькнула констатирующая мысль: «Видна порода! Идет высокая порода».

«И вот вошла она – во всей своей красе и молодости, – высокая, длинноногая, со спутанными волосами, которые растрепал ветер. У нее была бледная, очень смуглая кожа и профиль, от которого у тебя, да и не только у тебя щемит сердце, блестящие темные волосы падали на плечи».– Пришло на ум описание девушки.

«Откуда этот портрет? Из написанного мною? Или из того, что я еще не успел написать? Откуда она? – Забилась настойчивая мысль. – Кажется, это та девушка, которую мы вчера встретили у Латисаны».

Из зыбкого пространства воспоминаний, его вывели собеседники, которые ждали продолжения рассказа писателя – охотника:

—А что же дальше, мистер Хемингуэй?

Он стяхнул с себя груз воспоминаний, усилием воли отвел от Адрианы глаза и медленно произнес, потеряв нить своего рассказа, другое:

—Дальше... Антилопы очень чутки...

Граф Кехлер удивленно приподнял брови и произнес:

—Дорогой Эрнест. — Мягко перебил он его. — Вы говорили о газели...

Хемингуэй отпил вина из бокала и снова стал смотреть на Адриану.

«Где я видел ее раньше? — Продолжала крутиться в голове назойливая мысль. — «Но только не вчера. Я увидел ее впервые давно...».

Он не мог полностью овладеть собою и своими мыслями:

—Антилопа и газель, очень чуткие и пугливые животные, как я уже сказал... — Он продолжал свой рассказ об охоте в Африке, изредка бросая внимательные взгляды на девушку.

Адриана, стоя на лестнице, всматривалась в полутьму подвала. Вот и Хемингуэй, который рассказывает что-то интересное о своих охотничьих подвигах. Его внимательно слушают. Понятно! Не каждому дано услышать из уст великого писателя рассказ о его охотничьих похождениях. Вот и раскрыли рты, чтобы потом хвастаться, как они охотились с Хемингуэем, а возможно и сидели в одной бочке с ним. А он, что угодно может нафантазировать, недаром столько книг написал. Надо бы их как-нибудь почитать.

К ней подошла дочь хозяина сегодняшней охоты барона Франчетти, Афдера. Они были подругами, хотя никогда между ними сердечной близости не было. Афдера была старше Адрианы на два года и благодаря своему отцу была давно вхожа в круг друзей писателя.

—Адриана! Ты видишь, как интересно рассказывает Папа о своих приключениях? Быстрее присоединяйся к нам. Так интересно!

—Сейчас, Афдера. Приведу себя немного в порядок. Только из бочки вылезла, не успела даже причесаться.

—Мы все такие, как ты, растрепанные. Вечером приведем себя в порядок. Пойдем к Папе.

—А почему ты его называешь Папой?

—Так называют его только близкие друзья.

—А ты тоже близкий друг?

—Можно считать так. Я стараюсь всегда быть рядом с ним.

Он необыкновенный человек. С ним всегда интересно.

—Хорошо. Я сейчас подойду к вам. У тебя нет расчески? А то волосы намokли и стали, как пакля.

—Нет. Я пойду. Ты не задерживайся.

—Хорошо.

Афдера пошла к расслабившимся от вина и беседы охотникам, села на банкетку недалеко от Хемингуэя.

Адриана руками приподняла свои мокрые, густые волосы и бросила их обратно на плечи. Они тяжело легли на сырую от дождя куртку. Их просто необходимо расчесать. С такой

растрепанной прической входить в круг мужчин не хотелось. Адриана прошла к кухне, где полыхала печь и жарились утки. Она склонилась к горячей плите, чтобы подсушить волосы. Но липкие волосы не хотели быстро просушиваться. И тогда Адриана громко обратилась ко всем:

– У кого есть расческа?

Но ее никто не услышал. Хемингуэй только, что закончил рассказ, но теперь уже об охоте в Испании. Он сравнивал испанскую охоту, с охотой в Африке. Возбужденные его рассказом, охотники чуть ли не на перебой, стремились поведать о своих удивительных приключениях.

«Конечно! Присутствие такого необыкновенного гостя стимулирует их фантазию. – С досадой подумала Адриана. – От них сейчас ничего не дождешься».

Сбросив мокрые волосы на лицо, она пятерней растопыренных пальцев, принялась расчесывать их.

Хемингуэй, потягивая из бокала вино, внимательно наблюдал за ней. «В отсвете огня она кажется прозрачной». – Фиксировал цепкий мозг писателя каждое ее движение. – Нет. Это я так ее себе представляю. Она же в мокрой куртке и не может быть прозрачной. Но, я ее так вижу! Почему?»

Барон Франчетти, склонившись к нему, тихо произнес:

– Вы не желаете отправиться обратно в дом? Там нас ждет ужин.

Его слова вывели Хемингуэя из состояния задумчивости, и он ответил также тихо:

—Сначала попробуем свежезажаренных в натуральном огне уток. Свежая дичь, не сравнится ни с каким деликатесом. А ужинать будем ночью. Сейчас интересно послушать рассказы охотников. Такая мечтательная правда, никогда не происходила и не произойдет с ними. Но охотничьи и рыбацкие мечты надо уважать.

Про себя же он подумал, что не стоит торопиться. В усадьбе Мэри. Она не захотела мокнуть на охоте и осталась дома. Впрочем, он не прав – Мэри немного простудилась и не хотела давать имеющейся простуде новый импульс.

Хемингуэй наблюдал за тем, как Адриана безуспешно пытается привести свои волосы в порядок, и ему хотелось помочь ей. Потребность помогать другим, была природным качеством его души. Но девушке, освещенной живым огнем, не требовалось той большой помощи, на которую он был всегда готов. И ему, до щемящей боли в сердце, вдруг захотелось помочь ей, сейчас же. Но как?

«Кажется, она просила расческу? Я слышал. Вроде бы просила. – Он нащупал в кармане костяной гребень. – Есть! Как я не забыл его сегодня взять с собой?»

Граф Кехлер снова обратился к нему, но Хемингуэй его уже не слышал. Он резко поднялся из кресла и медленным раскачивающимся, словно по палубе парохода шагом, пошел к печи.

Адриана почувствовала, что кто-то большой стоит за ее спиной. Она повернула голову и увидела высокого, широко-

плечею, с открытым, участливым лицом Хемингуэя. Вчера она видела только его затылок, лицо – мельком.

«Медведь!» – Мелькнуло у нее неожиданное сравнение писателя со зверем.

Она улыбнулась, и «медведь» улыбнулся ей в ответ, но сразу же стал серьезен. Вот он полез в верхний карман куртки и вынул оттуда расческу – большую и белую, с крупными зубьями.

«Он слышал, что я просила расческу. И принес. Он внимательнее всех в этом домике. – Подумала Адриана. – Спасибо ему».

Но Хемингуэй не протянул ей расческу. Глядя прямо ей в глаза, из-под припухших век, он переломил расческу двумя руками пополам. Одну половину он также молча протянул Адриане.

«Зачем он это сделал? Какой-то символ?» – Мелькнула удивленная мысль, но она не получила у себя на нее ответа.

Адриана протянула руку к расческе и взяла ее. И только тогда Хемингуэй произнес:

– Возьмите гребень. Он ваш.

– Спасибо. Только зачем вы его поломали? Я бы его вам вернула?

– Он теперь ваш. – Снова повторил Хемингуэй, не отводя внимательного взгляда от ее глаз.

Удивительное дело – от пристальной глубины его глаз она не чувствовала смущения. Это был взгляд не ее восемна-

дцатилетних сверстников, старающихся казаться умными и опытными. Это был взгляд человека знающего и понимающего других, сильного мужчины, умеющего в нужный момент придти на помощь.

–Спасибо.– Тихо повторила Адриана слова благодарности и снова, как вчера в машине, после знакомства с Хемингуэем, ее досада на сегодняшний день, куда-то улетучилась. – Я сохраню этот подарок на всю жизнь.

–Я тоже.

–А зачем вам хранить гребень всю жизнь?

–Вторую половину гребня. – Уточнил Хемингуэй. – В память о встрече с вами.

Адриана молча стала расчесывать густые волосы половинкой костяного гребня, а Хемингуэй внимательно наблюдал за ее мягкими движениями.

«В ней чувствуется порода! – Сделал он окончательный вывод. – Она похожа на моих героинь. На Марию – точно. Также чиста и беззащитна. На Брет? В этом мире все порочны. Иначе нельзя. Кэтрин? Может быть жертвенна, как и она. На кого еще? Сразу не вспомнишь».

Адриана, причесав влажные волосы, раскинула их по плечам и полностью повернулась к Хемингуэю. Он молчал, неловко переминаясь на ногах.

«Точно, медведь. – Подумала она, как и несколько минут назад. – Немного неповоротлив, но добр». – И вслух произнесла.

– Вот и привела себя в порядок. Спасибо за помощь.

– Это не помощь. Это желание помочь тем, кому сейчас хуже, чем мне. Вы, я вижу, промокли на охоте. Была ли она удачной для вас? Я хочу спросить, – много уток удалось вам настрелять?

– Кажется, ни одной. Я выстрелила только один раз и попала себе в лоб. – Адриана засмеялась от такого объяснения своей охоты.

«У нее хорошая улыбка». – Отметил Хемингуэй и почувствовал, как в груди у него что-то замерло. Такое бывает, когда видишь что-то близкое и необходимое, но пока не знакомое и не достижимое.

– В лоб самому себе можно попасть только в определенный момент своей жизни. И только сознательно. У вас произошло что-то другое.

Он замолчал, ожидая от нее ответа. И ей пришлось объяснить, что же произошло.

– Я выстрелила, а патрон выскочил из ружья, ударился сначала о бочку, а потом о мой лоб...

– А! Такое бывает, когда гильза рикошетит от какого-либо предмета. Надо правильно выбирать позицию для стрельбы. Вам сейчас больно?

– Знаете, нет. Только боюсь, – не будет ли шишки или синяка. Я еще в зеркало не смотрела на себя. – Виновато пояснила Адриана.

– Давайте я посмотрю.

Адриана удивленно взглянула на Хемингуэя, – неужели он до такой степени внимателен, и ответила:

–Здесь не совсем светло. Вы можете не увидеть.

–Давайте сядем сюда, ближе к лампе.

Они сели на банкетку у стены. Адриана выжидательно смотрела на него, – неужели он все же хочет оказать ей медицинскую помощь? Но Хемингуэй был настроен серьезно. Он протянул руку, и осторожно приподняв прядь волос, стал разглядывать ее лоб. Он даже провел пальцами по нему, нащупывая, нет ли шишки. Адриана обратила внимание, что руки у него твердые, мозолистые, но теплые. Не отнимая рук от ее лба, он произнес, как обычно медленно, но как профессиональный врач:

–Я ощущаю пальцами небольшое повреждение ткани, но снаружи ничего не видно. Не бойтесь. У вас нет ни шишки, ни синяка. Давайте я погрею своими руками место удара, и вы навсегда забудете, что с вами произошел неприятный случай. Чувствуете, как у меня идет тепло от руки?

–Да. – Ответила Адриана, хотя в этот момент тепло в его руках пропало. Но ей не хотелось обижать правдой человека, который пришел ей на помощь.

Но Хемингуэй словно почувствовал неправду в ее ответе и недовольно произнес:

–Для такой процедуры надо сначала выпить чего-то крепкого – шотландского виски или русской водки. Вино не дает такого тепла. А здесь, как я понимаю, нет более крепких

напитков. Я сейчас сделаю вам небольшие пассы, после которых проходят все страхи, не говоря о неприятностях. Не возражаете?

—Нет. А что это такое?

—Меня этому обучил в Африке колдун из масаев. Есть там такой народ. Они мне помогли на сафари... Тот колдун показал мне, как надо быстро снимать боли, как лечиться...

Он говорил дальше об Африке, колдуне, а она молча, но не внимательно слушала его. В тоже время Адриана, произвольно размышляла. Вопросы возникали сами собой, и так же сами собой приходили ответы на них.

«Почему он подошел ко мне, а не к Афдере? Просто помочь мне. Увидел, какая я нескладная, ничего не умею делать. Вот и помог. Почему разломил гребень на две части? Неужели не мог дать его целым? Половинку отдал мне, вторую забрал себе? Оставил мне память, как известный писатель? Не каждый может похвастаться таким подарком. Но зачем ему нужна половинка? В память обо мне? Совсем не понятно. Я никому неизвестна, и не буду известной. Я обыкновенная и меня ждет привычная для нашего круга жизнь. Почему он так нежно гладит меня по лицу? Уже по волосам? Он лечит меня. Как приятны прикосновения его грубых рук. Они кажутся нежными и участливыми. Они не прикасаются к коже, они будто гладят изнутри. Все как во сне. Неужели он и вправду владеет колдовскими приемами? Как приятно ощущать их на себе. Не надо прекращать лечение! Пусть оно

длится долго! Сейчас! Потом! Еще! Еще! Наваждение. О чем он рассказывает? О Кубе. Как он там живет и охотится на птиц. Сложное название птиц. О чем еще?...»

Адриана не видела, как ревниво за ними наблюдала Аффера. Ее отец с досадой ерзал на месте, видимо, недовольный долгой задержкой своего друга Эрнеста и его дружеским разговором с графиней Адрианой. Он подозвал лакея, и тот из кухни принес три бокала с темно-красным вином. Барон Франчетти взял их, поднялся и подошел к Хемингуэю:

–Извините, Адриана. – Обратился он к ней с некоторой долей укоризны. – Вы полностью завладели вниманием нашего дорогого гостя. Его жаждут слушать не только вы, но и все мы. Присоединяйтесь к общей компании. – И только потом сказал Хемингуэю. – Дорогой Эрнест! Я вспомнил, что специально для вас привез сюда бутылку вальполичеллы. Я знаю, вы очень любите это вино. Я предлагаю выпить бокал со мной.

Он протянул бокалы Хемингуэю и Адриане.

–Тридцать лет назад мы вальполичеллу пили не из бокалов, а из ведер, – задумчиво произнес Хемингуэй.

–Когда это вы смогли пить такое вино ведрами? – Удивленно спросил Франчетти.

–Когда была война, и мы защищали Италию от австрийцев и немцев. – Ответил Хемингуэй и, не говоря больше ни слова, выпил залпом бокал до дна.

Адриане показалось, что грусть или страх промелькнули

в его глазах. Но, видимо, показалось. Хемингуэй всему миру известен своим бесстрашием.

Франчетти отпил немного вина и сказал:

–Вы вспоминаете еще ту войну. А мы не можем забыть этой. Тогда вы были нашим союзником, совсем недавно – нашим противником. Парадоксы истории.

–Но всегда воевал против немцев. – Подчеркнул Хемингуэй. – Никаких парадоксов. История повторилась.

–Хорошо, Эрнест. Пойдемте ко всем. Вас ждут. Адриана, вы отпустите нашего гостя?

–Да, барон. – С извиняющейся улыбкой ответила Адриана, чувствуя свою вину.

–Это я задержался возле Адрианы. – Защитил девушку Хемингуэй и обратился к ней. – Так вас зовут Адриана. Я все пытался вспомнить, как вас звать. Забыл. А нас же вчера в машине знакомили?

–Да. Мы знакомы с вами со вчерашнего дня.

–Пойдемте, Адриана, ко всем. – Впервые обратился к ней по имени Хемингуэй.

–Я так замерзла в проклятой бочке, что лучше побуду возле печи. Я отсюда все хорошо слышу и все вижу.

–Тогда, Адриана, – Видимо, ему доставляло удовольствие произносить ее имя вслух. – Я с женой приглашаю вас к себе на завтрак. Давайте послезавтра.

Адриана от неожиданного приглашения удивленно распахнула и без того огромные глаза, и вежливо ответила:

–Хорошо. Значит, до послезавтра.

–До встречи. – Почему-то грустно улыбнувшись, попрощался с ней Хемингуэй.

Франчетти, взяв Хемингуэя под локоть, повел его к камину, туда, где ему положено было быть. Афдера пересела ближе к нему, и победно взглянула на Адриану, – сейчас я займусь гостем. Граф Кехлер подал новый бокал вина Хемингуэю. Он снова выпил его до дна, но медленнее, чем предыдущий бокал с вальполичеллой. Видимо, не за что было ему сейчас пить.

Адриана слышала, как посыпались вопросы, – где лучше всего охотиться? Каким способом? Как?... Хемингуэй был прекрасным рассказчиком, и все его внимательно слушали. Он бросал частые взгляды на Адриану, и ей казалось, что Хемингуэй рассказывает об охоте на львов только для нее. Она выпила свой бокал вальполичеллы, за будущую встречу с писателем. Такой тост она произнесла про себя.

На следующий день, вечером, Адриана пошла прогуляться по Венеции и зашла в кафе «Джосс», где собирались ее сверстники. Вчера некоторые из ее компании были на охоте и сейчас рассказывали тем, кто туда не попал, о Хемингуэе. Один из них, почти слово в слово, пересказывал то, что говорил Хемингуэя, об охоте в Африке. Адриана села рядом с Афдерой и, слушая рассказчика, шепнула Афдере.

–А меня Хемингуэй пригласил на завтрак.

–Неужели? – Удивилась Афдера. – А почему он выбрал

тебя?

– Не знаю. Я только с ним познакомилась и такое приглашение.

– Тогда берегись, Адриана. Он увлечет тебя в свои охотничьи силки и рыбацкие сети.

– Зачем я ему нужна? Он просто пригласил меня на завтрак. А ты, что его хорошо знаешь? – Подозрительно спросила она Афдеру.

– Немного. Мы с ним встречались в Кортина и здесь в Венеции. В него нельзя не влюбиться. Такой интересный писатель.

– Я не собираюсь в него влюбляться. Мне тоже, как тебе интересно познакомиться с ним.

– На охоте с ним можно познакомиться ближе, чем в Венеции. Поняла, Адриана?

– Не поняла. Он же такой старый!

– Зато знаменитый человек. К тому же Хемингуэй знакомиться не с каждым. Гордись, что и ты попадаешь в круг его близких друзей. Я тебе завидую. Меня он к себе на завтрак никогда не приглашал.

Их разговор услышали соседи, и один из юношей спросил:

– Адриана! Ты идешь на завтрак к Хемингуэю?

– Да. Он пригласил.

– Мы все тебе завидуем. Тогда расскажешь нам о нем? Какой он в домашней обстановке.

– Расскажу. А зачем вам это нужно?

–О таком человеке надо знать все! – И компания рассмеялась в ответ на эти слова.

Вчера Адриана спокойно отнеслась к приглашению Хемингуэя. Но разговор с Афдерой и любопытство ее друзей взволновали ее, – неужели она идет в гости к необыкновенному человеку? Тогда надо тщательней подготовиться к визиту.

В Венеции Хемингуэй остановились в трехэтажном отеле «Гритти-палас» и, конечно же, на третьем этаже. Это было старинное здание, кажется, еще пятнадцатого века, непонятного стиля – смесь романского и готического, с полукруглыми арочными окнами, оставшимися в наследство от средневековья, с открытой террасой. Этот стиль в Венеции, называли венецианским. Конечно, это не самый шикарный отель в городе, но «Гритти» очень нравился Хемингуэю. С ним было связано много приятных, и не совсем приятных, воспоминаний о прошлом.

Он наслаждался панорамой Венеции с высоты номеров третьего этажа. Хемингуэй всегда брал номера с видом на Адриатику. С них открывался великолепный вид на Большой канал. Сейчас ветер гнал по нему тяжелую свинцовую волну. «Если такой ветер будет продолжаться, то сегодня прилив зальет площадь. Вот будет здорово! А куда ж деваться голубям? Выживут». – Думал Хемингуэй, осматривая Венецию из окна. Возле деревянного причала гондол не было. Гондольеры попрятались от ветра за зданием «Гритти». Вряд ли кто в такую погоду решится прокатиться на гондоле. Хотя нет. Вдали по большому каналу двигалась гондола. «Наверное, пьяный американец. – Подумал Хемингуэй. – Трезвый бы не стал выходить в такую погоду на прогулку. И холод-

но, и опасно». Но теперь ему стало понятно, почему гондольеры ждут пассажиров у «Гритти» – ресторан и бар отеля работали круглосуточно и всегда найдется смельчак, чтобы до нужного места добраться в гондоле или протрезвиться на зимнем ветерке. Ну, а венецианским гондольерам, смелости не занимать. И петь они могут в любую погоду.

Из спальни в зал вошла Мэри. Маленькая и стройная, она фигурой напоминала юную девушку. А короткая прическа, как у мальчишки. Недаром все ее называли – мисс Мэри, а не миссис Хемингуэй. Она считала себя еще молодой.

Но, внимательно взглянув на лицо можно было без большого труда определить ее возраст. Сорок лет не скрывала никакая пудра, а цепкие, в окружении заметных морщин, голубые глаза источали житейский опыт. Немудрено, стать такой умной на лицо. За плечами сложный жизненный путь, в том числе и война, где она была журналистом. Там она познакомилась с Эрнестом. Он был женат, она замужем. Эрнест, несмотря на эти преграды, предложил стать его женой. Она согласилась, тем более со своим мужем они уже договорились о разводе. И еще – не каждой женщине выпадает возможность стать женой писателя, к тому же известного. Она любила Эрнеста, особенно, его поступки – громадные и неотесанные, как дикие гранитные глыбы.

Она помнит Чикаго. По дороге в аэропорт, их автомобиль на полном ходу врезался в дерево. Эрнест, несмотря на поломанные ребра и разбитые лоб и ногу, на руках отнес ее

в пункт медицинской помощи. Превозмогая свою боль, нес ее, а у нее была разбита только щека. А когда во время ее неудачной беременности, врач посоветовал ему попроситься в последний раз с женой, Эрнест заставил недотепу-врача сделать нужные уколы, принести кислородные подушки. Потом неделю сидел возле ее постели, делая все необходимое, чтобы Мэри не только выжила, но и не чувствовала себя одинокой. Мэри не раз говорила, что Эрнест это человек, которого хорошо иметь рядом во время несчастья. За эти бескорыстные поступки, за умение насиловать судьбу, она любила Эрнеста – своего большого, умного, но наивного мальчика. Так она ему иногда говорила в порыве откровения. Ее очень огорчал спад в творчестве Хемингуэя. И сейчас в Венеции она старалась сделать его отдых запоминающимся и творчески плодотворным. Она видела, что он пишет. Но также видела его неудовлетворение написанным.

Сегодня с утра Хемингуэй что-то писал, по старой привычке, сидя прямо в постели. Сейчас ждет гостей на завтрак. Пусть будут гости, раз он так хочет. Она услышала из спальни голос мужа:

–Мэри, как считаешь, завтракать будем в ресторане или здесь?

–Как считаешь нужным, Эрни. Если гостей будет много, то лучше спуститься в ресторан. Если твоя гостья будет одна, то можно и в номере. Ты уже заказал завтрак?

–Да. Ренато готов в любую минуту накрыть стол. Я пойду

побреюсь, и приведу себя в порядок.

Хемингуэй вышел в зал и пошел в ванную. Она слышала, как он напевает какую-то итальянскую песенку с замысловатой мелодией. Она ее слышала раньше, но не знала слов. «Надо выучить слова, раз песня нравится Эрнесту». – Подумала Мэри, обладавшая хорошим музыкальным слухом и сама любившая петь.

Они ждали Адриану. В девять часов позвонил портье и сообщил, что к ним гости.

–Проведите их. – Распорядился Хемингуэй, и Мэри удивилась его волнению.

«Что за гостья? – Подумала она. – Почему Эрнест так хочется встретиться с ней. Может новый роман? Он не мешает. Кажется, с Афдерой дружба заканчивается. Все-таки она оказалась пустышкой. Посмотрим, кого сейчас выбрал мой муж? Легкий флирт ему не мешает. Он не сильно верит в себя, как мужчина. Его здоровье надо поддерживать уже и духовно».

Мэри с интересом ждала прихода гостей. У двери прозвучал звонок, и вошли двое – совсем юная девушка и юноша, немного старше, наверное, ее кавалер, подумала Мэри. Она обратила внимание, как Хемингуэй бросился к двери, крепко пожал гостям руки, в том числе и девушке, и пригласил их сесть за журнальный столик. Мэри следом за ним подала им свою руку, которую юноша галантно поцеловал. Она узнала Адриану. Эту девушку они подвозили на машине несколько

дней назад. Гостей было всего двое, и Мэри предложила мужу, опередив его решение:

–Эрни! А было бы неплохо позавтракать в номере. А то на улице такая погода, что наши гости промерзли на ветру. – Мэри специально свалила в одну кучу завтрак, плохую погоду, гостей, чтобы Хемингуэй не смог отказаться от ее предложения.

–Конечно. – Сразу же согласился он, но спросил девушку. – Где вы считаете лучше позавтракать – в номере или ресторане?

–Как вы считаете лучше. – Просто ответила девушка.

–Да, позвольте мне вас представить моей жене, хотя Адриана с ней знакома. Мисс Мэри. – Юноша удивленно раскрыл глаза, – какая мисс, миссис Хемингуэй, но как воспитанный человек не стал уточнять этих деталей – узнает позже. – А это – Адриана. Помнишь, два дня назад ты ее в машине согревала и сушила?

–Конечно! Помню милую девочку, которая из-за твоих долгих сборов промокла до нитки. Тогда вы не простудились?

–Нет. У меня новый плащ. Непромокаемый, резиновый.

–Она графиня. – Подчеркнул Хемингуэй, будто Мэри этого не знала. – А вот кто юноша? – Он ждал ответа от Адрианы.

–Это мой брат – Джанфранко, или просто Франки. Он так хотел с вами познакомиться. Я не могла ему отказать в этом

желании.

– Я рад тебя приветствовать Джанфранко. – Обращаясь к нему на «ты» ответил Хемингуэй. Он, обычно, ко всем мужчинам после знакомства, сразу же обращался на «ты». Со стороны его слова могли показаться напыщенными, но это были обычные слова приветствия Хемингуэя к незнакомым людям. – Я скажу, чтобы завтрак подали сюда. – И он пошел к телефону.

Мэри про себя оценивала гостей: «Юноша – обыкновенный. Красив, как все итальянские мужчины. А его сестра... В ней что-то есть! Нос настоящей римлянки. Глаза черные, огромные, могут заговаривать потому, что в них светится ум. И фигура у нее ничего – худощава, но стройна. Одевается со вкусом. В ней что-то есть из героинь его произведений. Вот почему она произвела такое впечатление на Хема? Что ж, это в его духе». – Сделала она заключение о гостях, как опытная журналистка, умеющая с первого взгляда определять характер и глубину человека. Но в душе Мэри пожалела, что так быстро летит время и она не в возрасте этой девушки.

Мэри улыбнулась и начала, как всегда издалека:

– Такая скверная погода. Даже не хочется идти смотреть Венецию. Чем вы занимаетесь в такое время?

Брат и сестра, казалось, были застигнуты врасплох ее безобидным вопросом и Джанфранко ответил невпопад, но честно:

– Мы в такую погоду больше бываем в гостях, сидим с дру-

зьями в барах. Больше нечего делать в слякоть...

– Да. Правильно. В такую погоду ничего серьезного не может придти в голову. Надо с чувством и весело пережить непогоду. – Поддержала она молодого человека и обратилась к подошедшему Хемингуэю. – Все вопросы с завтраком решены?

– Да. Сейчас Ренато лично подаст завтрак. – Он внимательно посмотрел на брата и сестру. – Вы любите омаров на завтрак?

– Да. – Ответил Джанфранко. – Они хороши на завтрак. Только с вином... – Видимо, он недостаточно знал, когда и как употребляются омары, что заметил Хемингуэй.

– Вино будет. Виски тоже. Утром омаров обычно я не употребляю, но метрдотель сказал, что их только привезли и они еще живые. Пока они не заснули, я решил заказать их для вас. Вы не ловили омаров или лангуст?

– Никогда. Их нет возле берега. Они далеко в море. А я не рыбак. – Торопливо объяснял Джанфранко.

– А я ловил лангуст на Кубе. Знаете, какие они интересные, когда их только выловишь. Глазастые, и недовольно водят усами. Глядят на тебя так недружелюбно...

Раздался звонок и вошел метрдотель ресторана Ренато Корради, во фраке. Он всегда был одет с иголочки, как и положено метрдотелю. Это был его обычный рабочий костюм. Ренато считал, что на работе он должен выглядеть именно так. Следом за ним официант вкатил тележку с заказанными

блюдами.

Ренато с доброй улыбкой протянул руку Хемингуэю – короткое рукопожатие, чтобы ощутить близость и радость встречи. Они давно знали друг друга – тридцать лет назад, будучи мальчишками, вместе защищали эту страну. А восемь лет назад воевали уже друг против друга. Ренато, считал за честь лично обслуживать Хемингуэя.

–Здравствуйте, мистер Хемингуэй! – Приветствовал его метрдотель, который был немного старше Хемингуэя. На работе он не позволял фамильярства с друзьями.

–Здравствуйте, Ренато. Приглашаю выпить рюмочку. – Он знал принципы своего фронтового друга и не мог называть его на «ты», уважая его добросовестное отношение к работе. А тот был сегодня на работе.

Они искренне любили друг друга и были рады каждой встрече, даже короткой и деловой, как сегодняшний завтрак – два брата рода человеческого, вышедшие из войны.

–Я на работе. Пить на работе не полагается, да и запрещено.

–Знаю. Но, ну их всех к чертовой матери эти запрещения.

–Извините, Хем. Не могу. Я пришел только для того, чтобы пожелать вам доброго утра и приятного завтрака.

–Под непогоду любой завтрак приятен. А с моими гостями – вдвойне. Знакомьтесь.

Ренато, не дожидаясь представления гостей, поздоровался с ними:

–Здравствуй Адриана, привет Франки. – Коротко приветствовал он их.

Те в ответ кивнули.

–Вы с ними знакомы?

–Коренные венецианцы знают друг друга не только в лицо, но и по именам. – Кратко, но весомо ответил Ренато.

Увидев, что официант накрыл стол, Ренато решил не задерживаться в номере. Не в его правилах было мешать отдыху постояльцев, даже своих друзей.

–Я желаю всем приятного аппетита.

–Ренато! – Восхищенно ответил Хемингуэй другу – Вы лучший из метрдотелей Америки и Европы. Среди этих мастеров – вы гроссмейстер.

–Я всегда на работе. – Несколько чопорно ответил Ренато Корради и, поклонившись присутствующим, вышел с официантом, катящим перед собой пустую тележку.

Мэри никогда не одобряла дружбы Хемингуэя с первыми встречными, как она выражалась, – в данном случае, с метрдотелем – и поэтому во время их разговора, недовольно молчала. Теперь же гостеприимно произнесла:

–К столу. Время завтрака уходит.

–Мы завтрак продолжим до ужина. – Хрипловатым голосом засмеялся Хемингуэй.

Адриана чувствовало себя скованно в присутствии таких людей. А брат Джанфранко ничем не мог помочь – обычно самоуверенный и болтливый, он тоже растерялся в незнако-

мой обстановке. Хемингуэй понимал их состояние и старался, как можно быстрее снять неловкое напряжение за столом. Он знал, как это делается.

– Мартини и виски с содовой. Я думаю завтрак надо начинать так.

Он взял открытые бутылки и начал разливать вино в фужеры. Гости не возражали, только Мэри попросила:

– Мне одной содовой. – Она не препятствовала мужу хозяйничать за столом.

Адриана смотрела на пучеглазого омара, а он в ответ, кажется, глядел на нее недовольно, как лангуст, о котором недавно говорил Хемингуэй. И она, неожиданно для себя, выпила все мартини. Джанфранко выпил виски и заметно повеселел. Но пока все молчали, ждали, кто же начнет первым разговор. Начала, как всегда при приемах гостей, Мэри:

– Адриана, милая! Мне Эрни сказал, что ваш отец убит в войну. – Она тактично не подчеркивала, что его убили партизаны. – А как здоровье мамы?

Вопрос был безобидным, может банальным, но Мэри чувствовала, что ей вскоре придется знакомиться со всей семьей Иванчичей. Просто так, она бы не задала такой вопрос.

Адриана встрепелась:

– Все хорошо. Правда, ей пришлось много пережить после смерти папы. Но время притупляет душевные раны. Наша мама много молилась, чтобы бог простил грешную душу папе и наказал его убийц. Сейчас она почти успокоилась.

–Она католичка?

–Да.

–Впрочем, я могла бы не спрашивать. Италия – государство папы римского. Здесь все католики. Мы, с Эрни, тоже католики. А когда-то он был протестантом.

–Я, кажется, тебе и твоим родителям объяснил свою веру. Адриана, я такой же католик, как папа римский – буддист.

Адриана вежливо улыбнулась. Разговор за столом завязывался, и после второй рюмки она взяла ножку омара, к которому вначале не хотела притрагиваться. Джанфранко, от виски немного раскраснелся и начал выдавать вслух свои мысли.

–Это мама у нас соблюдает все обряды. У нас с Адрианой нет времени для них. Иногда, по праздникам что-то соблюдаем и мы.

Мэри, правоверной католичке, каковой она себя считала, было неприятно слушать откровения Джанфранко, и она снова перевела разговор на погоду.

–Когда мы уезжали с Кубы, там стояла ужасная жара. А здесь, такая сырость. Я говорила Эрни, что надо ехать в Венецию весной. Но разве его переубедишь. – Она ласково взглянула, на почему-то, недовольного Хемингуэя.

Адриана улыбнулась и Мэри поймала себя на мысли, что у нее привлекательная улыбка – скромная и загадочная. Хемингуэй, подтверждая ее слова, недовольно пробурчал:

–На Кубе всегда жара. – Он злился на себя за то, что не

может поймать нить разговора. Но неожиданно помог Жан-Франко.

— У нас в Италии, так мало современных американских автомобилей. Ваш новый «бьюик» производит на всех впечатление.

Хемингуэй самодовольно улыбнулся. Настроение его сразу же улучшилось:

— Я люблю большие машины. Из маленького автомобиля, открывается микроскопический вид. Мир и сам себе кажешься мелким. Маленький автомобиль сдавливает человека. Большой автомобиль дает чувство уверенности. Несешься, — любая стена не страшна!

— Ты со многими стенами и столбами познакомился, благодаря машине. — С улыбкой произнесла Мэри.

Она знала, что говорит. Благодаря автомобильной аварии в Англии, они поженились. Тогда Эрнест достаточно сильно разбился о столб. И ей пришлось, как сиделке, ухаживать за ним в палате. Бывшая жена посмеялась над его ранами и повязками, посчитав все не серьезным. А зря! Поэтому она сейчас и бывшая. А Мэри — настоящая жена и уже навсегда.

Хемингуэй гулко засмеялся. Мэри напомнила о многом.

— Действительно, не вспомнишь точно, сколько раз я разбивался на машинах. С тобой сколько раз?

Мэри подхватила его воспоминания. В нужный момент она могла подыграть Хемингуэю.

— Со мной, кажется, один раз.

– Два.

– Первый раз ты разбился без меня. Мы тогда были просто знакомыми, друзьями по работе. Но не супругами. Вы, знаете. – Обратилась она к гостям, как бы подводя итог разговора об автомобилях. – Он большой и ему надо большую машину. Как большому ребенку.

Все весело засмеялись, напряжение за столом спало совсем. А Джанфранко неожиданно спросил:

– Вы разрешите мне сесть за руль вашей машины?

– Несомненно! Ты можешь на ней ездить, когда я ею не пользуюсь. Только, с моим шофером. Мне нашли славного малого. Когда на Кубе я решил взять с собой автомобиль, то капитан потребовал, чтобы я слил бензин и масло. Ему, видите ли, не нравятся демократы, нарушающие инструкцию и путешествующие на своем автомобиле. А пароход оказался польским. Все, кто меня провожал, веселились в салоне. А раз ему не нравятся демократы, то я сказал в ответ капитану: «А мне не нравится твоя глупая рожа, и твой плюгавый польский пароход с именем литовского князя Ягайло». Так он совсем рассвирепел, приказал всем провожавшим меня немедленно покинуть пароход. А мы в ответ запели «Интернационал». Даже священник пел. Что он мог поделаться против такой песни! Но потом мы с капитаном подружились. Славный малый оказался. Любил ром, как старый кубинский пират!

Рассказ развеселил всех окончательно. Только Джанфран-

ко серьезно произнес:

–Я обязательно воспользуюсь вашим разрешением. Если доверите, то я могу быть вашим шофером. – Он поспешно добавил. – В свободное время. Я мечтаю о такой машине.

Но теперь Адриана никак не могла попасть в общее русло беседы и поэтому злилась на себя. Хемингуэй, обычно умеющий завести собеседников, конкретно к ней не обращался. Он был не такой, как на охоте – внимательный и с широкой душой. Наверное, их беседу сковывало присутствие Мэри. Но она его жена и он пригласил их на семейный завтрак. И тогда Адриана решила обратиться к Хемингуэю с просьбой. С ней, собственно говоря, она и шла к известному писателю.

–Я принесла альбом со своими рисунками. Не посмотрите ли их? – Произнесла она, тщательно выговаривая английские слова.

–Конечно же! – С поспешной радостью ответил Хемингуэй.

Он взял альбом и стал рассматривать рисунки. Они были выполнены вполне профессионально для восемнадцатилетней девушки.

–У вас несомненный дар художника. Я знаю, что вы еще пишете стихи?

–Да. Но они написаны на итальянском языке.

–А перевода нет?

–Нет.

–Даже подстрочника?

–Нет. Пока никто не взялся за перевод, а сама хорошо перевести на английский язык, не могу.

–Жаль. Я постараюсь найти вам переводчика.

–Спасибо. У меня к вам одна просьба. Не оставите автограф в альбоме?

–Конечно. Никаких проблем. Только какое пожелание вам написать? Не могу придумать. – Писать банальность не хотелось, пожелание от души – стеснялся Мэри.

Адриана, не понимая его состояния, неожиданно пришла на помощь.

–Оставьте просто автограф. Этого достаточно для меня. Все будут завидовать.

Хемингуэй внимательно, посмотрел на нее и произнес:

–Кто знает, девочка, что достаточно в жизни...

Он вздохнул и размашисто поставил свою подпись на первой странице альбома. Мэри, бдительно следившая за ним, обратила внимание на его обращение к Адриане – «девочка», так он называл только близких себе людей. В жизни ему всегда чего-то недостает. Все время хочет большего. Правда, он мечтал о дочери. У него же три сына. Как он хотел, чтобы у них была дочка! Увы, беременность оказалось неудачной и детей у нее никогда больше не будет. Она ощущала себя в этом мире, обделенной богом. И Мэри вдруг почувствовала себя очень старой, в сравнении с юной итальянкой. И она, как можно веселей, произнесла:

–Давайте поднимем рюмки за Адриану, будущего великого художника!

Может быть, в ее тосте была и ревнивая издевка, но никто не заметил – так искренне было сказано.

–И за поэта. – Добавил Хемингуэй, наливая себе в фужер виски, но уже без содовой.

Он выпил все. Но это у него в крови, пить до дна и помногу.

Хемингуэй заметно повеселел и начал рассказывать о сафари в Африке, фиесте в Испании, рыбалке на Кубе. Адриана внимательно его слушала.

«Она умеет слушать. – Сделала про себя вывод Мэри. – Мне стало не хватать этого качества в отношениях с Эрни».

Адриана действительно больше молчала. Ей неудобно было прерывать известного человека для уточнения чего-либо, да и Хемингуэй так интересно рассказывал. Жаль было расставаться с ним. Но завтрак и так растянулся до обеда. Хемингуэй решил проводить гостей и побродить по Венеции. Мэри отказалась выходить на улицу, сославшись на не прошедшую простуду. В провожании гостей было что-то печальное. Когда еще Адриане представится возможность встретиться с писателем?

Но сегодня она поймет, что встречи с Хемингуэем у нее станут частыми. Даже больше...

Только Джанфранко не был настроен элегически. Он конкретно спросил Хемингуэя:

–Можно с вашего разрешения сегодня сказать шоферу, чтобы он предоставил мне руль автомобиля.

–Можно!

Ради Адрианы, он был готов облагодельствовать ее брата. Он чувствовал в ней личное будущее.

И в этот вечер Мэри осталась в своем номере одна. В последние дни такое случалось часто, с тех пор, как графиня Иванчич с братом побывали на их завтраке. Нет, нельзя сказать, что Эрнест забыл о ней полностью, или даже частично. Кроме, так сказать, официальных приемов, она ходила вместе с ним на вечеринки, которые он устраивал для Адрианы и ее друзей на террасе ресторана "Гритти" или в каком-нибудь кафе. Там он вначале молчит, пока не выпьет в меру, а потом рассказывает им о своих похождениях и все громко и без меры смеются. Она замечает, что и сам Хемингуэй, как бы молодеет в их компании, становится, мальчишкой. Но он, все больше и больше времени, проводит с Адрианой. Отправляет жену в отель, а сам идет на прогулку с молодой итальянкой. Вот и сегодня он гуляет с ней по вечерней Венеции. А она одна находится в номере.

Но с ним произошли изменения в положительном плане. Мэри это радуется. Эрнест забросил все лекарства в ящик письменного стола и совершенно не принимает их. Но это не сказывается на его здоровье, он весел и подвижен. Он давно с таким упоением не работал над своими старыми рукописями. Доводит их до ума. А на уме у него мысль – написать новый рассказ, а может быть, роман. Сейчас ищет сюжет. Говорит, еще немного и он созреет в голове и захватит его

сердце. Неужели, Адриана дает ему импульс для работы? То вдохновение, которое она, его жена не может ему дать. Раз так благотворно она влияет на него, то пусть встречаются. Ее Эрнест очень осторожен. Он не любит разводить слухов вокруг себя. Более того, их боится и старается не давать повода желтой прессе для пересудов о своей семейной жизни. Да, она знает, как Хемингуэй боится огласки своих походов с женщинами. Два года назад в него влюбилась симпатичная кубинка, до умопомрачения. Так Эрнест отправил ее на лечение в психиатрическую больницу в Нью-Йорк. Подальше от Кубы, чтобы никто не знал. Но Мэри знает, только молчит.

Он лепит свой образ сам, и она должна помогать ему в этом. Так, чтобы он не заметил. Мэри создает законченный образ Хемингуэя. Ее имя в истории, должно стоять наравне с ним. Он должен написать новые произведения, которые превзойдут по славе прошлые. Мэри должна ему в этом помочь. Если она не дарит ему вдохновения, то должна создать все условия для появления и поддержания у него творческого вдохновения. Пусть даже с помощью Адрианы. Об итальянке забудут, как и обо всех его бывших подружках, как забыли об интрижках с Марлен Дитрих или Ингрид Бергман. Адриана никогда не сравнится с ними. Сохранится лишь имя жены, которая до конца жизни была с ним рядом. Сейчас необходимо, чтобы он создал что-то грандиозное. Пусть он погуляет с этой итальяночкой. Мэри терпеливая – все переживет, ради того, чтобы Хемингуэй обрел вдохновение.

Так рассуждала Мэри в одиночестве.

Но червь сомнения – правильно ли она все рассчитывает, грыз ее. Ему почти пятьдесят – Адриане восемнадцать или девятнадцать. При таком разрыве лет интрижка возможна, но брак – вряд ли. Эрнест говорил о противоречивости таких браков. Со стороны мужчины это коммерция, со стороны женщины – проституция или проявление жалости. К коммерции он неспособен, проститутку найдет везде, а жалости к себе никогда не потерпит.

И Мэри приходила к успокоительному выводу – для ее брака, Адриана не опасна.

Но все-таки? Билась и другая мысль. Есть же в мире ужасные примеры. Вот, например, Чарли Чаплин. Совсем недавно женился вновь. Ему, кажется, было тогда пятьдесят четыре, его новой жене – восемнадцать. Эрнест смеялся над стариком Чарли. А тот каждый год делает со своей юной женой по ребенку. Чем не пример? У них с Адрианой разница лет поменьше, чем у тех – Чаплиных. Не намного, правда. Да и Эрнест за последние пару лет стал не тем мужчиной, готовым при каждом найденном им красивом выражении, любить свою жену. Сильно сдал, поседел, погрузнел, не может жить без таблеток. Но, все же?... Надо начистоту поговорить с Адрианой, предупредить ее. Она, как женщина, должна быть разумнее в своих чувствах, чем Хемингуэй.

Так продолжала размышлять Мэри, готовая на все ради мужа, но только без потери его.

А в это время Хемингуэй и Адриана сидели в кафе «Флориан». За два часа прогулки по зимней Венеции они успели промерзнуть.

–Что ты желаешь выпить? – Хемингуэй посещение баров всегда начинал с употребления напитков. Он уже называл ее на «ты».

–Вы меня приучили к мартини. До этого я никогда его не употребляла. – Ответила Адриана и кивком головы откинула свои волосы на плечи.

–Еще раз сделай так, моя девочка? – Попросил Хемингуэй.

–Что?

–Также встряхни волосами, чтобы они летели, как ветер.

–Вам нравится?

–Очень.

–Не знаю, сумею ли я повторить. По заказу может не получиться.

–Попробуй еще раз.

Адриана опустила голову, и ее черные блестящие волосы полностью закрыли ее лицо. Она резким взмахом подняла голову, и волосы вновь заструились по ее плечам. Хемингуэй вздохнул и положил ей руку на голову и погладил волосы.

–Ни у кого я еще не видел таких волос. Послушных и жестких одновременно. Ни у кого.

–Вам действительно они нравятся?

–Да. Лет десять назад они нравились бы мне до безумия.

–Почему десять?

–Не знаю. Может быть, тогда я смотрел на все по иному.

–Через розовые очки?

–Нет. Наяву. Это сейчас я смотрю на мир сквозь розовые очки. К своему счастью, вижу в них тебя.

–Только меня?

–Только тебя. Других я в них просто не вижу. На прочих могу смотреть через обыкновенные очки.

–Это болезнь. Она пройдет.

–Пройдет. Только рецидивы останутся. Навсегда.

Официант принес два бокала мартини.

–Что ж, девочка, выпьем. – Устало произнес Хемингуэй.

–А почему у вас изменился тон?

–Пришла в голову дурная мысль. Подумал – многое недо-стижимое в жизни, почему-то уходит безвозвратно.

–Наоборот, всего можно достичь! – Воскликнула Адриана простодушно.

«Ей, в расцвете молодости, не понять, что жизненный опыт не приобретается. С этим качеством надо родиться. Я родился без него». – Подумал Хемингуэй и вслух сказал:

–Конечно, можно. Но оно все равно уйдет безвозвратно. Надо еще суметь и сохранить.

Адриана встречалась с ним уже три недели и часто не могла понять его рассуждений, ухватить их суть. Но она успокаивала себя тем, что Хемингуэй – человек с большим жизненным опытом, а она только постигает азы жизни. С ним

говорить очень сложно, надо многое самой знать.

– Не надо говорить, так пессимистически. Плохое настроение когда-нибудь проходит. Давайте выпьем мартини.

– Спасибо, девочка, что умеешь успокаивать. Действительно пора выпить.

Адриана выпила свой бокал до дна. Хемингуэй внимательно смотрел на нее.

«Не приучить бы ее к алкоголю. Мне, старому пьянице, уже все равно. А ей еще жить». – Мелькнула усталая мысль, и он выпил весь бокал.

– А теперь от вина стало легче? – Спросила Адриана.

– Легче – нет. Теплее – да. От твоего присутствия, девочка, теплее.

Эти полупризнания Хемингуэя, обезоруживали Адриану. Она чувствовала, что нужна ему, но не понимала для чего. Но она не старалась разгадать, почему нужна человеку, почти в три раза старше ее. Она чувствовала себя обязанной, чем-то помочь этому не простому человеку, с изломанной судьбой. Его судьба не казалось ей, как раньше, безоблачной.

– Вы мне скажите все, что хотите, и вам станет легче. – С долей сострадания попросила она.

Он уловил интонации ее голоса.

– Жалеть людей нельзя. От жалости люди становятся медузами. Но спасибо тебе за то, что хочешь мне помочь.

Он часто говорил афоризмами, которые Адриана не могла понять. Она их старалась запомнить, чтобы разобраться

на досуге, но не получалось, а многое из сказанного им, забывала.

«Не доросла еще до понимания простых истин». – Снова успокаивала Адриана себя.

–Уже поздно. Тебя не будут ругать дома?

–Нет. Мама знает, с кем я.

Хемингуэй вздохнул. «Счастливая! О ней кто-то переживает. И я теперь стал переживать за нее».

–Давай я тебя отвезу домой на гондоле?

–Вода в каналах поднялась, и лодка может не пройти под арками.

–Раз гондольеры работают, то они знают, где им проходить.

–Хорошо. Поедем на гондоле.

Хемингуэй подозвал официанта:

–Возьмите для нас гондолу и положите туда вино.

–Какое желаете синьор Хемингуэй? – Уточнил официант.

–Да. Действительно. Что бы нам взять в дорогу? – Обратился он к Адриане.

–На улице холодно. Пусть будет мартини.

–Сухое мартини.

Он протянул официанту деньги. Тот в ответ отсчитал сдачу и ушел.

–Ну, что пойдём, девочка. Посмотрим на Венецию с воды. Со студеной воды, на горячую Венецию. Мы ее будем видеть, она нас – нет. – Уточнил Хемингуэй.

– Вас здесь все знают. Венеция все равно будет смотреть на нас. Никуда от нее не скроешься. – Ответила Адриана.

– Наоборот. Это я знаю Венецию, а не она меня. Спрячемся от нее в темноте каналов.

Они вышли на улицу. Большой канал был рядом, через дорогу.

«Ветер дул им в спины и трепал волосы девушки. Ветер разделил волосы на затылке, и они улетели вперед, прилипая к щекам». – Мелькнула в его голове фраза. Кажется, из его же произведения.

У деревянного причала канала стояла гондола, освещаемая огнями, падающими из домов. В их свете гондола казалась черной, а промерзшая на морозе вода канала – зеленой.

«Какая красивая гондола! Изящество и соразмерность линий, как у призовой лошади. Почему я раньше не замечал ее красоты? – Подумал он. – Наверное, не с кем было сравнить лошадь».

Он вошел в лодку, которая закачалась под его ногами, и подал руку Адриане. Она прошла в гондолу и остановилась, раскинув руки, удерживая равновесие. Ветер развивал волосы Адрианы, и она была похожа на языческую статую. Такие статуи древние мореходы устанавливали на носу судов, как своих покровительниц и впередсмотрящих. Огромные глаза, казавшиеся в темноте еще большими, и прямой античный нос, делали Адриану похожей на языческую богиню.

«Она похожа на нее не только лицом. Она может, не толь-

ко защищать от бурь, но и вдохновлять иссохшие бродячие души, жаждущие увидеть такой желанный берег». – С тоской подумал Хемингуэй.

Официант принес вино в ведерке и поношенное одеяло.

–Хозяин просил передать вам вино в подарок, синьор Хемингуэй.

–Передайте ему большое спасибо. Но я не могу принять такой подарок.

–Он сказал, что в такую погоду, при прогулке по воде, подарок греет душу лучше, чем что-то приобретенное за деньги. Заходите к нам чаще, синьор Хемингуэй.

Хемингуэй достал из кармана деньги и положил купюру в руку официанта.

–Возьмите за вино.

Тот сразу же вернул деньги обратно.

–Не надо. Это наш подарок.

–Тогда возьмите, как чаевые.

–Вы мне уже дали на чай.

–Тогда жене и детям купите подарок.

–У меня, их нет. Ваши бомбардировщики разбили мой дом в Тревизо. Я остался один живым из семьи потому, что был на фронте.

–Извините меня. От всех летчиков и солдат.

–Вы здесь ни при чем. Все мы тогда были пешками.

–Все равно извините.

–Пожалуйста, извиняю. Но разве это поможет... Отды-

хайте. Счастливо, синьор Хемингуэй. Приятной прогулки, сударыня.

Настроение после разговора с официантом упало.

«Везде война! – Подумал он. – Когда мы о ней забудем. Надо быстрее забыть об официанте».

Он прошел к носу гондолы, снова закачавшейся под его весом.

–Куда мы поедем? – Спросила Адриана.

–Попроси гондольера, чтобы он час покатал нас там, где ему удобнее. Не хочется его мучить на таком ветру.

–Пусть он выгребет на большую воду, а там я ему скажу, куда нас везти. Хорошо.

–Хорошо.

Адриана по-итальянски сказала гондольеру. Тот сразу же загорланил песню, накренил лодку, чтобы было легче грести, и гондола отошла от причала.

Они сидели в темноте, прижавшись друг к другу. На душе Хемингуэя, после разговора с официантом, было мутно.

–Достань бутылку, выпьем вина.

–Вам снова стало плохо?

–Плохо.

–После разговора с официантом?

–И после него тоже.

–Неправда. До него вам было хорошо. Он сказал о войне, и я заметила, что вы сразу же изменились.

«Она умеет чувствовать меня. – Подумал Хемингуэй. –

Давно меня так никто не чувствовал».

Он обнял ее за плечи. Адриана склонила голову ближе к нему. Повернувшись к ней, нежно, чего давно не наблюдал за собой, поцеловал ее в губы. Впервые за время их встреч.

–Спасибо тебе, девочка. А сейчас подай вино.

Она протянула ему ведро с вином. Бутылка была откупорена предусмотрительным официантом и вновь заткнута уже обыкновенной винной пробкой. В ведре находились пластмассовые стаканчики. В темноте, стараясь не пролить мимо стакана, Хемингуэй налил вино.

–Выпей, девочка. Это помогает от всех недугов – печалей и страхов.

–У меня, их нет. Я с вами делаю то, чего не следует делать.

Она выпила вино и положила стакан в ведро. Хемингуэй выпил свой стакан, и молчал.

–Холодно. Укройте меня одеялом и обнимите. – Впервые попросила его так Адриана.

Хемингуэй, также молча, развернул одеяло и укрыл ее, почти лежащую на дне гондолы. Гондольер, крепкий парень в толстом синем свитере, продолжал горланить песню для своих пассажиров.

–Скажи ему, девочка, чтобы он перестал петь, а то горло простудит.

–Пусть поет. Так романтичнее. Или нет! Раз вам не нравится, я скажу ему, чтобы он прекратил петь.

–Раз тебе нравится, то пусть поет. Не говори ему ничего.

Я очень люблю итальянские песни.

–Вам снова плохо. Вы снова что-то вспоминаете. Войну?

Голос у нее был ласковый и низкий, как звук виолончели Пабло Казальса. Он шел откуда-то изнутри, но не из тела, а из темноты воздуха. Так казалось Хемингуэю.

–И ее тоже.

–Говорите мне о ней, и вам станет легче. А может, еще выпьете?

–Выпью. А ты будешь, девочка?

–Пока нет. Я согреваюсь под одеялом, не хочется высываться наружу.

–Ну, тогда выпью я.

Хемингуэй взял бутылку и прямо из горлышка стал пить. Вино булькало в его горле, и эти утробные звуки слышала Адриана. Наконец, он поставил бутылку обратно в ведерко и лег рядом с ней на дно гондолы.

–Укройтесь одеялом. – Она раскрыла край одеяла, и ветер приподнял его. – Как холодно! Быстрее!

Хемингуэй закрылся одеялом по пояс.

–Молодец, официант. Знает, что нужно для сегодняшней прогулки. Только, все равно, жаль его. – Горько вздохнул он.

–Я видела эту войну. А ты нет. Не успела родиться. Расскажите мне о ней.

–Счастлив тот, кто не видел хотя бы одной войны. Я видел три. Одну в Испании. – Уточнил он. – Для меня она была второй.

–И какая страшнее?

–Все страшные. Страшно, когда убивают чужих людей, еще страшнее убивать своих.

–Где?

–В Испании.

–Там были итальянские солдаты.

–Были. Там много всяких солдат было. И убивали они испанцев и друг друга. Война – проститутка. На ней наживаются только сутенеры, остальные только теряют. Кто все, вплоть до жизни, кто души. От войны остаются калеки. Одни без рук и без ног, другие без головы.

–Как это без головы?

–Например, я. Голова остается больной на всю жизнь. В нее, как в дырявую лодку вода, лезут ненужные мысли. И они же в ненужный момент выплескиваются обратно. Человек, побывавший на войне – больной человек. Его уже ничем не вылечишь.

–Я видела войну. Я тоже больной человек.

–Да. Тоже больной. Пока ты не замечаешь своей боли, но когда вырастишь, она станет невыносимой. Тогда будет очень тяжело.

–Обнимите меня? Холодно. Пусть моя боль меня дольше не беспокоит.

–Пусть.

Хемингуэй обнял ее, ощущая молодое, гибкое, наполненное свежим женским соком, тело и глубоко вздохнул. Он

чувствовал себя рядом с ней очень старым и больным не только телом, но и душой. Ему нравилось ее обнимать. О большем, он не мечтал! Адриана очищающе действовала на него. Он снова поцеловал ее долгим нежным поцелуем, в котором соединялась отцовская любовь и чистота влюбленного. Она первая оторвалась от его губ.

–Задохнусь.

–Я тебя приведу в чувство. Так можно задыхаться. Это не опасно для жизни.

–Я так хочу задыхаться с вами много-много раз. Но, с условием, чтобы вы приводили меня в чувство. Давайте выпьем вина? Чтобы ушло мрачное из головы.

–Уже ушло. Ты молодец, моя девочка. Никто так не может выводить ненужные мысли из головы, как ты. Давай за это выпьем.

Хемингуэй привстал в гондоле, влажный порыв ветра ударил ему в лицо и снова проник внутрь одеяла. Он аккуратно прикрыл им Адриану, – его девочка не должна страдать из-за него. Налил в стаканы вино и протянул Адриане.

–Возьми, девочка. Давай ни о чем не вспоминать.

–Слушаюсь. – Она рассмеялась. – Видите, я научилась говорить у вас, коротко и ясно. Не будем больше вспоминать.

Они выпили вино, и Адриана спросила:

–Куда мы едем?

–Не знаю. Ты же сказала, что будешь указывать ему дорогу.

—А он поет и ничего не видит!

—Он все видит и поэтому поет. Скажи ему, куда хочешь ехать.

Адриана подняла голову и крикнула гондольеру:

—Эй, бамбино!

Тот повернул в их сторону лицо, с выражением, будто впервые видит их в своей гондоле, и перестал петь. Он действительно ничего не видел. Видеть не входило в его обязанности.

—Ближе к Сан-Марко.

Гондольер поднял руку вверх, — все понятно, и снова запел, с отсутствующим лицом.

Они лежали на дне гондолы и смотрели в темное небо, закрытое тучами. Он положил ей руку под голову, чтобы удобнее было лежать. Она положила свою руку ему на грудь, так надежнее. Над ними проплыла низкая арка моста.

—Видишь? — Тихо сказал Хемингуэй. — Не все мосты затоплены.

—Они не могут быть затоплены никогда. Наши предки знали, как строить.

—Предки всегда умнее потомков.

—Почему?

—Потому, что они знают свои ошибки и учат своих детей не повторять их. Но, видимо, плохо учат. Человек обречен повторять ошибки предыдущих поколений. Чем больше поколений, тем больше ошибок. Поэтому предки умнее потом-

ков.

–Почему человек повторяет прошлые ошибки?

–Он не может жить без ошибок. Без них, жизнь не интересна.

–Не надо говорить пессимистично. В мире все прекрасно!

–Да. Пока ты не думаешь об этом мире.

–Давайте думать о себе...

Она приподнялась над ним и поцеловала его. Впервые сама.

–Как хорошо думать о себе...

Гондольер перестал петь, и они почувствовали, как лодка ударилась о причал.

–Прибыли.

–Да. Уже поздно и мне пора домой.

–Сейчас идем.

Он встал, помог Адриане подняться. Одеяло и ведро с недопитым вином остались в гондоле.

–Скажи малому, чтобы отвез все обратно.

–Сейчас. Отвезешь все обратно в «Флориан»! – сказала Адриана гондольеру.

–Си. – Ответил тот, улыбаясь.

Он помог выйти Адриане и Хемингуэю из гондолы. Хемингуэй расплатился с ним, а гондольер весело говорил что-то по-итальянски, видимо, желая им дальнейших успехов. Но Адриана не перевела его слова.

Они вышли на Пьяцетту и пересекли мощенную булыж-

никами, холодную площадь. Зимний ветер снова разметал волосы Адрианы по лицу. Она пыталась их удержать рукой, но это не удавалось.

— Не держи их. Пусть они летят впереди нас.

Адриана послушно опустила руку. Они шли по площади, тесно прижавшись к друг другу.

— Вот место, где немец стрелял в голубей... — Промолвила она.

— За это мы его, наверное, убили. Или повесили. А если не его, то его брата или отца. Кто знает? Но точно, что-то нехорошее для него сделали.

— Не надо вспоминать. Я случайно об этом вспомнила.

— Да. Все мы варвары. В войну для нас нет ничего святого. Во время мира мечтаем о реванше.

Они подошли к большому дому. Оставалось только дернуть ручку звонка или отпереть дверь своим ключом.

— Поцелуйте меня на прощание?

Хемингуэй осторожно прикоснулся губами к ее щеке.

— До завтра, девочка.

— До завтра.

Они не назначали место и время свидания. Они знали, что встретятся. Адриана вынула из сумочки ключ и отперла им дверь. Через мгновение, махнув ему рукой, исчезла в темном проеме дверей. Хемингуэй остался один на брусчатке площади. С ним были только истертые камни мостовой.

Под пронизывающим северным ветром, он отправился в

«Гритти» пешком.

До обеда Хемингуэй, как всегда, занимался литературной работой. Последние десять лет работать в первой половине дня над рукописями стало его железным правилом. Когда-то давно, на заре своей писательской деятельности, он мог писать по двадцать часов подряд, с небольшими перерывами. Сейчас писательскому труду он посвящал только утреннее время. Вообще-то, он печатал на пишущей машинке, стоя. Но здесь машинки не было, и он писал от руки, сидя в постели. Изредка писал за столом. Сейчас он продолжал писать книгу о войне на море, которой не дал пока названия и правил старые рукописи. Но Мэри чувствовала, что он находится в состоянии, когда готов приняться за совершенно новую работу. Но, видимо, не созрел у него до конца замысел новой книги, не прочертил в уме сюжетную канву нарождающегося романа. А роман о море, он писал давно, и конца ему не было видно. А Мэри хотелось, чтобы он взялся за что-то совершенно новое. Но пусть пока работает над романом о войне на море. Он почти каждый день выполняет свою норму, которую давно поставил перед собой – пятьсот слов в день. Еще недавно, на Кубе, он постоянно не дотягивал до нормы и мог несколько дней не писать.

Удивительно, но сейчас, встречаясь с девушкой, годящейся ему в дочери, он просто расцвел. Теперь Мэри всерьез

беспокоила проблема, – а может это не увлечение Эрнеста, а что-то более серьезное? От мысли, что она может оказаться лишней, по ее телу пробежали холодные мурашки. Эрнест проводит с Адрианой каждый вечер, и она замечала, какими влюбленными глазами он на нее всегда смотрит. На Мэри он так давно не смотрел. Надо бы поговорить начистоту с графиней, у которой был титул, но не было автомобиля, понять ее. А то, может, и она серьезно увлечена Папой. Но Мэри чувствовала по Эрнесту, что у него отношения с графиней не зашли слишком далеко, может только до поцелуев. Она хорошо знала темперамент своего мужа – пока у него с графиней до серьезного, не дошло. Надо постараться оставить Эрнеста в состоянии влюбленности, не допустить большего. Он и в этом состоянии способен на многое. Пока надо его с графиней разлучить. Конечно же, временно. Разлука стимулирует творчество. Потом, пусть опять встретятся. Чтобы ей не оказаться лишней, следует дать Эрнесту, хотя бы краткую передышку в его увлечении.

И Мэри осторожно, чтобы не помешать работе Эрнеста, спросила:

–Сегодня мы куда-нибудь идем или ждем гостей?

Хемингуэй оторвался от рукописи и снял очки.

–Гостей пока не ждем. А вечером, забыл тебе сказать, встречаюсь с молодыми людьми, друзьями Адрианы. Они просили меня рассказать о корриде.

–Ты им, наверное, все рассказал, что знал, и что мог вы-

думать.

—Я никогда не смогу рассказать всего, что знаю. Кроме молодежи, там будет греческая графиня Аспазия...

—Снова графиня! Уже греческая. Мне уже все бароны и графы стали надоедать. Тебе еще нет?

—Мне тоже порядком надоели, но они хорошо нас принимают.

«Особенно графиня Иванчич». — Про себя съязвила Мэри, но этого вслух не сказала.

—Я знакома с Аспазией. Где она взяла такое имя? Неужели, намекает своим именем, что у нее в любовниках Сократ?

—Потом он станет ей мужем. Так, в крайнем случае, гласит греческая история.

—Хорошо пойдем на встречу с молодежью и греческой графией. А кто будет платить за стол?

—Наверное, граф Франчетти. Его дочь предложила встречу.

—Хорошо, Эрни. Скоро февраль, а мы так и не успели по хорошему покататься на лыжах. К середине февраля, не говоря о марте, снег совсем сойдет. А мне так хотелось прокатиться с гор. Поедем в Кортина Д'Ампеццо и захватим хоть немного снега.

—Да. Давай поедем. Но только после праздника Святого Стефана. Маскарад в Венеции нельзя пропустить. Лучшего карнавала, чем в Венеции, я еще не видел. В Бразилии и, вообще в Испанской Америке, карнавал празднуют слиш-

ком открыто и натуралистично, без выдумки. А здесь столько сюрпризов и тайн, что голова кругом идет.

– Это не проблема. Мы сможем в Венецию вернуться на пару дней, на праздник. Больше, я думаю нам не надо.

– Да. Можно будет вернуться сюда на неделю. – Быстро согласился Хемингуэй, чего от него не ожидала сейчас Мэри. Обычно увлеченный чем-нибудь он не обращал на ее мнение большого внимания.

– Когда поедет в Кортина? – Конкретно спросила Мэри, чтобы муж впоследствии не мог отказаться от принятого решения.

– Давай через неделю.

– Хорошо.

И Хемингуэй снова углубился в свою рукопись. А Мэри еще больше утвердилась в своем желании, поговорить, если не начистоту, то, как можно доверительнее с Адрианой.

Барон Франчетти снял небольшой банкетный зал в ресторане «Джирос». Приглашенных было человек десять, в основном, друзья его дочери Афдеры. Была греческая графиня Аспазия, с которой хотел встретиться Хемингуэй и рассказать о корриде. Они познакомились перед войной. Встречи за прошедшие годы были редкими. И вот, сейчас, случайно, Хемингуэй и Аспазия встретились в Венеции. Графиня Аспазия, была красива на лицо, несмотря на свои сорок лет. Но фигура, как часто бывает у гречанок, соприкоснувшихся с кровью Востока, к этому возрасту заметно располнела. Все

же она оставалась привлекательна зрелой женской красотой. Афдера Франчетти попыталась сесть за обеденным столом, накрытым красной скатертью, рядом с Хемингуэем, но ей это не удалось. По обе стороны оказались греческая графиня и ее папа – итальянский барон, рядом с которым сидела Мэри Хемингуэй. Афдере пришлось довольствоваться соседством с Аспазией. Афдера была покорена известностью великого писателя, и ей очень хотелось, чтобы Хемингуэй, хоть строчкой оставил ее в каком-либо своем произведении. Он же пишет, кроме художественной литературы, публицистику, где называет персонажей своими именами. Может там найдется местечко для ее имени. Она была влюблена в писателя Хемингуэя.

Адриана с братом Джанфранко сидели вдали от Хемингуэя. Она понимала, что места рядом с Хемингуэем принадлежат тем, кто организовал эту встречу. Что ж, пусть посидят с ним другие. Она видит его и беседует с ним почти каждый день, к тому же, наедине. Не каждому, из сидящих сейчас за столом, такое дано.

Как обычно, Хемингуэй предложил начать ужин с виски. Ему не возражали. Все привыкли к тому, что он выпивает достаточно много, и в основном, крепкие напитки. Сегодня он должен рассказать о корриде и, как поняла Адриана, для такого рассказа нужно вдохновение. А что, как ни виски, дает вдохновение. Но потреблять его в таких дозах.... Адриана, встречаясь с Хемингуэем, видела, что он много пьет, и

пришла к выводу, что алкоголь ему заменяет лекарство. После его приема он становится более уверенным в себе. Да, несмотря на свою молодость и незнание психологии, Адриана стала понимать психическую сторону выпивок Хемингуэя. Другие же могли увидеть в Хемингуэе, алкоголика. Но у Адрианы сладко замирало сердце, когда Хемингуэй с поднятой рюмкой, молча обращался к ней и пил за нее. Другие не понимают его действия, не видят, что он в этот момент молча говорит только к ней. В его молчаливом обращении было что-то ритуальное, многозначительное и непонятное. Но как все романтично! Недаром, так тревожно-сладостно замирает ее сердце от неизвестности будущего. Пусть он чаще наливает в свой бокал вина или виски, пусть такое состояние у нее длится как можно дольше. Как приятна восемнадцатилетней девушке такая неопределенность! Какие романтические мечты она порождает! И как страшно... Но об этом Адриана старалась не думать.

Мэри за столом больше молчала. Вниманием Хемингуэя овладели графиня Аспазия и барон Франчетти. Афдера, в редкие мгновения не занятости Хемингуэя разговором, пыталась обратиться к нему. И он ей коротко отвечал. Но главное внимание Хемингуэй уделял Аспазии, с которой не виделся много лет. Мэри понимала, что сейчас не она здесь главная фигура и скромно молчала, изредка отвечая на любезности барона.

Зоркая Аспазия не могла не заметить, что Хемингуэй ча-

сто бросает взгляды на Адриану и поднимает рюмку в ее сторону, как бы приветствуя ее. На правах старой дружбы, она спросила об этом Хемингуэя прямо и открыто. Для такого вопроса у нее были все основания, заложенные прошлыми встречами:

–Что это за девушка, на которую ты постоянно смотришь, Папа?

Хемингуэй склонился к ее уху и прошептал:

–Эта девушка – мое вдохновение.

Аспазия сразу же все поняла:

–Тебе, как всегда, необходимы вино и женщины. Только в них ты находишь себя и свое вдохновение.

–Ты права, как и десять лет назад. Мне они необходимы, как автомобилю бензин. Своего горючего давно не хватает. Нужна принудительная подпитка.

–У тебя хороший вкус сохранился до старости. – С улыбкой одобрила его новый выбор Аспазия.

Видимо, она не испытывала к Хемингуэю чувство ревности – их любовь осталась в прошлом. Но осталась. Вернее, законсервировалась. И вряд ли кому-то из них нужна любовь десятилетней сохранности. Любовь всегда свежа. И они оба это прекрасно понимали. А ревность – дурной запах от прошедшей любви. Поэтому не стоит глубоко ворошить прошлое – им надо уметь ностальгически наслаждаться.

–Ты снова права, графиня. Люблю все качественное.

И Хемингуэй неудержимо засмеялся от своих слов. Ас-

пазия тоже засмеялась. В этот раз на его смех последовала только улыбка, сидящих рядом. Чтобы все смеялись – надо, чтобы все слышали, что сказано. А никто не слышал его перешептывания с графиней.

Но их разговор слышала Мэри. Каким-то особым женским чутьем она разобрала, что говорил Хемингуэй гречанке. И у нее впервые открыто шевельнулось чувство ревности. Но не к Аспазии, – она для Эрнеста пройденный этап, а к итальянской графине, открывающей новый этап его вдохновения. Мэри напряглась и ее остренькое лицо, еще более обострилось.

«Этап вдохновения – хорошо! Но, а если у него открылся новый этап другой любви? Не моей? – Тревожно подумала она. – Надо позже все, как следует обдумать. А сейчас следует оставаться женой писателя».

Она осторожно приподняла глаза и посмотрела на Адриану. Но та говорила с соседом по столу. Но словно почувствовав ее взгляд, Адриана посмотрела на Мэри. Их глаза встретились. Может быть, в первое мгновение Адриана увидела в них открытую вражду. Но Мэри быстро взяла себя в руки и улыбнулась девушке, растопив тем самым подозрения в недоброжелательном отношении к ней. И Адриана улыбнулась ей в ответ. Жена и дочь – одинаково любящие своего мужа и отца и понимающие друг друга.

«Она все понимает. – Подумала Адриана. – У нас с Хемингуэем чистые отношения».

«Надо серьезнее присмотреться к их отношениям. – Подумала Мэри. – Она ребенок по возрасту, он ребенок по характеру».

И они снова улыбнулись друг другу.

–Папа! Ты обещал рассказать о бое быков. – Громко сказала Аспазия. – Может пора приступить к корриде?

Хемингуэй ответил сразу же, не стал ждать дальнейших уговоров.

–Корриду надо видеть. Рассказывать о ней, тоже самое, что пить чай вместо вина. А во время корриды все пьют перно. Только это вино может одновременно возбуждать душу и охлаждать мозг. Перно незаменимо во время корриды...

–А сама коррида?

–Чтобы увидеть красивый бой матадора с быком надо не покидать корриду ни на минуту. Придти первым к началу схваток и уйти последним из цирка. И так каждый день. Только тогда можно увидеть один-единственный, действительно захватывающий всего тебя, бой. А то можно уйти разочарованным после одного-двух боев. Останется в памяти глупое выражение недоумения на морде быка – зачем его вывели на арену? Оставьте меня в покое! Даже, когда быка мучениями доводят до бешенства, он борется за то, чтобы его оставили в покое. Быки от природы не драчуны. Они жаждут спокойной жизни.

–Вы все о быках. А как тореадоры?

–Матадор – убийца и самоубийца. Одновременно, в од-

ном лице. Матадорами становятся люди, склонные к самоубийству, в первую очередь. Убийцами они становятся позже, по обязанности. Нормальный человек, без знаменья рока, никогда не выйдет на арену. Поэтому из многих мечтающих быть тореадорами, только единицы несут на себе печать рока. Они и становятся лучшими матадорами. Они жаждут быть убитыми на глазах народа. А, если так не получится, то хороший и уважающий зрителей матадор, убьет себя наедине с собой.

–Мрачно, мистер Хемингуэй. Вы никогда не станете матадором. В вас нет рока. – Громко прервала его Аспазия. – Ты никогда не сможешь выйти на арену для боя с быком. – Добавила она.

Наверное, Аспазия знала, как можно завести Хемингуэя, раз так говорила. И, кажется, она добилась своего.

Хемингуэй перевел взгляд на Адриану, словно ища у нее поддержки. Та ободряюще улыбнулась ему в ответ, – все правильно. Но, что правильно, она не знала. Но улыбнулась. Последнее время она не могла возражать Хемингуэю и замечала это за собой. Неужели, начинала подчиняться его воле?

Хемингуэй, смотрел на нее, криво усмехаясь. Мэри перехватила их взгляды и потупила взор. Аспазия щедро улыбалась, переводя хитрый взгляд с Хемингуэя на Адриану. Она все понимала. Мэри подняла голову и сказала:

–Эрни, может ты расскажешь, как сам сражался с быком и не станешь говорить о роке?

И тут у Хемингуэя, улыбка резко пропала, словно стер ее набежавший ветер. Он зло произнес, глядя на Мэри:

— Не бойтесь мисс Мэри. Рок довлеет только над тем, кто не умеет его подчинить себе.

Но, услышав слова Мэри о том, что Хемингуэй сражался с быком, гости зашумели. Барон Франчетти выразил их желание словами:

— Дорогой Эрнест! Так расскажите, как вы были тореадором? Все заинтригованы.

Хемингуэй поймал глазами взгляд Адрианы. Но та смотрела на него растерянно. Она знала, что Хемингуэй любит рассказывать о своих блестящих победах. А там, вряд ли была победа.

Хемингуэй понял причину ее растерянности. Она боится, что в бою с быком он не смог победить и нельзя об этом рассказывать.

Он ободряюще улыбнулся Адриане, и кинул недовольный взгляд на Мэри, — спровоцировала его на этот рассказ. Медленно растягивая слова начал:

— За несколько часов до настоящей корриды на арену выпускают молодого вола или годовалого теленка. Каждый зритель может сразиться с ним. Их выходит на арену одновременно несколько сотен, и все злят бычка. Тот не знает, куда от них деваться. Однажды мы поспорили с друзьями, что я завалю быка руками. Как раз на арене находился молодой вол. Пришлось долго отбивать его у толпы, чтобы он обра-

тил на меня внимание. Наконец, мне удалось схватить его за рога, и началась борьба. Даже толпа затихла, наблюдая за нами. Бычок был силен, но я повалил его на землю. Торсида вопила от радости. Американец справился с быком! Такого раньше не видели... На испанца бы не обратили внимания.

–А быка вы убили? – Восторженно задала вопрос Афдера, ловившая влюбленным взглядом, каждый его жест и слово.

–Нет. Я же был без шпаги. А бык поднялся и с обиженной мордой, жалобно мыча, побежал от меня прочь, помахивая хвостом. Наверное, сильно оскорбился. – Пошутил Хемингуэй и засмеялся первым. За ним весело захохотали другие.

Хемингуэй был доволен положительной реакцией зрителей, но все же с неодобрением смотрел на Мэри, которая вынудила его на такой малоинтересный рассказ о себе. Он подзвал к себе официанта и, смеясь, приказал:

–Уберите все со стола, я возьму скатерть. Она красная, как мулета. Друзья! Давайте выпьем, и я покажу вам приемы матадора.

–У-у! – Радостно зашумели гости, особенно молодежь. Всем хотелось увидеть приемы боя с быком.

Хемингуэй схватил рюмку виски и залпом выпил до дна. Мэри поняла, что муж разошелся не на шутку, и попыталась его урезонить.

–Эрни! Здесь не арена для боя быков...

Хемингуэй обвел взглядом гостей и победно взглянул на Мэри. Все они хотели увидеть действия настоящего матадо-

ра.

–Самый лучший рассказ никогда не заменит увиденного. Мне нужен бык. Кто желает им стать?

Он поглядел на Адриану, но она смущенно отвела глаза в сторону.

«Не надо девочку выставлять на посмешище. – Запоздало пожалел Хемингуэй о своем предложении. – И так все видят, что мы много времени проводим вместе. Жаль, что нельзя мне выйти с ней на арену».

К нему подскочила Афдера:

–Папа! Я могу быть быком! Что делать?

«Бедная девочка. – Подумал о ней Хемингуэй. – Вбила себе в голову, что я могу увлечься ее молодостью. Эх, молодость! Как ты была бы мне сейчас нужна! Но, к счастью, Афдера, не в твоём лице».

И ответил:

–Спасибо, Афдера. Но я не могу тебя сейчас обучать поведению быка. Нет времени. Нужен знающий человек.

Он увидел, как Мэри неодобрительно смотрит на него. Теперь она не поддерживала его затею. И это его неожиданно обозлило: «Она поставила целью контролировать все мои поступки. Никуда от нее не денешься!»

И он медленно произнес, обращаясь к ней:

–Мисс Мэри! Ты будешь быком!

Его слова прозвучали не как просьба или предложение, а как приказ или команда.

У Мэри кровь бросилась в лицо от такого оскорбления. Она склонила свою головку с остреньким птичьим носом и приготовилась резко ответить своему мужу. Но не успела. В голове пронеслась мысль:

«Раз он хочет унижить меня, значит ему так надо. Не ради Аспазии. Нет! Ради итальяночки. Ну, что ж? Пусть она посмотрит на необузданного Хемингуэя. Поймет, что с ним невозможно жить нормальной женщине. Пусть увидит, как он из покладистого мужчины, может стать деспотом в семье».

И Мэри улыбнулась всем присутствующим одновременно, приняв условия игры своего мужа:

—Браво, Эрни! Кто еще лучше меня сможет изобразить быка! Я видела корриду и видела, как ты часто с друзьями репетировал бой с быком. — Все-таки уколола она его. — Где мне лучше встать?

—Посредине зала. А остальные сядут возле стен, и получится настоящая арена для корриды.

Аспазия с бароном сели в углу зала. Адриана и Афдера расположились у противоположных стен зала. Так Хемингуэй будет ближе к ним и отсюда лучше видно.

Хемингуэй вышел на середину зала и взмахнул скатертью, как мулетой. Он произвел несколько подготовительных движений, как настоящий тореадор. Хемингуэй уверенно владел своим телом, ловко поворачивался своей внушительной фигурой на месте, производя при этом наклоны туловищем в

разные стороны. Но удивительная метаморфоза происходила с его лицом, – оно напряглось, становясь, все более и более суровым, а взгляд острым. Он входил в роль тореадора. И вот он стал настоящим матадором. Хемингуэй взглянул на Мэри, которая стояла напротив, и была готова в роли быка броситься на него. Объект для игры присутствовал. Тогда Хемингуэй взглянул на даму сердца, как положено истинному тореадору. Но его взгляд упал на Афдере, которая взволновано, приветствовала его взмахом рук – она тоже вошла в игру. Хемингуэй улыбнулся Афдере, у которой, в ответ, улыбкой расцвело лицо, и повернулся всем телом к другой стене. Адриана, не шелохнулась, когда он отвесил ей церемонный поклон, взмахнув скатертью. Только сердце у нее замерло, будто в пустоте и провалилось в неизвестность. Раньше ее сердце, так не срывалось с души. Ей было до спазм сладостно и одновременно до трепета тревожно, что Хемингуэй в присутствии всех объявил ее дамой своего сердца. Лучше бы он этого не делал! Она не видела кривую от досады усмешку Афдере, оценивающий и умный взгляд барона Франчетти, добрую и понимающую улыбку Аспазии, ревнивое лицо Мэри. Но, слава богу, другие смотрели не на нее, а на писателя. Кажется, они ничего не заметили. Кажется, все не видят ее! Они смотрят только на Хемингуэя. Так успокоила себя Адриана.

Послышались возбужденные и насмешливые крики зрителей, их аплодисменты, вернувшие Адриану к игре.

—Браво, торо!

—Вперед!

—Смелее!

Маленькая Мэри, как бы еще более съежилась, под этими криками и бросилась на красную скатерть, которой размахивал перед ней Хемингуэй. Торeadор ловко увернулся от нее и закричал:

—А рога! Где рога!

Мэри улыбнулась зрителям, как бы показывая, что она полностью подчинена игре мужа. Она приставила к голове руки и, вытянув вперед указательные пальцы, бросилась на красную тряпку. Но и сейчас Хемингуэй успел увернуться от нее. Но движения его замедлились, было видно, что он вспотел. Но никто не знал, что он слышал звон в голове. Резкие движения в таком возрасте противопоказаны и врачи постоянно советовали ему вести более спокойный образ жизни.

Мэри изящно и быстро развернулась за спиной Хемингуэя, снова пошла на него, выставив вперед рожки. На этот раз торero не успел полностью развернуться лицом к нападавшему быку. Мэри головой и пальчиками уперлась в его живот и замерла. Торeadор был повержен более выносливым соперником.

Хемингуэй опустил скатерть на пол и тяжело вздохнул. Пот струился по его лицу. Почти не запыхавшаяся Мэри подняла белую головку вверх и с улыбкой, чтобы все слышали, произнесла:

–Папа! Ты сегодня проиграл. Коррида закончилась в пользу быка!

Хемингуэй мотнул головой, как бык и, вроде бы хотел возразить, но Мэри его опередила, твердо заявив:

–Финиш! На сегодня корриды хватит.

И Хемингуэй неожиданно для зрителей, согласился:

–Хватит! Ты, как всегда права – тореро из меня не получился.

Он, как и в начале игры, церемонно поклонился зрителям.

–Бой закончился в пользу быка. Но на настоящей арене такого быть не может. Тореро всегда должен победить. Но в жизни часто все происходит наоборот.

Он еще раз поклонился, а зрители захлопали в ладоши, как бы всерьез приветствуя участников боя. Хемингуэй отер пот со лба, подошел к столу, вынул из вазы красную гвоздику и протянул ее Мэри:

–Какой прекрасный бык! Ты подарила минуту наслаждения гостям. Вот тебе за храбрость боевая медаль! – Мэри взяла гвоздику. – Спасибо тебе, что ты дала мне возможность почувствовать себя человеком. Я всегда буду благодарен тебе за это.

Мэри понимающе улыбнулась ему в ответ. Барон Франчетти почему-то сморщился, услышав благодарность Хемингуэя своей жене. Афдера радостно смеялась, увидев смешную игру. Аспазия снисходительно улыбалась, наблюдая за сценой вручения приза. Официанты позволили себе немно-

го расслабиться – американцы дают хорошие чаевые и чем больше выпьют, тем больше могут отвалить. Адриана улыбалась от осознания того, что игра закончилась быстро и миром для супругов Хемингуэй. Она боялась, что Хемингуэй может еще что-то вытворить для своей дамы сердца. Но он, кажется, забыл о ней. Конечно же, на время. Она знала, что он не может ей не сказать сейчас, хотя бы слово. И он его сказал, но пока не ей:

–Барон! Давайте поедem в «Гритти»– бар. Там спокойнее.

–С превеликим удовольствием. – Ответил галантный барон.

–Папа! Вы еще приедете к нам на охоту? – Задала неожиданный вопрос Афдера.

–Не знаю. Мы скоро поедem в Кортина Д'Ампеццо. Хотим с мисс Мэри покататься на лыжах.

–Я там тоже буду. Я так люблю кататься на лыжах.

–Там встретимся.

–А мне можно с вами в бар?

–Да. Если не возражает барон.

Но Франчетти сказал дочери:

–Сегодня удели больше внимания маме. У нее снова начались головные боли.

И Афдера с недовольным видом отошла от них. Ее отец нашел самую простую уловку, чтобы избавиться от дочери. Мог бы придумать что-то посolidнее. А так отправляет домой, как маленькую.

Адриана ждала, когда Хемингуэй обратит на нее внимание. Но тот был занят разговором. Тогда, обиженная его невниманием она встала и направилась к выходу. Хемингуэй будто ждал этого момента:

– Девочка. – Мягко спросил он ее. – Ты поедешь с нами в бар?

– Не знаю. – Ответила Адриана. – Меня не приглашали... Она слышала, как барон бесцеремонно отправил свою дочь домой, и ей не очень сильно хотелось оставаться в компании пожилых людей.

– Я прошу. – Тихо сказал Хемингуэй.

И тут, кстати, вмешалась Мэри.

– Адриана. Идемте с нами. Папа без вас, как без рук. И мне не будет скучно в мужской компании.

– Правильно. А где Аспазия? Иди сюда, голубка. – Обратился Хемингуэй к гречанке. – Поедем с нами, вспомним молодость.

– Да, Папа. Пора уже по-хорошему потряхнуть стариной тебе и мне. – С неизменной, все понимающей улыбкой, ответила греческая графиня. – Бой быков для юных... – С загадочной улыбкой добавила она, но не договорила своей многозначительной фразы.

...Поздно вечером, укладываясь спать, подвыпивший Хемингуэй сказал Мэри:

– Спасибо тебе, что ты вовремя победила матадора. Еще немного и я бы упал.

–Эрни! – С укоризной ответила Мэри. – Я видела, что у тебя закружилась голова. Поэтому вынуждена была тебя забодать. В иной ситуации я бы никогда не позволила себе одержать победу над тобой.

–Спасибо, моя радость. Но голова не кружилась, а звенела. – С нескрываемой искренностью поблагодарил ее Хемингуэй.

–Я всегда вовремя прихожу тебе на помощь. Спи! Я говорила с Адрианой. Она приглашает нас на завтрак.

–Я рад...

6

Иванчичи владели только одним этажом старинного пятиэтажного дома. Этот этаж был их единственной недвижимой собственностью. Когда-то они имели свой большой дом и имение между Венецией и Триестом на берегу моря. Но после казни их отца – муссолиниевского генерала партизанами, новое правительство конфисковало у графини Иванчич почти всю недвижимость, как у «столпов фашистского режима в Италии». Пришлось распродать оставшееся имущество и купить один этаж этого дома в Венеции. Они жили на ренту от проданного, да на некоторые запасы средств, оставшихся от погибшего отца. Конечно, они не бедствовали, как гондольеры на каналах, готовые за десяток лир везти любого пассажира, куда тот прикажет, но все же приходилось урезать во многом, особенно, в больших покупках. И прислуга у них была в единственном числе – пожилая женщина, которая готовила еду, прибирала в комнатах и выполняла прочую домашнюю работу.

Сегодня к ним должна придти на завтрак чета Хемингуэев. Прислуга давно приготовила стол, оставалось только его накрыть. Дора Иванчич, вдова генерала, – располневшая женщина за пятьдесят лет, была рада встретить по-графски великого писателя. Она волновалась в предчувствии необычной встречи. Адриана давно рассказала ей о своих

встречах с Хемингуэем, и мать воспринимала их, как хорошее предзнаменование дочери, накануне ее вступления во взрослую жизнь.

Джанфранко на хемингуэевском «бьюике» должен был привезти и отвезти обратно гостей. Сейчас он уехал за ними в «Гритти-палас». Он был в восторге от американской машины и за ее рулем был готов проводить целые сутки.

Адриана много раздумывала о своих взаимоотношениях с Хемингуэем. Она встречалась с ним более месяца. Виделись почти каждый день. Встречи были достаточно однообразны: кафе, бар, ресторан, прогулки в гондоле или по улицам Венеции. Хемингуэй, почему-то не допускал уединения. Часто встречались в компаниях – друзей и знакомых у писателя много. В их прогулках и встречах в компаниях почти всегда принимала участие жена Хемингуэя – Мэри. Сам писатель относился к Адриане по-отечески, и ни в коем случае, не видел в ней женщину, как вожделенный объект мужского достоинства. Он ее опекал, и ей было приятно внимание к своей личности известного всему миру писателя. Адриана честно признавалась сама себе, что во многом не понимает этого человека – его размышления и поступки. Свое непонимание она объясняла тем, что он старше ее и опытнее. К тому же у него недюжинный ум, до которого ей далеко. Но ей было приятно находиться рядом с необыкновенным человеком, который неожиданно стал испытывать к ней нежные чувства. Его грубые ласки, не переходящие таких близких

для других, но пока далеких для нее границ отношений мужчины и женщины, искренне волновали Адриану. И в этом тоже она честно признавалась себе. Но почему он выбрал ее – маленькую, незаметную, не обладающую жизненным опытом восемнадцатилетнюю девушку? На это вопрос она пока не могла ответить. Адриана задавала себе и другой вопрос, – может ли полюбить пятидесятилетнего мужчину, почти на три десятка лет старше ее? А здесь у нее не было категорического ответа, типа "да" и "нет". Так, что же она значит для него? Что он хочет от нее? Зачем она всегда рядом с ним? И еще много подобных вопросов оставалось без ответов, только присутствовало постоянное внутреннее ощущение, – так просто их встречи не закончатся. Писатель все свои романы должен заканчивать точкой – многоточие для Хемингуэя исключается. Такое – незаконченный роман, не позволяющий выразить себя до конца. И Адриана, в глубокой тайне от самой себя хотела, чтобы их роман не закончился многоточием.

Джанфранко привез гостей вовремя. Мать, как полагается в графских семьях, встретила дорогих гостей у порога. Прислуга, которая готовила завтрак и накрывала на стол, помогла гостям снять верхнюю одежду и поспешила на кухню. Надо успеть прислуживать за столом.

Хемингуэй чувствовал себя несколько стесненным в новой обстановке, часто поглядывал на часы, будто куда-то спешил, не вмешивался в разговор Мэри и Доры. Адриана чув-

ствовала себя неловко из-за присутствия в доме ее очень близкого знакомого. Не могла с ним завязать даже короткого разговора. Да и он не стремился к двустороннему разговору. Оба чувствовали неуютную скованность. Хемингуэй, против обыкновения, выпил пару рюмок вермута и отказался от более крепкого, объяснив, что у него сегодня деловая встреча.

Но, как он сегодня был красив, – новый синий костюм с галстуком. Будто жених. Эх, сбросить бы ему лет двадцать, действительно был бы жених. А кто так считает? Адриана или Хемингуэй? А может быть, оба?

Через час, Хемингуэй явно заскучал и сказал, что он вынужден покинуть дом Иванчичей. У него сегодня встреча с редактором какого-то журнала. Тот приехал в Венецию ради встречи с ним, неожиданно, и всего на один день. Просит писателя о встрече и невозможно отказать. Мэри сняла некоторую неловкость, возникшую в результате грубоватого объяснения причины неожиданного отъезда, Хемингуэем.

– Приехал сотрудник нью-йорского журнала «Космополитен». Эрнест много лет сотрудничает с этим журналом. Отказаться от встречи с ним, значит обидеть журнал. Может, они хотят заказать ему еще что-то написать.

Хемингуэй кивнул головой в знак согласия со словами Мэри. А та продолжала:

– Если вы, милая графиня не возражаете, Джанфранко отвезет его в гостиницу и приедет за мной. А мы мило проведем с вами время за женским разговором. – В отличие от

мужа, Мэри читала этикет порядочных семей. Так она говорила о семьях, носящих отжившие свой век, титулы. Но в ее задержке у Иванчичей были и другие причины, но это не должен знать муж.

Хемингуэй не стал задерживаться и сразу же пошел к выходу. Следом за ним вскочил Джанфранко, чтобы отвезти его на машине. Дора пошла провожать Хемингуэя. Адриана тоже хотела пойти проводить писателя до дверей, но Мэри остановила ее.

– Девочка! Присядь со мной на минуту. А то скучно. Все ушли.

Адриана села на диван, напротив кресла, в котором сидела Мэри и стала ждать вопроса. Но Мэри молча протянула к ней руку и взяла пальцами ее прядь волос.

– У тебя красивый волос. Не жесткий, чтобы торчать во все стороны, и не мягкий, чтобы разлетаться во все стороны. Просто красивый. – Так говорил Хемингуэй. Неужели Мэри у него научилась? Адриана молчала, ожидая продолжения разговора. И Мэри вздохнув, произнесла. – Ты вся такая красивая и одухотворенная. Недаром Эрни обратил на тебя внимание. – Она сделала паузу. – Я думала вначале, что у него любовь к тебе. Даже испугалась.

– Не бойтесь! У нас с ним нет никакой любви! – Поспешно выпалила Адриана, чтобы сразу же рассеять подозрения Мэри. – Он же мне годится в отцы. – Это она сказала тише. – Теперь не боюсь. Я внимательно проанализировала твой

и его характер, и пришла к выводу, что любви у вас быть не может. Единственная проблема в ваших отношениях – чтобы все выглядело прилично. Понимаешь ли, Адриана, я как его жена, сейчас выгляжу не совсем в благоприятном свете. Он с тобой постоянно встречается наедине...

–Нет, мисс Мэри! Мы всегда проводим с ним время в компаниях, среди друзей. Только вас там иногда не бывает. – Сбивчиво ответила Адриана и почему-то покраснела, чего не могла скрыть смуглость ее щек.

–Я все понимаю, деточка. Даже больше, чем все. И я знаю, что быть женой известного человека не одно и то же, если бы, скажем, мужем у меня был простой аристократ. За Хемингуэем, а значит и за мной, следят сотни, а может тысячи глаз, которые разносят потом сплетни по всему свету. Поэтому, я тебя попрошу, не говорить ничего лишнего журналистам, также и друзьям.

–У меня еще никто не брал интервью! Ни разу за всю мою жизнь! – Снова поспешно выпалила Адриана.

–Деточка. – Снисходительно сказала Мэри своей молодой и не опытной сопернице. – Ты пока молода. Молодость – недостаток, который быстро, к сожалению, проходит. И остается только, вот это сожаление. Еще будут брать и у тебя интервью. Я, как журналист, это говорю. У меня к тебе только одна просьба – не давай повода, чтобы в газетах появились заметки, порочащие тебя и Эрнеста. Он очень не любит шумихи вокруг своего имени.

—Я не дам такого повода. У нас только дружеские отношения.

—Я в этом не сомневаюсь. Какая любовь может быть между старым, умудренным жизненным опытом и невзгодами мужчиной, и юной неопытной девушкой? Поэтому я не боюсь его встреч с тобой. Встречайтесь. У него здоровье подорвано ранениями. Их, кроме фронтовых, у него достаточно. Твоя молодость благотворно действует на него. Постарайся быть к нему внимательней... — Мэри хотела добавить, что ее молодость дает старику вдохновение, но промолчала. Пока Адриана не должна знать всех тонкостей творчества. — Вот, видишь, я тебя не ревную к своему мужу, не запрещаю тебе встречаться с ним...

—Спасибо, мисс Мэри. Вы очень благородны. Но, если вам так дорога репутация семьи, то я могу отказаться от встреч с Хемингуэем. Я все понимаю...

—Я такого, деточка, не говорю и не требую. — Перебила ее Мэри. — Ты понимая меня, Адриана, неправильно поняла, что я хочу. Я, наоборот, за то, чтобы вы встречались. Ты даешь ему заряд бодрости, жизненной энергии и я, как любящая и внимательная жена, должна делать все, чтобы такой импульсивный человек, как Хемингуэй, был всегда в норме. Если встречи с тобой для него в радость, почему я должна им мешать? Встречайтесь, ради бога! Но я боюсь только огласки. Она не повредит его репутации. Нечему уже вредить. Но может повергнуть его в состояние депрессии. Поэтому я про-

шу, чтобы как можно меньше людей знали о ваших встречах. Не забывай и о себе. Кто-то, когда-то может тебе напомнить о твоих увлечениях молодости в самый неблагоприятный для тебя момент жизни.

В зал вплыла Дора Иванчич, и грузно плюхнулась в кресло. При матери Адриане не хотелось продолжать разговор с Мэри. Той тоже. И Адриана, чтобы мать не догадалась о происшедшем разговоре, поблагодарила Мэри:

–Спасибо, мисс Мэри, за совет. Я его учту.

–Хорошо, Адриана. Я надеюсь на тебя.

Настроение Адрианы было испорчено окончательно. Ей не хотелось участвовать в общей беседе, тем более разговаривать сейчас с Мэри.

«Как ее понять? – Думала она. – Боится за Хемингуэя, и одновременно разрешает мне с ним встречаться. Более того, настаивает, чтобы наши встречи с ним продолжались. В каком случае она искренна? Ничего серьезного у нас с Хемингуэем никогда не будет. С ним я не связываю свою дальнейшую судьбу. Мне с ним просто интересно и не стоило мисс Мэри предупреждать меня о какой-то опасности, грозящей нам. А может, по молодости лет, я до конца не все понимаю?»

Вскоре она ушла к себе, досадуя только на то, что ей не удалось проводить Хемингуэя. И в этом виновата Мэри. Задержала ее ненужным разговором.

Дора и Мэри еще немного поговорили о пустяках: как

им нравится Венеция, хорошо ли отдыхается в Италии, как сложно одинокой матери воспитывать детей. После обмена, ничего не значащими любезностями, Мэри решила начистоту поговорить с Дорой о ее дочери. Конечно же, это чистота до определенных пределов, необходимых для планов Мэри.

– Дорогая графиня. Вы, наверное, знаете о привязанности Хемингуэя к вашей дочери?

– Да. Мне о нем часто рассказывает Адриана. Какой он интересный человек и одновременно неуклюжий. – Ляпнула Дора.

– Вот именно, неуклюжий! – Подхватила ее мысль Мэри. – Не может вести себя в свете. Ему бы только охотиться или рыбачить. Там он виртуоз, а в реальной жизни он, действительно, неуклюж. Не понимает ее. Вы, наверное, заметили, как он ушел от вас? Мог бы соблюсти, хоть небольшой этикет.

– Как это он не понимает жизни? – Недоуменно воскликнула Дора. – Он же писатель! Как пишут о нем в журналах, он реалист.

Мэри пришлось направить ее мысль в нужное русло.

– Да. Правильно! Он реалист. Но он видит реальную жизнь глобально. А есть еще повседневные мелочи жизни. Вот их он не замечает.

– Да. Такое бывает с великими людьми. – Согласилась с ней Дора. – Вот мой муж строго командовал дивизией, и она была на хорошем счету, а дома был таким нежным с детьми,

со мной. Никогда не подумаешь, что он суровый генерал.

– Эта беда и счастье всех людей, добившихся известности и положения в обществе. Для них работа и повседневная жизнь, разные понятия. – Поощрила Мэри наблюдательность Доры и перешла к интересующему ее вопросу, пока та не сбилась на новые мелкие факты своей жизни. – Дорогая Дора! Я говорю о вашей дочери. Она у вас молодец, истинная графиня.

– Да. – Ответила Дора, довольная похвалой в адрес дочери. – Она с детства была благоразумной и послушной девочкой. Она всегда увлекалась искусством и хорошо училась.

– Я вижу она воспитанная девушка. Она много времени проводит с Хемингуэем. – Продолжала гнуть свою линию Мэри. – Вы не подумайте, что я, как жена Хемингуэя опасюсь чего-то для себя. Но я не просто жена, я еще и вдохновитель его творчества. Я должна чутко улавливать все изменения в его настроении. То есть знать все струны его души. Понимаете?

– Да. – недоуменно ответила Дора.

– Вот и сейчас я вижу, что, встречаясь с вашей дочерью, он будто распрямил плечи. Помолодел, пишет книги. И, как я считаю, благотворное влияние на него оказывает ваша дочь. Мы с вами прожили уже достаточно много и поэтому понимаем мужчин...

– Да, – Согласилась Дора. – Мой покойный муж все время мне говорил, что я в него постоянно вливаю новые силы, от

которых он молодеет. Как и ваш муж.

Мэри недовольно поморщилась при таком сравнении.

—Я бы хотела попросить вас, графиня, контролировать встречи Адрианы и Хемингуэя. Через Адриану. Я доверяю своему мужу, но за таким человеком не уследишь. Ваша дочь должна держаться в рамках... Понимаете, что я имею ввиду?

—Конечно. Мы католики и чтим христианские заповеди. Адриана не позволит себе ничего лишнего до свадьбы. В этом я уверена. — Не понимая до конца Мэри, ответила Дора.

—Спасибо вам, Дора. Я надеялась на ваше понимание. Как видите, я не запрещаю встречаться своему мужу с Адрианой. Серьезного будущего у них нет. Тридцать лет разницы — порог, который стереть невозможно. Пусть они будут друзьями, раз необходимо ими быть. Но не больше. Я рассчитываю на вашу поддержку. — Мэри была не совсем довольна, что разговор шел не конкретно. Но пока хватит и такого разговора.

—Я, до встречи с вами, не придавала большого значения увлечению Адрианы. Считала, что ей лестно быть рядом с писателем. Но раз у вас возникают личные проблемы, то я буду контролировать действия Адрианы. Я серьезно поговорю с ней.

—Я уже сказала, что это не личная моя проблема. — Досадливо пояснила Мэри. — Она необходима Хемингуэю, как стимул к жизни, вернее, к работе. Я забочусь о вашей девочке, чтобы она не испортила свою репутацию. Впереди у нее

вся жизнь. Вот и все, что меня беспокоит. Я могу рассчитывать на вашу поддержку в том, что их отношения не выйдут за рамки дозволенного?

– Да. – Твердо ответила Дора. – Адриана самостоятельный человек и может контролировать свои поступки. Я, со своей стороны, буду ей подсказывать, как себя вести в конкретном случае. Она мне пока еще доверяет свои тайны. Мы правоверные католики...

– Вот и прекрасно! – Перебила ее Мэри. – Вы меня правильно поняли. Если возникнет какая-то сложность, я надеюсь, мы ее будем решать вместе.

– Да. Мне очень приятно, что вы поделились со мной своими проблемами, доверили их мне. Я буду подсказывать своей дочери, как себя вести в дальнейшем.

– А теперь, Дора, я хочу вручить вам подарок. Хемингуэй торопился и не успел подарить вам книгу. Вот она с его автографом. А лично от меня, вам в подарок небольшое колечко на палец.

– Что вы! – Воскликнула польщенная Дора. – Я не могу принять от вас такого дорогого подарка.

– Это не подарок, а дань уважения к матери Адрианы. – Подчеркнула Мэри. – Кольцо, как бы скрепит нашу дружбу.

– Спасибо. – Уже не сопротивлялась подарку Дора. – Давно никто не дарил мне такого подарка. Муж, в последний раз, на день рождения. А без мужа нам сейчас материально трудно... – Посетовала Дора.

–Я вам по возможности помогу. Но и вы мне помогите. – Мэри решила говорить открыто с этой, как она про себя выражалась "тупоголовой" графиней.

–Конечно же.

–Мы на днях едем отдыхать в Кортина Д'Ампеццо. Я вас попрошу, чтобы Адриана туда не приезжала.

–Я постараюсь.

Увлеченные беседой они не заметили, что в открытой двери за шторой, стоит Джанфранко. Он успел отвезти Хемингуэя и вернуться обратно. Джанфранко не вошел в зал, а слушал концовку их разговора. Многое он не понял, но схватил главную суть, – Мэри Хемингуэй просит помощи у его матери. Она боится, что Адриана может разрушить их семью. Он деликатно кашлянул и вошел в зал.

–Ты так быстро вернулся? – Приветствовала его мать.

–Здесь недалеко. Я быстро доставил синьора Хемингуэя в гостиницу.

–Тогда и я, с вашего разрешения... – церемонно произнесла Мэри. – Покину ваш дом. Джанфранко отвезет меня в гостиницу.

–Без проблем. Синьор Хемингуэй предоставил в мое распоряжение машину на целый день. Я только на минутку отлучусь.

Дора пошла провожать Мэри. Джанфранко прошел к Адриане. Та сидела в кресле и невнимательно листала книжку. Она до сих пор не могла прийти в себя после разговора с

Мэри Хемингуэй.

–Сестра! – весело обратился к ней Джанфранко. – Тебе записка от твоего возлюбленного.

–Он не мой возлюбленный, – поспешно возразила Адриана. Они оба имели в виду Хемингуэя. – Дай записку?

Джанфранко протянул ей кусочек бумаги, не аккуратно вырванный из блокнота. На нем было наспех нацарапано всего три слова: Жду в баре "Гритти". Х.»

Она еще раз пробежала коротенькую запись на бумажке и, не складывая, положила в страницы книги.

–Он не сказал, когда прийти. – Адриана была уверена, что любопытный Джанфранко прочитал записку.

–Нет. Но они с американцем уселись там надолго. Виски пьют. – Уточнил Джанфранко. Но Адриана молчала. И тогда Джанфранко дополнил информацию сообщением о Мэри и матери. – Сейчас я услышал кусочек разговора мамы и мисс Мэри. Они решили не допускать углубления твоих отношений с Хемом.

–У меня с ним нет никаких отношений. – Торопливо ответила Адриана, и переспросила. – А какие отношения они имеют в виду?

–Я точно не понял. Но, кажется, мисс Мэри тебя побаивается. Вот так, сестренка. Она не хочет, чтобы ты приезжала в Кортина. Смотри, куда ты вспорхнула? Не ожидал.

–Не ожидай и ничего другого. Я не пойду сегодня к Хемингуэю! Понял? Увидишь его, так и скажи!

– Это твое дело. Мне он дал машину на целый день, только за то, чтобы я передал тебе записку.

– Ну, и гоняй на ней. Лучше бы больше внимания уделял учебе.

– С учебой успеется. Я хочу, как Хемингуэй стать писателем. Ты мне в этом поможешь?

– Тебе надо помогать в этом?

– Ты ж с Хемингуэем в хороших отношениях. Почему бы, не помочь брату?

– Отстань.

– Я побежал. Надо отвезти мисс Хемингуэй в гостиницу. До вечера.

Адриана ничего ему не ответила, и Джанфранко ушел.

Когда Джанфранко вез Мэри в машине, та спросила его:

– Нравится автомобиль?

– Еще как! – Восхищенно ответил Джанфранко. – Пока у нас в Италии таких не делают.

– Если у тебя есть время, то мог бы нас возить.

– Для вас я всегда найду время. Находиться за рулем такого автомобиля одно удовольствие.

– Я скажу Эрнесту, чтобы больше доверял тебе машину.

– Спасибо, мисс Мэри.

– Но, Джанфранко, если мне потребуется твоя помощь, ты мне ее окажешь?

– Всегда.

– Тогда поедем с нами в Кортино Д'Ампеццо. Нам при-

дется много ездить по горам, и нам нужен свой человек за рулем.

–Согласен, мисс Мэри.

Проводив Мэри в номер, Джанфранко не пошел в бар, чтобы сообщить Хемингуэю о том, что сегодня Адриана не придет на встречу с ним.

«Не стоит расстраивать старика по пустякам». – Решил он.

...Дора зашла в комнату к Адриане перед обедом. Дочь лежала на кушетке и читала книгу.

–Ади. – Ласково обратилась к ней мать. Так Адриану называли в семье. – Ты сегодня куда-нибудь идешь?

–Наверное, нет.

–Хорошо. Приятная была встреча с Хемингуэями. Не правда ли?

–Правда.

–Ты не в духе, доченька?

–Устала. Хочу немного отдохнуть.

–Тогда отдыхай. Не буду тебе мешать.

Дора решила отложить серьезный разговор с Адрианой на потом.

Во второй половине дня Адриана решила выйти из дома и навестить подруг. Ноги сами привели ее к «Гритти». Она с минуту раздумывала – входить или не входить в бар и вошла. Хемингуэй за столиком сидел один. Никого рядом с ним не было. На столе стоял стакан с виски и бутылка содовой. Ка-

жется, он достаточно сегодня принял.

«Наверстывает упущенное на завтраке у нас». – Горько подумала Адриана. Ей стало больно от мысли о своем доме, где, благодаря Мэри Хемингуэй, произошло что-то серьезное.

Она подошла к столику. Хемингуэй поднял на нее глаза и, растягивая слова, произнес:

–А я уже подумал, случилось что-то? Думал ты не придешь. Садись. Виски тебе еще нельзя. – Он чувствовал свою ответственность за нее, поэтому предложил. – Может, мартини?

–Давайте выйдем. – Не присаживаясь, попросила Адриана. Ей захотелось рассказать Хемингуэю все, что произошло после его ухода от них.

–Конечно. – Почему-то суетливо ответил Хемингуэй, поняв, что у Адрианы какие-то неприятности.

Они прошли в холл и встали в уголке за колонной, чтобы их не было видно.

–Что произошло, девочка? – Тревожным голосом спросил Хемингуэй.

–Ничего. – Адриана неожиданно для себя решила не посвящать его в сегодняшние разговоры. – Просто я хотела вас увидеть!

Она сама, первой, обняла его за шею и, приподнявшись на носках, поцеловала в губы.

–Все хорошо. – Прошептала она, и слезы навернулись на

ее глаза.

–Тебе плохо, дочка? – Ласково спросил Хемингуэй, не выпуская ее из своих объятий.

–Нет. Мне хорошо.

Но Хемингуэй, будто не слышал.

–Иногда бывает плохо, дочка. Надо только немного потерпеть и все пройдет. Пойдем, девочка, поборем твое плохо.

И они вышли из бара в романтический мир Венеции.

Из письма Чарльзу Скрибнеру.

Венеция.

Март 1949 года.

Нью-Йорк.

...Я не буду допускать к себе фотографов или репортеров, потому что я слишком устал – я веду свою борьбу – и еще потому, что все мое лицо покрыто коркой, как после ожога. У меня стрептококковое заражение, страфилококковое заражение (вероятно, я пишу это слово с ошибками), плюс рожистое воспаление, в меня вогнали тринадцать с половиной миллиона кубиков пенициллина и еще три с половиной миллиона, когда начался рецидив. Доктора в Кортине думали, что инфекция может перейти в мозг и привести к менингиту, поскольку левый глаз был поражен целиком и совершенно закрылся, так что, когда я открывал его с помощью борной, большая часть ресниц вылезала. Такое заражение могло произойти от пыли на плохих дорогах, а также от обрывков пыжа.

До сих пор не могу бриться. Дважды пытался, но кожа сдирается, как почтовая марка. Поэтому стригусь ножницами раз в неделю. Физиономия при этом выглядит небритой, но не настолько, как если бы я отпускал бороду. Все вышеизложенное истинная правда, и вы можете рассказывать это

кому угодно, включая прессу".

Отдых в Кортина Д'Ампеццо закончился для Хемингуэв плачевно, если не сказать – трагически. Первая неделя прошла нормально. Много ходили в горах на лыжах, вечерами посещали знакомых, прежде всего, братьев Кехлеров. Хемингуэй один раз с Карло Кехлером побывал в горах, охотились на куропаток. Хемингуэй рассчитывал на день Святого Стефана побывать в Венеции, посмотреть карнавал, самому в нем поучаствовать. И, конечно же, встретиться с Адрианой, но неожиданно простудился, поднялась температура, и он вынужден был провести несколько дней в постели. Когда температура спала, то сразу же засобирался в Венецию на концовку карнавала. Но врачи категорически были против поездки. Пришлось отложить посещение карнавала на следующие годы. Хемингуэй страшно нервничал и изводил мелочными придиранками Мэри. Она понимала его состояние, – хочет увидеть Адриану, которая пообещала Папе приехать в горы, но ни разу сюда не явилась. Но Мэри знала, что без разрешения матери, Адриана сюда не приедет. Она сама просила об этом Дору. Мэри видела, как мучается Эрнест и, в конце концов, решила, что кратковременное присутствие Адрианы позволит быстрее обрести Хемингуэю душевное равновесие, поможет в выздоровлении мужа. Кроме того, Хемингуэй перестанет переносить свою злость, на нее. Скрепя сердце, Мэри позвонила Иванчичам и попросила Дору, что-

бы та направила сюда Адриану. Да, именно, направила. Другого слова журналистка Мэри не смогла подобрать. Но только на один день. И пусть придумает любую причину, возврата на следующий день Адрианы в Венецию. Она попросила Джанфранко, отдыхающего с ними, съездить в Венецию за сестрой и привезти ее в Кортина. Об этом ни она, ни Джанфранко не сказали Хемингуэю, решили – пусть будет сюрприз.

Сюрприз удался на славу. Мэри видела, что радости Эрнеста нет предела. С приездом Адрианы, Хемингуэй преобразился. Прежде всего, внешне – срочно побрился, а то не брился во время болезни. И внутренне стал живым и бодрым, радостная улыбка не сходила с его лица. И, главное, необыкновенно добрым и внимательным был в тот день к Мэри. Ее это радовало, и она превосходно играла роль гостеприимной и верной супруги великого писателя. Мэри вдруг почувствовала себя доброй феей Эрнеста в снежных, незнакомых горах, готовая оказать любую помощь любимому человеку. Пусть животворно на его мужа повлияла Адриана, но все это организовала она, своим практическим умом.

К большому огорчению Хемингуэя, Адриана приехала всего на один день. Такое краткое присутствие она объяснила, необходимостью посещения занятий в художественной школе, а также семейными проблемами. Она не до конца поняла свою мать, которая отпустила ее сюда на один день, а уже на следующий день они обязаны были ехать на день

рождения к престарелому родственнику под Триест. Адриана знала, что мама рассчитывает там на какую-то долю наследства, но могла бы обойтись без дочери на именинах дяди. Но мать безапелляционно заявила, что одна туда не поедет, родственник очень любит Адриану, и в младенчестве любил ее нянчить, поэтому присутствие дочери обязательно. Пришлось согласиться. К тому же Мэри разрешила Джанфранко отвезти их в Триест на своем автомобиле. То, что это было своеобразной платой Доре за услугу, оказанную Мэри, Адриана не знала.

День приезда Адрианы прошел великолепно. Хемингуэй веселился, снова рассказывал истории из своей жизни. Мэри была доброй приветливой хозяйкой, милой собеседницей. Она всем видом выказывала радость госте. Но одновременно своим поведением, как бы подчеркивала, что ни капельки не боится Адрианы, как своей конкурентки. Адриана помнила их последний разговор в Венеции, поэтому чувствовала себя, рядом с Мэри, скованно. А Мэри почти не оставляла их наедине с Папой. Она в любую минуту была готова во всем им помочь.

Утром Хемингуэй настоял, чтобы они все пошли на прогулку. В Кортина неожиданно потеплело, снег стаял. Пришлось пройти по окрестным горам пешком. На память сфотографировались. Закончилась прогулка и Адриана уехала. Мэри пожалела, что молодая графиня Иванчич нанесла им такой кратковременный визит, сказав мужу:

— Жаль, что у нее не было времени побыть с нами несколько дней.

И Хемингуэй согласился с ней. А потом на их семью посыпались беды более серьезные, чем простуда. На следующий день после отъезда Адрианы, Мэри отправилась на высокогорье. Спускаясь на лыжах вниз, поломала ногу. Их машины не было, но граф Кехлер немедленно дал им свою. Но далеко ехать не пришлось. Мэри здесь же в Кортине наложили гипс. Теперь Хемингуэю приходилось ухаживать за больной женой, и он был очень к ней внимателен. Мэри еще раз убедилась, какой надежный человек Хемингуэй — помогать попавшим в беду, инстинкт его крови. Но, — зародилась у католички Мэри мысль, — а не наказание ли это божье, за ее попытки помешать любви Эрнеста и Адрианы? Впрочем, практический американский ум быстро вычеркнул еретическую мысль из головы. И еще она думала, что, организовывая встречи Хемингуэя и Адрианы, не выпускает ли джина их любви на свободу? Потом его будет трудно усмирить. Однако решила она, пока Эрнесту работается хорошо под влиянием встреч с Адрианой, пусть встречаются. Если же она почувствует опасность, то найдет способ вернуть джина любви в бутылку. Правда, каким конкретно способом закончить их любовь, она не знала. Но время и обстоятельства подскажут ей, как это все сделать. А до той поры пусть Эрнест чувствует радость творчества от встреч с юной итальянкой. Ее черед для вдохновения мужа, еще придет.

Но беда, как говорится, не приходит одна. На утиной охоте, на которую Хемингуэй выбрался вскоре после госпитализации Мэри, при выстреле, кусок обгоревшего пыжа попал в глаз. Полностью заплыла левая половина лица, а глаз стал гноиться. Пока местные врачи осматривали и ставили диагноз, состояние глаза еще более ухудшилось. Пало подозрение на заражение крови. Пришлось везти в офтальмологическую больницу в Падую. Но и здесь лечение вначале не дало ощутимых результатов.

И вот сейчас Хемингуэй лежал в больничной палате, а рядом с ним находилась Мэри. Временно прекратив свое лечение, она приехала в Падую. Ее нога была в гипсе, и врачи обещали его снять в течение месяца. Мэри находилась с мужем уже три дня. Она смешно прыгала на костылях по палате. Но Хемингуэй из-за болей в голове, не замечал ее героического передвижения. Мэри была у него за сиделку. Больничная сиделка расположилась в комнате медперсонала и приходила к Хемингуэю только по вызову. Мэри спала в его палате на раскладном кресле, – оно было низким и лучше всего подходило ее поломанной ноге. Она от всей души, всеми силами старалась облегчить положение Эрнеста, и он был благодарен ей за это.

Мэри необходимо было завтра ехать в Венецию, в клинику, где она лечилась после Кортина Д'Ампеццо. Больше задерживаться в Падуе ей было нельзя. Лечение требовало ее присутствия в больнице. Ей хотелось быстрее снять гипс

с ноги. Кроме того, она требовательно относилась к своему здоровью – если лечиться, то серьезно. В тот вечер перед отъездом Мэри, Хемингуэй попросил ее:

–Мэри! Полежи со мной рядом?

–Эрни! Ты требуешь почти невозможное. С такой ногой я могу только едва-едва переступить по полу. По лестнице с трудом взбираюсь. А на кровать меня надо поднимать краном.

–Я тебе буду краном. Иди сюда.

–Но ты ж болен и слаб.

–Все равно полежи со мной.

Мэри понимала, что Хемингуэю надо самоутвердиться в любой ситуации, даже на смертном одре он будет стараться делать невозможное для своего организма. Она его хорошо знала. Лучше, чем он себя. Ну, что ж, хочет он так бороться с болезнью, она ему поможет, поддержит, если так можно выразиться, морально.

–Хорошо. Я сяду на твою кровать, а ты придержи меня, пока я не лягу спиной. Только осторожней. Когда делаю резкое движение, в месте перелома что-то хрустит, будто по новой ломается кость.

–Я буду осторожен. Иди сюда.

Мэри села на кровать и осторожно начала ложиться на спину. Хемингуэй ее поддерживал, и когда она полностью легла, спросил:

–Не больно?

–Нет. Ты сегодня осторожен, как никогда. Себе не сделай больно.

–Когда ты рядом, я не чувствую боли.

Он положил на ее грудь свою тяжелую волосатую руку. Мэри знала своего мужа, он готов любить в любом состоянии и возражать ему в таком случае бесполезно.

–Эрни, тебе не тяжело?

–Обними и поцелуй меня.

Мэри прижалась к его небритой щеке и в нос ей ударил запах вонючей мази и лекарств. Она непроизвольно отвернула голову, чтобы вдохнуть свежее-больничного запаха палаты, не такого едкого и противного и Хемингуэй ощутил ее отвращение к себе. Всякое желание приласкать жену в этот вечер безвозвратно пропало. Он глубоко, с неприкрытой обидой, вздохнул, убрал с нее руку и спросил:

–Тебе неудобно лежать рядом со мной с такой ногой?

–Немного неудобно. Но я потерплю. Дай я тебя еще раз обниму и поглажу всего? – Мэри поняла, что обидела мужа и готова была сейчас любыми способами исправить свою ошибку.

–Спасибо, Мэри. Не надо. Как видишь, у меня совсем нет сил.

–Сейчас появятся. Главное у тебя есть желание.

–Пропало желание.

Они замолчали. Никто не хотел нарушить первым тишину. Наконец, Мэри, поняв, что Хемингуэй не намерен ее

больше ласкать, произнесла:

– Мне неудобно лежать. Я встану.

– Я тебе помогу.

– Успокойся, Эрни и не переживай. – Бодрым голосом сказала Мэри. – Как только выздоровеешь, – все к тебе вернется. Ты же болен и должен понимать, что силы у тебя сейчас не те, не как у здорового. Сделай еще поправку на свой возраст. Не обижайся на меня. Я хотела сделать, как лучше, но вижу, что ничего не получится, ты сильно ослаб.

Воспоминание о возрасте глубоко укололо его душу. Проклятые годы, как они быстро пролетели! Он снова глубоко вздохнул, но уже покорно судьбе.

– Давай я тебе помогу встать.

Он помог Мэри сесть на кровати, и та на костылях поковыляла на свое кресло.

– Вот, где мое место сейчас! – Веселым голосом, чтобы еще более подбодрить Хемингуэя, сказала она. – Что ты хочешь взять с калеки? Мы оба калеки. Как выздоровеем, я буду теперь всегда с тобой ходить на охоту, сопровождать на рыбалку. Смотреть, чтобы ты больше не попал в какую-нибудь передрагу. А то у тебя отсутствует чувство меры. Я тебе буду эту меру прививать.

– Поздно, Мэри. Нет такой меры, чтобы меру мерить. Наверное, мера не существует в нашем мире. Всем может быть доволен только дегенерат или евнух. Одним из них я уже стал. Появилась и у меня, наконец, мера. Может, ты уже при-

вила мне это чувство. Как жаль...

— Не переживай, Эрни, и сильно не бичуй себя. Через неделю я докажу тебе, что ты по-прежнему нормальный и сильный мужчина.

— Спасибо, Мэри, за доброе слово. Но если сам себе не докажешь, другой тебе никогда ничего не докажет.

— Снова повторяю, не переживай. Попробуй заснуть. Тебе сейчас необходим покой...

Утром Мэри, расставила в палате цветы, привезенные Джанфранко, постаралась придать палате домашний уют, поцеловала на прощание Хемингуэя, и уехала лечиться в свою больницу в Венецию. Но перед уходом из палаты сказала:

— Как не хочется от тебя уходить. И надо же было, что мы оба одновременно заболели. Я тебе буду звонить, и ты мне тоже звони по пустякам и серьезно. Я так люблю тебя, Эрни!

Хемингуэя тронули ее слова. Он впервые ощутил, а что будет с ним, если Мэри не будет рядом? Пока, за время болезни, в Падуе никто из итальянских друзей его не посетил. Одна Мэри, несмотря на свою болезнь, оказала ему помощь. И он в порыве благодарности произнес:

— Мэри! Ты у меня единственная. Как я счастлив, что ты у меня есть. Что бы я делал без тебя? Сухой листочек под снегом жизни. Мы с тобой еще напишем такие книги, от которых весь мир закачается. Верь, мне. Все еще впереди!

— Верю. Жди меня, Эрни.

Она ушла, еще раз поцеловав его в щеку. Через несколько минут зашел Джанфранко, чтобы взять ее вещи. Они с Мэри ехали в Венецию на машине.

–До свидания, Папа. Выздоровливайте.– Произнес он и застыл под тяжелым взглядом одного глаза Хемингуэя. – Что-то надо? – Осторожно, даже боязливо спросил он.

–Да. – Голос Хемингуэя был жестким. – Ты хочешь, чтобы я тебе подарил свою машину?

–Конечно! – Воскликнул Джанфранко. – Я мечтаю о такой машине, но денег нет. – Концовку он произнес тихо, вроде бы стесняясь своего невысокого материального положения.

–Тогда привези сюда Адриану. И так, чтобы не знала мисс Мэри. Сделаешь?

–Все сделаю. Считайте, что завтра она будет здесь.

–Надеюсь на тебя, Франки.

Это был настоящий Хемингуэй, привыкший не бороться с жизнью, а сражаться и подчинять ее себе. Даже, если нет сил. Он продолжал насиловать свою судьбу. Только до какого предела? Пока он этого не знал.

Но на следующий день Адриана не приехала. Не было ее и на другой день. Хемингуэй одиноко лежал в палате, если не считать сиделку, и приходивших для осмотра врачей. Он вставал с кровати только в случае крайней необходимости. Жизненная апатия полностью овладела им. В голову мутным потоком вливались упаднические мысли. По своей натуре Хемингуэй был мистиком, но старался не показывать этого качества миру. Только близкие друзья знали настоящего Хемингуэя. Вот и сейчас ему казалось, что смерть близка. Она идет за следом за ним, буквально по пятам. Врачи пока, не могли сказать ничего хорошего, кроме главного – заражения крови не будет. Но в отношении сохранности глаза они не были столь категоричны. Вообще, итальянцы ничего не могут сказать сразу и точно, все ищут обходные пути, безмерно долго тянут резину. Это раздражало Хемингуэя. И он думал о такой смерти, которая наступила бы сразу, а не тягуче-кроватно. Он был готов к тому, чтобы попросить Жанфранко достать ему яд или, в крайнем случае, снотворного, только побольше. Счеты с жизнью надо решать быстро, в один миг, как его отец. Он поступил мужественно, не захотел умирать медленно. Надо уметь вовремя расчитаться с жизнью, если не имеешь больше возможности жить. Так будет благороднее перед близкими и знакомыми, меньше заставишь их пе-

реживать. Начать что-то писать, чтобы отвлечься от болезни – невозможно. Для этого нужны соответствующие условия и стимулы. А условий не было. Больничная койка не место писателя. Стимулы были равны нулю. А если так, то лучше находиться в состоянии абсолютного нуля. Так сложнее, но проще.

А Джанфранко в тот же вечер, когда приехал из Падуи, сказал Адриане:

–Ади! Я был у Хемингуэя в больнице в Падуе. Возил мисс Мэри. – Пояснил он.

–Как он себя чувствует? – Встрепенулась Адриана.

И Джанфранко решил сгустить краски о болезни Хемингуэя.

–Плохо. Может потерять глаз, а может случиться заражение крови. Он просит, чтобы ты приехала к нему.

Он выжидательно смотрел на сестру.

–Я ж не врач. – Тихо произнесла Адриана. – Чем я могу ему помочь?

–Он очень просит тебя приехать.

–Не знаю. Я сейчас занята. У нас скоро выставка, надо подготовить картины...

Джанфранко ушел, не сказав пока ничего о машине, обещанной в подарок Хемингуэем. Но за приезд сестры. За машину стоит потрудиться. Надо обдумать дальше свои действия.

А Адриана в тот вечер не могла долго заснуть. Она мучи-

тельно раздумывала – ехать или не ехать к Хемингуэю. Она ничем ему не обязана. Ну, встречались, целовались. Посетила его, тоже больного в Кортина. Он, конечно, привязался к ней. Она ему нравится. Но он то ей не слишком нравится. Он уже стар и годится ей в отцы. Продолжать дальше с ним встречаться, значит дойти до более близких отношений. Она это ясно понимала. Но все-таки он ей нравится, – призналась она себе. Но не настолько, чтобы быть с ним постоянно рядом. Конечно, посетить она его должна, раз он просит. По-человечески проявить сострадательность. Но ни в коем случае не углублять с ним отношений. Ей надо думать о будущем. Пора замуж. Претенденты на ее руку имеются, только надо из них выбрать такого, кому она желает отдать свое сердце.

Такие размышления не покидали ее и на следующий день. На следующий вечер Джанфранко снова вернулся к вчерашнему разговору с сестрой:

–Ади! Так ты поедешь к Хемингуэю? Он тебя очень ждет.

–Поеду, но чуть позже. У меня много дел в художественной школе.

Джанфранко боялся, что Хемингуэй может, из-за задержки Адрианы с приездом, передумать о своем подарке. И решил сказать, почему ему необходимо срочно доставить сестру Хемингуэю.

–Знаешь, Ади! Мистер Хемингуэй сказал мне так, если я тебя привезу на следующий день, то он мне подарит свою

машину. Не везти же ее обратно в Америку? Помоги мне получить «бьюик»?

И тут от негодования Адриана вспыхнула, – оказывается, ею торгует брат, а известный всему миру писатель покупает ее. Она стала у них товаром или разменной монетой.

–Франки! – Закричала она на него. – Тебе не стыдно брать в подарок машину в обмен за мой приезд! Я что – продажная девка из Каstellо?

–Ади! Что ты говоришь? С кем себя сравниваешь? Ты все равно к нему поедешь, также, как ездила в Кортина! Тогда ты просто ехала к простуженному Хемингуэю. А теперь он серьезно болен. А ты сравниваешь себя с девками из Каstellо. Стыдно, сестра! Прояви милосердие. К тому же автомобиль нам нужен, а сами мы его никогда не купим.

–Тебе нужен только автомобиль, а не я! – Гордо закончила разговор Адриана.

Этой ночью она не могла заснуть. Она возмущалась братом – променять ее, на какой-то паршивый автомобиль, хотя бы тот был американским! Но возмущение постепенно улеглось, и она стала думать о Хемингуэе – как он там, в больнице? Он ее ждет, а она показывает брату свою никчемную аристократическую гордость. Может быть, когда она придет, он сразу же выздоровеет? А может он любит ее? Она, как Эрминия Танкреду, залечит раны Хемингуэя и спасет его от неминуемой смерти. К утру, она была готова, как Эрминия отсечь свои волшебные волосы и перевязать ими раны лю-

бимого. Да, ей теперь казалось, что она любит Хемингуэя серьезно, а это не просто слово "люблю", которые она говорила ему раньше. Адриана была готова поехать в Падую, но зло на Джанфранко не проходило, и она решила ни за что не ехать, на условиях обмена. Это унижительно для нее.

Но в тот день Джанфранко виновато молчал, ничего не говорил Адриане, и она, от его безмолвия, еще больше хотела поехать к Хемингуэю. В ее сознание прочно вошла жертвенная мысль, что только она может его спасти. Судьба вручает в ее руки жизнь великого писателя. Она спасет его, чего бы это ей не стоило. Даже ценой своего унижения, а если нужно, и падения. Торквато Тассо прав. Каждая женщина в душе – Эрминия. И она станет ею для Хемингуэя. У каждой женщины когда-то должен появиться свой Танкред. И когда-нибудь каждой женщине надо пожертвовать собой. Так Адриана приняла окончательное решение и утром сказала Джанфранко:

–Франки! Хоть ты поступил некрасиво, но сегодня мы поедem в больницу, в Падую. – Она не называла имени Хемингуэя. – Ты, наверное, получишь автомобиль.

Джанфранко задохнулся от радости, – он выполнит приказ Хемингуэя. Он привезет ему свою сестру и автомобиль – его!

–Ади! Ты просто чудо! Нам так нужна машина! Спасибо тебе!

–Франки! Ты вроде неглупый человек, но ничего не пони-

маешь. Я еду не ради автомобиля. Пойми это?!

–Я тебя понимаю, Ади! – Радостно воскликнул Жан-Франко. – Когда едем?

–Во второй половине дня.

Адриана уверовала в необходимость посещения больного Хемингуэя, но на сердце у нее было тяжело, и она решила поговорить с матерью.

–Мама, Хемингуэй тяжело болен и лежит в больнице. – Начала она разговор. – Как ты думаешь, его надо проведать?

–Конечно, Ади. Он же известный писатель и твой друг.

–Я знаю, что надо ехать к нему. Но, мне кажется, он ко мне не равнодушен.

–Ну и хорошо! Он богатый человек, поэтому может себе позволить все. Хорошо, что он к тебе не равнодушен. И ты покажи, что он тебе интересен. Дружба с таким человеком полезна...

Адриана была разочарована словами матери. Не понимает чувств, разрывающих душу дочери. После смерти отца она стала во всем выискивать пользу. Но ее можно понять. Но почему она не понимает дочь?

Адриана решила ехать в Падую, а там, что будет, то и будет. Может действительно она станет Эрминией для Хемингуэя.

Как тревожно и сладостно замирает сердце в предчувствии неожиданного...

Она зашла в свою спальню и встала на колени, перед ико-

ной Марии Магдалины. Не потому, что слишком верила в предсказание Божьей Матери. Ей надо было обратиться к кому-то за советом, кому-то излить одно из противоречий своей души. Чтобы осталась только одно – ясность. «Святая Дева Мария! Сердце мое чует, что со мной что-то произойдет. Подскажи, что делать, как быть?» Мария смотрела на нее бесстрастными немигающими глазами. Но, Адриане показалось, что она одобряет ее жертвенность. «Спасибо, Матерь Божья». – Поблагодарила ее Адриана. Матерь Божья одобрила ее стремление помочь больному и страждущему. Она простит и возьмет себе все грехи Адрианы.

Адриана встала с колен и достала из шкафа старинный деревянный ларец, открыла его маленьким ключиком. Там лежали фамильные драгоценности, перешедшие ей по наследству, как единственной женщине на выданье рода Иванчиной, этого колена. Драгоценностей было немного – бусы, броши, сережки, еще какая-то мелочь, в которых она, согласно семейной традиции, обязана идти под венец. Адриана вынула маленькую коробочку и раскрыла. Там лежали два изумруда, хранившихся в течение многих веков и передававшиеся по наследству из поколения в поколение. Мать не посмела их продать, хотя им материально было очень трудно. Особенно в первые послевоенные годы. Они были талисманом их семьи. «Вот они помогут вернуть Хемингуэя к жизни». – Почему-то появилась у нее мистическая мысль. Она взяла коробочку и, чтобы больше не раздумать написала на

ней – «Эрнесту от Адрианы с любовью» и спрятала ее в свою сумочку. Ларец поставила обратно в шкаф. Поступок могут осудить родные, но драгоценности принадлежат ей, а не матери. Только она является хозяйкой бриллиантов. Она их давно никому не показывала. Может быть, еще долгое время никто, кроме нее, не заглянет в ларец. Она положила все необходимое для поездки в большую сумку и туда же переложила коробочку с изумрудами.

Они пообедали всей семьей – втроем. Выйдя из-за стола, Джанфранко взял ее сумку, и понес в машину.

– Мама! Я поеду в Падую к Хемингуэю. – Сказала матери Адриана.

Дора уже знала о ее отъезде.

– Правильно делаешь, Ади. Больного надо посетить, утешить, помочь, чем можешь. Потом все тебе вернется с благодарностью. Я буду молиться за его выздоровление.

– Спасибо, мама, за напутствие. – Ответила Адриана недовольно. И здесь мама говорит о какой-то благодарности.

В машине, довольный Джанфранко, сказал Адриане:

– Ты у меня, сестра, молодец! Теперь машина наша.

– Вам всегда что-то от меня надо. – Она имела в виду и свою мать. – А я просто еду к больному.

Хемингуэй уже не ждал Адриану. Решил, что она не может приехать, у нее какие-то свои неотложные дела. Нулевое настроение опустилось еще ниже.

Но вечером к нему в палату вошли Джанфранко и Адри-

ана. Это было так неожиданно для Хемингуэя, что он на какое-то мгновение растерялся. Он уже не надеялся увидеть Адриану до полного выздоровления.

Адриана молча, широко открыв свои, и без того огромные черные глаза, вглядывалась в него. За этот месяц – непроизвольно фиксировал ее мозг, – Хемингуэй сильно поседел. Небрит, щетина ключьями свисает с щек и с подбородка, будто кто-то вырвал живьем ее куски из тела. Один глаз прикрыт марлевой повязкой, и только постель, на фоне больного Хемингуэя, выглядит чисто и целомудренно.

Адриана прошла к кровати, и Хемингуэй протянул ей руку. Она села на краешек чистой простыни и прижала его ладонь к своему лбу. Потом опустила его руку ниже и поцеловала ладонь.

–Что случилось, Папа? – Тихо произнесла она, и слезы появились в уголках глаз.

–Ничего страшного, девочка. Я уже выздоравливаю. Наклонись ко мне, я тебя поцелую.

Адриана склонила над ним свою голову, и ее густые волосы закрыли их лица. В таком положении они замерли на минуту. Сиделка раньше вышла из палаты, чтобы не мешать посетителям и больному при встрече. Только один Джанфранко смотрел на них, раскрыв рот от удивления. Он не мог понять сестру. Он ожидал чего-то такого, но не подобного откровения чувств. Наконец, Адриана подняла голову, и Джанфранко увидел на их лицах радостные улыбки. Но они его

словно не замечали.

–Ты давно приехала в Падую? – Спросил Хемингуэй.

–Только что. Мы даже не заехали к знакомым, чтобы оставить у них свои вещи.

–Ты сегодня останешься со мной?

–Да. Но разрешат ли врачи?

–Мне все разрешено. Я их паршивого согласия спрашивать не буду. Я тебя сегодня не отпущу от себя никуда. Согласна?

–Да. Но мне надо переодеться с дороги.

–Переоденешься здесь.

Они замолчали, и Джанфранко деликатно кашлянул, чтобы напомнить о себе. Хемингуэй повернул голову к нему.

–Спасибо, Франки! Ты езжай к своим знакомым и приедешь сюда рано утром до прихода врачей.

–Хорошо, мистер Хемингуэй. А как насчет машины?

–Она твоя. Как буду уезжать из Италии, передам тебе все документы на нее.

–О, спасибо! – Обрадовано прокричал Джанфранко. – Значит, до завтра!

Адриана поняла, – размен произошел. Но пока решила не спрашивать Хемингуэя, почему он это сделал.

Они разговаривали до позднего вечера. Хорошо, что мартовский вечер наступает рано. Сиделке Хемингуэй объяснил, что она свободна до конца своей смены и, чтобы в палату не заходила ни под каким предлогом. Когда наступил

вечер Адриана, спросила:

–А где мне спать?

Кресло, на котором спала Мэри, из палаты вынесли, оставались стулья.

–Я поставлю стулья в ряд и лягу на них. – Предложила она.

–Нет, девочка. Сегодня ты будешь спать со мной! – Твердо произнес Хемингуэй.

–А я вам не помешаю? – Просто спросила Адриана, даже не подумав о возможности отказа.

–Ты мне никогда не мешаешь, девочка. Ты мне нужна всегда и везде.

–Тогда мне надо переодеться. Не могу же я в дорожном платье лечь в чистую постель.

–Стерильную. – Засмеялся Хемингуэй. – Переодевайся, а я буду за тобой наблюдать.

–Не надо на меня смотреть. Мне просто не во что переодеться. Одежду увез Франки. Я не догадалась попросить его оставить сумку.

–Я тоже оказался не из догадливых. На вешалке висит белый халат. Одень его.

Адриана подошла к вешалке, сняла жакет и повесила его на крючок. Потом обернулась к Хемингуэю:

–Отвернитесь, Папа.

Хемингуэй молча повернулся на другой бок. Теперь он слышал только шуршание одежды. Свет погас, и он почув-

чувствовал рядом с собой дыхание Адрианы. Он приподнялся над ней и поцеловал долгим, нежным поцелуем. Она гладила его давно не бритые щеки и целовала, как ему казалось, самые болезненные места на лице. Боль уходила из тела, и оно наливалось молодым здоровьем...

Хемингуэй лежал на спине, откинув руку, на которой покоилась голова Адрианы, и чувствовал глубокое удовлетворение, и гордость за себя. Даже промелькнула мысль – это не рациональная Мэри, которая недавно ночевала в палате. Но он бегом прогнал из головы такое подлое сравнение. Он чувствовал сейчас себя уверенным, как тридцать лет назад, когда решил стать писателем. Женщины, особенно любимые, всегда дают уверенность мужчинам. Хемингуэй это прочувствовал на себе. И сейчас болезнь уходила из его души и тела, ему хотелось жить и работать. И он еще крепче прижал к себе молодое, пахнущее здоровьем, женское тело.

Нет! Не так хотелось провести Адриане первую ночь любви! Воспитанная на книгах древних и средневековых итальянцев, она представляла любовь возвышенно и романтично, как у Петрарки. А все произошло достаточно буднично, не в семейном будуаре, а в больничной палате. Правда, сейчас у нее мужчина не какой-то не в меру экзальтированный от любви юнец, а опытный в этих делах Хемингуэй. А для такого мужчины ничего не жалко. Он все делает просто, а потом описывает мудро. Может, опишет когда-нибудь и ее первую любовь. Правда, не хотелось, чтобы все читали о ее

любви, даже под другим именем. И какую же надо иметь волю и страсть, чтобы больным стремиться и желать любимую женщину!? Не каждой женщине выпадает такая любовь. Ее не обошла большая любовь. И это в начале жизненного пути! Она сейчас ни о чем не жалела. Юность ушла – пришла женщина.

Эрминия! Рядом раненый Танкред. Ты его спасла!

Адриана, прижавшись всем телом к Хемингуэю, мягко провела рукой по седым волосам на его груди и первой нарушила ночную тишину палаты:

–Как мне теперь к вам обращаться?

–Теперь я уже, действительно, твой папа. Только так и называй, и только на «ты».

–Как смешно. Папа, моя любовь!

–Есть смешное. Пятидесятилетний папа и восемнадцатилетняя дочь.

–Тс-с! Не говори так. Мне уже исполнилось девятнадцать. А тебе, Папа, никогда не будет больше двадцати. Мы оба молоды и одновременно стары потому, что познакомились давно, почти три месяца назад. А молоды потому, что только сейчас узнали, что любим друг друга.

–Ты странно говоришь. Так итальянцы не могут говорить. Они любят без слов.

–А во мне, где-то в самой глубине души, течет славянская кровь. Она сегодня выплеснулась оттуда и прошла через мое сердце. У славян в любви другие законы, не итальян-

ские. Они, когда любят – говорят.

–Ты никогда так красиво не говорила. Скажи так еще?

–Я же пишу стихи, рисую картины. Значит, подбираю красивые образы, сравнения. Сейчас у меня возвышенно-лирическое настроение и хочется говорить стихами, красиво. Девушка может петь о самой дорогой потере. Женщина, что-то потеряв в жизни, может только плакать. Теперь мои последующие потери могут быть только оплаканы. А пока хочется петь!

–Пой, моя красивая...

–Ты можешь не услышать. Ты живешь далеко за океаном.

–Я услышу тебя даже через океан. И буду петь в ответ. Кажется, раньше я не умел петь. Сейчас хочу петь. Твоя потеря – самое дорогое мое приобретение. Пой?!

–Хорошо. Но я уже спела. Мне надо собраться с новыми силами. Хочу услышать твою песню. Если я сейчас запою первой, то будет не песня, а плач.

–Не говори так. А то я заплачу раньше тебя. Я еще тебе спою. Буду петь много, даже из-за океана. А сейчас прочитай лучше стихотворение?

–А какое? Твоя просьба застала меня врасплох.

–Которое тебе больше всего нравится.

–Хорошо. Только самое коротенькое.

И она певуче продекламировала несколько строк на итальянском языке. Слова хрустальной мелодией падали в больничную тишину палаты и бесшумно разбивались о ее сердце,

оставаясь навечно в душе. Но бьющийся звон мелодии любви слышала только она. Хемингуэю ее голос казался океанским штилем, резко сменившим свирепый ураган.

Закончив декламировать, она тихо спросила его:

–Ты все понял, Папа?

–Нет. Переведи на английский.

–Звучит приблизительно так. Весной оживает природа, а любовь расцветает раньше подснежников. Как здесь будет правильно? В общем, потому что любовь не цветок и может расти под снегом и расцветает не только весной, но и в любой мороз. Короче говоря, она не ведает времен года.

Она еще раз прочитала эти строки по-итальянски и в палате повисла хрупкая тишина. И снова грустное молчание первой нарушила Адриана.

–Почему ты молчишь, ничего не хочешь сказать? Стихи не понравились?

–Я вдумываюсь в них. Сегодня мне все нравится. Не нравится, – отсутствует полностью. Ты возрождаешь меня к жизни. Я вновь расцветаю, как твои стихи о любви под снегом.

И он с неприязнью подумал о Мэри, которая несколько дней назад не могла его вдохновить.

–Как все странно. Никогда не думала, что первую ночь с любимым мужчиной я проведу в больнице. Такого, наверное, ни у кого в жизни не было.

–Было.

–У кого?

–У меня.

–Давно.

–Очень. Тридцать лет назад.

–А где?

–Здесь, в Италии.

–Тоже в больнице?

–Да.

–Расскажи, Папа.

Он вспомнил, – три раза с ним бывало такое в больнице. Несколько дней назад с Мэри... Но этот момент не хочется вспоминать. К тому же, жена – не в счет.

–Что можно рассказывать о прошлом? Тогда я защищал вашу страну от немцев и австрийцев. Был ранен. Лежал в госпитале. Влюбился в медсестру...

–Итальянку?

–Нет. Американку, но немецкого происхождения.

–И ты ее любил?

–Да. Как не любить человека, который спасает твою жизнь? К спасителю прирастает душа, а мозг превращается в ее придаток.

–Ты встречался с ней в больничной палате?

–Да. Где ж еще? Я тогда не ходил, был прикован в прямом смысле к постели. Ноги были перебиты осколками мины и пулями пулемета. Так вот. Медсестра у меня дежурила в палате. И мы не спали с ней целые ночи. Так я лечился.

—А как ее звали?

—Агнесс.

—Как и меня, на букву «А». У нас с ней совпадение первых букв имени. Не случайно. Ты на ней не женился?

—Нет. Она была старше меня почти на десять лет и считала стыдом для себя, выйти замуж за девятнадцатилетнего мальчишку.

—Глупая она!

—Нет — правильная. Она была старше меня.

—Снова совпадает, только наоборот. Мне столько же лет, как было тебе тогда.

—Да. Все в нашей жизни повторяется. Первый раз, как комедия, второй раз, как трагедия.

—У тебя сейчас трагедия. А у меня пока комедия. Выходит так?

—Нет. Я неправильно все сформулировал. У нас с тобой сейчас феерия. Начало сказки с неизвестным концом. Хотя конец всех сказок известен. Они заканчиваются свадьбами. — Он глубоко вздохнул.

—Как я хочу, чтобы сказка была без конца. Без свадьбы...

—Сказки рано или поздно заканчиваются. И у них всегда хороший конец... Жаль, что у меня в палате нет виски или вина. Сейчас бы выпить и все забыть.

—Тебе больно вспоминать прошлое?

—Нет.

—А что тебе больно вспоминать?

–Войну. Всех знакомых и друзей, не вернувшихся с нее. Когда я вспоминаю об этом смертельном копошении людей, то мне всегда хочется выпить.

–Я не буду больше напоминать тебе о том, что тебе больно. Поверь мне?

–Верю, дочка. Но ты напоминай. Иногда нужно выговориться болью.

–Не буду. Обними меня, Папа? Крепко-крепко! Так, чтобы дух захватило у меня, у тебя и забудем все, что было и есть вокруг нас. Сильнее! Сделай и мне больно, как было тебе больно в ту войну. Я хочу быть с тобой одним целым...

–Не надо «больно». Не проси. У войны боль особенная, на всю жизнь... Радость моя...

Он крепко обнял ее руками и почувствовал гибкое, а главное, молодое тело. Оно трепетало от внутреннего напряжения, и готово было взорваться радостью жизни. Он положил тяжелые ладони на маленькие упругие груди и поцеловал их. Тело взорвалось торжествующим счастьем...

Она забыла об изумрудах и не сказала о них Папе.

Утром за Адрианой приехал Джанфранко, и она ушла. Договорились, что вечером придет опять. Целуя на прощание Хемингуэя, она произнесла:

–Не чувствую губ. Кажутся огромными пирогами. Заметно, что они распухшие?

–Да. Сразу видно счастливые губы.

Когда она ехала с Джанфранко в машине, тот сказал ей:

–Ну, ты, сестра, даешь! Никогда бы не подумал такое о тебе. Влюбилась что ли?

–Да, Франки. – Адриана любила своего брата и не считала сейчас нужным скрывать от него происшедшее. Да он и сам давно догадался. Все-таки на два года старше ее.

–Он же старик?

–Я его все равно люблю.

–Люби, раз он нравится тебе. – Он помолчал, а потом попросил сестру. – Ади, ты напомни ему о машине. Он обещал ее мне подарить. Чтобы не забыл.

–Ты же вчера слышал, что она твоя. И как ты решился променять меня на машину?

–Я тебя не менял. Он сам предложил мне ее. Только с условием, чтобы я тебя сюда привез. Наверное, не хотел, чтобы ты ехала поездом. – Просто объяснил Джанфранко, добавив насчет поезда от себя. – Ты ж сама собиралась приехать в Падую, навестить его в больнице. Я только тебя привез сюда. Да, он еще попросил, чтобы я не говорил ничего о тебе мисс Мэри.

Адриана потерянно склонила голову и с горечью произнесла:

–Вы используете меня, как семейный капитал. Старик, как ты о нем выразился, намного чище и благороднее нас.

–Не сердись, Ади. Ты ж еще обещала сделать меня писателем. Вернее, обещала помощь Хемингуэя.

–Для этого надо быть Хемингуэем!

Весь день Хемингуэй находился в возбужденном состоянии. Сиделке приказал вызвать парикмахера, который немного привел в порядок обожженное лицо. В крайнем случае, убрал клочья щетины с лица. С большой осторожностью, но с удовольствием, принял ванну. Врачи отметили заметное улучшение состояния здоровья. Было ясно, что Хемингуэй переборол свою болезнь.

А потом он взял лист бумаги и, сидя в кровати, стал писать. Он знал, о чем сейчас будет писать. Сюжет не вымучивался, как часто с ним бывало, а ограненным алмазом лежал в его голове – драгоценность, пока недоступная другим. Сюжет органично вытекал из событий трагической охоты, его душевных метаний, событий сегодняшней ночи и девушки, способной принести себя в жертву, ради любви... Но для кого жертва? Здесь была неясность. Но эта проблема прояснится в ходе работы.

Хемингуэй писал последний рассказ в своей жизни. Больше рассказов он не сможет написать. Концентрированность происшедших с ним событий в последнее время требовала именно такой формы выражения.

И он начал работать. Писал, зачеркивал ненужное и лишнее. И, снова писал. По-новому.

Ближе к вечеру пришла Адриана. Увидев ее, Хемингуэй

вскочил с кровати, чуть ли не подбежал к ней и крепко обнял сильными руками. Он целовал ее лицо и повторял:

–Ты вернула мне способность писать! Я тебе безмерно благодарен. Я раб твоей музыки!

Адриана освободилась от его объятий:

–Что с тобой, Папа?

–Ты меня вернула к жизни! Я снова могу писать.

–А что ты написал?

–Начал рассказ. Там будешь ты и я. И больше никого. Там будет все, чем мы с тобой дышим.

–Успокойся и отпусти меня. А то вдруг войдет медсестра.

–Никто сюда не войдет, пока ты здесь. Я закрываю палату на замок. – Он подошел к двери и закрыл защелку. – Видишь? Нам никто не сможет мешать, также как и в прошлую ночь.

Адриана вздохнула. Она надеялась, что сегодня ей не придется оставаться в больнице. Но раз так нужно Папе, то пусть. Вон, какой он одухотворенный и взбалмошный. Как мальчишка! Адриана хотела рассказать ему о давнем разговоре с Мэри, о Джанфранко, которому обещана машина, о том, что ее все это унижает, но не посмела. Она чувствовала, что не имеет права не только убить, но даже ранить или царапнуть его вдохновение, грязной прозой жизни. Пусть, пока Папа не знает ничего. Как он возбужден ее приходом, как рад! Не надо говорить с ним о человеческой низости. Это может повредить его здоровью, уьет азарт к жизни.

–А как твоё здоровье?

–Великолепно! Даже давление, впервые за много лет оказалось в норме. Врачи удивлены. А если бы узнали лекарство?... – И он громко от всей души, захохотал, тоже впервые за время болезни.

–Тише! – Смущенно попросила Адриана. – А то кто-нибудь придет и попросит меня отсюда.

–В этой чертовской палате, провонявшейся лекарствами, распоряжаюсь я. Никто тебя отсюда не попросит.

–Ты мне читаешь свой рассказ?

–Пока нет. Это самый черновой вариант. Наброски. Но дня два и я его напишу полностью и покажу тебе. Ты будешь его первой читательницей.

–Я не смогу стать первой читательницей. Я завтра уезжаю.

–А почему ты мне об этом вчера не сказала?

–Забыла. Времени не было. Не хотелось тебя огорчать. И еще много хороших причин не позволили мне тебе об этом сказать.

Огорчение Хемингуэя ее сообщением было написано на лице, и он медленно произнес:

–И я забыл спросить. Старый дурак! Забыл, что встречи начинаются с прощания. Без них не бывает встреч. А время прощания узнают при встрече. А может ты останешься еще на несколько дней?

–Не могу. Послезавтра открывается выставка живописных работ. Там будут мои картины. Я обязана там быть. Про-

сти меня, Папа. Сможешь?

–Тебя не за что прощать. Просто жаль, что не можешь задержаться со мной, хотя бы еще на день. Но ты еще приедешь ко мне?

–Обязательно. Через несколько дней. Я поеду, чем угодно. поездом, автобусом...

–Я скажу Франки, чтобы он привез тебя на моей машине.

–Не надо. Мне не хочется отвлекать Франки от занятий.

Впервые, за все время встреч Адриана покривила душой. Ей не хотелось использовать ту вещь, которой заплатили за нее... Но этого она Папе не объяснила.

–Я буду ждать.

–Давай сегодня сделаем все так, будто ты не больной, а здоровый Хемингуэй.

–И молодой...

–Не смейся. И молодой. Ты для меня всегда останешься молодым. Я хочу приготовить нам коктейль. Тебе же вчера хотелось выпить?

–Да. Но можно и сегодня. Ты принесла виски?

–Нет. Виски для тебя сейчас крепок. Сделаю слабенький коктейль.

–Какой?

–Не знаю. Я плохая хозяйка, но коктейли умею готовить. Кампари и гордон со льдом. Не знаю его названия.

–Кампари и гордон со льдом... – Задумчиво повторил Хемингуэй. – Ты в моем рассказе будешь его тоже готовить...

—Я другого коктейля не смогу сейчас приготовить.

—Хорошо.

Адриана вынула из сумки две бутылки вина, лед в металлической коробочке, ручной миксер.

—Лед стал таять. В Италии в марте тепло...

—Да, тепло. Тепло, что ты у меня есть.

Адриана промолчала в ответ. Она крутила в руках миксер, потом разлила коктейль в два стакана и протянула один Хемингуэю. Он ощутил в своей руке холодное стекло и сжал его. Адриана протянула свой стакан и чокнулась с ним.

—Это наш коктейль. Давай его так назовем.

—Давай. «Наш коктейль». Хорошо, что ты не из тех, которые могут плакаться.

—Все еще впереди.

—Не говори так грустно, а то мне хочется плакать.

—Хемингуэй никогда не плачет. Я это поняла. Он только переживает. Свои чувства он любит больше, чем мир.

—Ты права. — Ответил удивленный констатацией очевидного факта Хемингуэй. А он думал, что этого никто в мире не замечает.

—Не говори о грустном. Выпьем за нас.

Они маленькими глотками стали пить коктейль, глядя друг на друга. Они ничего не говорили, только рассматривали себя, будто хотели запомнить этот миг навеки.

—Еще приготовить коктейль?

—Да. Ты смешай сразу же все, чтобы больше его не сби-

вать. А лед поставь в холодильник.

–Миксер маленький. Много не получится.

Хемингуэй встал, подошел к столику, приподнял белую ткань и подал литровый медицинский сосуд цилиндрической формы.

–Сбей коктейль в нем.

–Его надо помыть.

–Он стерильный, но ополосни, если хочешь, в умывальнике.

Минут через пять в цилиндре искрилась светло-красная жидкость.

–Налей еще в стаканы. Попробуем, что у тебя получилось. И ложись ко мне. Мне пока трудно долго сидеть. А я хочу ощущать тебя всю. Полностью!

–Сейчас, Папа. Подожди минутку. Что-то тебе подарю. Я вчера хотела сделать тебе подарок, но вещей здесь моих не было. Помнишь, их увез Франки?

–Помню. А что это за подарок?

–Сейчас увидишь. Закрой глаза и дай мне свою ладонь.

Хемингуэй послушно закрыл глаза, лежа в постели, и протянул ей руку с открытой ладонью. Он почувствовал, как на ладонь легли две холодные, но твердые капельки. Хемингуэй открыл глаза и, подслеповато шурясь, стал рассматривать маленькие камешки.

–Это бриллианты?

–Изумруды.

–Я не могу принять такой дорогой подарок. Ты не так богата, чтобы делать мне такие подарки!

–Я их не купила. Это фамильные драгоценности. Они мне достались от бабушки, а бабушке от ее бабушки... Никто точно не знает, сколько им лет. Они охраняют нас от болезней и несчастий. Охраняет только тех, кто ими владеет. Возьми их себе, Папа, и владей ими всегда.

–Я не могу принять такого подарка!

–Носи их всегда с собой. И когда соскучишься по мне, дотронься до них. Вспомнишь меня. А теперь сожми кулак. Чувствуешь меня? Ответь правду?

–Чувствую. Твое тепло чувствую. Это правда. Но я не возьму такого ценного подарка.

–Не думай о их ценности. Ты мне тоже что-то подари, чтобы я могла носить подарок на себе и радоваться каждый раз, когда его одену или увижу.

–Хорошо, дочка. – Согласился Хемингуэй. Но про себя решил вернуть ей когда-нибудь этот подарок. – Я тебе тоже что-то подарю, чтобы ты меня помнила.

–Я тебя всегда буду помнить и без подарка. А теперь пойдешь, я лягу рядом с тобой.

–А куда положить изумруды?

–Вот коробочка. Но сегодня давай положим их под подушку. Они помогут твоему выздоровлению. Дадут нам больше любви.

–Хорошо. Дай я тебя обниму и поцелую.

–А я тебя...

...На следующий день, перед обедом, Адриана пришла попрощаться с Хемингуэем.

–Я скоро вернусь. Держи изумруды в руке.

–Держу. Вот они. И ты пришла.

–Я еще приду. И не раз. До свидания, Папа!

–До встречи, дочка...

За три дня рассказ был закончен. Хемингуэй перечитал его, сделал необходимые правки. Он остался им доволен. Правда, герои четко не названы по именам, но любой читатель, интересующийся его творчеством, мог сразу понять, что рассказ автобиографичен. Герой это он, только потерявший зрение и нуждающийся в преданном друге. Героиня – собирательный образ женщин, умеющих самоотверженно любить. Адриана воплощение их. Но женский образ не исчерпан одной чертой самопожертвования, в нем заложено большее и его можно развить. Как? В повесть? В роман? Смутное видение большого произведения проступало перед ним. Необходимо продумать фабулу. И он, до боли в голове, думал.

На следующий день, когда он поставил окончательную точку в рассказе, приехала Мэри. Гипс с ее ноги не сняли, но заменили на более легкий. Теперь Мэри могла осторожно наступать на больную ногу. Но пока продолжала передвигаться на костылях.

Она поцеловала Хемингуэя и сказала:

–Без слов понятно, что тебе лучше. Ты выглядишь уже на пятьдесят долларов. Еще неделя и будешь на все сто. Почему ты мне не звонил?

–Я на все твои звонки отвечал. Дополнительно мне нечего

было сообщить. Поэтому и не звонил.

–Ну, хорошо. – Согласилась с его объяснением Мэри. – Я приехала на два-три дня. Врачи обещают через неделю, максимум десять дней снять гипс. Только предупредили, когда я поехала сюда, чтобы проявляла осторожность.

–Хорошо, что ты приехала. – Немного равнодушно произнес Хемингуэй. – Я тоже покину эту тюрьму через пару недель. Сказать, чтобы тебе принесли кресло?

–А может, мы поместимся на твоей кровати вдвоем?

В запахе лекарств, пропитавших палату, витал аромат Адрианы. Ему казалось, что он шел от подушки и матраца, на котором спал, и не хотелось перебивать его запахом других людей, даже если это была его жена. И он ответил:

–Я еще не совсем здоров. Да и твою ногу надо беречь.

Мэри промолчала в ответ. Она открыла все окна, и свежий весенний воздух ворвался в больничную палату.

–Это новая рукопись?

–Да.

–Можно посмотреть.

–Конечно. – Хемингуэй смягчился. Мэри была не только первым читателем его книг и критиком, но и редактором. – Посмотри внимательно.

Мэри стала читать. Хемингуэй ей не мешал. Через полчаса она закончила чтение и выжидательно посмотрела на Хемингуэя. Он жаждал услышать ее оценку и нетерпеливо спросил:

–Ну, что скажешь?

–Думаю, у тебя получилось. Немного камерно, но чувствуется драма. Как ты его назвал? В какой журнал хочешь послать?

–Пока нет названия. Надо еще поработать. Потом отдам в какой-нибудь журнал.

–Давай я его перепечатаю, и потом будешь дорабатывать.

–Не надо. У меня возникает продолжение рассказа.

–Но он у тебя закончен! – Удивилась Мэри.

–Да, закончен. Но я его хочу расширить в большое произведение.

Мэри знала, что Хемингуэй не любит, когда его спрашивают, что он сейчас пишет. Только Мэри он доверял незаконченные рукописи, но не любил, когда даже она спрашивала о его планах, которые не оформились окончательно. Поэтому Мэри не стала углубляться в его будущую работу.

Но между ними чувствовалась какая-то недоговоренность. И Мэри решилась заговорить об этом первая, но издалека.

–В герое рассказа я вижу тебя, только поставленного в крайние условия существования. Все правильно – писатель в каждом герою выражает конкретно себя или свои мечты. Зря ты представил себя слепым.

–Без рук, без ног можно жить. А слепому, ты правильно отметила, остается существование. Ему нужен поводырь, не только, чтобы ходить. Он не может постоянно видеть темно-

ту, ему всегда нужен верный человек рядом, как свет. Иначе он сойдет с ума или наложит на себя руки.

—Я поняла, на что ты намекаешь. Извини, что не могла быть с тобой в трудное время рядом. Но и я находилась, даже до сих пор нахожусь на грани существования. Я пока тоже калека.

—Я так не говорил. Спасибо тебе, что ты, искалеченная, бросила свое лечение и помогаешь мне. Без тебя я тогда бы не выжил. Жить, зная, что один глаз может оказаться балластом, очень тяжело. Ты меня тогда спасла.

Мэри заметно смягчилась.

—Если бы не моя нога, я бы сидела возле твоей койки все время твоей болезни. Спасибо, что все правильно понимаешь.

Они на некоторое время замолчали, готовясь к самому неприятному моменту разговора. И Мэри снова начала издалека.

—А вот героиня? Где ты встречал или видел такую женщину? Такой образ, даже, сложно придумать.

—Придумал, как видишь. От тоски и веры, безнадежности и надежды...

—Ты даже не описал ее образ. — Она помолчала — говорить или нет, и решилась. — К тебе приезжала Адриана. Она провела у тебя два дня. Вот чей это образ!

Хемингуэй не стал этого скрывать. Мэри все и всегда о нем знает. Да и унинительно оправдываться перед женой.

Нужно сгладить остроту неприятного положения, и в чем-то небольшом сознаться.

– Да, приезжала. Была у меня два вечера.

– Я это знаю.

– Откуда.

– Есть добрые люди. Более того, я знаю, что она провела с тобой не два вечера, а две ночи!

От неожиданности у Хемингуэя задергалась щека – признак сильного волнения, до нервозности. Кто сказал? Джан-Франко? Голову оторву, и ни какой машины! Мелькнула мысль – все отрицать, но гордость оказалась сильнее.

– Да. Она дежурила возле меня, как сиделка, две ночи. – Все честно рассказать мешало чувство долга – Мэри жена и не должна до конца знать все его семейные проступки. – Она мне очень помогла в выздоровлении.

– Вижу. – С иронией ответила Мэри, но решила не обострять этот вопрос. – Понимаешь ли? Ты меня ставишь в ложное положение. О твоих встречах с Адрианой знают многие. Что мне делать? Не обращать на это внимание? Как оценят меня другие? Бросить тебя? Не могу. Я тебя люблю, хоть ты стараешься не замечать моей любви. Я получаюсь жертвой своей любви. – Мэри заплакала.

Хемингуэй встал, подошел к ней, обнял и стал гладить ее белокурую голову.

– Прости меня. Но я нечего не могу поделать. Она приехала, и я стал выздоравливать, сразу же написал рассказ. С ней

чувствую себя с крыльями. Мне хочется летать.

–А со мной нет? – Сквозь слезы спросила Мэри.

–С тобой я чувствую себя, как корабль в бурю – надежно. Будто в крепкой гавани. Знаю, ты меня не подведешь. Я тебя за это люблю. С Адрианой нам вместе не быть. Я понимаю это ясно.

–Я знаю свою роль в твоей жизни. Поэтому и решилась на этот разговор. Но мне, понимаешь, больно видеть, что ты меня отодвинул на второй план. Я твой корабль... – Она горько усмехнулась. – Мне тоже хочется играть в твоём творчестве главную роль, а не быть палубой парохода. Я понимаю. У тебя увлечение, свойственное всем мужчинам, подошедшим или переступившим пятидесятилетний рубеж. Понимаю, что ты меня не бросишь, ради нее. Это и ты понимаешь прекрасно. Но давай, что-нибудь решим конкретно.

–Да. Давай. – Он помолчал немного и чтобы загладить свою вину, предложил. – Я думаю не надо кресла, мы поместимся вдвоем на кровати.

Но Мэри отрицательно мотнула головой:

–После сегодняшнего разговора я не могу остаться с тобой. Сам понимаешь. Психологически. Я сегодня переночую в гостинице, а завтра, когда решим наши проблемы, будет видно...

Они еще говорили около часа, и Мэри ушла.

Хемингуэй достал из тумбочки коробочку с изумрудами. Высыпал камешки на ладонь и долго на них смотрел. Камеш-

ки казались ему теплыми. Когда он клал изумруды обратно, то разглядел надпись на засаленной крышке коробочки «Эрнесту от Адрианы с любовью». Он замер от письменного признания той, которую тоже любил...

Но на следующий день он сказал Мэри.

–Я всю ночь думал о тебе. Ты для меня значишь больше, чем я раньше думал. Не обращай, пока мы находимся в Италии, внимания на меня. Ты права – у нас с ней ничего не может быть серьезного. Только позволь мне с ней встречаться.

–Я тоже не спала всю ночь и думала. Встречайся с ней, если тебе необходимо для вдохновения. Я твоему вдохновению не могу ставить препятствия. Но, как только мы вылечимся, сразу же уедем из Италии. Договорились?

Это слово очень не понравилось Хемингуэю, но он повторил его:

–Договорились.

Мэри обняла его и поцеловала:

–Милый мой медведь. Если бы ты знал, как с тобой тяжело. Как с маленьким ребенком.

На следующий день она уехала в Венецию. По пути она сказала Джанфранко.

–Хемингуэй не спрашивал, откуда я узнала о приезде к нему Адрианы?

–Нет. Я заходил к нему всего раз и только при вас.

–Твоя сестра пыталась скрыть факт ночного дежурства от мамы. А ты честно сказал, что она у него ночевала.

–Я не мог скрыть правды от вас, мисс Мэри.

–Я думаю, что там все было нормально.

–Да, мисс Мэри! Адриана порядочная девушка. – Солгал Джанфранко. – Вы не будете возражать, чтобы мистер Хемингуэй подарил мне машину? – Он уже имел право просить о таком подарке и мисс Мэри.

–Наверное, нет. Все зависит от тебя, Джанфранко.

Джанфранко довольно улыбнулся.

А мисс Мэри размышляла: «Пусть он с ней встречается. Она помогает мне лепить его образ, который нужен миру. Кажется, он серьезно осознал, что я ему необходима». Она сумеет загнать джина любви обратно в бутылку, в нужный момент.

Через три дня приехала Адриана. Она сразу же отметила положительные изменения происшедшие с Хемингуэем за эту неделю. Повязка с глаза была снята, он был тщательно выбрит, посвежел, приятный румянец появился на щеках. Его вид не портили даже подпалины на лице и свежий шрам над левым глазом. Он радостно встретил Адриану.

–Ты только что приехала?

–Нет. Уже давно. Успела переодеться у друзей, и сразу пошла к тебе, Папа.

–А чем ты приехала? – Насторожился Хемингуэй.

–Поездом. Джанфранко не смог меня привезти. Он нужен мисс Мэри в Венеции. Это он мне сказал неожиданно сегодня, в день отъезда.

–Я спрошу Мэри, зачем он ей понадобился. – Что-то заподозрил Хемингуэй.

Но Адриана развеяла его подозрения, в отношении Мэри.

–Ей должны снять гипс, и потребовалась срочная консультация в клинике в Местре. А как твое здоровье, Папа?

–Бодр и энергичен, как никогда. Ты для меня, как эликсир вдохновения. Вот написал рассказ. Хочешь послушать.

–Конечно. Но я могу его прочитать.

–Он написан от руки, и ты можешь не разобрать мой почерк до конца. Я тебе прочитаю.

–Я слушаю. Тебе приготовить коктейль?

–Тот же?

–Да.

–Я о нем упоминаю в рассказе. Готовь и слушай.

–Ты читай, а я буду смешивать коктейль и слушать. И одновременно будем его пить. Можно сделать в той же большой банке? Кампари и гордон. Помнишь, Папа?

–Я все помню. Каждую минуту из тех двух суток. Слушай!

Хемингуэй читал, а она слушала. Но не внимательно. Ее одолевали мысли – зачем она приехала к Хемингуэю? Да, ее ведет к нему любовь. Но у ее любви нет будущего. Преправды возраста и положения в обществе ей не преодолеть. Помочь больному человеку? Да. Но у него миновал самый тяжелый этап болезни. Тяга к умному человеку, известному писателю? Да. Он ей интересен. Она заряжает его своей энергией и молодостью. Папа этого факта не скрывает. Но он и ее вдох-

новляет. Ей хочется после встреч с ним сочинять красивые стихи, писать вдохновенные картины. Выходит, они нужны друг другу и от этой взаимозависимости никуда не денешься.

–Ну, как? – Голос Хемингуэя вывел ее из раздумий.

–Хорошо. – Немного растерявшись, ответила Адриана.

–И все? – Удивленно спросил Хемингуэй.

–Нет, мне понравилась героиня. Но почему она такая?

–Какая?

–Не земная. Нельзя же полностью подчиняться слепому человеку.

Хемингуэй разочарованно вздохнул. Он ожидал, если не восторженной, то высокой оценки. Его даже обидело отношение Адрианы к прочитанному рассказу. И он удрученно попросил:

–Дай мне коктейль?

Адриана поняла, что задела гордость Хемингуэя, как писателя. Она решила исправить свою ошибку. Адриана поднесла стакан к его губам.

–Прости меня. Я слушала невнимательно. Лучше сделаем так. Ты пей коктейль, а я тебя в это время буду целовать. Пей?

У Хемингуэя волна теплоты прошла по всему телу, и он приблизился губами к краю стакана. По губам и языку стала растекаться кисло-сладкая холодная влага. Он закрыл глаза, почувствовал на своем лице щекочущие волосы Адрианы, и прикосновение ее губ к своим. Она тянулась так, чтобы

поцеловать его губы и вдруг стакан с коктейлем опрокинулся на них. Но они не отпрянули, а сильнее прижались друг к другу. Первой отстранилась Адриана.

– Ты уже не обижаешься, Папа? Не надуваешь губы? Я постаралась забрать у них обиду.

– Нет. Я на тебя не могу обижаться, доченька. Только ты вымокла. Может, переоденешься, как тогда в медицинский халат?

– Нет. Я сегодня не буду оставаться у тебя.

– Почему? – Снова обиженно спросил Хемингуэй.

– Ты выздоровел, ночная сиделка тебе больше не нужна.

– Ты сейчас уйдешь? – Недоуменно спросил Хемингуэй.

– Ты же не хочешь, чтобы я сейчас уходила?

– Конечно, нет!

– Я останусь, пока не появятся звезды. А они весной появляются раньше вечера. Понятно?

– Да. Можно тебя взять на руки.

– Можно. Но только вначале потрогай мои изумруды. Они согреют тебя. А потом потуши свет.

Хемингуэй достал коробочку с изумрудами и раскрыл ее.

– Дотронься до камней. Чувствуешь меня?

– Да.

– Подержи их минуту и положи под подушку. А я пока пойду потушу свет.

Она прошла к выключателю на стене и встала возле него.

– Прошла минута? – Нетерпеливо спросил Хемингуэй.

–Еще пять секунд.

–Считаю. Раз, два, три, четыре и пять!

Он положил коробочку с изумрудами под подушку.

–В Венеции я тебе сделаю такой подарок...

–Мне просто подарок, чтобы я тебя помнила каждую минуту...

Хемингуэй схватил ее в объятия, а потом поднял на руки. Она обвила его шею и прижалась крепким поцелуем к его губам. Он, вроде бы, пошатнулся, потеряв равновесие, и они вместе рухнули на больничную кровать...

Через два дня Адриана уехала. Договорились встретиться уже в Венеции.

...Встав перед открытым окном, Хемингуэй глубоко вдохнул свежего весеннего ветра, поднял руки вверх и потянулся так, что захрустели суставы. Потом, закрыв окно, на случай сквозняка, он подошел к столу, взял бумагу и вечную ручку, лег в кровать.

Он знал, что сейчас начнет писать. Это будет роман. Действие, конечно же, происходит в Венеции. Герой – пятидесятилетний, много повидавший на своем веку, человек, изломанный духовно и физически. Похож на него. Только более заострить разочарованность жизнью. Показать смертельно больным. Героиня – юная девятнадцатилетняя девушка, искренне в него влюбленная. Похожа на Адриану. Но совершенно оторванная от повседневной жизни. Губка, впитывающая в себя мучения героя. Это завязка. А какой конец? Ко-

нец такой любви известен любому читателю. Ничего лишнего не надо придумывать.

Хемингуэй вышел из больницы в начале апреля. Итальянская весна отбушевала, и Венеция в изумрудной зелени парков, опоясанная каналами бирюзовых вод, казалась помолодевшей на тысячу лет.

Вместе с Венецией молодела душа Хемингуэя. Он чувствовал себя моложе на двадцать лет, может даже чуть больше, когда писал «Прощай, оружие!» Новый роман, не имевший еще названия, должен быть, как бы эпилогом того романа. Тот же герой, только постаревший, отвоевавший уже и вторую мировую войну, сполна познавший изнанку жизни. Та же героиня, только не состарившаяся, всегда юная и чистая. Начало романа написано, и жажда творчества была из него только одним действием – писать.

Мэри заказала билеты на пароход – из Генуи до Гаваны. Узнав, что снова придется плыть на польском «Ягелло», Хемингуэй недовольно пробурчал в адрес жены:

–Опять тот же капитан! Он пить не умеет, как и все поляки! Помнишь, не хотел брать наш «бьюик» на борт? Снова, что-нибудь выкинет!

–Но мы обратно поедem без машины. Ты пообещал подарить ее Джанфранко. Или забыл?

–Помню. А откуда ты знаешь?

–Он мне сказал об этом. – Мэри не могла говорить всю

правду о машине и о Джанфранко, выполнявшим и ее поручения. Но первым пообещал подарить автомобиль Хемингуэй, а не она. – Потом, мальчик, нам оказал столько услуг в качестве шофера и влюблен в твою машину.

Мэри чуть язвительно не добавила «Как ты в его сестру!», но благоразумно промолчала. У них есть договор с мужем, что его интрижка с Адрианой закончится с их отъездом. Итальянка дала толчок новому роману, пусть пока его и вдохновляет. А потом он никуда не денется и продолжит его писать. Первый роман, написанный при ней, Мэри – четвертой жене Хемингуэя.

– Да. Не везти же его обратно. – Согласился с ней Хемингуэй. Судьба «бьюика» была им недавно решена. – Пусть у Иванчичей будет свой автомобиль.

Он подошел к окну номера. Перед ним во всей весенней красе золотилась на солнце Адриатика. По голубым каналам, мягко скользили гондолы. Их было много. Туристы съезжались в Венецию. А зимой? Он вспомнил прогулки с Адрианой, когда их гондола была единственной на канале. Да, теперь не так интересно будет в гондоле потому, что их много. Все-таки красивый вид открывается из окон «Гритти» на Венецию! Поэтому он любит этот отель.

Хемингуэй с усилием отвел глаза от идиллической панорамы, открывающейся из окна.

– Мэри! Пойдем на обед. Придет Адриана и будет нас ждать. Некрасиво получится.

–Конечно, некрасиво. Я через пять минут буду готова. А ты собрал свои записи?

–Сейчас соберу.

Хемингуэй подошел к столу, где он все утро писал, и глаза его скользнули по последним строкам начатого, но незаконченного романа. «Он знал, что о чужой войне слушать очень скучно, и замолчал». «Каждый смотрит на войну со своей колокольни, – подумал он. – Никто не интересуется войной отвлеченно, кроме разве настоящих солдат, а их немного. Вот готовишь солдат, а лучших убивают...»

«Вроде неплохо. – Подумал Хемингуэй. – Только надо усилить контрастным сравнением эти рассуждения». – Он сложил разрозненные листки в одну стопку и отодвинул к настольной лампе. – «Но теперь уже завтра».

Мэри была готова к обеду, и они спустились вниз. Адрианы еще не было. Подошел Ренато Корради, как всегда в безукоризненно отглаженном черном смокинге. Он с радостной улыбкой приветствовал Хемингуэев. Мужчины крепко пожали руки.

–Здравствуйте мисс Мэри. – Приветствовал жену Хемингуэя метрдотель. Он чувствовал холодное отношение Мэри к себе, но ничем не выказывал к ней свою неприязнь.

–Здравствуйте синьор Корради. – Несколько официально ответила на его приветствие Мэри, не одобрявшая и не понимавшая дружбы старых фронтовиков.

–Как вы себя чувствуете? Что подать?

–Садитесь, Ренато. Дайте мне сухого мартини, большую рюмку и самое лучшее на обед, что у вас есть. На ваш вкус. А Мэри сейчас уточнит.

–Не могу сесть, я на работе. Что вы желаете мисс Мэри?

–А что у вас есть уже готовое?

–Бифштекс с кровью. Эскалоп в сладком винном соусе и цветная капуста в масле. Артишок с уксусом...

–Мне бифштекс! – Перебила перечисление метрдотелем готовых блюд Мэри.

–А мне эскалоп. Гарнир сами подберите.

–Иду отдавать распоряжение.

Метрдотель повернулся, чтобы идти на кухню, но Хемингуэй остановил его.

–И еще один эскалоп.

–У нас большие порции мистер Хемингуэй. Вы голодны?

–На обеде должен присутствовать еще один человек... Девушка. – Пояснил Хемингуэй.

Корради все понял:

–Ей все будет приготовлено на ваш вкус, мистер Хемингуэй. Согласны?

–Да, Ренато. Я всегда уверен в гроссмейстере из «Гритти».

–Очень рад. – С достоинством ответил метрдотель и пошел выполнять заказ.

–Эрни, нельзя же вот так вести себя с официантом. – Укорила его Мэри. – Ты же известный всему миру писатель. А он? Что он подумает, что другим скажет?

–Больше, чем есть, обо мне не скажет. Мы воевали с ним в семнадцатом против немцев.

–Так сколько времени прошло? Вы все изменились, занимаете разное положение!

–Пока мы живы – прошлое с нами. Оно, в отличие от нас, не старится. Мы, действительно, изменяемся. Но только не наше прошлое. Ренато останется моим другом.

–Я все понимаю, Эрни. Но имей, хоть чуточку апломба.

–Только тупые люди имеют апломб. Им они прикрывают свое скудоумие и малый размер мозга. Мне апломб не нужен.

Мэри вздохнула. Говорить с Хемингуэй о его поведении, всегда тяжело. Лучше исправлять его незаметно для него.

Подошел метрдотель с фужером мартини и поставил его перед Хемингуэем.

–Обед уже несут.

–Садись, старина! – Распорядился Хемингуэй, недовольный замечаниями Мэри в адрес его поведения и хотевший хоть чем-нибудь ей насолить.

–Если ты приказываешь, то я сяду. – Недоуменно пожал плечами Корради, показывая этим, что подчиняется приказу фронтowego товарища.

–Приказываю. – И Хемингуэй сказал подошедшему с подносом официанту. – Джорджо! Принесите синьору Корради бокал кьянти.

Официант кивнул головой, быстро расставил тарелки с обедом, убежал и через несколько секунд вернулся с вином.

–Я на работе. Но, если это приказ, мне останется только повиноваться.

–Приказ, Ренато.

Они чокнулись, под осуждающим взглядом Мэри, и выпили. Каждый за свое, но против того, что произошло с ними тридцать лет назад.

К столу подошла Адриана и остановилась, не присаживаясь. Она была одета в коричневый костюм: приталенный жакет, подчеркивающий ее талию и бюст. Светлый свитер под жакетом оттенял смуглость ее шеи и лица. Волосы, которые Хемингуэй так любил видеть распущенными, были закручены узлом на затылке. От нее веяло венецианской весной и женским обаянием.

Хемингуэй с задумчивой улыбкой смотрел на нее. Он давно не мог на нее смотреть иначе – близкая, но недостижимо-достижимая. А как же еще глядеть на любимую женщину, будучи скованным цепями объективных причин.

Мэри отвела взгляд от Хемингуэя, чтобы не видеть его повлажневших, и таких для нее сейчас, противных глаз. Она посмотрела на юную соперницу, и доброжелательно улыбнулась ей. Мэри умела скрывать свои чувства. Адриана открыто улыбнулась всем и ей тоже. Два противоположных женских взгляда одной и той же любви.

–Здравствуйте. Я опоздала?

–Нет. Это мы раньше времени пришли. – Ответила Мэри. – Садись, Ади.

– Я пойду распоряжусь насчет третьей. – Ренато Корради встал и пошел к кухне.

Адриана села за стол и посмотрела в глаза Хемингуэя, в обрамлении припухших век. Как он красив мудрой красотой! Только бы чуть – чуть моложе. Да, еще бы был менее известным писателем! И, к черту тогда Мэри, Джанфранко, маму и всех-всех-всех!!!

Адриана снова улыбнулась Хемингуэю и Мэри. Все-таки она чувствовала себя пешкой в непонятной игре, которую вела Мэри. Но уже смирилась с этой ролью. Лишь бы быть нужной Хемингуэю, как говорит ей Мэри и мама. А нужной быть оставалось десять дней – Хемингуэи уезжали. А потом что? Не думать о потом! Надо быть нужной сейчас. А любовь? Эта пройдет, будут новые. И Адриана улыбалась будущему, тревожась за настоящее. Но никто не должен понимать ее счастливой улыбки. Расставание – счастье для влюбленных, замурованное в трагическую память.

А Мэри прагматично думала: «Спасибо тебе, девочка, что смогла расшевелить Эрнеста на большую работу. Я постараюсь, чтобы без тебя его пыл не угас. У вас впереди еще десять дней для встреч. А у меня с ним жизнь, до конца моих дней».

Мэри считала нужным говорить с Адрианой мягко, по-матерински. Хемингуэй все равно ничего толкового не скажет. Он препарирует сейчас Адриану в своих мозгах на атомы честности, самопожертвования, влюбленности, совести

и прочей высокой ерунды составляющих, как говорят философы, качественную сторону человека. Вон, как он на нее смотрит! Какое качество Адрианы сейчас анализирует? Внутреннее или внешнее? Впрочем, это уже не важно.

—Как здоровье вашей мамы? — По привычке спросила о постороннем Мэри. Больше Дора ее пока не интересовала.

—Весной ей всегда лучше. Она хочет пригласить вас в гости.

—Очень мило. Эрни, у нас будет время посетить Иванчиной?

—Да. — Коротко отозвался Хемингуэй.

—Адриана, милая, мы тебе скажем, когда сможем придти к вам. Эрни занят новым романом. У нас мало времени, а друзей много и каждый считает обязанным с нами попрощаться.

—Только обязательно попрощайтесь с мамой. Она и все мы очень вас ждем.

Подошел Ренато и сообщил:

—Адриана, сейчас и вам будет подано.

Хемингуэй пристально вглядывался в него, перевел взгляд на Адриану. И вдруг не сказал, почти приказал Корради:

—Сядь с нами! — Получилось грубо, не так как несколько минут назад.

Если тогда он присел за стол по приглашению старого товарища, с шуткой, то теперь метрдотель чувствовал себя оскорбленным, что он выразил вежливым отказом:

– Не могу. Вы знаете мои принципы.

– К чертовой матери твои принципы и твое начальство! Садись и налей нам мартини. Ты уже нарушил свои принципы!

– Я сяду и налью вам. – Оскорбился Ренато Корради и Хемингуэй понял, что в отношении него он слишком резок. Метрдотель, пока стоя, налил в бокалы вина и остался стоять на месте.

– Прости меня, старина. – Медленно, хрипловатым голосом произнес Хемингуэй. – Я не хотел тебя обидеть. Но, если ты не сядешь, я больше к тебе никогда в ресторан не зайду.

– Эрни! Что за выражения. Тебя могут услышать. – Возмущенно произнесла Мэри. – Извинись перед синьором Корради, он твой друг. Как можно?...

Адриана с недоумением смотрела на Хемингуэя. Таким она его еще не видела. С ней он всегда был ласков. Чтобы ей приказать? Нет! Никогда! Она не могла понять вспышки Хемингуэя и решила тоже вмешаться:

– Папа. Что с вами? – При Мэри она никак не могла назвать его на "ты". – Ренато всем друг.

– Знаю. – Смягчился Хемингуэй. – Старина, сейчас ты перестанешь обижаться на меня. Садись и налей себе рюмочку.

Ренато понял, что сейчас на свои принципы надо действительно наплевать. У Хемингуэя что-то серьезное. Он сел на стул и молча налил себе фужер мартини и, подчеркивающе-выжидательно, стал ждать.

–Старина, мне очень нравится твое имя. Хочу его у тебя позаимствовать. Не возражаешь?

Корради молча пожал плечами. Он пока не понимал смысл разговора Хемингуэя. Но писатель часто говорил загадками, надо время, чтобы их понять.

–Мне очень нравится твое имя. – Снова повторил Хемингуэй. – Хочу его увековечить. Отдашь его мне?

Наконец метрдотель раскрыл рот.

–А зачем? Мое имя нельзя у меня отнять.

–Не бойся. Ты останешься с ним. Я так люблю тебя старина, что в честь тебя хочу назвать свою героиню. Только скажи, можно твое имя дать женщине?

Ренато улыбнулся. Он простил Хемингуэя сразу же после первых его слов. И вообще, несмотря на свою сухость в обращении с клиентами, он был отходчивым и добрым человеком.

–Да. В Италии Рената является женским именем. Как Адриана, мужским. – Он посмотрел на нее. Кажется, Ренато Корради уловил смысл вопроса Хемингуэя. – Но зачем тебе такое имя?

–Ты мне нравишься, Ренато. Я не забыл фронтовой дружбы и оставлю о тебе память в женском образе. Она будет сегодняшней и останется, как тот день, в семнадцатом.

–Спасибо, Эрнест. За это можно и выпить.

–А как же твои принципы?

–К черту принципы, когда Хемингуэй хочет увековечить

мое имя в своем романе.

Все дружно рассмеялись и выпили.

—А что это за женский образ? — Спросил Ренато. — Хороший?

—Старина! Твое имя я не возьму для плохого образа. На лей всем еще. Это будет такой образ... Увидишь сам.

—Тогда мне подаришь книгу.

—Без вопросов.

Все сразу же выпили еще. И Ренато Корради уже не уходил от них до конца обеда. Действительно, к черту принципы, когда так весело решается вопрос об имени героини.

Адриана, улыбалась и думала: «Неужели он нашел замену моему мужскому имени? Неужели я буду героиней романа?». И ей хотелось взлететь и запеть от радости. Папа ее любит!

Мэри с удовлетворением думала: «Слава богу! Он нашел имя для своей героини». Она была знакома с началом романа, и понимала, что в нем должна быть героиня. А Хемингуэй был придирчив в выборе имен. Они для него носили символический смысл.

«Теперь работа над романом должна ускориться. Я создам ему все условия для работы. Спасибо Корради, его фронтовому другу». Мысленно она уже простила Хемингуэю дружбу с ресторанным работником.

Обед продолжался больше двух часов, и всем было весело и хорошо. Когда наступило время уходить, Мэри поду-

мала: «Неплохо прошел сегодня обед. Как Эрни возбужден! Ему сейчас хочется к письменному столу, чтобы работать. Но пусть он сегодня прогуляется с Адрианой. Я не буду ему мешать. Он сегодня заслужил, чтобы остаться с ней вдвоем».

–Эрни! Я сегодня по телефону договаривалась с Кехлерами пойти в Тьеполо. В палаццо Лабаи после реставрации открыты росписи. Надо посмотреть. Не хочешь пойти с нами? И ты, Адриана?

–Нет. – Поняв ее, ответил Хемингуэй. – Я хотел сегодня послушать песни гондольеров. Они, как говорят, весной поют лучше соловьев. Я думал ты поедешь с нами?

–Значит, сегодня мы проведем вторую половину дня раздельно. Адриана! – Улыбнулась ей Мэри. – Не позволяй ему много пить, а то он может нырнуть в холодную воду. Когда он вдохновлен, то способен на безумные поступки.

–Мама! – Воскликнул Хемингуэй. – Неужели я способен на безрассудство.

–Способен, способен. – Также шутливо ответила Мэри. – Я пойду в номер переоденусь. Ты тоже?

–Нет. Я сразу же на канал.

–Следите за ним, Адриана. Не позволяйте ему опускать даже пальца в море.

Она больше ничего не сказала и, повернувшись, пошла к себе. На душе у нее было безоблачно и тревожно одновременно. А правильно ли она сделала, что не пошла с ними?

Когда Хемингуэй и Адриана вышли из ресторана гостини-

цы, то направились не к каналу, а к площади Сан-Марко. Хемингуэй сегодня решил сделать подарок Адриане. Они остановились возле витрины ювелирного магазина.

–Тебе нравятся золотые вещицы?

–Нравятся, но я не люблю носить на себе много украшений.

–Тогда зайдем. Я тебе обещал подарок.

–Хорошо, Папа. Только такой подарок, чтобы я могла его постоянно носить или очень часто надевать. Я не хочу твой подарок держать в шкатулке.

Они зашли в магазин, и их внимание привлекли фигурки негрят из черного дерева, украшенные драгоценными камнями.

–Симпатичные броши. Они подойдут к любому костюму и платью, разве кроме, бального.

–Какой из негров тебе больше нравится? Выбирай?

–Пожалуй, тот, что справа. У него симпатичное лицо. Как ты считаешь, Папа?

–Они все симпатичные. Но, если бы я для тебя выбирал слугу, то предпочел, вон того. – Он показал на другую фигурку негра.

–Хорошо. Подари его, раз он тебе нравится.

Подошел продавец и назвал цену. Хемингуэй плохо понимал итальянский, но понял, что цена за негрятенка, высока. Между всеми тремя завязался оживленный торг, где Адриана была больше переводчиком. Наконец, продавец снизил

цену на треть, и Хемингуэй выписал счет. Стоя перед зеркалом, Адриана пыталась приколоть трехдюймового негритенка с рубиновыми глазами к левому плечу жакета. Негритенок был красивым и, конечно, мог украсить любое платье, правда, если такие вещи любишь.

«Не любить их могут только дураки. – Подумал Хемингуэй и сразу же себя оборвал. – Не смей говорить грубости даже про себя. Постарайся вести себя лучше, пока с ней не распрощался. Прощай! Как плохо звучит. Лучше до свидания, всего хорошего, до встречи. А еще лучше – счастливого пути. Как из песни. И точка. Не показывай ей, что тебе плохо. Ей тоже плохо».

–Дочка! Дай, приколю слугу, которого выбрал для тебя.

–Изволь, мой король.

–Спасибо, моя принцесса и королева.

–Давай играть в великие имена.

–Давай. Вот смотри, моя принцесса. Мой слуга всегда с тобой.

–Мне подарил его Людовик Шестнадцатый.

–Да. Перед тем, как отправиться на гильотину.

–Извини. Я об этом не подумала. Но, тогда я пойду с тобой на эшафот и плюну сверху на всех, кто мне будет возражать или мешать быть рядом с тобой.

–Не надо о казнях. Забудем о них. Пойдем к каналу, и пусть нас отвезут на самый отдаленный остров в лагуне.

–Там мы будем играть в великих людей. Только без имен.

Хорошо, мой король?

– Да, моя королева...

Они вышли из магазина. Адриана, склонив голову влево, рассматривала своего негритенка.

– Ты мои изумруды держишь в руке? – Она уточнила. – Хотя бы изредка?

– Нет, моя принцесса. В номере их хранить не могу. Я их положил в сейф у портье. Я тебе хочу их отдать. Не надо мне делать дорогого подарка. Ты для меня – лучший подарок. Я написал распоряжение, чтобы тебе вернули их после моего отъезда.

Адриана отшатнулась от него.

– Не смей этого делать, Папа! Я их не возьму. А, если мне их передадут, то я их выброшу в море. В Большой канал, у «Гритти». У твоего дома в Венеции! Понял?!

– Хорошо, дочка. Я их оставлю себе. Но я их все равно тебе верну, когда меня не будет.

– Не говори мрачно, Папа. А то я заплачу.

– Пойми, дочка. Я их постоянно держать возле себя не могу. Они будут у меня храниться где-нибудь в сейфе...

– Но ты, хоть изредка, будешь на них смотреть и вспоминать меня. А когда возьмешь в руки, почувствуешь меня рядом с собой. – Перебила его Адриана.

– А потом, после... Как у Людовика. Их кто-то возьмет себе, не зная, что они твои. А потом продаст. Я же умру первым.

–Папа, ты вечен. Никогда не говори мне об этом... Ну, то что ты сейчас сказал. Распоряжайся ими, как хочешь. Но мне никогда не отдавай.

–Хорошо, девочка. – Вздыхнул Хемингуэй. – Вот и Большой канал. Где здесь поблизости гондола?

–Давай крикнем, вон тому гондольеру?

–Не надо. У него люди. Пойдем к причалу, найдем себе отдельную гондолу и не отпустим ее от себя.

–Как скажешь, мой король!

За два дня до отъезда, Хемингуэй пришли на обед к Иванчичам. Разговор за обедом шел вяло, пока Мэри не сказала:

–Мы с Эрнестом решили подарить вам свою машину.

Джанфранко подскочил на стуле. Наконец-то, завязался настоящий разговор.

–Спасибо! – Выпалил он. – Я боялся об этом подумать.

Его глаза перебежали с Эрнеста на Мэри, – чей подарок? И Хемингуэй сказал:

–Я тебе дарю свой автомобиль, Франки. Ты был у нас, как шофер и твоя помощь часто выручала нас.

–Да, Франки. – Хитро улыбнулась Мэри. – Ты во многом нам помог. Спасибо тебе.

–Так он уже мой?

–Да. – Ответил Хемингуэй. – Завтра подготовь документы на дарение, я их оплачу. А послезавтра повезешь нас в Геную уже на своем автомобиле.

–Хоть до Кубы! Синьор Хемингуэй. Я не решался вам сказать, но если можно...

–Что, Франки?

–Я хочу написать книгу. Не можете мне... – Он смущенно замолчал.

–Покажи, что у тебя есть?

–У меня пока ничего нет. Я просил Адриану поговорить

с вами...

Хемингуэй посмотрел на Адриану, и та смущенно опустила глаза.

–Хорошо. Я всегда тебе помогу, Франки. Как что-то напишешь, покажешь мне.

–Спасибо!

Адриана смотрела в стол, а внутри ее бушевало. «Не думала, что Джанфранко, может быть таким... И все ради машины. Будто на рынке меня продал брат. И мама тоже хороша. За кольцо, подаренное Мэри, уговаривала меня встретиться с Хемингуэем, но не слишком близко. И Мэри – хитрая лиса. Я – нужна для вдохновения! Разве одно вдохновение нужно Хемингуэю? Не знают они его совсем. Вдохновение невозможно без любви. Только я знаю его вдохновение потому, что люблю».

Она подняла голову от стола и сказала, обращаясь к Хемингуэю:

–Мистер Хемингуэй можно вам показать мою библиотеку? У меня для вас сюрприз.

–Да, Адриана. Какой сюрприз?

–Пойдемте и увидите.

Хемингуэй вдруг стал галантным:

–Я могу покинуть стол? – Обратился он ко всем и Мэри, понимающе ответила.

–Конечно, Эрни. Посмотри, какой сюрприз приготовила тебе наша девочка.

Адриану покорило обращение «наша девочка». Будто она принадлежит еще и Мэри, но ничего не ответила.

Они прошли в библиотеку, и Адриана показала лежащие на столе рисунки.

–Что это? – Спросил Хемингуэй.

–Посмотри. Ладно, не буду скрывать. Это рисунки к твоему новому роману.

–Да? Но он же еще не написан. Никто и ты, в том числе, не читал его. Откуда ты взяла эти образы? – Хемингуэй стал подслеповато рассматривать картинки.

–Почувствовала. А потом помнишь, в ресторане ты назвал героиню Ренатой. Она должна быть похожа на Корради. Духовно, я имею в виду.

–Ты не права, девочка. Рената будет другой, но как ты. Можно я заберу твои рисунки с собой?

–Зачем?

–А это уж будет мой сюрприз. – Грустно улыбнулся Хемингуэй.

Адриана поняла его улыбку. Он грустит из-за скорого расставания.

–Папа, ты еще приедешь в Венецию?

–Надеюсь. Мне тебя всегда хочется видеть. Конечно же, приеду. Поэтому я не буду с тобой прощаться и не скажу тебе до свидания. Скажу до встречи. А себе скажу – счастливого пути.

–Мне тебя будет не хватать. Я к тебе привыкла. К твоим

рассуждениям, советам, твоим рукам, губам... – Она смущенно улыбнулась. – Не представляю, как я обойдусь без тебя.

–Но я не обойдусь без тебя. Завтра прощальный ужин. Приходи обязательно.

–Не приду. Не хочу прощаться.

–Ты права, девочка. Мы будем только встречаться. Завтра утром.

–Хорошо.

–Ты моя последняя, настоящая и единственная любовь.

Она обняла Хемингуэя и поцеловала в шрам над бровью.

–Мы еще не прощаемся, Папа.

–Никогда. Держись рукой за негритенка, и мы встретимся.

И они прощально обнялись.

А за обеденным столом остались Мэри и Дора. Джанфранко побежал, видимо, к своей машине. Так подумала Мэри.

–Я благодарна вам, Дора, за то, что вы откликнулись на мою просьбу. Ваша дочь совершила чудо. Эрнест, благодаря ей, пишет роман. А перед этим написал рассказ, в котором Адриана, является героиней.

–Я рада...

Но Мэри, не слушая ее, продолжала говорить:

–Ваша семья может гордиться, Адриана вошла в историю литературы. Хемингуэя знает мир, каждое его произведение скрупулезно изучается, и литераторы обязательно найдут прообраз героини. Всем будет ясно, что это Адриана и

об этом напишут.

– Я рада. – Снова начала Дора. – Что Адриана оказала такое влияние на вашего мужа. Я старалась поступать, как вы мне говорили. Но разве удержишь нынешнюю молодежь.

– Да. – Согласилась Мэри, внутри недовольная ответом Доры. – Вы правильно направляли Адриану. Надеюсь, больше вам не придется этого делать.

– Надеюсь и я. Но знаете молодежь нынче такая... – Снова стала разъяснять Дора, но Мэри ее бесцеремонно перебила.

– Я настояла перед Эрнестом, чтобы он вам подарил автомобиль. Это мой подарок вам и всей вашей семье. Если еще потребуется ваша помощь, то знайте, она не останется без внимания.

– Спасибо.

Вышли из библиотеки Хемингуэй с папкой рисунков под мышкой и Адриана. Еще немного побеседовав с Дорой, Хемингуэй уехали.

Дора, после ухода гостей спросила Адриану.

– Видела, какие они богатые? Подарили машину, не глядя. Вот, если бы в тебя Хемингуэй влюбился серьезно, то ты стала бы богатой. Эх, любовь... – Как-то неопределенно вздохнула мать.

– Он влюбился в меня серьезно. – Прямо ответила Адриана матери. – Вы с Джанфранко заработали на этой любви. Только я ничего не получила, кроме боли.

Адриана посмотрела на негритенка с рубиновыми глаза-

ми, приколотого на левом плече. Но он слуга, подаренный королем, своей принцессе. А слуга не имеет права на любовь. Он своим присутствием должен напоминать о прошедшей любви короля.

—Ади! Не говори так! Мы не так богаты, чтобы отвергать их подарки. Вот вырастешь и все поймешь...

Так мама говорила ей с детства: «Вырастешь»... Вот и выросла. Стала совсем взрослой. Совсем. Прощай, юность! Здравствуйте муки! Я уже взрослая. Бегите муки и боли ко мне, наваливайтесь на меня! Завтра последняя встреча, последняя мука. Прощаться с ним послезавтра утром она не пойдет!

...Багаж в Геную был отправлен накануне. Теперь Джан-Франко должен был отвезти Хемингуэев в Геную. А завтра утром, литовский «Ягелло», принадлежащий полякам, отвезет их обратно на Кубу.

Ужин затянулся до утра. А сейчас провожающие жали руки Хемингуэям, прощались и приглашали снова к себе в гости. Графы Кехлеры в Кортина Д'Ампеццо, охотится на куропаток. Барон Франчетти, на утиную охоту, обещая полную безопасность ружей. Все вместе – рыбалку на Адриатике. Пеламиду обязательно поймают, а может еще какую-то неизвестную на Кубе диковинку.

Адриатика, Адриа...

Ренато Корради с официантами разливали всем желающим на террасе «Гритти» вино. Кажется, это уже прощаль-

ный бокал.

Хемингуэй выпил бокал и, размахнувшись, бросил его на паркетный пол. Мелкие осколки стеклянных брызг слезами, с ароматом кьянти, разлетелись по каменному паркету. Он желал снова вернуться в Венецию. И вдруг его что-то кольнуло в сердце. Он оглянулся, почувствовав чей-то взгляд. Посмотрел через площадь, напротив, – там бар «Гарри». Наверное, наблюдают за его проводами утренние пьяницы.

– Прощайте! – Кричал он всем, пожавшим ему руку и не успевшим пожать. – До встречи.

– До встречи, Папа. – Кинулась ему на шею Афдера.

– До свидания! – Улыбалась всем Мэри. – Прощайте! Джанфранко, поехали!

Машина тронулась, а Хемингуэй высунувшись из окна автомобиля, махал всем рукой. Уходит дальше «Гритти», вот сбоку «Гарри». Прощай «Гарри» и жди!

Если бы Хемингуэй мог проникнуть взглядом сквозь тюль на окне бара «Гарри», то он бы увидел Адриану. Ее рано утром привез Джанфранко на своем «бьюике». Уже на своем автомобиле. И теперь Адриана сидела одна в закрытом баре. Ей разрешили находиться в пустом зале. Она видела, как все прощались с Хемингуэями. Ей хотелось выскочить из бара и подбежать к террасе. Но они вчера договорились с Папой, что она не пойдет на прощальный ужин. Он с ней согласился и сказал:

– Правильно сделаешь, что не придешь. А то я не выдержу

и уйду с тобой с ужина. Навсегда от всех уйду, и останусь в Венеции.

Вот машина, с Джанфранко за рулем, полученная им в подарок от Хемингуэя, в обмен на подарок ее семьи – Адриану, промчалась мимо окна. Она видела пьяное лицо Хемингуэя, высунувшегося из окна дверцы. Он, кажется, махнул ей рукой. Точно, махнул в ее сторону. Он не мог не попрощаться с ней в последний раз! Она же любит Папу! Он обязан оставить ей прощальный взмах, что и сделал. Она левой рукой сжала негритенка на плече и прошептала одними губами:

–Счастливого пути! Не возвращайся!

И еще крепче сжала негритенка.

Глава 2. И снова – Венеция

—Я не хочу, чтобы ты хоть в чем-нибудь была не такая, какая ты есть. Я люблю тебя всей душой, окончательно и бесповоротно.

«За рекой, в тени деревьев».

Из воспоминаний Хосе Луиса Эрреры – личного врача Э. Хемингуэя.

«Мы почти той же братией, что провожали, встречали «Ягелло» в гаванском порту... В мае сорок девятого Эрнесто стоял на палубе, несмотря на довольно основательное пекло, при полном параде. Элегантный костюм и галстук уже издали свидетельствовали о его хорошем состоянии. Правда, как только он сошел с трапа, первое, что мне бросилось в глаза, – что он за последние несколько месяцев заметно поседел. Но был весел и шепнул мне: «Доктор, ты выгонял израненного Сатира, а встречаешь окрыленного дважды Амура»... Мэри же была не просто внимательна, она следила за каждым его движением и, ловя себя на этом, сама раздражалась. В отношении Эрнесто к ней появились новые качества: налет снисходительности и в то же время боязнь обидеть ее. Когда рядом никого не оказывалось, он спешил мне сообщить: «Хосе, она истинная Геба! Ты не поверишь! Но сам убедишься. Она красива и очаровательна. Послана свыше за мои страдания.

Все, что видишь, сделала она!» – я окончательно был заинтригован, а Мэри, слышавшая последнюю фразу, прищутив глаза, произнесла: «Он снова петушится, хорохорится. Пусть лучше покажет вам рассказ про собаку-поводыря», – я почувствовал в голосе его жены и гордость и упрек, но объяснить их природу тогда не мог.

...Известно, что рассказ «Нужна собака – поводырь», был опубликован только в 1957 году, в ноябрьском номере бостонского журнала «Атлантик». Постепенно я узнал об истории его создания и Адриане. О ней мне говорил Хемингуэй в первые дни прибытия на Кубу, не называя имени... Главное в рассказе о мужчине, потерявшем зрение, и о женщине, готовой постоянно находиться рядом и разделить горькую участь – «Ты любишь меня, и ты знаешь это, и мы радуемся так, как другие не могут».

...Поначалу, недели две-три после возвращения, Хемингуэй чувствовал себя в норме и с успехом работал. Но однажды без причины отругал почтальона за то, что тот якобы, приносит почту с опозданием. Хемингуэй ожидал писем из Венеции, а они не приходили.

...21 июля в «Ла-Вихии» готовились отметить пятидесятилетие хозяина, но юбилея не получилось. Хемингуэй, как всегда в день рождения, вышел в море, но в очень тесном кругу друзей... Широко отпраздновать пятидесятилетие Эрнест не пожелал, не было настроения».

Из рассказа Рене Вильяреала, управляющего в доме Хе-

мингуэя:

«Я давно подозревал, что в этом замешана женщина. Как только Папа в сорок девятом возвратился из Венеции, он был то неузнаваемо весел, то плакал, я так и подумал. Уже много месяцев, как он из всей почты выбирал только красивые конверты с марками из Италии. Адрес на них был написан мелким, ровным, твердым почерком. Иногда случайно я слышал, как Папа возбужденно говорил с мисс Мэри».

Осенью на Кубу прилетел Арон Хотчнер, сотрудник журнала «Космополитен», для переговоров по публикации нового романа частями в нескольких номерах. Но роман писался трудно, не было названия, и Хемингуэй отказался от публикации романа. Но с Хотчнером подружился. Когда тот улетел обратно в Нью-Йорк, у Хемингуэя родилось название романа «За рекой, в тени деревьев». Хемингуэй засобирался в Европу, а конкретно в Венецию.

– Название есть. – Неоднократно говорил он Мэри. – Пора заканчивать книгу. Мне нужна окружающая обстановка, как в романе – Венеция.

– Неужели, ты не сможешь закончить его здесь? Есть все условия для работы. – Возражала Мэри. – Ты только, что приехал оттуда, не смог еще забыть обстановку. Давай лучше поедem в Штаты.

Имя Адрианы они оба не упоминали. А от нее приходили письма, некоторые из них читала Мэри. Обыкновенная дружеская переписка, но со скрытым смыслом. Хемингуэй все

чаще с ней скандалил и, наконец, пригрозил:

–Если ты не поедешь в Европу, то я поеду один.

И Мэри решила: «Он должен закончить свой роман. Первый роман за время нашей совместной жизни. Я должна создавать ему условия для творчества».

–Едем, Эрни. Но сначала давай посетим Францию, я давно не была в Париже.

–Париж – это город, который всегда со мной. Поедем в Париж.

Теплоход «Иль де Франс» шел рейсом на Гавр...

Венеция. Гритти-палас.

Хемингуэю Э.М.

Куба.

19.XI 1949 года.

Дорогой Эрнесто!

Высылаю рекомендации по укреплению твоего здоровья.

Общий режим. Прогулки, охота, рыбная ловля и любой другой вид спорта, который не требует чрезмерных нагрузок.

Отводить по меньшей мере четыре часа ежедневно отдыху, из которых один час должен быть «созерцательным» – полный умственный отдых: ни читать, ни размышлять над тем, что может вызвать волнения.

Спать положенные восемь часов в сутки и в постели, а не в креслах.

Если будут продолжаться судороги в икрах, слегка массировать ноги в течение десяти-пятнадцати минут по утрам и перед сном.

Не допускать половых излишеств.

Режим питания. Обычная разнообразная пища с большим употреблением свежих овощей и фруктов. Рекомендуются продукты моря: устрицы, креветки, лангусты, съедобные ракушки и т.п.

Во время еды стремиться избегать каких-либо разгово-

ров, особенно связанных с делами.

Употребление спиртного сократить до минимума. По возможности исключить прием джина и перно.

Лекарственный режим..."

Твой врач и друг Эррера.

В Венецию Хемингуэй приехали в декабре 1949 года накануне рождественских праздников. Два с половиной месяца в Париже, а потом на машине, через Францию в Италию.

Хемингуэй и Хотчнер стояли на набережной Большого канала. Как и в прошлом году, северный ветер гнал с моря холодную волну. Хемингуэй, вглядываясь в туманную зимнюю Адриатику, произнес:

–Ну вот, Хотч, этот город называется Венеция. Вы еще не знаете его, но он станет для вас домом, каким он стал для меня.

–Я впервые в Венеции. Она красива зимой. А какая же красивая бывает она летом? Надо будет приехать сюда летом.

–Она красива в любое время года. Раньше я любил более всего Париж. Сейчас из всех городов, больше люблю Венецию. – Хемингуэй вкладывал в свои слова, только ему понятный смысл. – Она провинциальнее Парижа, поэтому одухотвореннее его. Здесь я начинал писать свои первые произведения и хочу закончить последнее. Надеюсь, что оно будет лучшим в моем творчестве.

–Я в этом уверен. – Ответил Хотчнер. – Как только вы его

закончите, наш журнал «Космополитен» начнет его публикацию.

– Да. Вы мне очень симпатичны и поэтому я заключил договор с вашим журналом. Планирую дать первые главы в февральский номер. Я хорошо поработал над ним в Париже. Последний штрих на месте событий в Венеции и «За рекой, в тени деревьев» – ваш.

– Ждем. Жаль, что мне через три дня надо уезжать. Но я надеюсь рассмотреть Венецию вашими глазами, через строки романа.

– У меня с ней много связано. И каждая связь тяжела для меня...

Хемингуэй не договорив, замолчал. Хотчнер, знакомый с рукописью романа, понял, о чем он не желал говорить. Взглянув на романтически-задумчивое лицо Хемингуэя, он еще более отчетливо понял, – связь Хемингуэя и Венеции не закончится никогда. Узы, связывающие сердце писателя с древним городом прочны и, кажется, их не порвет ничто – ни время, ни штормы судьбы.

Хемингуэи, как всегда, остановились в «Гритти-паласе». На этот раз они разместились не в угловом номере с одним окном на Большой канал, а в центре здания и, конечно же, на последнем третьем этаже. Теперь не одно, а три арочных окна, глядели на Адриатику.

Мэри понимала стремление Хемингуэя, как можно быстрее попасть в Венецию. Она просто-напросто не могла ме-

шать осуществлению его желания. Правда, она постаралась затянуть время пребывания в Париже. Мэри видела, как упорно Хемингуэй трудился над книгой в Париже, сейчас оставалось завершить ее. А это можно было сделать только в Венеции – на месте описываемых событий. Наконец-то, за время их совместной жизни он написал роман. Сейчас нельзя мешать Эрнесту в работе, надо исполнять все его желания и прихоти. Но прихотей у него, собственно говоря, нет. Не мелочный он человек. А желание одно – встретиться с Адрианой. Ну что ж, раз такие встречи нужны для продолжения вдохновения, пусть он встретится с юной графиней. Он жаждет этой встречи, так пусть получит порцию вожаделенного вдохновения.

Так размышляла Мэри в одиночестве номера «Гритти». Они приехали в Венецию сегодня, и только что поселились в гостинице. Эрнест захотел немедленно показать Хотчнеру Венецию. Они пошли ненадолго прогуляться, как пояснил муж. Но сердце Мэри чувствовало, что Эрнест сегодня вернется, не скоро – будет пить в баре «Гарри» с друзьями или встретится с этой девчонкой. Так мысленно называла Адриану, Мэри.

Еще до своего приезда в Венецию они получили приглашения на обеды и вечера от знакомых графов и баронов. До нового года, так можно выразиться, их встречи расписаны полностью. А потом надо поехать в Кортина Д'Ампеццо, покататься на лыжах. Прошлой зимой, из-за перелома ноги,

ей не удалось всласть покататься с гор. Но эта зима для нее должна быть счастливой – каждый год ноги не ломают. Мэри вспоминала прошлый год, и ее голову посещали не совсем приятные мысли по отношению к Адриане. В тот раз Адриана приехала в Кортина, по ее желанию, и сразу же Мэри сломала ногу. Эрнест чуть не потерял глаз. Не приносит ли графиня им несчастья? Или это ответ на ее не вполне честную игру? Вполне возможно, что какой-то злой рок довлеет над Адрианой. Но Эрнесту он дал увлечение, не дай бог, любовь, а ей, лично, пока только беды и переживания. Но она их переживет.

Адриана вдыхает в него творческие силы, чего не может сделать Мэри, и пусть они пока встречаются. Когда закончит Хем книгу, она постарается помочь ему закрыть и свой любовный роман. Мэри решила пока терпеть все, чем бы не грозила ей Венеция.

А Хемингуэй, действительно, в это время сидел вместе с Хотчнером в баре «Гарри». На столике возле стены на этот раз было только вино. Хемингуэй решил придерживаться рекомендаций личного врача и не пить более крепких напитков. Вальполичелла мягко разливалась по организму, и тело от вина становилось сухим и горячим. Хемингуэй не сказал Хотчнеру, что ждет Адриану. Он рассказывал ему о Венеции, которую впервые увидел более тридцати лет назад.

–Тогда, во время войны, я Венецию не заметил. Просто не увидел. Рядом, на речке Пьяве, я получил в подарок от ав-

стрийцев мину. Почему я говорю в подарок, потому что это произошло накануне моего дня рождения. Мне должно было исполниться девятнадцать. Потом, в госпитале, я выковырял из своих ног больше двухсот осколков, а сколько их осталось там, до сих пор не знаю. Тогда мне было не до красот Венеции. Ее красоту ощутил позже. Венецию нельзя наблюдать, ее надо чувствовать.

– Война присутствует в каждом вашем большом произведении и в том, которое вы заканчиваете.

– Да. Мне тогда было восемнадцать лет. Юноша, с развивающейся психикой. Поэтому война вошла в мое подсознание навечно. Она – часть меня. Самая плохая часть. И я от нее никуда не денусь. Поэтому я ненавижу войну. Она искалечила меня душевно. А калека всегда чувствует свою ущербность. Невольно, но постоянно, сравнивая себя с окружающей красотой. Ему обязательно хочется сильных чувств, его воображение создает необычных людей и сверхъестественные поступки. Понимает, что этого никогда у него не будет, но мечтает о несбыточном. Для него самая большая радость соприкоснуться с чужим чистым чувством, которое его поймет и возьмет себе часть боли искалеченной души. – Хемингуэй отпил немного вина из бокала, и добавил. – Но все равно он остается калекой. Все мы, люди, калеки, с большей или меньшей степенью ущербности. – Заключил Хемингуэй.

– Вы не правы, Хем. Ваше творчество опровергает ваши слова, сказанные сейчас. Ваши герои любят мир.

—Поэтому я всех их убиваю. Такой мир я им не могу позволить любить. Они обычно любят кусочек мира, а когда сталкиваются с любовью всего мира в комплексе, то видят, что это не любовь, а уродство. А я не могу позволить им любить уродство. Оставить их живыми, значит пожалеть калек не для жизни, а для мучений. Жалость превращает здорового человека в медузу, а калеку, вообще, в слизь. Писателю иногда надо быть жестоким к своим героям.

—Я снова не могу с вами согласиться. Вы, как писатель добры к своим героям. В своих произведениях вы показываете героев сильных духом и физически. С них берут пример почитатели вашего творчества, им подражают...

—До определенного момента они сильные... — Перебил его Хемингуэй. — Но пережив какое-то потрясение, они уже не сильные. Я, любя и жалея героев, все же должен их убить... Они не могут жить... Для них это невозможно...

Он говорил обрывками фраз и неожиданно замолчал, не закончив последнего предложения. В дверях бара стояла Адриана. Она окидывала взглядом зал, наконец, увидела Хемингуэя и направилась к нему.

Хотчнер, не заметив перемены, происшедшей с Хемингуэем, пытался ему возражать:

—Но в новой книге ничто не предвещает смерти героя. Хотя и он духовный калека...

—Смотрите, Хотч! — Произнес Хемингуэй совсем другое, прервав их литературный спор. — Смотрите на вход. Видите?

Это идет она! Узнаете ее?

–Кого?– Спросил, ничего не понимающий, Хотчнер. –
Что вы имеете в виду?

–Ее... Извините меня.

Хемингуэй встал со стула и пошел навстречу Адриане. Он обнял ее посредине зала, на глазах любопытствующих зевак, распивающих вино и пиво, и знающих, что рядом с ними сидит и пьет Хемингуэй. Шум прекратился, не было слышно звона бокалов – бар замер.

«Они сжимали друг друга так, что кажется, крепче уже нельзя было, и он целовал ее крепко и бережно, и она тоже целовала его и руками ощупывала его плечи».

–Папа, ты? – Сказала она. – Ты снова приехал?

–Снова, моя девочка. Я тебя жду.

–Я торопилась...

На них все глядели восхищенными глазами. Хотчнер до сих пор не мог понять происходящее, и смотрел на них, раскрыв от удивления рот. Это тот ли Хемингуэй, умеющий скрывать свои чувства за внешней бравадой? А, впрочем, Хемингуэй всегда Хемингуэй. Его никогда не поймешь.

Хемингуэй приподнял Адриану, продолжая тесно прижимать ее к своей груди. Поцеловал еще раз и только затем осторожно поставил ее на пол.

–Сумасшедший! Что ты делаешь? На нас смотрят.

–Пусть смотрят. Пусть радуются вместе с нами.

Они сели за столик. Предусмотрительный официант,

раньше других очнувшийся от происшедшей сцены встречи, молча поставил на столик еще один фужер с вином. Бар снова наполнился звоном бокалов и сдержанным шумом. Предстояло увиденное запить, и сразу же обсудить. Все с одобрением смотрели на Хемингуэя. Когда еще представится случай увидеть такое?

–Хотч! Знакомьтесь. Адриана. Моя путеводная звезда...

– С шуткой сказал он и глубоко вздохнул.

Хотчнер привстал со стула и склонил голову перед Адрианой.

–А это сотрудник «Космополитена» и писатель, Арон Хотчнер. – Коротко представился он своего собеседника.

Хотчнер не сводил взгляда с Адрианы. Ему казалось, что он действительно где-то ее раньше видел. Недаром Хемингуэй спрашивал его: «Узнаете ее?» Но где?

–Сними берет, дочка. Я хочу видеть твои волосы.– Попросил Хемингуэй девушку.

Адриана сняла берет, и трянула головой. Черные, волнистые волосы рассыпались по ее плечам, и прикрыли высокий лоб и скулы. На их фоне менее смуглым казалось ее лицо, только более четко выделялись полные губы и большие, по-итальянски, горячие глаза. Цыганское колдовство ее волос завораживало Хемингуэя. Но, пожалуй, не только его, но и всех, кто продолжал глядеть на них.

Хемингуэй, как и всегда раньше, осторожно притронулся к ее голове и провел пальцами по ее волосам до плеч.

–Ты не изменилась. Ты осталась прежней. Как девять месяцев назад. – Скорее прошептал, чем проговорил он.

–И ты, тоже Папа, такой же, как и восемь месяцев назад. – Поправила она его во времени. – Даже так же, как в последний раз, пьяный.

Про себя, Адриана отметила, что Папа еще более поседел за это время и немного обрюзг. Но она с радостью смотрела в его открытое лицо, излучавшее любовь и нежность.

–В последний раз, дочка, расставаясь, мы, кажется, не выпили ни рюмки...

–Я тебя, Папа, в последний раз запомнила пьяным...

И тут до Хотчнера дошло, где он раньше видел Адриану. И ключ к разгадке подсказал Хемингуэй, назвавший Адриану «дочка». Он ее не видел раньше, он о ней узнал несколько месяцев тому назад, прочитав на Кубе первые главы еще не вышедшего романа. Да! Это, несомненно, Рената. Все в ней до улыбки и волос списано с Адрианы. Так, выходит, это не вымышленный образ? Он имеет конкретное отношение к жизни Хемингуэя! И сколько же требуется времени, чтобы найти нужный образ, имеющий непосредственное отношение к тебе? Его Хемингуэй искал десять лет и, наконец, нашел. Что ж, он всегда в своих произведениях шел от жизни. Жизнь, своей любовью, догнала его в Венеции.

И Хотчнер понял, что на сегодняшнем бале любви, он лишний. Пора уходить, не мешать влюбленным. Литературный разговор закончился, наступило время реализации ху-

дожественных замыслов писателя. Да, эта девочка, судя по ее выражению блестящих глаз, могла быть влюблена в писателя. Но опытный в любовных передрягах Хемингуэй?.. И Хотчнер огорченно подумал, что мало еще его знает. А читал все его произведения. Неужели не понял их глубины?

–Извините, Хем. – Обратился он к писателю. – Мне надо привести свои бумаги в порядок и созвониться по поводу рабочих встреч. Я не должен забывать о своем журнале, даже в гостеприимной Венеции. С вашего позволения, я вас оставлю. Извините, еще раз. – Это Хотчнер обратился к Адриане, но та молчала.

–Да, Хотч. Посмотрите Венецию сами. Без моей или еще чьей-то подсказки. Так вы ее почувствуете намного лучше и глубже. Венеция любит и понимает уединение человека. Этот город может дать страдающему новую душу и обязательно свою, умиротворенную. Это город-врач, излечивающий душу и мозг человека.

–Спасибо за совет. Пойду лечиться. – Улыбнулся Хотчнер. – До свидания Хем. До свидания, Рената. – Попрощался он с ними и пошел к выходу.

–Почему он назвал меня Ренатой? Ошибся? – Спросила Адриана.

–Нет. Тебя невозможно спутать ни с кем. Он назвал тебя правильно и скоро ты об этом узнаешь и весь мир. Лучше расскажи мне, как ты жила без меня?

Адриана взглянула в глаза Хемингуэя, и увидела в них

преданность влюбленного человека. А когда он уезжал из весенней Венеции, она видела его пьяный, равнодушный взгляд, бездумно скользнувший по зашторенным окнам этого бара. Как ей тогда было обидно. До слез! И ей захотелось высказать свою обиду Хемингуэю. Она, не отвечая на вопрос, произнесла:

—Я тебя видела в последний раз пьяным. Но ты меня тогда, Папа, не заметил.

—Не может такого быть? Ты для меня не песчинка, которую я не мог бы заметить. Ты для меня море, глядя в которое я не вижу никого, кроме тебя. Его я не могу обойти, только могу переплыть. Так что ты имеешь в виду, дочка?

Адриана, после его слов заколебалась, напоминать или нет, его прошлогодний отъезд из Венеции. Но по его вопрошающим глазам поняла, что он добьется от нее ответа, и сказала:

—Когда ты уезжал из Венеции, то я тебя провожала.

Синие глаза Хемингуэя потемнели. Он положил свою ладонь на ее руку в перчатке.

—Я знал, что ты должна меня проводить. Ждал тебя. Но почему тебя не увидел? Почему ты не подошла? Где ты была?

—Я была здесь, в баре и видела, как тебя с мисс Мэри провожали на террасе. Из-за провожающих я не могла к тебе выйти. Но я стояла вон у того окна. — Адриана пальцем показала на окно. — И видела, как тронулся автомобиль, с Джан-Франко за рулем. Ты выглядывал из окна, глядел на меня, но

не замечал. Неужели, не почувствовал меня, моего взгляда?

–Вспоминаю. Я почувствовал, что ты находишься где-то здесь. Но мне мешали сосредоточиться. Да и пьян был. Прости меня, девочка, я действительно виноват.

Хемингуэй склонил голову к столу и поцеловал руку Адрианы, не поднимая ее.

–Прости. – Повторил он, отнимая губ от перчатки.

–Не проси прощения. Ты ничего плохого не сделал. Мы же договорились, что я не приду на прощальный ужин. Но я, такая дура, не выдержала и захотела посмотреть на тебя в последний раз. Боялась, что больше тебя не увижу. Хотела запомнить на всю жизнь свою первую любовь. Мне тогда было так обидно и больно. Прости меня, что я нарушила нашу договоренность.

Хемингуэй крепко сжал ее узкую руку в своей ладони так, что Адриане стало больно, и она попросила.

–Больно, Папа! Отпусти?

Хемингуэй разжал свою ладонь и снова погладил ее руку.

–Пусть та боль, уйдет с болью в руке, которую я тебе сейчас причинил. Пусть останется радость встречи.

И Хемингуэй неожиданно почувствовал боль, а не радость. У него даже кольнуло в сердце от безысходной боли всего происходящего, но он уверенно закончил так, чтобы не заметила его расстроенных чувств Адриана.

–Давай считать, что мы с тобой никогда не расставались.

–С первой встречи или с расставания?

—Со дня появления нас на свет. Мы родились с тобой одновременно. Просто живем в разных пространствах, хотя в одном времени.

—Давай так считать, Папа. Как было бы хорошо, если бы мы действительно родились одновременно. — Мечтательно произнесла Адриана. — И жили бы в одном пространстве. Но такое, кажется, невозможно.

—Возможно, если захочешь. Теперь мы не будем расставаться с тобой, все время, пока находимся в пространстве Венеции. Хорошо?

—Хорошо. А что дальше?

—А дальше будем увеличивать расстояния, чтобы снова быть вместе. Сокращать океан.

—А время?

—Оно уходит безвозвратно. Оно сокращается, не спрашивая нашего разрешения. Оно, к сожалению, нам не подвластно. — Хемингуэй грустно улыбнулся, понимая вопрос Адрианы, насчет времени. — Мы будем считать только наше время, которое проведем вместе. Хорошо?

—Хорошо. Я хочу начать новый отсчет времени. Океан для нас не пространство, если мы через него слышим друг друга. Давай уйдем отсюда, а то на нас обращают внимание. Ты же, Папа, известная личность. Уйдем туда, где время будет идти только для нас.

—Да, идем. Я что-то засиделся в баре.

Хемингуэй встал и протянул руку Адриане. Сразу же под-

бежал официант, который любезно предложил:

–Синьор Хемингуэй вам в дорогу положить вино? Может быть, одеяло.

Хемингуэй сразу же вспомнил, что такое было год назад, когда они с Адрианой катались в гондоле, и громко рассмеялся.

–Спасибо, дружище. Но сегодня я не пьян и прогулка по каналам не состоится. Но я рад, что ты все помнишь. Держи!

Он протянул официанту деньги, и тот быстро отсчитал сдачу.

–Не надо. Сдачу оставьте себе.

–Не могу синьор Хемингуэй. Что скажут посетители, наблюдая за нами. Лучше купите синьорине цветы. – Посоветовал официант, возвращая чаевые обратно.

–Спасибо. – Ответил Хемингуэй и обратился к Адриане. – Видишь, за мои же чаевые предлагает купить тебе цветы.

–Синьор Хемингуэй. Я не предлагаю вам купить цветы. – С достоинством ответил официант. – Я не могу с вас брать чаевые. После этого я перестану себя уважать. Приходите к нам. Мы всегда храним для вас лучшее вино.

–Спасибо. Непременно зайду.

–С синьориной. Я могу сказать, что она весной смотрела на вас из-за занавески и плакала. Поверьте, она любит вас.

Официант, желая сделать приятное Хемингуэю, говорил лишнее. Адриана это поняла и сказала официанту.

–Джованни! Не говори того, что тебя не касается.

—Я говорю, что видел. Пусть синьор Хемингуэй знает, что его любишь не только ты, но и все в Венеции.

Хемингуэй громко расхохотался.

—Спасибо Джованни! Я люблю Венецию и вас тоже. Я люблю всех в Венеции. Не переживайте за меня, старина. А вы нашли новую любовь?

Хемингуэй вспомнил прошлогодний разговор с официантом о его семье, погибшей от бомбардировки американцев в Тревизо.

—Нет. Я уже стар для любви. И не все так просто...

Хемингуэй стал серьезным.

—Простите, что поворошил прошлое.

—Не надо извиняться... Счастливой прогулки.

Хемингуэй досадовал на себя, что коснулся не совсем приятного момента в разговоре, и вдруг его осенила мысль — официант, со своей судьбой должен попасть на страницы его нового романа. Да, он напишет и о нем.

Они вышли из бара, и пошли по набережной Большого канала мимо «Флоры», потом свернули к площади Сан-Марко. Ветер развевал волосы Адрианы, но она так и не одела на голову берет — Хемингуэю нравится, когда ее волосы касаются его лица.

Они подошли к витрине ювелирного магазина и остановились. Кажется, они подошли к нему произвольно. Здесь он подарил Адриане негритенка. Они перестали разговаривать и молча рассматривали сквозь витрину ювелирные безде-

лушки, лежащие на полках. Адриана первой нарушила молчание:

–Ты трогаешь изумруды? Вспоминаешь обо мне?

–Да. – Солгал Хемингуэй. – Они лежат у меня в письменном столе. Я на них смотрю каждый день. Или почти каждый день...

Он не мог сказать, что спрятал коробочку с изумрудами в свой сейф, чтобы их не видела Мэри, и не было лишнего с ней неприятного объяснения. Адриана по его тону поняла, что он говорит неправду, но не стала уличать во лжи, а весело произнесла:

–А я с твоим негритенком, которого ты определил мне в слуги, не расстаюсь. Он всегда со мной.

–Неужели? – Удивился Хемингуэй, и Адриана окончательно уверилась по его восклицанию, что он ей солгал. Ну, что ж? Для этого у него, наверное, есть причины.

–Хочешь увидеть?

–Да.

Адриана расстегнула пуговицы пальто и отвернула воротник.

–Смотри, Папа. Твой слуга всегда со мной. Он меня охраняет. Он твой верный слуга. Как и я... – Шепотом закончила она.

Хемингуэю было стыдно за свою вынужденную ложь, и он натянуто засмеялся.

–Наши талисманы хранят нас. Глупость...

–Нет! – Горячо возразила Адриана. – Я люблю твоего слугу, и он подарил мне новую встречу с тобой. Пока он со мной, то я уверена, что мы встретимся.

–Я тоже. Пойдем отсюда.

–Пойдем. Папа, знаешь, а я тебе хочу сделать еще один подарок...

–Только не драгоценности. – Засмеялся Хемингуэй.

–Нет. Это будет мой личный подарок.

–Какой?

–Я тебе подарю свой портрет, который написала сама. Мне осталось немного, чтобы его закончить. Я над ним работала всю осень, но не успела до твоего приезда.

–Я буду рад твоему подарку. Но и я тебе сделаю подарок и тоже в виде картины.

–Какой?

–Пока не скажу. Секрет.

–Папа, почему ты любишь секреты?

–Потому что люблю тебя, моя прекрасная девочка.

Адриана повернулась к нему, обняла его прямо здесь же на тротуаре и поцеловала в щеку.

–Я так ждала тебя. Ты не знаешь как! И у меня нет от тебя секретов. Я люблю тебя.

–Я тоже, девочка. Повтори все, что ты сейчас сказала, еще раз?..

Сразу же после нового, 1950 года, выпал снег и по настоянию Мэри, они поехали в Кортина Д'Ампеццо. Мэри, несмотря на прошлогоднюю неудачу со сломанной ногой, очень любила кататься на лыжах. И она не могла отказать себе в этом удовольствии, тем более снег мог в любой момент стаять, а далеко на высокогорье ей не хотелось подниматься. Да и Эрнесту нужен отдых. Мэри видела, с каким упорством он работает над окончанием романа. С утра до обеда он пишет сидя в постели или за письменным столом. И это каждый день, без выходных. Вторую половину дня он посвящает встречам с Адрианой. Через день, максимум два – участие в обедах или ужинах, на которые их приглашают итальянские друзья. Эрнест никому из них не отказывает в приглашении. На этих встречах всегда присутствует и Адриана. Хемингуэй свободное от работы и торжественных ужинов время проводит с ней. Она приходит к ним в номер, и Мэри встречает ее всегда очень приветливо. Да, сейчас не время обострять отношения с Эрнестом и Адрианой. Пусть он заканчивает роман, тем более у него такой прилив вдохновения, которого она еще не видела за время совместной жизни. Но, как только он закончит книгу, надо будет серьезно поговорить с Эрнестом и пусть он прекратит связь с итальянской графиней. Потом по инерции Эрнест будет продолжать рабо-

тать, и она сумеет поддержать его творческое вдохновение. Будет питать его своей любовью и материнским отношением. Да, материнским участием, потому что Эрнест непосредственен, как ребенок, ему нужна ласковая опека. Она его хорошо изучила и знает, что за внешней бравадой скрывается, если не трусость, то боязнь показать себя слабым. За резкой вспыльчивостью – неумение жить в современном мире. За пьянством – стремление уйти от сложных проблем, которые встают перед ним. Но, правда, сейчас в Венеции, он пьет значительно меньше, чем на Кубе, старается держать себя в форме: творческой – надо заканчивать книгу; физической – влюблен в молодую девушку. Действительно, надо быть постоянно в хорошей форме. Вот поэтому они поедут к снегам Альп, пусть он там немного отдохнет от Венеции и, живущей в ней, графини. Ее туда не звать ни в коем случае! Не должен же Хемингуэй каждый год на курорте болеть! И она будет ходить с ним на охоту – следить за его каждым шагом. Чтобы снова не попал себе пыжом в глаз, не дай бог, что-то более серьезное.

Но когда Мэри стала говорить о необходимости поездки в Кортина, то Хемингуэй возразил:

–Мне бы надо неделю-две побыть здесь, и я закончу роман. Давай временно отложим отдых в горах?

–Но, Эрни, снег может сойти, и мы останемся в этом году без лыжной прогулки.

–В феврале там снега всегда больше, чем в январе и ты это

знаешь. Поэтому мы можем еще немного побыть в Венеции, а в феврале отдохнуть в Кортина.

Но Мэри была настойчива и ласкова.

–Эрни! Ты посмотри на себя со стороны? Ты измотан до предела. – Мэри, конечно, немного преувеличивала, но Хемингуэй было приятно, что жена констатирует факт его напряженной работы. – Графы Кехлеры устали приглашать тебя на охоту в горы. А ты все отказываешься. – Мэри знала слабые струны своего мужа. – Там я тебе создам все условия для работы над книгой и отдыха. Я это умею. – Добавила Мэри с улыбкой. – Ты же знаешь?

Хемингуэй благодарно улыбнулся ей. Действительно, Мэри знала его слабости и умела их удовлетворять. Она пока не говорит об Адриане, понимает, что он работает. Ему тоже не хочется обострять этот вопрос. Его предыдущие жены – Хедли, Полин, Марта не простили бы ему подобных встреч. Скандал в семье давно бы вылился на страницы газет и журналов. А Мэри понимает и терпит его связь с Адрианой. Она удивительна деликатна. Будущие перспективы с Адрианой полны одних «иксов» и «игреков». Он уже стар, и менять что-то в сложившейся жизни, не так просто. Ему даже не сорок, а пятьдесят. Наступил последний этап жизни и что ждет впереди, неизвестно. Он чувствовал, что запутался в отношениях со своими близкими женщинами. Они обе ему нужны. Но он боялся признаться в этом самому себе. Пусть все пока остается так, как есть. Рассчитываться при-

дется потом. А то, что его ждет когда-то жестокий расчет, Хемингуэй знал. Все в мире взаимосвязано – любовь и разлука, жизнь и смерть. Он это показал в своих книгах и когда-то должен испытать все написанное на себе. Судьба долго не терпит теоретизирования – ей необходима практика. Все, что писал о других, станет когда-то твоим. А он писал в основном о неприятном в этом мире. Теперь жди все это в своей судьбе...

Мэри заслужила, чтобы он исполнил ее просьбу. И Хемингуэй ответил:

–Граф Карло Кехлер меня уже приглашал к себе неоднократно. Только, как и в прошлом году будем жить не у него, а в отеле. Не хочу находиться еще под чьим-то надзором, кроме твоего. – Пошутил Хемингуэй.

–Конечно, будем жить отдельно. А к ним приходите в гости.

–И еще. Номер в «Гритти» пусть останется за нами. Вдруг понадобится срочно вернуться. Чтобы больше не заказывать... Мы же вернемся сюда?

–Конечно, милый. – Согласилась Мэри. – Значит, через два дня выезжаем.

–Хорошо.

Мэри знала, почему Хемингуэй не хочет сдавать номер. Его хитрость, – как на ладони. Он хочет, на день-два, вернуться в Венецию без Мэри, для встреч с Адрианой. Пока он встречается с итальянкой под ее контролем, – ни одной

ночи не провел вне номера. А краткие встречи не страшны. Они больше похожи на деловые, чем любовные встречи. Так пусть встречаются, – быстрее надоедят друг другу.

Но Хемингуэй думал наоборот. Мимолетные встречи с Адрианой в номерах других отелей таили в себе большую опасность. Могли пронюхать газетчики, и тайное может стать явным. Он заметная фигура в мире, а в Венеции тем более. Но пока журналистский черт его милует. В газетах имя Адрианы рядом с ним не фигурирует. Это хорошо. Хемингуэй огласки боялся больше всего. Он боялся появления своего имени в скандальной хронике. Но почему же он становится неуправляемым и покорным, при встречах с Адрианой?! Забывает обо всем в мире? Любовь? Да, поздняя любовь! Приходил он к радостному и одновременно грустному выводу. Зачем любовь вошла в него так поздно?

Хемингуэй посмотрел в трюмо, стоящее в зале и увидел свою седую голову, подстриженную под ежик. Он резко отвернулся от зеркала – старик! Надо меньше глядеть на себя в зеркало – больше думать, как ты молод! Отвернись от зеркала! Вот так лучше, влюбленный бамбино!

А Мэри у него молодец! Мало он ее ценит. Другая бы давно бросила с ним нянчиться. Только не Адриана! Сделал он для нее почему-то исключение.

Через два дня они уехали в Кортина Д'Ампеццо милой супружеской парой в возрасте, по-старчески, сентиментально заботящиеся друг о друге.

Отдых проходил великолепно. Была превосходная охота на куропаток, не говоря о горных лыжах.

А остальное время – работа. Как охотничья собака, догоняющая зверя и, звереющая при мысли о скорой расправе с ним, так и Хемингуэй гнал свой роман к концу, предвкушая горькую сладость окончания работы. Сладкую, – радость победы. Горькую – победу, давшуюся с такими мучениями, надо отдать миру. Пусть все прикоснется к его победе, почувствуют его отношение к ним.

Он опустошен духовно полностью. Кажется, ни капли чувств не осталось в нем. Взяться за новую книгу, пока нет сил. Нужно время, чтобы опустошенную творческим вдохновением душу заполнили новые впечатления и чтобы они могли реализовываться в мысли. А для этого кроме времени, нужна любовь, жизненные потрясения, даже потери, которые переплавятся в желание высказаться вновь. А лучше – в крик. Давно мир не слышал от Хемингуэя крика. «За рекой, в тени деревьев», что это – крик, стон, шепот или разговор глухонемых? Только не последнее. А на шепот он тоже не способен. Может, стон...

И Хемингуэй на следующий же день, когда поставил заключительную точку после слов: «Это были последние слова, которые полковник произнес в своей жизни. Но до заднего сиденья он добрался и даже закрыл за собой дверцу. Он закрыл ее тщательно и плотно». «В случае моей смерти упакованную картину и два охотничьих ружья из этой машины

вернуть в гостиницу «Гритти», Венеция, где их получит законный владелец...», и сказал Мэри:

– Мне необходимо в Венецию. Надо переписать книгу заново. Внести кое-что новое.

– Поздравляю, милый, с окончанием книги. – Мэри с искренней признательностью прижалась к сидящему за столом Хемингуэю и поцеловала его. Наконец-то, Хемингуэй за время их супружества написал роман. – Зачем нам ехать в Венецию? Здесь тебе так хорошо работается. Давай побудем в Кортина, пока есть снег.

– Мне надо переписать роман набело.

– Давай я его перепечатаю. Или ты мне перестал доверять?

– Это не письма, которые ты могла перепечатывать. Это – роман. В него надо внести много уточнений и изменений. Их я могу сделать, только находясь на месте событий романа. Перепечатку могу сделать только я.

Да, Эрнест был прав. Изменения в роман мог внести только автор. Здесь помощь Мэри не требуется.

– Хорошо. Если тебе надо в Венецию, то вернемся туда. Но нас граф Кехлер снова приглашал на охоту. Послезатра. – Уточнила она. – Пойдем?

Хемингуэй глубоко вздохнул. Охота – такой соблазн, против которого он не может устоять.

– Хорошо. На охоту и сразу же в Венецию.

– Как тебе нужно, Эрни.

Мэри не хотелось покидать уютные горы, где так хорошо

дышится, а прогулки на лыжах вливают бодрость в организм. Но раз Хемингуэю нужно быть в Венеции, то пусть будет так. Ни в коем случае нельзя сбивать его с взятого ритма работы.

Целый день она думала, – а не вызвать ли сюда Адриану? Может после встречи с ней Хемингуэй успокоится и продолжит работу над книгой здесь. Но Мэри, в конце концов, отвергла свой план. Если в прошлом году Адриана приезжала к больному Хемингуэю, и это было правильным шагом с ее стороны, то сейчас ему надо ехать в Венецию. Нельзя Эрнесту мешать в работе. Пусть, встречаясь с Адрианой, он внесет в роман необходимые поправки. Мэри может даже и не ехать с ним в Венецию – там она будет лишней. Она задержится здесь – в Кортина Д'Ампеццо. Таким образом, создаст все возможности для работы Эрнеста в Венеции. Адриана является героиней романа в образе Ренаты и, встречаясь с ней, Хемингуэй найдет необходимые детали в повествовании, и доведет роман до совершенства. Так решила Мэри.

Приехавшая в Кортина Афдера Франчетти, поехала с ними на охоту. Мэри видела, как она крутилась возле Хемингуэя, называла его Папой, стараясь вызвать интерес к себе. Даже расспрашивала Хемингуэя о новой книге, чего тот так не любил. Но Хемингуэй не ответил резко, что могло произойти, был добр к ней и не больше. Вот, если бы на месте Адрианы, была Афдера, то Мэри бы не переживала. Она Хемингуэю никогда глубоко не понравится, не тот образ. С Ад-

рианой сложнее...

На следующий день после охоты, Хемингуэй сказал Мэри:

–Я хочу завтра утром выехать. Давай возьмем с собой, что необходимо.

Мэри, присев на стул, ответила:

–Знаешь, Эрни. Я так подумала, что не стоит мне сейчас ехать с тобой в Венецию. У тебя много работы и я могу только помешать тебе. Неделю ты бы мог поработать без меня. А я приеду и вычитаю твои правки, отредактирую. Сейчас ты должен полностью сосредоточиться на своем романе. Сроки сдачи в журнал поджимают.

–Если я задержу роман, «Космополитен» подождет. Они не посмеют сказать, что я нарушил условия договора. А то первым опубликует роман Скрибнер, а не они.

–Нет, Эрни. – Мягко ответила Мэри. – Ты обещал Хотчнеру, что дашь им право первой журнальной публикации. И ты выполнишь условия договора. Я хочу поехать с Кехлерами в Больцано, покататься на горных лыжах. Помнишь, они приглашали. Ты не возражаешь? – Мэри умело перевела разговор в просьбу, где решающее слово принадлежало Хемингуэю. Пусть почувствует себя иногда главой семьи – мужем, руководящим женой.

–Я бы и сам поехал в Больцано. Лыжи в горах, не идут в никакое сравнение с равниной. Там снег особый. Звонко хрустит.

–Поедем вместе всего на несколько дней. – Обрадовано

предложила Мэри.

– Не могу. Работы много, сама знаешь. А ты езжай.

– Хорошо. Будь умницей и к моему приезду подготовь мне объект для работы. Я постараюсь быстро прочитать рукопись...

Хемингуэй понимал, почему Мэри хочет оставить его одного в Венеции. Первая причина – работа над романом. Понятно! Но он также понимал, что Мэри дает ему возможность беспрепятственно встречаться с Адрианой, в ее отсутствие. Потом Мэри завладеет всем его вниманием. А пока он получает от Мэри возможность провести неделю, как его душа желает. И он сказал ей с признательностью:

– Спасибо Мэри, что ты меня во всем понимаешь. Я постараюсь за неделю, подготовить как можно больше чистового текста. Тебе будет, что читать.

– Я в этом уверена, Эрни. Но было бы хорошо, чтобы и ты меня понимал.

Она обняла его руками и поцеловала в щеку. Он ответил на ее поцелуй также, в щечку.

– А лучше бы ты поехал со мной в Больцано.

3

Хемингуэй приехал в Венецию перед обедом. Не поднимаясь в свой номер, зашел в ресторан. Навстречу, как всегда, вышел подтянутый, в смокинге Ренато Корради.

–Мистер Хемингуэй желает обедать?– Официально спросил он друга.

–Ренато. Я не за столом, чтобы ты так ко мне обращался. Впрочем, скажи, чтобы принесли рюмку виски с содовой. И посиди, хотя бы немного со мной. Мне сегодня так хорошо.

Корради поманил пальцем официанта и негромко отдал ему распоряжение. Они сели за крайний столик у входа и метрдотель с улыбкой произнес:

–А теперь ты мой посетитель, Папа. Я обязан обращаться к тебе официально.

–К черту официальность! Будешь ко мне так обращаться, – обижусь и больше никогда не зайду в твой паршивый ресторан. Я тебя уже неоднократно предупреждал об этом.

–Ладно. – Смилостивился педантичный метрдотель. – Будем считать, что ты забежал на минутку поговорить со старым другом, а он тебя угостил рюмочкой.

–Ренато. – С укоризной произнес Хемингуэй. – Жаль, что я назвал героиню романа твоим именем. Видимо сейчас, глядя на тебя, изменю ей имя.

Но Корради не испугала угроза Хемингуэя.

– Не сделаешь этого.

– Почему? Я еще не опубликовал роман, пока доделываю.

Могу заменить твое имя.

– Сейчас увидишь и простишь меня, Папа.

К ним подошел официант с подносом в руках, на котором стояли две рюмки.

– Синьор Хемингуэй. – Произнес официант. Хемингуэй заметил, что официанты Венеции называли своих клиентов синьорами. Высший ранг услуги называет американцев – мистер. Видимо, венецианская экзотика. А официант продолжал. – Синьор Корради и мы решили угостить вас самым чистым виски – «Аскебаш».

Официант поставил рюмки на столик и удалился. Ренато с довольной улыбкой смотрел на Хемингуэя.

– Мы его получили неделю назад. Так англичане и американцы сразу же его вылакали...

– Ренато! Подбирай выражения! Я ж американец!

– Я пользуюсь твоими выражениями, Папа.

Они оба весело засмеялись.

– Мне врач запретил употреблять крепкое!

– К черту твоего врача и всех врачей вместе взятых. Так бы ты мне ответил. Я специально спрятал одну бутылку для тебя от твоих американцев. Ждал тебя. Теперь понял, почему ты на меня не должен обижаться?

– Понял. Так я твой гость и платить не должен?

– Ни сантима и ни цента! Я тебя, Папа, угощаю в честь

твоего нового приезда в «Гритти». Поэтому, так с тобой говорю. За твой приезд!

Они выпили. Закуски официант, почему-то, не принес. Хемингуэй, проглотив пахучую, крепкую влагу, некоторое время сидел с закрытыми глазами, наслаждаясь алкогольным вкусом, с ароматом дуба. Потом открыл повеселевшие глаза и спросил:

–Сколько ему лет?

–Может триста, может меньше. – Флегматично пожал плечами Корради.

–Не обманывай. – Хемингуэй громко на весь зал крикнул официанту. – Эй, принеси сюда бутылку, как его – «Аскебаша»?!

Но тот, не поняв команды, подошел к столику. Корради мягко сказал официанту:

–Вас просили принести бутылку виски, которая оставлена специально для мистера Хемингуэя.

Официант кивнул головой и медленно пошел от их стола, но услышал крик Хемингуэя.

–Бегом!

Улыбаясь, официант ускорил шаг, через полминуты вернулся обратно и поставил фигурную бутылку на стол. Хемингуэй стал читать этикетку.

–Ты меня обманул, Ренато. Виски всего двенадцать лет, а не триста.

–Я имел в виду, что это самый старинный сорт виски. –

Невозмутимо ответил Корради.

–Все равно вкус великолепен. Так ты меня угощаешь?

–Я же уже сказал об этом. В честь новой встречи.

–Тогда я тоже угощаю. Эй! – Обратился он к официанту. – Принеси стаканы для такого виски. И побольше стаканов.

Официант включился в игру и поспешил за стаканами, с толстым дном, так называемыми, тумблерами. Хемингуэй непредсказуем и тем интересен. Что же будет дальше?

–Что ты хочешь? – Спросил Корради, но уже заинтересованно.

–Хочу, чтобы все попробовали этого напитка. Хватит твоим официантам пить остатки виски и вина после работы. Пусть выпьют вместе с нами. У меня сегодня просто великолепное настроение. Отдаю его другим. Я человек добрый.

–Им не положено пить на работе. – Возразил Корради.

–К черту вашу работу!

–Правильно. Я вижу настоящего Папу. Твоя бутылка, что хочешь, то и делай, только не с моими официантами.

–Понимаешь, Ренато! – Захохотал Хемингуэй. – Я только что вырвался из плена горного отдыха. Я свободен целую неделю. Давай отметим это дело так, чтобы все со мной радовались. Я же закончил новую книгу.

–А менять мое имя в книге раздумал? – Улыбался метрдотель.

–Не буду.

–Тогда пусть выпьют все, если не возражаешь. Надо при-

кончить бутылку сразу. Нам надо еще работать.

–Мне тоже. Зови официантов.

Корради сказал об этом, расставляющему на столе бокалы официанту, и тот крикнул товарищам:

–Все сюда! Синьор Хемингуэй угощает в честь своего возвращения в Венецию.

Подходили удивленные официанты, пришел даже повар с кухни. Такого раньше не было. За выпивку на работе, – легко ее и потерять. Они знали нрав своего строгого метрдотеля. Но Корради, улыбаясь, произнес:

–Выпейте за приезд мистера Хемингуэя!

Хемингуэй огорченно смотрел на стаканы. В них виски выходило меньше, чем в рюмках. Выходит, зря он требовал большую посуду.

Официанты чокались с Хемингуэем, желали ему доброго здоровья по-английски и по-итальянски, выпивали и расходились по своим рабочим местам. Всем было весело. Не каждый может выпить так запросто с Хемингуэем.

Наконец, они остались с Корради одни.

–Что-то бутылка у тебя оказалась маленькой. А еще одну ты не спрятал для меня? – Спросил Хемингуэй метрдотеля.

–Поверь мне, единственная. И ты успел припрятать в последний момент. За твой приезд! – Корради чокнулся с Хемингуэем.

–Давай так. Если за другое не можем.

Во входную дверь заглянул швейцар, привлеченный шу-

мом в ресторане – днем посетителей мало, поэтому обычно тихо. Хемингуэй увидел его и поманил рукой.

–Тебе не досталось виски?

–Нет. – Смущенно ответил пожилой швейцар.

–Сейчас поправим. Такое виски должны попробовать все.

«Аскебаш» называется. Запомни, дружище.

Он отлил виски из своего стакана, в бокал и протянул швейцару. Тот боязливо посмотрел на метрдотеля. Но его начальник вдруг сказал то, что он от него не слышал тридцать лет – за время совместной работы.

–Черчи, дай свой бокал, я тебе тоже отолью.

А швейцар считал Корради образцом на работе. Втроем чокнулись, и выпили.

–Жаль, Папа, что тебе мало досталось. – Спокойно режюмировал Корради. – Но у меня есть в подвале еще одно виски, как оно называется? «Феймоуз-Гроуз» или «Балан-тайнз»? Не помню. У англичан такие сложные названия. В следующий раз, как придешь сюда, я тебе их подарю.

–Не надо следующего раза. Пришлешь подарок ко мне в номер прямо сейчас. Точнее немедленно. У меня должен быть гость.

–Рената? – Улыбнулся прозорливо Корради.

–Как ты догадался?

–Несложно. Она хорошая девушка, пока еще не похожая на наших итальянок.

–Почему пока?

–Сам знаешь. Так что, вы хотите заказать на ужин или обед? В номере или здесь? – Метрдотель снова стал официантом с Хемингуэем. Уже он не гость, а посетитель или клиент, которого надо обслужить по самой высокой мерке.

Но Хемингуэй не заметил изменения в его тоне.

–Я сейчас позвоню и все узнаю. А потом решим, где ужинать – в ресторане или в номере. А ты сам сообрази самое лучшее. Не забудь вина. Лучшего из своих неприкосновенных запасов. И твой подарок, виски – тоже.

–Будет исполнено. До встречи.

Хемингуэй поднялся в свой номер. Его вещи давно принесли сюда. Он набрал номер телефона. Ответила прислуга.

–Сейчас позову.

Трубку взяла Адриана.

–Девочка, я вернулся. Жду тебя...

Его голос звучал нежно и ласково. Не так как только что в ресторане. Это был влюбленный Хемингуэй.

—Папа, я закончила свой портрет и хочу подарить его тебе.

—Уже закончила? А когда ты мне его подаришь?

—Могу сейчас. Только позвоню.

Адриана встала с кровати, накинула на голые плечи халат отсутствующей Мэри, вышла в гостиную и подошла к журнальному столику, на котором стоял телефон.

—Алло? — сказала она в трубку, набрав номер. — Джанфранко можно к телефону.

Наступила пауза, в которой Адриана громко пояснила Хемингуэю, чтобы он слышал в спальне:

— Попрошу брата, чтобы он привез портрет в гостиницу. Краски уже высохли и его уже можно подарить тебе. Ты меня любишь?

— Люблю. Как еще никого не любил. Ты моя самая яркая и большая любовь.

— Яркая — да. Большая — не знаю. Наверное, нет самой большой любви. Эта выдумки писателей и поэтов. Есть любовь до бесконечности. Так я люблю тебя до бесконечности. Люблю... Ой! Джанфранко слушает!

Адриана переложила трубку к другому уху:

— Нет, Франки! Это я не тебе говорю. Слушай и выполни мою просьбу. В библиотеке, на столе стоит мой портрет. Мо-

жешь мне его привезти? Да. Сейчас... Ну, как у тебя нет времени?

Хемингуэй слушал разговор Адрианы с братом, и ему что-то не нравилось в их диалоге. Он встал с постели, как был в одних трусах, прошел в гостиную, к журнальному столику. Не говоря ни слова, он взял у Адрианы трубку. Она еще успела сказать:

—Франки, не думала, что ты можешь быть таким противным...

Это были последние слова, которые она успела произнести в трубку. Хемингуэй уже говорил, серьезно и с нажимом на слова команды:

—Эй, Франки! Говорю я. Понял кто? Так вот немедленно доставь ко мне в номер картину Адрианы! Понял? Чтобы я не считал тебя противным, как сестра. А то и у меня такое же сложится мнение. Долго ждать не буду. Да-да. До встречи.

Он бросил телефонную трубку на аппарат и посмотрел на Адриану. Оба одновременно рассмеялись, — как быстро была разрешена, казалось бы, неразрешимая, пустяковая проблема.

—Папа! Неужели ты умеешь командовать людьми?

—Иногда нужно командовать, чтобы люди не сделались противными. Так же ты ему сказала?

—Джанфранко не противный. Это я так его в сердцах обзвала. У него действительно нет времени. Он пишет книгу, как и обещал тебе. Хочет показать, но боится тебя.

—Пусть теперь еще больше боится. Какая у тебя свежая кожа! Словно бархат, подсвечиваемый издалека яркой лампой.

Он провел рукой по ее плечам и груди, распахнув шире не застегнутый халат. Адриана смущенно пыталась запахнуть полы халатика.

—Не смотри на меня. Мне стыдно.

—У тебя кожа, как у кубинской квартеронки, только светлее. Также переливается на солнце, но большим количеством красок. Не прячь свою кожу под тряпку! Она заслуживает кисти ваших великих венецианцев Джорджоне и Тициана.

—Мне неудобно, Папа.

—Все! Только разреши мне еще раз провести рукой по твоему телу. Любовь земная и небесная в образе спящей Венеры. Был бы я художником, то изобразил тебя именно так. Одновременно, во всем. Только бодрствующей.

Он отнял руку от плеч Адрианы и посмотрел на свое обрюзгшее тело, седую волосатую грудь и глубоко вздохнул. Да сравнение не сравнимое. Адриана застегивала непослушные пуговицы мэриного халата.

—Знаешь, как бы я изобразил самого себя рядом с Венерой?

—Как бы меня ты изобразил, я уже знаю. Любовью быть приятно, но Венерой не хочу. А какую роль ты определил себе?

–Старого, злого сатира. На его фоне ты бы смотрелась еще красивее. Эталоном красоты.

–Не хочу быть эталоном красоты в сравнении. Хочу быть просто любимой и любящей женщиной. Чтобы рядом со мною был любимый сатир и любил меня всегда также как любит сейчас. Еще, чтобы рядом были наши дети. Маленькие сатирчики, любимые нами. Ты хочешь иметь детей?

–Хочу. Только сатиры все мальчики. А я хочу иметь пять девочек и, чтобы все они были похожи на тебя. Пять маленьких Адриан, и всех я буду любить также как маму.

–Лучше люби их больше, чем маму.

У них непроизвольно началась игра в семью. Так они часто играли друг с другом, заказывая себе тему – великих людей, поведения в известных исторических событиях, создание образных критических ситуаций и в них всегда они побеждали, помогая и спасая друг друга. Семейная ситуация возникла впервые. До этого они оба боялись касаться этой темы. Сразу возникало много вопросов и проблем. Поэтому они избегали разговоров о своем будущем. Пусть им будет хорошо сейчас. А там... И вот в шутовском плане проигрывалась неосуществимая ситуация.

–А почему ты хочешь только девочек?

–У меня три сына. Двое старше тебя. Последний почти твой ровесник. Я их почти не воспитывал. Только деньги давал. Да гостили они у меня временами. Поэтому пусть будет пять девочек. Говорят, они больше любят отцов. Правда?

–Правда. Я очень любила своего папу. И очень плакала, когда его расстреляли партизаны.

–Не надо о войне. Хочу девочек! Они, хоть не воюют. Пусть любят своих родителей и приносят радость любимым мужчинам. Налей мне вина.

–Сейчас. Но хочу тебе сказать, что ты не сатир. И не считай себя старым. Для меня ты молодым будешь всегда.

–Пока будешь любить меня, таким я буду тебе казаться. Но, как только полюбишь другого, я покажусь тебе сразу же страшным, уродливым и ветхим. Вот тогда тебе будет действительно стыдно за свою прошлую любовь.

–Папа! Не говори так. А то я тебя ударю.

–Ударь, дочка. Я этого заслуживаю за свои разговоры.

–Это у меня просто так вырвалось. Прости! Я никогда не смогу тебя не только ударить, но и повесить голоса...

–Знаю. Но я иногда этого заслуживаю.

–Я быстрее отрублю руку, чем ударю тебя. Прости меня за эти слова! Почему молчишь? Я сейчас заплачу.

–Я ничего не слышал. Нам прощать друг друга не надо. Мы с тобой родились с меткой прощения. Нам нет необходимости пользоваться прощением. Оно внутри нас и действует независимо от нас. Мы уже простили друг друга. Дай вина, и прекратим эту опасную игру.

–Спасибо, Папа.

Адриана прижалась к нему гибким телом и, обхватив его шею руками, стала целовать лицо:

–Ты у меня самый лучший из всех людей, которых я знаю. Ты на них не похож и поэтому я тебя люблю. Сейчас я тебе дам вина. Только подожди секунду.

Но она сумела оторваться от него только через минуту, и пошла к столу, где находился ужин. Налила два фужера вина и снова вернулась к журнальному столику.

–Только давай пить медленно и смотреть в глаза друг другу. Так интересно видеть себя в твоих глазах. Только не говори, какой я тебе кажусь. Молчи.

Они мелкими глотками стали пить вино, глядя в глаза друг друга. И только улыбались. Кажется, как показалось Хемингуэю, она улыбалась задумчиво и рассеяно. Кажется, казалось Адриане, он улыбается грустно и мудро.

Из созерцания друг друга их вывел звонок в двери. Адриана опомнилась первой.

–Джанфранко. – Испуганно прошептала она. – А я не одета. Что он подумает?

–Правильно подумает. – Спокойно ответил Хемингуэй. – Только мог бы позвонить от портье и предупредить, что приехал. Что он у тебя такой не воспитанный и не понятливый? – С шуткой спросил он Адриану.

–Он просто спешил. Где мои вещи? Побегу в ванную, оденусь! Где ж моя одежда?!

–Да и мне надо бы натянуть штаны. – Также спокойно продолжал Хемингуэй.

Адриана метнулась в спальню, а потом со своими вещами

в ванную. А Хемингуэй, крикнул в сторону двери:

–Сейчас открою. – И начал медленно надевать на себя брюки и рубашку. Торопиться не стоило, – Адриане требовалось больше времени, чем ему, для приведения себя в порядок.

Он открыл дверь, когда Адриана еще не вышла из ванной. На пороге стоял с сияющим лицом Джанфранко. В руках – портрет в раме, завернутый в материю.

–Здравствуйте! Можно к вам! Видите, как я быстро приехал! – Выпалил он все сразу же.

–Вовремя. – Ответил Хемингуэй, а про себя подумал: «Мог бы и не спешить». – Проходи.

Джанфранко прошел к центру гостиной и оглядел стол с вином и закусками.

«Кажется, Адриана хорошо веселится». – Подумал он, втайне гордясь своей сестрой. Не каждой женщине выпадает счастье быть любовницей известного писателя. Что ж, надо пользоваться благоприятным моментом, для решения своих, конечно же, родственных проблем.

–Вы извините, но я сразу не понял, что хочет Адриана. – Начал разъяснять он свое первое несогласие с Адрианой, насчет доставки портрета. – Но, как только сказали вы, что портрет нужен немедленно, я понял, что он действительно нужен. И сильно гнал машину. Еще раз извините.

–Ладно. А как машина? Не попадал в аварию?

От этого вопроса Джанфранко засмутился, даже кровь

бросилась в лицо. Неприятно говорить правду, но он бодро стал объяснять.

–Машина отличная, не то, что наши. И крепкая. Летом я столкнулся с одной нашей машиной. У той весь капот покоржился, а «бьюику», ничего. Только вмятины. Но все уже отремонтировали и машина, как новая. Хорошие машины делают в Америке. – Виновато заключил Джанфранко и Хемингуэй понял, что он инициатор аварии.

Из ванной вышла одетая Адриана.

–Франки, ты привез картину?

–Конечно. А зачем бы я приезжал сюда. Возьми.

–Поставь ее на стул и сам присаживайся.

Все сели за стол, и Хемингуэй предложил Джанфранко:

–Выпьешь содовой?

–Содовой, можно. А остальное нет, я за рулем.

Джанфранко посмотрел на сестру. Она была в своем обычном коричневом костюме, будто бы весь вечер сидела с Хемингуэем за столом. Но на ногах нет чулок и туфли обуви на босую ногу. Понятно! Успела переодеться в ванной. Джанфранко понял, что можно приступать к просьбам.

–Мистер Хемингуэй! Я пишу книгу. Помните, я вам говорил. – Хемингуэй кивнул, что помнит. – Поможете мне написать?

Хемингуэй видел, как Адриана старательно прячет ноги под стол, – все-таки смущается своего вида при брате, и ответил:

– Помочь – помогу. Но книгу пиши сам, Джанфранко. Здесь я не помощник. Как напишешь, покажешь мне. Потом будем решать, что с ней делать дальше.

– Я неправильно выразился. Конечно, я напишу ее сам, а вы дадите заключение. Вот закончу первую главу и принесу вам. Можно?

– Да. Когда принесешь?

– Точно не знаю. Но может месяца через два-три...

– Меня здесь уже не будет. Я буду на Кубе.

– Знаю. Но я могу вам выслать или приехать на Кубу.

Хемингуэй пожевал губами, помолчал, размышляя и вдруг неожиданно для Джанфранко, предложил.

– Не надо высылать. Лучше приезжай сам на Кубу. Посмотрим твою книгу, потребуется доработка, сделаешь при мне.

– О! Я не ожидал от вас такого предложения. Обязательно приеду.

И тут в их разговор вмешалась Адриана.

– Пора тебе Франки заняться серьезным делом. Поезжай к мистеру Хемингуэю и напишешь нам с мамой, какая эта Куба.

– Я приглашаю и вас с мамой на Кубу. – Медленно произнес Хемингуэй. – Это – рай среди океана.

– Не знаю, сможем ли мы мамой туда приехать. – Вздохнула Адриана. – А хотелось бы.

– Я помогу вам приехать. – Пообещал Хемингуэй.

Джанфранко понял, что ему пора уходить. Он встал из-за стола и вопросительно посмотрел на сестру – поедет ли она домой? Адриана поняла его взгляд и ответила:

–Я, Франки, немного задержусь. Мы с Папой должны обсудить мой портрет.

–Я тогда пойду. До свидания, мистер Хемингуэй.

–До свидания.

Хемингуэй пожал Джанфранко руку и тот ушел, думая, что хорошо иметь такого покровителя. Может, с его помощью он станет писателем? Может, даже известным. Надо держаться ближе к Хемингуэю. Спасибо сестре, что сумела так близко с ним подружиться. Пусть продолжает с ним встречаться. И ему от этого будет польза. Цинично думал он.

Как только Джанфранко вышел, Адриана и Хемингуэй, не стовариваясь, поглядели друг на друга, сначала улыбнулись, а потом громко рассмеялись.

–Я забыла взять с собой чулки! Вот у меня был потрясающий вид – зимний костюм, без носков! Как я выгляжу?

–Великолепно! Хорошо, что ты успела взять с собой юбку.

–Да! А то бы пришлось до сих пор сидеть в ванной. – Смеясь, подхватила его мысль Адриана.

Она подошла к портрету, стоящему на стуле, развернула скатерть и поставила его на журнальный столик, возле телефона. Отошла, ожидая оценки Хемингуэя. Он надел очки, подошел ближе к портрету и стал близоруко его рассматривать. Он молчал, а у Адрианы сжалось сердце от нехороше-

го предчувствия, – не нравится! А Хемингуэй продолжал серьезно рассматривать портрет, переводя близорукий взгляд с одной детали на другую. Наконец, он перевел взгляд на нее, и она затаила дыхание, в ожидании оценки своей работы. Но ее не последовало и тогда у Адрианы все оборвалось в груди, – Хемингуэю не понравился ее портрет! А она так старалась, рисовала с душой... Хотела его порадовать.

–Встань, пожалуйста, рядом с ним. – Попросил он.

Она, не говоря ни слова, встала рядом с портретом. Хемингуэй отошел немного дальше и снова стал всматриваться в портрет, периодически переводя взгляд на нее. Наконец, он произнес:

–Никакого сравнения.

Адриана сразу же поникла головой, что не укрылось от Хемингуэя. И тот сразу же поправился:

–Я говорю не о сходстве. Сходство схвачено отлично.

–А разве ты хотел нас сравнивать? Тогда посмотри на нас в одинаковой одежде.

Адриана сняла жакет и осталась в черном свитере, как на портрете. Она откинула голову и распушила волосы.

–А сейчас?

–Очень похоже. Я об этом сказал. Но, я хочу сказать, ты лучше, чем на портрете. Загадочнее, может эффектнее. Даже не знаю, что сказать. – Хемингуэй вдруг спохватился. Она же ждет от него высокой оценки своего труда. – Портрет хороший. У тебя несомненный дар художника. – Только и смог

он сказать. – Но я тебя вижу не так.

–А как? Тогда давай играть в великих художников.

–Давай. Венерой у Джорджоне, рафаэлевой мадонной, я тебя не представляю. Все-таки у тебя портрет. Совсем другой жанр. Рубенс и Рембрандт... – Он не договорил. Его перебила Адриана.

–Ты хочешь видеть меня толстушкой? С огромными грудями, салом на бедрах? Когда-то давно, дож Венеции издал указ, чтобы все венецианки ели больше и были толще, чтобы быть более привлекательными для мужчин. Ты хочешь, чтобы я была толстой, как прошлые венецианки или голландки?

–Нет, не хочу. Но умный был у вас правитель, раз издал такой указ. – От души рассмеялся Хемингуэй. – Голландцам бы это понравилось. Но мне нельзя быть голландцем, изображая тебя. Нужно что-то более утонченное и глубокое.

–Будь Модильяни или Пикассо?

–Чтобы изобразить тебя без головы? – Громко рассмеялся Хемингуэй.

–Неужели я похожа на безголовый портрет Пикассо?

–Поэтому я и говорю, что ты достойна кисти не современных, а более утонченных художников. Но сразу не могу придумать, каким мне быть художником.

–Будь Хемингуэем. Ты так хорошо говорил недавно о моей коже. Скажи так же еще раз.

–О коже я говорил. Теперь о лице. У тебя лицо кающейся грешницы, доведшей себя внутренними терзаниями до из-

мождения... У тебя...

И снова Адриана его возмущенно перебила:

—Я не кающаяся грешница! Так меня так не сравнивай. Я влюблена в тебя, поэтому всего боюсь...

—Я не закончил. Кающееся лицо, в обрамлении одухотворенных волос... Не могу. Ты меня сбила. Наверное, я бы тебя изобразил по-другому. Только не как писатель Хемингуэй, а просто Хемингуэй.

Адриана вздохнула:

—Ты все понимаешь в картинах, в книгах, в жизни. Тебе хорошо жить.

—Эта наука нехитрая! Смотри на картины непредвзято, читай книги честно и живи, как живется.

—Ты можешь себе позволить так жить. Ты уже много прожил. А я пока не могу. Всего боюсь.

—Не бойся ничего, дочка. Люди всегда завидуют тем, кто счастливее их. А мы счастливы, поэтому нам можно завидовать. — И Хемингуэй решил перевести, завязывающийся серьезный разговор в шутовское русло и продолжить игру. — Ну, а каким художником хотела бы ты быть, чтобы нарисовать меня?

Адриана подхватила его игру воображения и закачала головой:

—Не знаю. Для изображения тебя, мало одного великого художника. А у тебя есть портреты, Папа?

—Есть. Но мне они все не нравятся.

–Поэтому тебе и не нравятся, что их писал один художник. Тебя должны писать одновременно десять, нет – двадцать художников. Тогда может получиться хороший портрет. Ты прост, поэтому сложен для описания.

–Повтори еще раз, что ты только что сказала?

–Я говорю, что вся сложность в совокупности простого. И только в хаотическом переплетении. Так интереснее и живее, чем заранее определенный богом порядок. Я бы тебя изображала, как десять художников. Ты бы был не сатир, а Давид...

–Адриана, ты меня высоко возносишь.

–Ты, Папа, достоин этого. Но если не хочешь быть Давидом, то будешь святым Себастьяном, привязанным к дереву жизни, у которого решил подкопать корни. А тебя за это боги и люди пронзают стрелами и копьями.

–Они же меня убьют! Что ты делаешь со мной? – Смеясь, воскликнул Хемингуэй.

–Но я тебя спасу, отведу все стрелы мимо или заслону тебя от них.

–Только не надо меня заслонять от стрел. Предназначенное мне должно быть моим.

–Не перебивай, Папа! – Досадливо произнесла Адриана, поднесла руку к его лицу и провела по нему мягкой ладонью. – А лицо у тебя будет зовущим меня. Кричащий рот, широко открыты глаза... Ну-ка, открой шире глаза? Еще шире?

–Больше не получается. И так они вываливаются из орбит.

–А действительно, они у тебя не могут шире открыться.

Значит, они не могут звать на помощь. Не привыкли. Твои глаза надо изобразить по-другому. А почему у тебя такие пухлые веки? Я раньше не замечала. Их не сможет изобразить ни один художник.

–У меня припухлость над глазами природная. Я же не чистый предок англичан или немцев. Во мне течет еще и индейская кровь.

–Индийская? – Теперь от удивления широко раскрылись глаза Адрианы. – Так, выходит, я люблю индейца?

–Выходит так.

–А какого ты племени?

–Ирокез, гурон, навахо, сиу... Точно не знаю. Но это самые мужественные племена. Они предпочли погибнуть, но не сдаться нашему белому брату.

–Вот почему ты такой мужественный и непонятный?

–Может быть. Наши мужчины предпочитают смерть неволе. И не доживают до старости. Я пошел в них.

–Их убивают к этому времени?

–Не обязательно. Но если мужчина чувствует, что он перестал быть мужчиной, то он убивает себя сам. Это считается в нашем племени достоинством. Уйти к праотцам надо в образе настоящего мужчины, а не старика с тлеющей искрой жизни.

–А женщины?

–Им не обязательно себя убивать. Только женщины, очень любящие своих мужей поступают, как мужчины. Но такое случается редко. Женщина должна передать память о любимом мужчине, детям и внукам.

–Ну и жестокий обычай у вас, индейцев.

–Зато справедливый. Вот ты и нарисовала мой портрет. Получился?

–Нет. Он у меня никогда не получится. Я тебя люблю, и все время вижу разным. Ты, как бы переливаешься акварелью или темперой. Карандаша или угля будет мало, недостаточно, чтобы тебя изобразить. А масло для тебя является тяжелой краской. Ты должен еще и светиться. Изнутри.

–Ты так красиво говоришь! Поцелуй меня.

–Я тебе уже говорила, что пишу стихи. Почти, как поэт. – Адриана радостно рассмеялась. – Ты меня вдохновляешь на все красивое.

–Ты меня тоже.

–Не надо картин. Я люблю тебя такой, какая ты есть. Ты самая красивая женщина, каких я знал или видел – даже на картинах старых мастеров.

–Я бы очень хотела, чтобы я любила так тебя...

Она приблизилась к сидящему на стуле Хемингуэю, обняла его за шею и, склонившись над ним, страстно, но нежно поцеловала в губы. Он взял ее на руки, встал и стал целовать ее лицо. Адриана задыхалась от его, тоже страстных поцелуев.

–Ты силен, как медведь и так же неуклюже нежен.

–Мой индейский род берет начало от медведя...

... Адриана ушла от него рано утром. Она спешила на занятия в художественную школу.

Хемингуэй внес портрет Адрианы в спальню и поставил его на два стула так, чтобы ему было видно его с кровати. Он открыл бутылку виски – подарок Ренато Корради и налил себе рюмку.

–За твоё здоровье, дочка! – Громко сказал он, обращаясь к портрету. – За твою красоту, чудо ты мое! А знаешь, ты ещё и хорошо пахнешь. Ты замечательно пахнешь, когда лежишь под одеялом и когда целуешь меня на прощание. А ты же не любишь духов.

Она глядела на него с портрета и ничего не говорила в ответ.

–К черту! – Вслух сказал он. – Не желаю разговаривать с портретом.

Он выпил виски и снова произнес вслух.

–Девочка моя! Пойми, я тебя очень люблю, и мне всегда хочется быть с тобой чутким и ласковым. Не как с другими. Не уходи от меня никогда, пожалуйста.

Но портрет не откликнулся и на эти слова.

«А ведь очень похоже себя нарисовала. Как живая! – Подумал он о портрете Адрианы. – При ней я не мог тебя, портрет, правильно оценить. А теперь вижу – это ты. Спасибо, что осталась рядом со мной. Сейчас я посплю часок, но не

больше двух и возьмусь за свою работу. Помогай мне, девочка!»

Так тоскливо обращался Хемингуэй к портрету.

Мэри приехала ровно через неделю, после их временно-го расставания в Кортина. Она просмотрела начало окончательного варианта рукописи «За рекой, в тени деревьев» и осталась довольна работой Хемингуэя. Правда, ей показалось, что он мог сделать больше, но этого она ему не сказала.

—Эрни! Первая треть романа имеет законченный вид. Можно эту часть выслать в журнал?

—Я обязан передать в печать целый роман. Предстоит еще две недели напряженного труда.

—Хорошо. Я, думаю, ты успеешь. В чем тебе помочь?

Хемингуэй был благодарен ей за это предложение. Техническая помощь ему требовалась.

—Если можешь, Мэри, проверь, не остались ли ошибки, а может ляпсусы, которые я не заметил. Исправь их в тексте. Времени на перепечатку нет.

—Я пробежала глазами несколько страниц и вижу, ты многое добавил в роман. Сокращений почти не сделал.

—Да. Я правильно сделал, что вернулся делать окончательный вариант в Венеции. Некоторые ситуации романа в эти дни, я ощутил более остро и внес поправки. Обрати внимание на них. Ложатся ли они в канву повествования, нет ли натяжек, вялостей, неправды... В общем, ты знаешь, что делать. Тебя не надо учить.

Хемингуэй улыбнулся и обнял свою жену, не поднимаясь с кресла. Мэри прижалась к нему своим худеньким телом и поцеловала его в лоб, присев на ручку кресла. Ей было приятно чувствовать ласки мужа.

– Ты по мне скучал? – Задала она ему проверочный вопрос.

– Очень! – Не задумываясь, солгал Хемингуэй. – Мне так тебя не хватало. Не с кем посоветоваться, никто не окажет мне помощь в работе... – Вторая половина ответа была правдой.

– Ты от меня всегда хочешь получать помощь. И я тебе ее даю. А хочу лишь немного любви. – Настойчиво, но не навязчиво вела свою линию Мэри.

– У нас с тобой есть любовь. Но мы ее уже не видим, привыкли к друг другу, как две детали соединенные жестким креплением. Так мы соединены с тобой до полного износа одной из деталей. А потом первоизносившуюся деталь отсоединят и выкинут на свалку отходов жизни. Останется только одна...

– Не романтично ты говоришь о нашей любви. – Перебила его Мэри и встала со спинки кресла. Она была разочарована таким механическим проявлением любви. Она ожидала от мужа большего чувства после недолгой, но все же разлуки. – Скучно стало с тобой. Пойду приведу себя в порядок после дороги и стану помогать тебе, раз ты просишь об этом. – Все-таки уколола она его напоследок.

Но разве достанешь его через толстую медвежью шкуру.

Они не касались Адрианы, но оба имели ее в виду в своем разговоре. Когда Мэри стала раскладывать свои вещи, то сразу же поняла, что Адриана находилась в ее постели. А может быть, и ночевала. В первый раз, год назад, она злилась, обнаружив следы соперницы в постели, теперь только тяжело вздохнула. Надо терпеть увлечение старика юностью – оно все равно пройдет. Дайте только немного времени. Он сам поймет, как смешон в своей запоздалой любви. Тогда он оценит верность и любовь своей жены. То есть ее – Мэри. Это она возвращает его в писательский мир. И мир за это ей должен быть благодарен. Ради этого она все вытерпит и самое неприятное – увлечение мужа Адрианой.

Но Мэри выбросила в мусорное ведро часть вещей, которыми, как она посчитала должна была пользоваться в ее отсутствие Адриана. В том числе и свой домашний халат.

Но больше всего ее поразило присутствие в спальне портрета Адрианы. Неужели Хемингуэй постоянно смотрит на нее, раз поставил портрет перед своим носом? Наверное. Ну что ж? Она вытерпит и портрет.

Вернувшись в гостиную, Мэри спросила мужа:

–Портрет Адрианы, что в спальне, кисти известного художника?

–Тебе известного. – Хемингуэй решил немного пошутить с женой.

–Кто художник?

–Сама Адриана.

–Мне можно было бы самой догадаться. Видно школярство.

Но с такой оценкой был не согласен Хемингуэй. Он, набычившись, недобро посмотрел на жену. Обижать Адриану, не позволено даже жене.

–Портрет сделан с любовью...

Мэри поняла, что ей необходимо отступить и не обострять портретный вопрос.

–Я так и говорю, Эрни. Он сделан с душой. Но, ты же сам видишь, чувствуется нехватка живописной техники. А так портрет вполне хорош...

Хемингуэй смягчился при разъяснении Мэри. В ее словах есть правда почитателя живописи средневековых мастеров кисти. И он уже добродушно произнес:

–Налей мне немного сухого мартини, и садись рядом. Сейчас я как раз хочу обыграть сцену с картиной в романе. Следи, чтобы все получилось живо и реалистично. И одновременно внимательно просматривай, что поправил я за эту неделю.

–Хорошо, милый!

Мэри пошла на кухню за мартини, и ее мозг, вдруг пронзила острая, как игла, мысль:

«Неужели, он в романе описывает все, что произошло с ним в эти дни? Точнее, происходит. Вот и сцену с портретом он дописывает. Без портрета она бы не появилась. Понятно!

Когда он познакомился с Адрианой? Год назад. И тогда же начал писать роман. В больнице. Точно! После посещения его Адрианой. А сейчас вносит все новые эпизоды и диалоги. Неужели у него все так серьезно? Успокойся, Мэри! – Приказала она себе. – Все всегда идет к лучшему. Без паники, Мэри! С Хемингуэем и его любовью тебе справиться по силам. Ты его жена и любовь. И последняя для него! Знай это!»

Мэри принесла две рюмки мартини:

–Я тоже хочу выпить. Выпьем за окончание твоего романа. – С улыбкой произнесла она.

–Еще рано за него пить. Но давай немного забежим вперед. – Согласился Хемингуэй.

Через две недели правка и перепечатка романа была закончена и рукопись отослана в нью-йоркский журнал «Космополитен» для публикации в февральском номере.

В тот памятный вечер, окончательного завершения работы над романом Хемингуэй пригласил в ресторан своих знакомых. Так сказать, отметить это событие. Мэри не возражала. Эти месяцы Хемингуэй трудился на совесть и сейчас имел все права для отдыха.

Конечно же, присутствовали на ужине только его близкие знакомые. Ужин проходил в доброжелательной атмосфере. Граф Кехлер произнес остроумный тост, насчет благодатной итальянской земли, где произрастают только одни таланты. Даже если их пришлось пересаживать с чужой земли. Он имел, в виду, Хемингуэя. Барон Франчетти приглашал

на охоту в свои уголья. Уток сейчас у них полно, не ленись только поднимать ружье и нажимать курок. И его дочь Афдера тоже сказала Папе ласковые слова о том, что все они, в том числе и она, рады знакомству с великим писателем и приглашала, как и ее папа, к себе в гости, в любое время, хоть в Венеции, хоть в Кортина Д'Ампеццо. И целовала Хемингуэя, и он ей вроде отвечал поцелуем в щечку. Много говорили хороших слов в честь хозяина ужина. Только Адриана промолчала.

Но когда гости стали расходиться, то Хемингуэй на глазах у всех пошел провожать Адриану. Даже ничего не сказал Мэри, что ее очень обидело, особенно, в глазах высокопоставленных гостей. Мэри поднялась в свой номер, села в кресло Хемингуэя и неожиданно для себя, расплакалась. В ее слезах слилась обида за сегодняшний вечер и боль, нанесенная мужем, за этот год. А все началось с безобидной, вроде бы поездки в прошлом, нет уже в позапрошлом году, сюда в Венецию. Она хотела развлечь Хемингуэя – вот и развлекла. Хотела вдохнуть в его угасающее творчество новое дыхание. А дала вдохновение юная Адриана – совсем сопливая девчонка. О ней думать она могла только так, но вслух никогда не произносила таких слов. Мэри надеялась, что в Европе Хемингуэй найдет себе тему для большого произведения. Он ее нашел. Обыграл свои стариковские мысли насчет войны и описал свою интрижку с Адрианой. И называет эту интрижку, любовью. Окружающие видят его связь с Адрианой. А в

том, что связь любовная, сомневаться не приходится. Мэри на себе это чувствует. Мало того, он выплеснул свою любовь на страницы романа, чтобы весь мир узнал о ней. Старческая привязанность не имеет границ. Он это показал всем.

Несмотря на всю свою нестигаемость и покладистость, у Мэри тоже есть чувство ревности. Она сдерживает это низкое, как говорят некоторые, чувство, но не может же так продолжаться до вечности? Чувство ревности может перейти в ненависть и тогда конец ее семейной жизни.

Мэри вдруг представила себе жизнь без Хемингуэя. Ну, хорошо! Она разойдется с ним. Что же ее дальше ждет? Конечно же, она не останется не занятой. При ее энергии и живом уме, да при наличии небольшой, но достаточной суммы денег, муж найдется. Но кто станет ее следующим избранником? Ей уже сорок два. Детей нет, и не будет. Найдет себе мужа, обычного газетчика, живущего на заработную плату или хозяина магазина, или владельца небольшой фабрички, которые толком даже неизвестны у себя в городе или штате, не говоря о всей Америке. Такая жизнь не прельщает Мэри.

Хемингуэй при всех своих недостатках, которые знает только она, известная всему миру личность. Приятно находиться в ореоле славы такого мужа. Правда, трудно. Но приятного больше. Поэтому за Хемингуэя надо бороться. Не отдавать его новому увлечению.

А что он может иметь с Адрианой? Конечно, лучше о та-

кой перспективе вообще не думать. Но прикинуть можно. Прежде всего, он старше ее на тридцать лет. Здоровье подорвано пьянством и потрясениями, которых у него было достаточно в жизни. Первое время, они будут счастливы. Но эйфория любви быстро пройдет. У графини свои интересы, связанные с аристократической средой и воспитанием. Ей разгульная жизнь Хемингуэя быстро надоест. К тому же, Хемингуэй пока с ней ласков и податлив. Но потом он начнет показывать свой необузданный нрав, – от природы никуда не уйдешь. А это, конечно, не понравится итальянке. Она ему изматывает нервов больше, чем все прошлые четыре жены, в том числе и она, вместе взятые. А потом бросит его изможденного жизнью, морально выхолощенного, не способного связать пару слов на бумаге. Мэри видела подобные браки, и Чарли Чаплин ей не пример. Итальянке нельзя доверять такого человека, как Хемингуэй. Мэри твердо решила бороться за своего мужа.

Но что она будет иметь в результате борьбы за Хемингуэя? В случае победы над соперницей? Продолжать купаться в лучах славы Хемингуэя. Этого мало. Она должна остаться в истории верной спутницей и спасителем Хемингуэя. Довести его до вершины славы, например, нобелевского лауреата. Все известные люди твердят, что он давно заслуживает такой премии. Но политики из нобелевского комитета, находят что-то негуманное в его произведениях. Обыкновенное недоброжелательство. Новый роман вряд ли потянет на эту

премию. Мэри, как журналист, понимала его художественную ценность. Надо помочь ему написать новое произведение, настроить на такую работу. Но как? Снова через Адриану? Не хочется. Она сделала свое дело, вдохновила его на книгу и теперь может уйти в тень. А лучше в туман воспоминаний. Она постарается сама настроить его на большую работу, на получение этой престижной премии. Цели надо выбирать громадные, даже недоступные. Так интереснее жить и получаешь больше удовлетворения от жизни.

Своим американским умом прагматика Мэри непроизвольно проецировала далекое будущее для себя. Хемингуэй покинет этот бранный мир раньше ее. Прости господи, что такие подлые мысли приходят в голову! Но Хемингуэй своим поведением довел ее до таких мыслей. Объективно должно произойти это так, если не случится что-то экстраординарное, и ей придется уйти раньше со света. Но это в только трагедийном случае. Она бережно относится к своему здоровью. А вот Хемингуэй, наоборот, наплевательски, и у него целый букет разнообразных болезней, некоторые из них прогрессируют. Например, сахарный диабет, анализы крови становятся все хуже и хуже. Психика совсем разболтана.

Так вот! Хемингуэй написал несколько книг, которые забросил в свой сейф и при жизни не собирается публиковать. После его кончины – кощунственно об этом думать, но надо реально прикидывать будущее, она эти произведения опубликует. Все правильно, она же останется душеприказчицей

его нереализованных планов, в том числе и неопубликованных произведений. К неплохому нынешнему состоянию Хемингуэя, она присоединит еще состояние, созданное на его памяти. Перспективы стать распорядительницей материального и духовного состояния Хемингуэя чрезвычайно взволновали ее. Она сможет создать себе хороший имидж продолжательницы творческого наследия Хемингуэя.

Да, Мэри должна бороться за Хемингуэя. Игра стоит свеч. Нельзя отдавать его другой. Ни в коем случае! Иначе, для нее наступит жизненная трагедия. Она останется бледным следом в жизни Хемингуэя. Такого Мэри не допустит. У нее гибкий ум, неплохой жизненный опыт, американская деловая хватка. Она должна остаться в мировой истории не только последней женой Хемингуэя, но и последней любовью. Сложная задача, но она обязана, ради себя и Хемингуэя, воплотить ее в жизнь. Ставку, где призом является Хемингуэй, надо выиграть! Теперь это Мэри осознала полностью.

Она вытерла слезы на глазах, припудрила морщинки, переделалась. На ней был новый, недавно купленный, халат.

Хемингуэй пришел поздно. Мэри не ложилась спать, ждала его. Хемингуэй это понял, вернее, знал, что Мэри будет его ждать, и внутренне приготовился к неприятному разговору. Но, к его удивлению, разговор начался мирно.

–Проводил Адриану? Не оставил ее посредине холодной улицы? – Мэри, даже, улыбнулась мужу.

–Проводил до самого дома. – Ответил Хемингуэй,

несколько удивленный участливым тоном жены по отношению к Адриане.

–Ребенка надо беречь. – Шутливо-назидательным тоном продолжала Мэри.

Вот здесь-то засмутился Хемингуэй, и ему показалось, что он покраснел от слов Мэри, если он вообще мог смущаться и краснеть. Он давно забыл о таком чувстве.

–Ты права, она еще ребенок. – Он, выжидательно, посмотрел на Мэри, не думая отделаться пустяковой фразой.

–К сожалению, она уже взрослый ребенок. Ты, наверное, замерз. Дать тебе вина?

К удивлению Хемингуэя Мэри говорила о постороннем, словно не обижаясь на его холодное отношение к ней сегодня.

–Виски. Оно лучше согревает.

Мэри пошла на кухню и вскоре появилась с рюмкой и бокалом.

–Я тоже выпью, только вина.

Она протянула ему рюмку, и они, не чокнувшись, молча выпили. Хемингуэй, чувствовал себя перед Мэри, как провинившийся ученик перед строгой учительницей и ждал серьезного разговора с женой, но он все оттягивался. Вот Мэри начала говорить и снова не то, что он ожидал:

–Ну, как, Эрни, согрелся? Венеция – не Куба.

–Да. Здесь не тропики. – Недоуменно согласился с ней Хемингуэй.

–Ты должен заботиться о своем здоровье. Я, как жена, обязана помогать тебе, чтобы ты не болел.

–Здоровье не вернешь. Укреплять расшатанное здоровье – продлять мучительную агонию жизни.

Хемингуэй скинул с себя груз вины перед Мэри и почувствовал себя Хемингуэем.

–Не говори афоризмами. Посмотри на это дело серьезно.

–Я серьезен. Мое здоровье остается только со мной.

–Эрни! Я вот, что хочу сказать. Ты закончил роман и снова стал себя вести, как зверь в клетке, которому нечего делать. Он мечется по клетке в поисках свободы или какого-нибудь дела. Так и ты.

–Что ты имеешь в виду? – Насторожился Хемингуэй.

По законам логики разговор должен зайти об Адриане. Но он снова ошибся.

–Я имею в виду более далекие планы. Может, начнешь писать новую книгу, пока у тебя есть вдохновение. Его надо использовать.

Мэри говорила о его творчестве, надо было прислушаться к ее словам. Как бы там не складывались их отношения, но Мэри мудрая женщина.

–Пока не появится критика на роман, я не смогу работать над новой книгой. Ты просто не знаешь, как я веду себя после окончания работы над романом.

Мэри вздохнула. Действительно, это первый для нее роман, написанный Хемингуэем. Но все-таки надо добиться от

него обещания о будущей работе.

–Я вот, что думаю. Да и не только я. Почитай критику. Все или почти все говорят, что ты сейчас являешься самым крупным писателем в мире...

–Не преувеличивай! – Хмуρο прервал ее Хемингуэй. Он не любил, когда его с кем-то сравнивали, даже со всем миром. Он считал, что живет сам по себе. – Есть писатели намного интереснее меня и честнее.

Мэри поняла, что нельзя сейчас говорить с ним слишком прямо.

–Мнения, конечно, разные. Но тебя знает весь мир. От этого факта никуда не денешься.

–Так, что ты хочешь?

–Я думаю, что тебе пора бы стать нобелевским лауреатом. В нобелевском комитете считают, что твои произведения не слишком гуманны. Может, напишешь книгу в нужном им духе, и все проблемы будут разрешены.

–Мои книги написаны с позиций гуманизма. Только кретины не понимают этого. А за премиями и званиями я никогда не гонялся. Нобелевский комитет дает премии или гладким личностям, которые пишут красиво, но не будоражат своим безликим творчеством мир, или крикунам, которых слушает только кучка психически больных людей. Таких лауреатов даже свой народ презирает, мир забывает о них сразу же после присвоения им звания.

–Да, комитет консервативен. Но премия престижная.

—Он не просто консервативен. Он занимается политиканством, что я так ненавижу. Звания раздает не по заслугам, а конъюктурно. Почему бы первую премию, было не вручить мудрейшему старцу Льву Толстому, передавшему гуманистические идеи девятнадцатого века двадцатому. Дали премию другому. Толстого помнят, а того забыли. Всех первых лауреатов, до Киплинга, забыли.

Писатель Хемингуэй очень чтит писателя Толстого и сейчас говорил возмущенно об этом факте.

—Но Толстой, кажется, умер к моменту присуждения первой нобелевской премии?

—Нет. Он был жив. В одном ты, Мэри, права. — Перешел к конкретному вопросу Хемингуэй. — Надо продолжать работать. Но пока у меня в голове нет никакого сюжета. В пятьдесят лет пора подвести некоторые итоги в философском смысле. Вот эта мысль во мне зреет, но как ее реализовать, не знаю.

—Конечно же, в своих книгах. — Подхватила его мысль Мэри, мыслившая не только философски, но и конкретно. — А что ты хочешь выразить после своих пятидесяти? Подвести итог?

—Да. Может подвести какой-то итог. Показать, что в жизни надо всегда бороться.

—Чем не сюжет? — Настойчиво вела свою линию Мэри, довольная тем, что у Хемингуэя есть творческие планы на будущее. — Найди фабулу. Расскажи мне, может я смогу чем-

то помочь.

– Это должны быть раздумья старика, прожившего жизнь. Вот и все, что я могу тебе пока сообщить.

– Неплохо. А когда конкретно приступишь к делу?

Вот эта американская конкретность и деловая хватка, ярко проявлявшиеся в характере Мэри, очень не нравились Хемингуэю.

– Когда созреет замысел.

– Пусть он зреет быстрее. – Улыбнулась Мэри, поняв, что пора прекращать разговор, не совсем приятный Хемингуэю. – Мы еще долго будем сидеть в Венеции?

– Не знаю. Хотелось бы почитать первые рецензии «За рекой, в тени деревьев» здесь. Потом, знаешь... – Хемингуэй колебался говорить или не говорить это жене. – Адриана собирается ехать в Париж, для изучения французского языка...

– И тебе нечего станет делать в Венеции! – Не сдержавшись, ехидно закончила его мысль Мэри. Но сразу же спохватилась, вспомнив, что решила не обострять этого вопроса, только поправлять поведение Хемингуэя и, с улыбкой, добавила. – Ты опекаешь ее, как родную.

Хемингуэй на мгновение растерялся, не зная, что ответить, потом медленно произнес:

– Может быть. – И замолчал, ожидая реакции Мэри.

И та, вздохнув, миролюбиво ответила:

– Эрни! Я понимаю твое увлечение Адрианой. Но не за-

бывай о семье. Мы все же с тобой семья, какие бы проблемы между нами не возникали. – Мэри тщательно подбирала выражения, чтобы не вызвать протеста у Хемингуэя. – Мы с тобой год назад говорили об этом серьезно. Ты сам понимаешь, что у тебя с ней будущего нет, и не может быть. Я понимаю, что ты изучал Адриану, как образ для своего романа. Даже наяву прокрутил некоторые ситуации, сложившиеся в твоей голове. Но два раза ты не сможешь описать ее образ. Тебе будет это не интересно, да и сам не допустишь повтора. Может ты, сократишь время встреч с ней, займешься серьезным делом, или лечением. У тебя же много болячек. Сохраняй себя для других, если не хочешь сохранить себя для себя и своей семьи.

Хемингуэй был смущен, если не сказать, растерян мягким обращением жены. Неужели она не видит и не понимает всей глубины его отношений с Адрианой? Почему его увлечение из области любовной, переводит в практическую? Все сводит к литературному образу. Может, поэтому она так стойко терпела его встречи с Адрианой? Теперь, когда литературный роман закончен, пора заканчивать и любовный роман. Не видит и не понимает Мэри, что Адриана для него не только вдохновение, но и что-то гораздо большее, что он не может объяснить сам себе. Как бы объяснить все Мэри? Чтобы поняла и не обиделась на него.

И Хемингуэй вновь, но уже как-то трусливо повторил:
– Она скоро уедет в Париж. Мы тоже уедем на Кубу.

–А когда она собирается ехать?

–Ее подруга уже там. Как только им даст денег какой-то родственник, так она сразу же уедет.

–Ты правильно решил, Эрни. – Подвела за него итог Мэри, будто бы все уже решено. – Я тебе молчу об этом, понимаю тебя, не хочу выбивать из творческой колеи, но всегда должен быть чему-то конец. Видишь, я тебя даже не ревную. Видишь? Понимаю до самых глубин твою душу и желаю помочь. Проблемы, возникшие между нами, исчезают по воле судьбы. Давай с сегодняшнего дня мы вновь наладим нашу семейную жизнь.

–Давай. – Понуро согласился Хемингуэй, не в силах возражать жене.

–Я боюсь только одного – огласки твоих отношений с Адрианой. Я тебе об этом говорила. Такая огласка тебе тоже не на пользу. – Хемингуэй молчал, слушая Мэри. – Теперь, когда книга закончена, ты можешь приступить к работе над другой книгой, я тебе буду нужнее, чем Адриана. Видишь, какая я терпеливая и стойкая? Все тебе простила.

–Вижу.

–Твои бывшие жены тебе бы такого не простили. Я правильно говорю?

Мэри требовала ответа, и Хемингуэй вынужден был процедить сквозь зубы:

–Правильно. Но позволь мне с ней встречаться, пока она здесь. Прояви еще чуточку терпения и любви... – И Хемин-

гуэй вдруг почувствовал всю фальшь своих слов. Ему стало противно за себя. И он вдруг закричал на Мэри. – Не лезь в мою жизнь! Ты мне жена, но не любовь! Не внушай мне, что я старик и ни на что уже не годен! Я просто хочу, чтобы меня понимал, кто-то близкий. – Последнюю фразу он произнес тихо, почти шепотом и, вроде бы, со слезами на глазах.

Мэри в первое мгновение была испугана его неожиданной вспышкой и поняла, что идти на дальнейшее обострение ей нельзя. Да, собственно говоря, она ничего ему обидного не сказала, так осторожно вела разговор. Его крик – показатель его слабости, показатель неверности собственных поступков. Надо только держать себя в руках. И Мэри, как можно ласковее произнесла, сдерживая гнев, готовый вырваться наружу из ее груди:

– Милый! Успокойся. Я же не требую, чтобы ты совсем не встречался с Адрианой. Только прошу, чтобы это было незаметно. Не как сегодня после ужина. Раз она тебя вдохновляет, я не могу тебе запретить с ней встречаться. Я все понимаю. Если ты станешь о ней только думать, а не видеть, сойдешь с ума. Успокойся милый и делай, что хочешь. Тем более Адриана в Венеции последние дни, встречайся с ней. Отведи душу. И спасибо тебе, Эрни, что ты видишь мою любовь к тебе. Я тебе ближе, чем кто-либо другой. Желаю тебе только хорошего, а не зла и делаю для тебя все, чтобы тебе было лучше. Я же, все-таки, люблю тебя.

Ласковый тон жены совсем расстроил Хемингуэя и лишил

воли. Раньше Мэри могла с ним ругаться по поводу и даже без повода. Неужели она его так любит? Он был сбит с толку и сбивчиво стал разъяснять:

–Прости меня, Мэри! Я, наверное, не прав. Я сам удивляюсь, как ты терпишь меня. Потерпи еще немного. Может я действительно старый дурак? Прости дурака. Я тебе благодарен, что ты все терпишь меня. Прости?

Мэри погладила его рукой по короткой седой стрижке.

–Я тебя сегодня не называла стариком. Ты, видимо, сам много думаешь о своем возрасте и произвольно говоришь об этом. Меньше об этом думай. Ты еще молод, раз в тебе такой дух. Просто ты устал за эти месяцы. Я удивлялась, как ты много все это время работал. Как в молодости. В тебе еще столько энергии, что ее хватит не на одну книгу. А сейчас давай ложиться спать. Уже поздно. Успокойся. Я, как верный оруженосец всегда рядом с тобой. Все подам, буду охранять.

Мэри через силу улыбнулась, но улыбка получилось у нее вымученной. Последняя вспышка Хемингуэя, все-таки напугала ее. Но ничего, она все равно возьмет над ним верх, пусть не сейчас, позже.

–Мэри! Как я тебе благодарен за выдержку. Поэтому я тебя люблю. Прости меня. – Тихо произнес Хемингуэй, вставая и направляясь в спальню.

–Все будет хорошо, Эрни!

Все будет хорошо! Сказала утром сама себе Мэри, приняв холодный душ. Сегодня она решила помочь Хемингуэю конкретным делом.

Мэри отправилась к Иванчичам, точнее к графине Доре. К счастью Мэри, Адрианы не было дома. Она была на занятиях. Дора встретила ее очень приветливо и единственно сокрушалась о том, что Мэри заранее не сообщила о своем приходе, то она бы приготовилась к встрече. Но Мэри, с улыбкой пояснила, что пришла ненадолго. Тем не менее, молчаливая прислуга принесла им чай. Они сидели за обеденным столом и пока вели малозначащий светский разговор, предваряющий серьезную беседу. Так было до тех пор, пока Дора не сказала:

–Джанфранко собирается на Кубу.

–Да. – Удивилась Мэри, не ожидавшая такого сообщения.

–Мистер Хемингуэй пригласил его к себе для работы над художественной книгой.

–Джанфранко пишет книгу? – Еще более удивилась Мэри. Она слышала об этом, но не ожидала, что Джанфранко серьезно возьмется за писательство.

–Да! Он уже что-то написал, но стесняется и не показывает никому написанное. Мистер Хемингуэй обещал помочь ему в издании. Он пригласил Адриану и меня тоже приехать

в гости на Кубу.

– Да! – Совсем удивилась Мэри, не зная до сих пор о таком приглашении.

«Не хватало еще любовницы мужа в моем доме!» – С грубым неудовольствием подумала она.

– Но мы еще не приняли окончательного решения о поездке.

Мэри стало немного легче от этого сообщения, и она решила перейти к делу, как любила выражаться, при переходе к конкретным действиям. А то еще что-то сногсшибательное сообщит ей Дора и выбьет из деловой колеи.

– Дорогая Дора! – Ласково начала Мэри. – Я услышала от Адрианы... – Соврала она. – Что ей уже надо быть на занятиях по французскому языку в Париже. – Мэри специально подчеркнула, что занятия начались.

– Да. Ее подруга уже уехала, а Адриана вынуждена задержаться. – Дора тяжело вздохнула. За внешней простотой у нее скрывалась деловая хватка, как и у Мэри. Она поняла, что Мэри пришла к ней не зря. Ей что-то надо. – У нас все те же проблемы. – Неопределенно пояснила Дора.

– Какие? – Участливо спросила Мэри.

– Те же. – Протянула Дора. – Нет денег.

– Да, тяжело вам. – Посочувствовала ей Мэри, конкретно ничего не предлагая.

– Тяжело. Ренты хватает на оплату жилья, да для скромного проживания. Все отобрала у нас власть, как будто наши

дети были фашистами.

–А вы не пробовали подать в суд, чтобы вернуть утраченное?

–Пока действует закон, запрещающий опротестование таких решений. Но газеты уже пишут, что война давно закончилась, пора восстановить справедливость, и вернуть или компенсировать таким, как мы, все то, что несправедливо отобрали у нас в горячке войны. Но пока такой закон не принят. Муж служил государству, а не Муссолини. Надо понимать это и вернуть нам, хотя бы то, что было до этой проклятой войны.

–Да, такой закон нужен. – Поддержала Мэри свою собеседницу. Но ей было все равно, что творится в Италии. Это их проблемы. Она перешла к конкретному разговору. – Дора! Мы с Эрнестом хотим вам помочь. Он сам постеснялся придти к вам, так я пришла одна. – Снова соврала Мэри. – Вы знаете его отношение к Адриане? – И сама же ответила на свой вопрос. – Он относится к ней, как к родной.

–Истинная правда. – Подтвердила Дора. – Адриана расцветает при упоминании о мистере Хемингуэе. Она говорит о нем только восторженно...

–Да! Он, как писатель заслуживает восторженных отзывов. – Перебила ее Мэри. Слова Доры, как нож в сердце. Но пусть она восторгается им, как писателем, а не мужчиной. – Так вот. Мы бы хотели вам помочь, чтобы Адриана могла уехать в Париж и вовремя начать учебу.

–Мы бы были вам очень признательны. А как дядя Адрианы пришлет нам деньги, мы их вам вернем. – Дора была неподкупна.

–Не надо возвращать. Это будет наш подарок Адриане ко дню рождения и празднику святого Стефана.

–Но это дорогой подарок! Сможем ли мы его принять?

–Для нас это немного. Мы, конечно, не Рокфеллеры и не Дюпоны, но писательская работа мужа позволяет нам жить в достатке. – Расплывчато пояснила Мэри, но не преминула добавить. – Конечно, хорошо живут не все писатели. Только те, которых признал мир. Хемингуэй первый в этом ряду. – Гордо закончила Мэри.

–Знаю! От его книг Адриана в восторге. Накупила их и все прочитала.

Мэри недовольно поморщилась – снова Адриана и Хемингуэй и перешла к делу.

–Сколько необходимо заплатить за обучение Адрианы в Париже?

–Вот счет за обучение. – Дора грузно встала с кресла, прошла в другую комнату и вернулась со счетом. – Пятьсот долларов. Я его перешлю двоюродному брату, он обещал оплатить и дать деньги на квартиру, питание и развлечения Адрианы в Париже. А дядя даст позже еще на ее обучение. Я его деньгами отдам вам долг.

–Раз мы решили вам помочь, то не надо обращаться к брату и дяде. Учебу мы оплатим. А квартиры и развлечения в

Париже дорогие. Я думаю, на три месяца проживания Адрианы в Париже ей хватит тысячи долларов.

–Конечно! – Воскликнула Дора. – Мы вам все вернем, как только ее дядя даст нам деньги. А может, нам вернут конфискованное имущество. Война давно закончилась. Пять лет прошло. Пора бы успокоиться антифашистам. – Снова начала плакаться Дора.

–Да, пора. Но я уже сказала, что это наш подарок на день рождения Адриане. А подарок не возвращается. Вот вам тысяча долларов.

Мэри вынула из сумочки заранее отсчитанные десять кредиток по сто долларов и положила их перед Дорой на стол. Сумма в послевоенное время довольно крупная. Но что делать? За разлуку, как и за любовь надо платить.

–А счет за обучение, я оплачу сегодня. Пусть Джанфранко заедет ко мне в гостиницу и возьмет его.

–Спасибо! – Не скрывая удовлетворения, произнесла Дора. – Я вам так буду обязана! И Адриана тоже.

–Милая графиня. Мы с Эрнестом хотели, чтобы это осталось между нами. Тайной. Понимаете ли, такой подарок почти не останется в руках Адрианы. Все придется потратить на учебу. Эрнест и я хотим сделать еще подарок на двадцатилетие Адрианы, чтобы он у нее остался, как память. Понимаете, в виде ценной вещи. Мы еще не решили, какой будет подарок. – Мэри не могла сказать Доре прямо, чтобы она молчала о деньгах, которые ей сейчас дала. – Так, что ничего

не говорите об этих деньгах Адриане.

Но Дора все прекрасно поняла, без предупреждения Мэри:

–Конечно. Этот подарок Адриане останется для нее тайной. Я ей ничего не скажу о нем.

–Вы правильно меня поняли. И еще я вам хочу сказать... – Мэри не знала, как подойти к этой проблеме, возникшей только что, в ходе разговора.

–Говорите мне все. Не бойтесь. Все останется между нами, тайной. – И Дора заговорщически подмигнула Мэри, отчего той стало неприятно.

–Я хочу сказать... Джанфранко приедет на Кубу и напишет, какой там тяжелый климат. Особенно для вас. – Подчеркнула Мэри, намекая на излишнюю полноту и одышку Доры. – Я прошу вас с Адрианой приехать на Кубу, только по моему письму.

Лицо Доры сморщилось. Она не ожидала отказа в визите на Кубу.

–Ну, хорошо. – Обиженным тоном произнесла она. – Вам не могу перечить.

–Вы сами понимаете почему. – Сказала Мэри, не называя причину.

–Да. Понимаю. Вы ревнуете мою дочь к своему мужу. – С ядовитой интонацией ответила Дора.

Мэри, аж подскочила в кресле от неожиданной констатации очевидного факта и торопливо произнесла:

– Ни в коем случае! Вы сами понимаете, ничего не может быть серьезного между отцом и дочерью?

– Да. Понимаю. – Так же, но уже со вздохом сожаления, произнесла Дора и гордо закончила. – Что ж, если вы не желаете, чтобы мы посетили вас, то... – Она не закончила фразы, но было понятно, что она хотела сказать.

Мэри чувствовала себя гаденько и злилась на Хемингуэя, который заставил ее совершить подлость. Но в договоренности с Дорой надо было идти до конца.

– Я вам не отказываю. Я только прошу приехать к нам после моего письма или телефонного разговора. Тогда оплачу вам дорогу на Кубу и обратно. Все не так просто и вы это понимаете, как жена и мать. – Сказала она уже честно.

– Да. – Только так начинала свои ответы Дора. – Мы никогда не были на Кубе, хотелось бы посмотреть. Но что ж, будем отдыхать на Адриатике.

И Мэри решилась на отчаянный шаг. Надо окончательно купить Дору.

– Дорогая графиня. – Вкрадчивым голосом произнесла она. – Я вам дам еще тысячу долларов, чтобы вы смогли отдохнуть не только на Адриатике и Кубе, но и в другом месте.

Дора, как показалось Мэри, посмотрела на нее с презрением. Но, видимо, показалось, потому что Дора ответила конкретно:

– Мне советуют лечиться целебными водами на Мальте. Может, поеду туда.

Мэри вздохнула свободно – проклятая графиня! И такая же дочка! И улыбнулась.

– Вот и прекрасно. Я вам занесу или передам их. Чек или деньги?

– Лучше деньги, чтобы не ходить в банк.

– Договорились. Спасибо, Дора, за чай. Мне всегда приятно встречаться с вами.

– Мне тоже. Приходите с мужем к нам на завтрак.

– Конечно же, придем. До свидания.

Потом Мэри ругала себя за то, что не могла как-то по-другому разъяснить Доре нежелательность ее визита с дочерью на Кубу, и пришлось платить деньги. Ругала Хемингуэя, который без ее ведома, пригласил семью Иванчичей в гости, а за отказ от приглашения пришлось платить. Она ругала себя и всех на свете, потому что на душе было мерзостно. Но приглашения от нее погостить на Кубе, Иванчичи не дождутся.

Когда с занятий вернулась Адриана, то Дора сразу же ей сказала:

– Ади! Дядя прислал деньги на твою поездку в Париж. Поэтому начинай собираться в дорогу. – Дора решила не говорить, что сегодня была у них Мэри Хемингуэй. Не надо девочке знать подноготную сторону жизни.

– Наконец-то он решил раскошелиться для любимой племянницы. – Засмеялась Адриана, зная скупость своего дяди. – Хватит хоть на дорогу?

– Пятьсот долларов тебе хватит на три месяца. – Дора ре-

шила не давать дочери всю тысячу.

–Мало. Но хватит.

–Но он еще оплатит счет за учебу.

–Это хорошо. Надо позвонить ему или написать письмо и поблагодарить.

–Я отправила ему счет с письмом и уже поблагодарила. Так, что тебе не надо беспокоиться. Когда ты хочешь выехать?

–Не знаю. Наверное, после карнавала.

–А раньше не получится?

–Нет. Хемингуэй хочет, чтобы я была с ним на карнавале.

–Ади! Скажи мне честно. Он тебе нравится?

–Да, мама, нравится.

–А он тебе не предлагал руку? – Продолжала вкрадчиво допытываться Дора.

–Нет. У нас с ним дружба.

–Жаль. А то бы ты была обеспечена на всю жизнь.

Адриана вспыхнула – маме только надо, чтобы она и брат были обеспечены.

–Мама! Прекрати эти разговоры, а то вообще ничего тебе не буду говорить!

–Я же, дочка, желаю тебе добра. Не злись на меня и поступай, как знаешь.

Адриана понимала, что мать желает ей добра, но у нее самой нет никакого корыстного расчета в отношении Хемингуэя. Есть только любовь – и это ее страшило.

На следующий день к вечеру в номер к Хемингуэям пришел Джанфранко. Хемингуэя не было. Как обычно ушел к Адриане на встречу. Мэри отказалась с ним идти, ожидая Джанфранко.

—Франки! —Сказала она ему. — Когда ты собираешься приехать к нам на Кубу.

—Наверное, летом мисс Мэри, как закончу занятия в колледже.

—Мы тебя будем ждать. Только скажи мне, если можешь честно, — как Адриана относится к Папе?

Джанфранко замялся. Он видел и знал многое о сестре, но нельзя же все честно говорить, как требует мисс Мэри. Но Мэри, как уже понял Джанфранко, ведет все семейные дела, а не Хемингуэй и он осторожно ответил:

—Хорошо относится.

—Я хочу спросить, — любит она его?

Джанфранко снова замялся, как сказать мисс Мэри, какого ответа она ждет, и снова неопределенно ответил:

—Точно не знаю. Кажется, любит.

Мэри этот ответ удовлетворил. Она нашла подтверждение своим опасениям в словах брата Адрианы.

—Спасибо Джанфранко. Приезжай к нам на Кубу. Напишешь книгу, станешь известным писателем.

—Спасибо за доброе слово, мисс Мэри. — Улыбнулся Джанфранко.

—И еще я попрошу тебя, Франки, сугубо конфиденциально.

Говори иногда своей сестре, что у нее нет любви к Хемингуэю, а только интерес к нему, как к писателю. Подчеркивай, что ничего серьезного у них не будет.

—Хорошо буду иногда так ей говорить.

Они попрощались, и Джанфранко ушел с оплаченным чеком для учебы Адрианы. Но Джанфранко думал про себя: «Никогда я не скажу этого Ади. Пусть она продолжает любить Папу. Он и мне, ради Адрианы чем-то поможет».

Адриана сообщила радостную новость о своем отъезде в Париж Хемингуэю в тот же день. По лицу Хемингуэя было видно, что он огорчился этому известию, но сказал:

—Что ж, езжай. А когда едешь?

—Ты хочешь, чтобы я уехала сейчас или задержалась на карнавал.

—Смотри, дочка, как тебе лучше. Мне лучше, чтобы ты уехала после карнавала.

—Я так же сказала маме. В каком костюме мне явиться на праздник?

—В таком, чтобы я тебя узнал, а остальные не узнали.

Адриана рассмеялась.

—А ты тоже наденешь маскарадный костюм, Папа?

—Не знаю еще.

—А ты надень такой костюм, и мы будем играть в театр.

—Хорошо, дочка.

—Встретимся на площади Сан-Марко. Ты меня узнаешь в маскарадном костюме?

–Ты от меня не спрячешься и на дне океана.

Венецианский карнавал святого Стефана как всегда длился десять дней, непрерывно. Даже холодные февральские дожди не могли загнать участников карнавала под крышу. Карнавал пульсировал в древнем городе от окраин, к центру – площади Сан-Марко. Она была горячим сердцем карнавала. Жар от сердца карнавала передавался тысячам туристов, приехавших поглазеть на необыкновенное зрелище и самим в нем поучаствовать. Десять дней горения сердец счастьем жизни! Венеция неистощима на радостные выдумки, а теплота ее древних зданий и скульптур, каналов и мостов, дружелюбие и открытость венецианок и венецианцев заполняют всего тебя, от пяток до головы или наоборот, смотря какой у человека темперамент. Кажется, дышит сама Венеция, – город и человек слились в одно неразделимое целое. И над всем этим счастьем парит крылатый лев – защитник Венеции и покровитель ее радостных жителей.

В день открытия карнавала Хемингуэй пошли в магазин, чтобы купить себе маскарадные костюмы. Но их ждало глубокое разочарование, – все экзотические костюмы были раскуплены. Осталось что-то упрощенное, без масок. В конце-концов Хемингуэй купил себе плащ Казановы с полумаской, а Мэри – только полумаску. Костюм доктора со страшным вороньим клювом она не захотела брать, объяснив, что

не желает быть чудищем.

В первый день по улицам Венеции прошел парад масок, закончившийся на площади Сан-Марко, и сразу же началось всеобщее веселье, прямо здесь же, на булыжных улицах.

Хемингуэй пробирался к центру карнавала – площади Сан-Марко. Но это было трудно сделать. Толпы людских тел затромбировали узкие средневековые улочки, и еще здесь же, в невероятной тесноте, умудрялись не только плясать, но и водить быстрые хороводы. Хемингуэй, в плаще Казановы, крепко держал за руку Мэри, чтобы она не потерялась в толпе. Приходилось идти медленно, продираясь сквозь наэлектризованную радостным весельем толпу. Еще более задерживался их темп в результате частых остановок возле наспех разрисованных прилавков и очагов огня, где продавалось вино, привезенное со всей Италии. Хемингуэй не мог отказать себе в желании попробовать стаканчик неизвестного ему вина и, с каждым стаканом, новый сорт вина ему нравился все больше и больше.

Уже стемнело, когда они пробрались по Пьяцетте на площадь Сан-Марко и остановились у базилики. Площадь была украшена лентами и гирляндами, и чуть ли не все гуляющие были в маскарадных костюмах. Здесь Хемингуэй договорился встретиться с Адрианой. Поэтому он сюда так упорно стремился и тянул за собой Мэри.

–Смотри, какое великолепие?! – Крикнул он на ухо Мэри. Музыка оркестров, песни и гам людей, скинувших узы

условности поведения, сливались в один шумовой поток, наглухо забивающий человеческие уши.

Густой, замешанный на многовековых традициях и фантазиях, фон народного гуляния, был главным героем венецианского карнавала.

–Очень весело! – Прокричала в ответ Мэри. – Не отпускай меня от себя далеко.

–Хорошо! Пойдем, вклинимся в хоровод!

Они разорвали один внешний круг, потом другой и встали в цепь неизвестно какой окружности хоровода. А он двигался, то по часовой стрелке, то напротив, притопывая и приседая, сходясь и расходясь, с шутками и смехом непрерывно, будто перпетуум мобиле, наконец-то созданный венецианцами, вопреки всем физическим законам. Уставшие выходили из круга, подкреплялись бокалом вина и вновь плясали. От костюмов Коломбин, Арлекинов, Пьеро и множества других одеяний без названия, пестрело в глазах. Хемингуэй видел нескольких импозантных Казанов и почувствовал себя членом их братства. Хотелось кружиться, петь, всех обнимать и целовать, как делали другие и плакать от счастья, что у тебя больше нет никаких проблем, кроме веселья.

Задохнувшаяся от бега по кругу Мэри, крикнула Хемингуэю:

–Когда-нибудь этот танец закончится?!

–Никогда! Он вечен, как сама Венеция! – Радостно прокричал в ответ Хемингуэй.

–Давай отдохнем?

–Подожди еще немного! Давай напляшемся от души, на всю жизнь! Когда еще представится такая возможность!

И он весело во всю свою глотку, как рыбак во время шторма, загоготал, и его смех подхватили танцующие рядом, и он естественно вписался в необузданное веселье. Женская цыганская маска, в восторге от его гомерического хохота кинулась к нему на шею и он, отпустив руку Мэри, захватил в свои сильные объятия цыганку. Она громко смеялась и целовала Хемингуэя, а он ее, точно также – целовал и смеялся. Но вот цыганка, привлеченная новым зазывным криком, выскользнула из его рук и бросилась на шею другому. Хемингуэй, несколько разочарованно, остановился на бегу, но его снова, кто-то схватил за руку и вовлек в хоровод. Он взял чью-то руку и почувствовал, что это рука не Мэри. Действительно, ему широко улыбалась Коломбина без маски. И он улыбнулся ей в ответ, забыв о потерянной в танце Мэри, об ищущей его Адриане, и необходимости ее поиска самому. Коломбина призывно улыбалась ему, он улыбался ей в ответ. Она схватила его за руку, и они ринулись прочь из круга. Кажется, они остановились возле Кампанилы. Запыхавшиеся, они рассматривали друг друга. Коломбине было лет тридцать, и она произнесла что-то по-итальянски. И Хемингуэй ответил по-английски.

–У-ю! – Удивленно присвистнула итальянка. – Америка-но?

–Си! Си! – Радостно ответил ей Хемингуэй, обрадованный тем, что она его поняла и он ее тоже.

Она, улыбаясь, потащила его к разносчику напитков. Хемингуэй взял два запечатанных бумажных стаканчика с вином, бросив на поднос деньги. Они стали пить вино. Коломбина продолжала что-то щебетать, видимо, приглашала к себе в гости. От холодного вина Хемингуэй пришел в себя. С этой Коломбиной хорошо, но в каком костюме Адриана? Может тоже в костюме Коломбины – символе чистоты и нежности. Вот поэтому Коломбина должна быть без маски, показывать своим открытым лицом любовь только к одному мужчине. Но и мужчина должен быть всегда рядом с ней. Вот и эта Коломбина нашла, наконец, себе Казанову. Кругом бегали и плясали другие Коломбины, но не Адрианы. А итальянка продолжала что-то ему рассказывать, видимо, не собираясь его сегодня покидать. Она нашла своего мужчину, прижималась к нему всем телом, и даже укрылась полой его плаща Казановы. А где, Мэри? Ничего сама доберется до дома. Надо было крепче держаться за мужа, успокоил себя Хемингуэй. И он, схватив чужую Коломбину за руку, пошел с ней через площадь, ища свою Коломбину. Почему-то он верил, что Адриана должна быть именно в этом костюме.

Перед его глазами промелькнула Коломбина в черной маске и белом платье. Он, с высоты своего большого роста, рассматривал танцующих. Его за руку крепко держала итальянка, не хотевшая далеко от себя отпускать иностранца.

Они остановились возле прилавка, заставленного бутылками с вином, прилепившегося в крохотном уголке здания – квадратная колонна и стена, всего-то с полметра торговой площади. Хемингуэй взял две бутылки вина и одну протянул итальянке. Он приставил горлышко бутылки к губам и почувствовал, что кто-то сзади постукивает его по плечу. Он обернулся. За его спиной стояла Коломбина в маске, которую он только что видел, и прикрывала лицо веером. Хемингуэй всматривался в маску и видел сквозь нее знакомые очертания.

–Адриана! – Закричал он и схватил ее в свои медвежьи объятия. Маска сползла с лица Коломбины, и он увидел Адриану. Она радостно и в тоже время укоризненно глядела на него.

–Так вот, как ты меня искал, Казанова? Хвастался, что разыщешь на дне океана. – С улыбкой спросила она его.

–Я тебя ищу давно! Пол-Венеции обошел. Хотел уже окунуться в океан. А почему ты в маске?

–Чтобы меня не сразу узнал мой Казанова.

–Так не положено Коломбине!

–Так надо делать, чтобы не попасть в лапы Казановы. – У них началась игра в маски.

Итальянка, которая не отставала от Хемингуэя до встречи с Адрианой, потянула его за рукав. Она все поняла и самое главное, что теперь она лишняя. Но обиды на ее лице не было, карнавалу до утра веселиться еще двенадцать часов. На-

стоящее веселье начнется после полуночи.

– Чао, американо! – Крикнула она и что-то добавила еще.

– Переведи, что она сказала? – Обратился Хемингуэй к Адриане.

– Она сказала, что ты настоящий Казанова. Гордись такой оценкой, Папа-Казанова!

– Горжусь. Эй! – Крикнул он Коломбине без маски, вытянул из кармана купюру в тысячу лир и протянул итальянке.

Та в ответ засмеялась, отрицательно замахала руками и, что-то крикнув, скрылась в толпе.

– Что она сказала? – Снова спросил Хемингуэй Адриану.

– Что ты, американский кретин, а не Казанова! – Засмеялась Адриана. – Настоящий Казанова никогда не платит деньги девушкам за услуги. Он только дарит им любовь. Сегодня в Венеции расплачиваются любовью, а не деньгами. Понял, Папа?

– Понял. Пойдем отсюда. Тольконими маску.

– Уже сняла. Ты тоженими.

Они по Пьяццете Леончини, через мост, вышли в Каstellо. Здесь тоже было много гуляющих, но все же меньше, чем на площади.

Вдруг Адриану окликнули. Она посмотрела в сторону столов, типа импровизированного кафе, под открытым небом.

– Адриана! Иди к нам со своим кавалером! – Крикнул ей кто-то, из сидящих, за столом.

– Папа, подойдем к нашим друзьям. Ты их знаешь или ви-

дел. Вон и Афдера там.

Они подошли к столам. Хемингуэя узнали, и юноша уступил ему стул. Адриана присела на краешек стула Афдеры, рядом с Хемингуэем.

Наверное, окликавая Адриану, компания не рассмотрела, что рядом с ней Хемингуэй и теперь смущенно молчала. Хемингуэй понял, что только он может снять возникшую неловкость, и сказал:

–Каким вином у вас угощают?

–Кьянти.

–Великолепное вино, если оно только из виноградников Венето. Наливайте мне и всем тоже.

Ему налили стакан кьянти, и он поднял его вверх.

–За Венецию карнавалов и без карнавалов!

Все выпили и, неловкость немного рассеялась. Афдера повернулась к Хемингуэю.

–Папа! Когда вы к нам приедете на охоту?

–Не знаю. Но как-то надо побывать у вас.

–Приезжайте? Мой отец оборудовал новое место для охоты на уток. Там утки не пуганые. А бочку такую большую поставил, что мы в ней вдвоем можем спрятаться, и никто нас не увидит. – Афдера с видом победителя взглянула на Адриану.

Хемингуэй склонился к уху Афдеры и что-то стал ей говорить. Адриана не слышала его слов, но вдруг почувствовала, что ревность штормом хлынула в ее голову. Делить стул

с Афдерой она уже не могла. Она встала и перешла на другую сторону, где два парня, сдвинув свои стулья, посадили Адриану в середину, между собой.

Хемингуэй видел реакцию Адрианы, на свой разговор с Афдерой, и ему стал грустно. Он спросил всех, ни к кому конкретно не обращаясь.

–А почему вы не в карнавальных костюмах и не танцуете?

–Эти карнавалы нам надоели. На них сейчас танцуют те, у кого больше нет праздников и туристы. Мы приходим сюда, чтобы посмеяться над ними.

Хемингуэй вспомнил, как буквально полчаса назад он, как угорелый носился в танце на площади и понял, как он далек от аристократической молодежи. Над ним они также за глаза смеются. А может, и над его любовью к Адриане. Она же из их круга.

–Папа! – Попросила Афдера. – Расскажите об охоте?

–Да. Вы как-то не успели нам до конца рассказать об охоте на львов. – Раздался еще чей-то голос.

–Я не охотился на львов. – Медленно ответил Хемингуэй, чувствуя себя чужим среди молодежи. Оказывается, раньше он развлекал их своими рассказами.

«Старый дурак!» – С обидой обозвал сам себя Хемингуэй.

Он устало поднялся со стула, повернулся к компании спиной и, не попрощавшись ни с кем, в том числе и с Адрианой, пошел по брусчатой Леончини. Напоследок он заметил растерянный взгляд Адрианы и ее огромные от удивления гла-

за. Такое Папа вытворяет при ней впервые. И не обращает на нее внимания.

Он уходил от нее и скоро должен был смешаться с толпой танцующих. Адриана неотрывно смотрела в его сутуловатую спину в костюме позднего Казановы.

Она вскочила со стула и крикнула Афдера:

–Зачем ты это сделала?

–Я ничего ему такого не сказала. – Возразила Афдера, не понимающая, что произошло.

Адриана догнала Хемингуэя уже возле танцующих на улице людей.

–Папа!

Он обернулся, и она бросилась к нему на шею.

–Папа! Прости меня? Я тебя обидела!

–Нет, дочка, ты меня не обидела. Это я обиделся на мир.

–Это Афдера злая! Почему она к тебе липнет.

–Не надо было целоваться с ней на охоте и на лыжах.

–И все?

–Все. Люди хотят дружить со львами. Шакалов больше, чем тигров. И чем старше и матерее лев или тигр, тем больше вокруг него шакалов. Им мало обьедков, они хотят мяса и крови бывшего когда-то сильным, зверя. Так они мстят ему за обьедки, которыми он с ними всю жизнь делился. Мстят за корм унижения.

–Не говори так, Папа? А то мне становится страшно. И запомни, для меня ты моложе всех. Я тебе об этом всегда

говорю.

– Потому и говоришь, что я стар.

– Я говорю честно. Ты мой матерый зверь. Я счастлива, что люблю такого зверя. Пойдем танцевать. Ты отвлечешься.

– Не хочу танцевать. Пойдем просто погуляем по улицам.

Они, прижавшись друг к другу, пошли по узким улицам Каstellо. Наступил вечер, принесший влажный холод с Альп и Адриатики. А они ходили и молчали. И им было хорошо.

– Куда пойдем дальше, Казанова? – Спросила его Адриана, прижавшись к нему и прикрывая свои плечи полой плаща. Все-таки в феврале и в Венеции свежо.

– Ты замерзла моя милая, Коломбина? – Спросил он, прижимая ее теснее к себе.

– Только сейчас. Когда стало темнеть. Ты меня увлечешь в свои сети, Казанова и согреешь?

– Я свою Коломбину даже на Северном Полюсе отогрею своим дыханием и теплом рук. Коломбина – снежинка моей любви и счастья. Как хочется, чтобы эта зима продолжалась вечно. Хочу вечной свежести...

Они снова нашли свою игру в итальянские маски.

– Казанова может растопить снежинку любви?

– Никогда. Он сохранит свою снежинку. Смотри?

Хемингуэй подошел к двери старого четырехэтажного дома и кольцом, закрепленным в ней, стал молотить в дубовую обшивку. А на узкой улице веселились люди. Хемингуэй на-

дел маску на лицо. Дверь отворилась и на пороге показалась пожилая женщина. Она взглянула на Хемингуэя и широко улыбнулась.

–Пустите погреться Казанову и Коломбину? – Нарочно грубоватым голосом попросил он хозяйку этого дома, а может квартиры.

Женщины еще раз улыбнулась, и что-то ответила ему. Хемингуэй пожалел, что почти не знает итальянского. Адриана подсказала женщине:

–Казанова замерз. Просит, чтобы вы пустили его погреться с Коломбиной.

Женщина широко развела руками, приглашая их к себе. Они вошли и по узкому коридору прошли в отдельную комнату. Женщина удалилась, чтобы через минуту вернуться с подносом вина и фруктов. Мелодичным голосом она пожелала им райского отдыха и удалилась.

–Здесь ты согреешься, но не растаешь. Я сохраню твою снежную красоту.

–Ты, Казанова, все знаешь в Италии, как и мой любимый, по имени Папа.

–Я знаю Венецию.

Не мог же ей Хемингуэй рассказать о том, что около тридцати лет назад, будучи начинающим газетчиком и холостяком, он прошелся по многим маленьким квартиркам Италии, в том числе и Венеции. Он выключил свет в комнате, снял маску, обнял Адриану и поцеловал.

–Тебе уже не холодно? Чувствуешь, как я тебе отдаю свое тепло?

–Мне с тобой никогда не бывает холодно, Папа.

За окнами раздался грохот, и комната осветилась разноцветными бликами. Адриана испуганно отпрянула от Хемингуэя.

–Не бойся. Это праздничный фейерверк.

–Я испугалась от неожиданности.

–На фронте фейерверки пострашнее.

–Папа! Почему ты не можешь забыть свой фронт, даже в праздник? Даже наедине со мной?

–Сам не знаю. Но я больше никогда при тебе не вспомню о прошлом.

–Нет. Если тебе надо высказаться, то говори все мне. Станет легче. Отдай мне капельку своего прошлого, которого я не видела и не знаю?

–Пойдем, посмотрим салют из окна. – Предложил Хемингуэй, не отвечая ей. Его прошлое, принадлежит только ему.

Они подошли к окну, и Хемингуэй открыл занавеску. В холодном небе Венеции висели разноцветные шары и серпантины огней. А над ними, в темноте звезд, белесой дымкой парил крылатый лев, охраняя древний город.

–Смотри? Огоньки тают, как снежинки!

–Снежинки тают без следа, – огонь сгорает до пепла...

–Все равно что-то остается и от снежинки. Память... Об огнях и снежинках. – И без перехода печально произнесла. –

А послезавтра я уеду. Будешь меня вспоминать?

–Мы еще встретимся. Пожалуйста, люби меня.

–Я возьму с собой негритенка...

...Хемингуэй вернулся в номер далеко за полночь. Мэри уже давно лежала в постели.

–Где ты так долго был? – Спросила она.

–На карнавале. – Почти соврал он. – Так весело, хочется гулять до утра. А как ты потеряла меня?

–Танцы разъединили. Потом искала тебя и не нашла. Ты встретил Адриану? – Задала она главный, интересующий ее вопрос.

–Не встретил. – Уже точно соврал Хемингуэй. – Она через два дня уезжает. Надо нам с тобой с ней попрощаться.

–Тогда надо будет попрощаться сегодня. Скоро утро.

И Мэри стала думать, – обманул ее Хемингуэй, или нет? Наверное, нет, – раз хочет попрощаться с Адрианой. А, вообще-то обманул, раз стремится попрощаться в присутствии Мэри.

В начале марта появились первые критические статьи на журнальную публикацию «За рекой, в тени деревьев» в «Космополитене». Хемингуэй, читая их, все более и более мрачнел. Основная масса откликов была недоброжелательной. Многие критики прямо заявляли о творческом закате Хемингуэя, как писателя. Также многие отметили документальность в описании войны и своеобразную характеристику генералов, отличившихся на войне, что не свойственно роману, как литературному жанру. Любовную линию в романе, будто не замечали. Только парижское издание «Нью-Йорк геральд трибюн» своеобразно заметило любовную линию в романе: «Старческое брюзжание по поводу прошедшей войны, автор умело заполнил пересказом своих любовных похждений пережитых накануне вечером, им самим». Хемингуэй в гневе порвал газету, и клочья бумаги раскидал по комнате. Сволочи, коснулись даже его личной жизни! Слава богу, что еще не назвали имя Адрианы.

Мэри видела мрачное состояние Хемингуэя и пыталась его не столько успокоить, сколько отвлечь от происходящего. Но от горной и утиной охоты он отказался, а на рыбалку весной выходить рано. Наконец, он сказал:

–Едем в Париж.

–Может в Геную, и оттуда поплывем на Кубу. – Возразила

Мэри.

–Мы договорились со Скрибнером, и он ждет меня в Париже.

Чарльз Скрибнер – нью-йоркский издатель, которому Хемингуэй обычно доверял право первой публикации своих произведений. Раз он приезжает в Париж для встречи с писателем, то никак нельзя отказаться от приглашения. Пусть также встретит Адриану, может она отвлечет его от нерасположенных дум и выведет из упаднического состояния. Адриана сейчас была необходима Хемингуэю, как лекарство. Так решила Мэри. И, кажется, она пожалела, что помогла Адриане отправиться в Париж раньше времени.

Накануне отъезда из Венеции, Мэри зашла к Доре Иванчич и вручила ей еще тысячу долларов, и та дала обязательство не приезжать к ним в гости на Кубу. Пусть все делается и с согласия Мэри, а не только по желанию Хемингуэя.

В Париже они остановились в отеле «Ритц». Хемингуэй сразу же встретился со Скрибнером и показал ему рисунки Адрианы для его книги, которые он взял у нее в прошлом году. Скрибнер долго их рассматривал и заявил, что хотел бы встретиться с художником. Они обговорили условия издания романа «За рекой, в тени деревьев». Договорились, встретиться во время завтрака, на следующий день. Сразу же Хемингуэй позвонил Адриане и сказал, что хочет с ней встретиться завтра утром и пообедать в отеле ресторана. Это прозвучало не как приглашение, а как приказ.

На завтрак Адриана пришла со своей подругой Моникой де Бомон, у которой жила в Париже. Их встреча, в присутствии Мэри, прошла не так, как им обоим хотелось бы. Хемингуэй поцеловал ее в лоб и сказал:

—Я очень рад тебя видеть, девочка.

—Я тоже. — Только и смогла ответить Адриана, смущаясь доброжелательного взгляда Мэри.

—Здравствуйте, Моника. — Просто приветствовал ее Хемингуэй.

Мэри тоже обняла Адриану и, приподнявшись на цыпочках, поцеловала ее в щечку.

—Я так рада, Ади, что мы снова вместе. — Так искренне сказала Мэри, что Адриана еще более засмушалась.

Сели за стол и Хемингуэй стал разглядывать Адриану, сидящую напротив. Он отметил, что она немного похудела. Правда, куда ей еще больше худеть со своей фигурой? Но она спокойна, даже весела. Видимо, учиться французскому языку в Париже ей нравилось.

Адриана, в свою очередь отметила, что Папа немного осунулся, появилась нервная суета в движениях. Но, может быть, он волнуется от встречи с ней. Но все равно, как он красив в своей неудаче, и видно, что не сдался под напором неприятных обстоятельств.

—Я показал твои рисунки Чарли Скрибнеру. — Хемингуэй сразу же заговорил о делах, без всякого расспроса Адрианы о житье-бытье, чего она от него ожидала. Обычно он инте-

ресовался ее проблемами.

–Какие рисунки? – Удивилась Адриана.

–Те, которые я у тебя взял в прошлом году. Помнишь? Иллюстрации и обложка для моей книги.

–Помню. А кто такой Чарли Скрибнер?

–Мой американский издатель. Я ему дал рисунки и они ему, вроде, понравились. Спросил, кто художник. Я сказал, что рисовала их, одна женщина. Но не сказал, кто. А он не верит, что их нарисовала женщина. Хочет увидеть художника-женщину. Я его пригласил на завтрак. А вот идет и он! Ты молчи и ничего не говори, пока не зададим тебе вопроса.

–Хелло, Эрнест! – Приветствовал его Скрибнер. – Здравствуйте, мисс Мэри. Привет девушкам! – Он вел себя раскованно. Сказывался американский образ жизни. – А кто они?

–Адриана Иванчич, графиня из Венеции, и ее подруга Моника Бомон, из Парижа. – Коротко представил девушек Хемингуэй, не желая вдаваться в подробности. Но Скрибнер этого не требовал. – Ждем тебя и не начинаем завтракать.

–Я опоздал? – Скрибнер удивленно посмотрел на свои часы, и все засмеялись.

–Нет, Скриб. Это мы пришли раньше. Давай выпьем за встречу. Итальянские вина прекрасные, но французские лучше. Как ты считаешь, Чарли?

–Согласен. Но мне больше нравится виски и водка. Да еще, пиратский ром на твоей Кубе. «Капитан Морган», рыцарь пиратов – ром ромов. – Засмеялся Скрибнер, и у него

это получалось, как «ха-ха-ха». Он сразу же вызывал у всех симпатию. Адриана не была исключением. Скрибнер внес непринужденность в общий разговор.

Когда выпили и закусили, то сразу же перешли к делам. Хемингуэй не терпелось узнать мнение Скрибнера о рисунках Адрианы.

–Скриб! Ну, а как у тебя обстоят дела с обложкой?

–В целом, рисунки, которые ты мне дал, подходят для обложки. Ты обещал мне знакомство с художником. Я бы с ним поговорил.

Хемингуэй улыбнулся:

–Так говори. Вот, художник перед тобой. – И показал в сторону Адрианы.

–Ха-ха-ха! – Снова загоготал Скрибнер. – Кто? Венецианская графиня или парижская герцогиня?

Скрибнер, видимо, не рассмотрел на кого показывал рукой Хемингуэй, раз так весело переспрашивал.

–Кажется, Моника не герцогиня. Это ты, Чарли, загнул. А графиня, действительно, художник.

–Ха-ха! – Нервно засмеялась Адриана, непроизвольно подражая Скрибнеру – уж очень колоритная фигура, чтобы ему не подражать.

–Хем! Передо мной художник твоей книги. Я правильно все понял?

–Ха! – Рассмеялся Хемингуэй. – Теряешь нюх, Чарли. Тем не менее, вот она, собственной персоной.

Скрибнер перестал хохотать и стал серьезным, но все равно улыбка пробежала по его губам.

—Никогда бы не поверил. Мне уже шестьдесят и скажу без преувеличения, я шестьдесят лет занимаюсь издательским делом. С отцом начал с грудного возраста. И, вроде бы, должен разбираться в работе художника. Рисунок для обложки сильный, Но женщины обычно не применяют такие цвета. Хем! Честно признаюсь, я ошибся.

Хемингуэй весело засмеялся и громко, чтобы все слышали, сказал через стол Адриане:

—Ну вот, мы теперь с тобой, девочка, коллеги. Я автор книги, ты художник. Ты победила и, причем сама, без моей или еще чьей-либо помощи. Скриб! Теперь тебе нельзя отказываться от моего художника? Или все равно передумаешь?

У Адрианы радостно забилося сердце, — Хемингуэй считает ее компаньоном по своей книге. А так бы хотелось ей быть кем-то более близким. И она поняла, что любит сейчас своего Папу, как никогда. Теперь ее, никому неизвестная фамилия, будет в книге Хемингуэя, рядом с его всемирно известной фамилией.

—Конечно! После такого позора, который я сейчас испытал, мне ничего не остается делать, как отметить твой художественный вкус, Хем, и выпить за художника.

Выпили еще вина, и Скрибнер заторопился с уходом.

—У меня встреча с французскими издателями. Хочу в Америке выпустить книги современных французских авто-

ров. У них хорошие традиции. Появились новые интересные имена. Надо, чтобы их знали и у нас.

–Занимайся делом. Но не забывай обо мне. Приезжай на Кубу. Я тебя таким ромовым коктейлем угощу!.. Сам сделаю.

–А что за рецепт? – Серьезно спросил Скрибнер.

–Мой. Аля-Хемингуэй. Не слышал? Так вот смешивается в равных частях «Капитан Морган», «Негрита», желательно с Мартиники, и белый «Гавана-Клуб». И капельку какого-нибудь ликера – кюрассо, туаки, нассау-рояля... А можно все вместе. Будет вкуснее.

–Со льдом. – Заинтересованно спросил Скрибнер, знающий в толк в хороших коктейлях.

–Конечно! Аромат – с ума сойдешь и кружкой закусишь!

–Еду к тебе на Кубу. Готовь ром аля-Хем. А сейчас до свидания.

Он попрощался с женщинами и пошел из ресторана. Хемингуэй поднялся и пошел следом. В холле он сказал Скрибнеру:

–Чарли! Я вот о чем хочу тебя попросить. Я на Кубе сяду за переделку романа. Буду тебе высылать его кусками. Можно? Сам знаешь почему.

Скрибнер читал не совсем доброжелательные отзывы на роман Хемингуэя. Но об этом он не мог напоминать своему старому другу, будоражить лишний раз душу художника. Скрибнер знал, как поддержать битого критиками автора, и ответил Хемингуэю.

– У тебя получился хороший роман. Просто многие не могут воспринять тебя обновленного за прошедшие десять лет. Скоро они убедятся в своей неправоте.

– Спасибо, Чарли. – Ответил, тронутый его поддержкой, Хемингуэй. – Я им еще покажу, что не выдохся!

– Правильно, Хем. Пока есть злость на критиканов, немедленно берись за новую книгу. Ты им показал себя новым в последнем романе, закрепи о себе это мнение. А «За рекой, в тени деревьев» давай кусками, только долго не затягивай. А пиратский ромовый коктейль с тебя!

– Только приезжай на Кубу. Все будет.

Они крепко пожали друг другу руки и расстались. Они еще встретятся, и Чарльз Скрибнер попробует пиратскую смесь Хемингуэя. Она ему очень понравится. Но спустя год он умрет от разрыва сердца – издатель, давший зеленый свет произведениям молодого Хемингуэя – нежный и строгий друг великого писателя.

Когда Хемингуэй вернулся за стол, то увидел, что девушки заинтересованно рассказывают Мэри о своей учебе и, видимо, о развлечениях. Он подошел к столику и предложил:

– Давайте сегодня сходим на Монмартр. Хочу посмотреть Париж моей молодости.

И в этот день, втроем, Моника ушла, они гуляли по Парижу, где многое вошло в жизнь Хемингуэя навсегда. Он рассказывал, а Адриана зачарованно слушала. Не все легко было в жизни Папы. Все было – холод, голод, любовь...

Мэри понимала, что сейчас Хемингуэя нельзя оставлять одного и старалась быть всегда с ним рядом. Только на пятый день пребывания в Париже, Хемингуэй встретился с Адрианой наедине. Перед встречей он зашел в банк и снял со своего счета деньги. Когда он пришел к Бомонам и они остались одни, то сразу же сказал Адриане:

–Дочка. Пока никто не зашел и не помешал нашему разговору, я хочу тебе сделать подарок. Правда, я опоздал поздравить тебя с днем рождения. Сделаю сейчас. Вот тебе три тысячи долларов. Делай с ними, что хочешь.

–Папа! Что ты! Мне не нужны деньги. – Запротестовала, было Адриана.

–Возьми. Они тебе пригодятся в Париже. Купи на них себе подарок, какой хочешь. Считай, что он от меня. К тому же рассматривай подарок, как гонорар за обложку к моей книге. Это пока аванс.

–Но не ты же мне должен платить гонорар, а Скрибнер?

–Мы с ним договоримся. – Ответил Хемингуэй и, чтобы прекратить этот разговор, мечтательно произнес. – Как хорошо было в Венеции... С тобой...

–Мне, Папа, хорошо с тобой и в Париже. – Адриана обняла его и поцеловала. – Я за этот месяц поняла, что не могу долго быть без тебя. Мне тебя, так не хватает. Я так люблю тебя!

–Я тоже. Скоро мы уезжаем в Америку. Билеты на теплоход уже взяты. Ты поедешь провожать нас в Гавр?

–Если ты хочешь, то поеду.

–Хочу! Хочу тебя забрать из Европы к себе на Кубу. Приезжай, я тебя буду ждать. Когда приедешь?

–В мае заканчиваются занятия, и сразу же могу ехать к тебе. Как позовешь, так и приеду. – Уточнила Адриана.

–Я зову тебя сейчас.

Он обнял Адриану и привлек ее к себе. Поцеловал ее глаза, губы, шею...

–Папа. А ты ничего не сказал о моем французском? – Спросила, расшалившаяся Адриана.

–Он у тебя уже хорош. На моем уровне. Мы можем говорить о любви по-французски.

–Давай играть во французских влюбленных?

–Давай. Тебе двадцать лет. Тебя звать Мари Дюплесси. У тебя в руках камелии. А я Дюма, но только сын...

–Я люблю своего Дюма, но не куртизанка и не хочу раньше времени умирать. – Шутливо прошептала Адриана ему на ухо. – Давай поменяем героев. Ты ненасытный Гаргантюа, поглощающий вино в невероятных количествах, а я... Кто я?

–Жанна Д'Арк, победившая Гаргантюа.

–Я не хочу тебя побеждать. Хочу всегда быть побежденной тобой. Поцелуй меня Гаргантюа, и я сама пойду на костер любви...

Двадцать второго марта пятидесятого года из Гавра в Нью-Йорк отправлялся красавец «Иль де Франс» – Облада-

тель «Голубой ленты Атлантики», за самый быстрый переход через Атлантический океан.

Адриана проводила Хемингуэев до каюты. Остальных провожающих на корабль не допустили. Мэри, положив свои вещи в каюте, оставила их на время одних.

«Пусть попрощаются. Возможно это их последняя встреча». – Благородно подумала она, выходя на палубу лайнера.

– Я тебя буду ждать на Кубе. Приезжай быстрее.

– Приеду. Океан мне не помеха. Видишь, я держусь за твоего негритенка. Раз ты хочешь, чтобы мы встретились, он нам поможет. Все сделает для нашей встречи.

– А я буду смотреть на твои изумруды, чтобы ты приехала быстрее.

– Ты бери их в руки и слушай меня. Я буду петь о любви твоему негритенку, а изумруды передадут мелодию моих чувств тебе. А ты, крепко сожми изумруды и пой мне. А негритенок передаст мне твою мелодию, а может и слова. – Рассмеялась Адриана.

– Ты просто чудо. Мы будем петь через океан. – Только и мог произнести Хемингуэй.

Они обнялись, и стали страстно целовать друг друга...

– Мне пора. – Первой пришла в себя Адриана. – А то увезешь меня в Америку раньше времени.

– Да. Пора нам приблизить встречу. Для этого надо раньше расстаться.

«Иль де Франс» гудел мощными машинами, готовясь от-

чалить от Европы. Из бело-голубой трубы вырывались выхлопные газы. Еще одно напряжение машины и стальная громада медленно оторвалась от причала.

Хемингуэй и Мэри стояли на палубе и махали провожающим руками. Вон там, внизу стоит Адриана. Тоже машет, но платком. А где ее рука? Да, на левом плече. У негритенка. Его душа неожиданно запела ожиданием новой встречи. Слышит ли Адриана?

Теплоход разворачивался курсом на Америку. С борта уже не видно причала. Хемингуэй шагнул по направлению к корме, куда устремились те, кто хотел прощаться с Францией, пока она не исчезнет за горизонтом. Но Мэри его удержала.

– Пойдем к себе. Надо обживать новый уголок, хоть он и временный. Холодно еще. Можно простудиться.

И они пошли в каюту. За иллюминатором искрилась синезеленая вода весеннего Ла-Манша.

«Он всегда такой в это время». – Подумал Хемингуэй.

В иллюминаторе мелькали белые крылья ненасытных чаек. Мэри, разложила по каюте вещи, необходимые в дороге, и обратилась к мужу:

– Эрни! Вот и прощай Европа и все заботы, с ней связанные. – На что-то намекнула Мэри. – Дома нас ждет настоящая свобода. В Европе не чувствуешь себя свободной.

– Да. – Согласился с ней Хемингуэй. – Европа меня всегда любила, а сейчас отхлестала, как мальчишку. Но я готов

простить ей все, лишь бы продолжала меня любить.

Что он имел в виду? Мэри не поняла. Искренность или двусмысленность. Кто поймет Хемингуэя? Даже она его до конца не знает.

Глава 3. Остров любви и разлуки – Куба

*...пусть грехами занимаются те,
кому за это деньги платят.*

«Старик и море».

Воспроизводя жизнь Хемингуэя на Кубе, после его возвращения из Европы, сталкиваешься со многими трудностями в ее описании. Прежде всего, удивляет поведение Хемингуэя, выразившееся в непрерывном пьянстве, постоянных ссорах с женой, желании обидеть ее и унижить. Но одновременно удивляет беспредельное чувство любви к Адриане, жажда увидеть ее, стремительный переход от упадка к творческому подъему. Попробуем кратко воспроизвести его жизнь летом того года.

Хемингуэй с женой задержался в Нью-Йорке только на неделю. В основном это были встречи с друзьями и согласование вопросов по изданию романа «За рекой, в тени деревьев». Когда он приехал домой на Кубу, то его там ждали три письма от Адрианы. Что она писала – можно только предполагать. К сожалению, из многочисленных писем Адрианы Хемингуэю написанных за шесть лет их переписки, сохранились единицы. Остальные уничтожены.

А сейчас, по свидетельству близких друзей, получив письма от Адрианы, он находился в приподнятом состоянии. Адриана впервые написала, что любит Папу. А он все сомневался, что его чувство к Адриане обоюдно. Хемингуэй радовался этому, рассказывал о своей любви близким друзьям. Он усиленно работал над гранками романа и, вроде бы, времени и причин для уныния не было. Но, анализируя сложившуюся ситуацию, он приходил к выводу, что любовь к Адриане обречена на расставание, а жить с Мэри он обречен до самой смерти. Такая раздвоенность, вернее несоответствие чувств и сознания, страшно угнетали Хемингуэя. Он много пил и временами был похож на капризного ребенка, которого хотят лишиться любимой игрушки. Он звал Адриану в гости, а она почему-то откладывала свой приезд на Кубу. Не в силах преодолеть сложившуюся преграду, он свою злость вымещал на Мэри.

На его мелкие уколы, Мэри старалась не обращать внимания. Но унижение, происшедшее на глазах своей родственницы, она простить не могла. У них гостила пожилая кузина Мэри, и Хемингуэй договорился с ними встретиться на обеде в одном из клубов Гаваны. Но пришел с опозданием на час. И это бы стерпела Мэри. Но он явился на обед с Леопольдиной, известной проституткой Гаваны. Позже ее образ он ввел персонажем в роман «Острова в океане» под именем Умницы Лил: "Она величаво прошествовала мимо мужчин, сидевших у стойки, одним улыбаясь, с другими заговаривая

на ходу. И все ей отвечали уважительно и ласково. Почти каждый из тех, с кем она обменивалась приветствиями, когда-нибудь да любил ее за двадцать пять лет".

Персонажи его книг всегда имели конкретную основу и не были вымышленными образами.

Оскорбленная Мэри, в присутствии кузины, потребовала объяснения от мужа. И они последовали в издевательской форме.

— Я смертельно устал, работая над гранками романа. — По своей привычке, медленно, заплетающимся языком стал объяснять Хемингуэй свое появление на обеде в компании с проституткой. — А крошка Лил молода и свежа и к тому же хочет есть. Я ее пригласил обедать с нами.

Крошка Леопольдина была достаточно тучной дамой, как минимум фунтов двести весом, но Хемингуэй уважал ее за ум и тяжелую судьбу, которая ей выпала.

Конечно же, обед не состоялся. Леопольдина получила на обед от Хемингуэя деньгами, а свидетелями скандала в клубе стали многие присутствующие. После этого Мэри не разговаривала с мужем больше месяца. Только холодно улыбалась на его обращения к ней. В порыве раскаяния от содеянного, отправляя гранки романа Чарльзу Скрибнеру, Хемингуэй на первой странице написал посвящение: «Мэри с любовью». Он показал надпись жене, надеясь получить у нее прощение, но она продолжала молчать. Гранки были отправлены с посвящением, и Мэри, позже, торжествующе ему за-

явила:

–Без меня ты ничто! Даже этот роман ты не смог бы без меня написать!

Конечно, в этих обидных для Хемингуэя словах, была и обида Мэри на него. Он это понимал, но все равно оскорбился. Хемингуэй хотел написать Скрибнеру, чтобы тот снял посвящение в романе, но не сделал этого. Так и выходили первые тиражи книги с посвящением «Мэри с любовью». Но описывалась в них не ее любовь.

Хандра все усиливалась. Он помногу раз перечитывал письма от Адрианы и пил в бессилии что-то изменить в своей жизни.

Временное примирение с Мэри состоялось после трагических обстоятельств на рыбалке, на своем катере «Пилар». Во время шторма Хемингуэй упал с верхней палубы вниз, головой на багры. В его руках была бутылка вина, которую он пил из горлышка. Он ее не выронил во время падения. Рана на голове оказалась глубокой и большой. Кровь залила всю спину, и рубашка от нее стала мокрой. Мэри пришлось встать за руль, пока команда – двое мужчин, помогли Хемингуэю подняться и перейти в кубрик. Чтобы облегчить боль, Хемингуэй пил вино и плакал. Таким его, шкипер Грегорио Фуэнтес еще не видел. Хемингуэй твердил только одно, что не хочет возвращаться в Гавану. Все заживет и без медицинской помощи, и что он не хочет больше жить, жизнь ему надоела больше вина.

Но рана сильно кровоточила, и пришлось возвратиться. От больницы Хемингуэй категорически отказался и прибывший по звонку личный врач писателя Хосе Луис Эррера стал накладывать швы на голове Хемингуэя дома, без обезболивания. Мэри стало жалко своего мужа, и она воскликнула, обращаясь к врачу:

–Ему же будет больно! Это варварство.

Хемингуэй пристально посмотрел на жену:

–Мне будет больно? Рене, принеси мне стакан джина. А ты доктор начинай.

С доктором Эррерой Хемингуэй познакомился во время гражданской войны в Испании, где тот был военным врачом. Тому не впервой было резать и зашивать по живому. Хемингуэй залпом выпил стакан джина и приказал доктору:

–Начинай!

–Дай слово, что не шелохнешься! – Потребовал доктор Эррера.

–Ты знаешь мое слово!

Хосе Луис промыл раны, выстриг волосы и начал накладывать швы. Иголка с ниткой проходили через живое тело Хемингуэя.

–Рене, еще джина?

–Тебе больно, Папа? – Спросил доктор.

–Нет. Продолжай.

Служанка Лола, кипятившая на спиртовке медицинский инструмент и, стремясь быстрее подать доктору ватный том-

пон, нечаянно опрокинула спиртовку. Спирт загорелся на голых ногах Хемингуэя. Он был в шортах. Схватив полотенце, Рене бросился тушить огонь. Ему помогала Мэри. Хемингуэй невозмутимо сидел в кресле, будто спирт горел не на его бедрах. Огонь потушили, а образовавшиеся от ожога волдыри Эррера смазал тем же спиртом и молча продолжил зашивать рану на голове. Хемингуэй также молча отхлебнул полстакана джина.

Когда операция закончилась, доктор Эррера сказал:

–Сделано немного грубовато, но сойдет. Жизнь тебе спасла крепость твоей коробки.

–Спасибо литературным критикам. Они мне ее закалили. – Мрачно ответил Хемингуэй, встал и перешел в гостиную.

–Папа, неужели ты не чувствовал, как на твоих ногах горел спирт? – Спросил кто-то из слуг.

–Еще как чувствовал. – Спокойно ответил Хемингуэй. – Но доктор попросил не двигаться, и я дал ему слово. Было чертовски больно. Я выдержал боль потому, что во мне течет индейская кровь.

Хемингуэй отказался лечь в постель и в гостиной начался ночной ужин, с джином и вином.

В этом эпизоде поражает полярность чувств Хемингуэя. После падения на катере Хемингуэй не мог сдерживать слез. Видимо, не от физической боли. Она только помогла вырваться наружу душевной боли. Может быть, это была тоска

по Адриане, понимание, что с ней свою судьбу связать невозможно, усталость от борьбы с Мэри, которую тоже можно понять – она не хотела разрыва с мужем. И вдруг – удивительная стойкость при операции – выплеснув внутреннюю душевную боль он стал недоступен боли физической. Парадоксы его противоречивого характера или ненормальность психики? А вообще-то были ли великие люди полностью нормальными?

Через несколько дней после операции, когда врач менял повязку на голове, между ним и Хемингуэй произошел такой разговор:

–Знаешь. Я совершенно не могу работать. Обессилен и опустошен полностью. Кроме гноя в голове ничего нет. Я полный неудачник. Совершенно не могу писать. Просто нет сил. Даже не могу думать. Я плохо кончу.

–Не мели чепухи! Всему миру известно, что в твоей голове есть кое-что другое, кроме гноя.

–Мне надоело все! Надоело есть, надоело пить! Надоело жить! Хочу все забыть! И ничего не могу забыть. Не могу писать! Могу любить только Адриану... А она далеко. Не желает ко мне приехать. Я состоявшийся неудачник! Я покончу с собой!..

Далее доктор Эррера вспоминает, как в разговор вмешалась Мэри и вспыхнула ссора: «Я вынужден был вмешаться и даже в какой-то момент пустить в ход силу. Оба схватили винтовки, и кто знает, чем все это могло кончиться. Я уехал

с финки только в четыре часа утра, убедившись, что новых вспышек не будет. Винтовки я у них отобрал, положил в машину и отвез домой. В то время разъезжать по городу с оружием было небезопасно, – полицейские могли остановить, и обыскать машину в любой момент. Когда я наконец доехал до дома, то сел и написал Эрнесто в самых резких выражениях. Письмо я отослал на следующий день...».

Но в тот же день Хемингуэй попросил прощения у своего друга, и их отношения наладились, а Мэри снова не разговаривала с мужем несколько дней.

Можно предположить, что Хемингуэй перестал верить в любовь Адрианы. А для него быть отвергнутым женщиной означало жизненную катастрофу. Инициатором разрыва отношений с женщинами, всегда являлся Хемингуэй. И затягивание Адрианой сроков приезда на Кубу, он расценивал, как отказ женщины от него, без всякого объяснения. Он понимал, что уже стар для любви и его это страшно угнетало. Он гнался за ушедшей молодостью, как за миражем. И Адриана могла похоронить его навсегда, как мужчину и, наоборот, спасти или продлить его жизнь, как сильнодействующий эликсир молодости или чудодейственное лекарство.

Но Мэри, больше всего напугало известие о попытке самоубийства Хемингуэя. Он вышел на рыбную ловлю со своим шкипером. Тот стоял за штурвалом, а Хемингуэй с кормы бросился в Гольфстрим. Он хотел утонуть, как Мартин Иден. Но, то ли, испугался, то ли вспомнил об обязатель-

ствах, которые перед ним стояли в отношении своих детей, он стал звать Грегорио Фуэнтеса на помощь. Тот помог Папе взобраться на борт «Пилар».

Это известие напугало Мэри. Она поняла, что ей надо предпринять в отношении мужа экстраординарные меры. Необходимо вывести Хемингуэя из состояния пьяной хандры и мании самоубийства.

Это был ее долг, как жены великого человека.

1

На Кубе Хемингуэй жил с сорокового года. Дом – Финка «Ла Вихиа», что в переводе с испанского – Сторожевая вышка, соответствует своему названию. Это холм на сто двадцать метров выше уровня моря. С него хорошо просматривается окружающая местность.

Хемингуэй купил «Ла Вихию», когда женился в третий раз на Марте Гелхорн. С ней он предполагал жить на Кубе, и Марта была первой женщиной, по плану которой произошло первое обустройство дома. Но брак оказался недолговечным, и через четыре года, с небольшим, они расстались. После нее, до ума довела дом Мэри – четвертая жена Хемингуэя. Она почувствовала, что Хемингуэю плохо пишется в доме, и считала виноватым в этом его многочисленных друзей и прислугу, которые создавали шум в доме и мешали ему работать. Она решила построить для него и себя трехэтажную Башню. Мэри любила в телескоп наблюдать за звездами, которые в тропиках особенно яркие и выпуклы, и занималась астрономическими изысканиями в вечернее время. А Хемингуэй должен был заниматься сочинительством в Башне. Но Хемингуэй проработал в Башне один раз и всего часа два. Он сошел вниз с печатной машинкой в левой руке и бумагами под мышкой, в правой и сказал:

– Там все же нельзя работать. Слишком тихо.

Теперь на первом этаже Башни жили кошки, их было штук пятьдесят. Второй этаж, на котором должен был работать Хемингуэй, как и третий, пустовали. С годами Мэри все реже заглядывала в телескоп на третьем этаже, ее астрономическая страсть прошла, но зато любила загорать на крыше Башни.

Огороженный участок владений Хемингуэя составлял 13 акров и был засажен различными цветами и деревьями. Хемингуэй любил пестрое разнообразие природы и засадил свой участок, казалось бы, несовместимыми в живой природе, растениями: бугенвилия, ямайский вьюн, шелковистые лианы, бразильская липия с дурманящим и нежным запахом, точеные ветки франчипана и еще многое другое – все и не перечислишь. Восемнадцать видов манговых деревьев, среди них любимые Хемингуэем филиппинское и шелковистое манго, аллеей протянулись от главных ворот до дома и выходили к огромной сейбе, которую местные жители считали священной. Орхидеи ниспадали с седого ствола сейбы, а мощные корни взламывали облицованную кафелем террасу дома и разрушали его изнутри. Но Хемингуэй был настолько привязан к колдовскому дереву, что, несмотря на явный вред для дома, запретил рубить его корни.

На участке также произрастали овощи, выращиваемые работниками дома, располагалось пастбище с полудюжинной коров, теннисный корт, большой плавательный бассейн, небольшой тир и двухэтажное бунгало для гостей, окружен-

ное американской сиренью и вечно цветущими кустами ипомеи.

Сам дом можно условно разделить на три части: столовая и гостиная, конечно же, для многочисленных гостей. Правую часть дома занимала Мэри, левую – Хемингуэй. На внутренних стенах дома и на полу располагались охотничьи трофеи Хемингуэя – шкуры нубийского льва, канадского медведя, леопарда с Килиманджаро, антилоп и оленей, куду, а также головы африканского буйвола, ветвистые рога американского оленя, небольшие рожки газели-жирафа, копьевидные рога антилоп-орексов. На полках лежали редкие камни, черепа, кости рыб и животных, клыки диких кабанов и морские ракушки, стрелы масаев, мулета и шпаги матадоров, засушенные корни растений и шкуры мелких животных.

Также на стенах было много картин кисти известных художников, в том числе и Пикассо, красочные афиши о боях быков. Самодельная радиолка стояла в углу. Хемингуэй очень любил слушать Баха, Бетховена, Чайковского, Шопена, американский джаз и народные испанские мелодии.

Библиотека насчитывала пять тысяч томов. В основном классика и книги, подаренные авторами. Так называемые триллеры и тэки – детективные и сенсационные романы, Хемингуэй не любил, называя их мутным океаном, в котором невозможно разглядеть не только душу, но и внешность героев.

В этом доме Хемингуэй проживет двадцать лет – двадцать

лет неуклонного упадка и только одного взлета. Здесь почувствует приближение старости и испытает страсть последней любви к Адриане Иванчич, и разлуку с ней. Остро ощутит разрыв с близкими друзьями и появится мысль о самоубийстве. Здесь начнет ему изменять перо, но мир захлебнется от радостного чтения «Старика и моря». Проживая на Кубе, писатель станет Нобелевским лауреатом.

Здесь он почувствует собственное бессилие перед рекой жизни и невозможность грести против течения. Отсюда он уедет навсегда, навстречу своей гибели и бессмертию.

Прислуга Финки вспоминает, что, уезжая в последний раз, навсегда, из «Ла Вихии» Хемингуэй плакал...

2

Этот сентябрьский вечер во «Флоридите» прошел для Хемингуэя, как обычно. В компании друзей было выпито изрядное количество двойных дайкири без сахара и настроение было приподнятое. Леопольдина так умело поддерживала разговор, что Хемингуэй не выдержал и, положив ей руку на мощное бедро, пьяно произнес:

–Ты все еще хороша, Умница Лил!

–Не говорите так, сеньор Эрнесто. Я стала такая толстая, что даже самой стыдно.

–Ты очень симпатичная толстушка.

Цвет ее кожи напоминал слоновую кость, только с оливковым, розово-дымчатым оттенком, если слоновая кость бывает оливковой. Ни у кого больше Хемингуэй не встречал такого дымчатого тона лица, чуть переливающегося в прозелень.

Джозеф Драйвер, местный миллионер, немедленно подержал Хемингуэя:

–Лил. Ты великолепна, как и двадцать пять лет назад, когда мне было сорок.

–Мне все равно стыдно, когда я прохожу через бар. Переваливаюсь, как утка или обезноженная китаянка.

–У тебя это получается красиво, плывешь, точно корабль. – Сказал Хемингуэй, не убирая руку с ее бедра.

Умница Лил понимающе и мило улыбнулась в ответ на комплимент и Хемингуэй увидел, что вокруг лба и вдоль пробора волос у нее вылезла седина.

«Старушкой стала, Лил. – Мысленно посочувствовал он ей. – Надо дать ей денег на покраску волос».

Он по старой дружбе выручал ее иногда деньгами.

– Расскажи нам что-нибудь, Лил? – Попросил опьяневший Драйвер.

– Что мне вам рассказывать? – Улыбнулась темными глазами Лил. – Это вы мне по ночам рассказываете о своих огорчениях и плачетесь. И я обязана вас слушать. Даже ваши ужасные, как вы считаете, истории. Сеньор Эрнесто, вы давно не рассказывали мне о своих огорчениях.

Хемингуэй убрал свою ладонь с ее, обласканного десятками тысяч мужских рук бедра, и ответил:

– Мне не станет лучше, если я расскажу тебе о своих заботах. От этого мне всегда становится хуже. Я, наверное, поеду домой. На сегодня хватит.

– Эрнесто! Подожди. – Отозвался Драйвер. – Может, возьмем с собой Леопольдину, и поедем ко мне?

– Не говори гадостей, Джо. Я еду домой. А ты Умница желаешь побыть с этим стариком?

– Эрнесто! Я еще крепок. Не обижай меня.

– Да, сеньор Эрнесто. Двадцать пять лет назад он был крепок. – Ответила Леопольдина, довольная, что у нее сегодня будет работа. – Он ведет себя очень порядочно в посте-

ли. – Поддержала, таким образом желание Драйвера, Умница Лил.

–Еще по двойному дайкири без сахара и со льдом. И я уезжаю. – Распорядился Хемингуэй, обращаясь к бармену. – Последней порцией угощаю я.

–Нет. Сейчас моя очередь угощать. – Возразил пьяный Драйвер. – Скажи Лил?

–Сейчас моя очередь угощать вас. – Ответила Умница Лил. – Позвольте, сеньор Эрнесто, от вашего имени угостить вас?

–Тебе все позволено, Умница. – Ответил Хемингуэй. – Не обижай только Джо.

–Со мной рядом все мужчины чувствуют себя мужчинами. Вы разве не поедете с нами, сеньор Эрнесто?

–Нет. Я уже пошел. – Хемингуэй медленно допил дайкири и, кивнув ласково Леопольдине, попрощался за руку с Драйвером.

В машине он сел рядом с шофером, мулатом Хуаном, и машина двинулась в сторону «Ла Вихии». Хемингуэй пьяно рассуждал, обращаясь к шоферу.

–В нашей, чертовски паскудной жизни, надо найти силы, чтобы справиться со всем тем, что выпадает тебе на твою паршивую долю. Понятно, Хуан?

Слуг, если так можно выразиться, Хемингуэй считал членами своей семьи. Оставались у него работать только те, которые любили своего хозяина и которым он полностью до-

верял. Впоследствии все они с большой любовью вспоминали своего Папу, и никто не припомнил ему капельки зла за время службы.

–Понятно, Папа. На вас в Европе выпало много нехорошего. Все знают об этом.

–Да. То, что случилось со мной в Венеции, со всяким может случиться. Человек не для того живет, чтобы терпеть поражения. Запомни, Хуан, я победил.

–Да, сеньор Эрнесто. Мы все видим, что вы победили. А то, что вы написали в последней книге о молодой графине, так все было на самом деле? – Поинтересовался некстати шофер.

–Кто говорит? – Закричал Хемингуэй, и Хуан понял, что в разговоре с пьяным хозяином проявил излишнее любопытство. И он не нашел ничего лучшего, как испуганно ответить:

–Мисс Мэри, сеньор. Она говорит, что спасибо ей, вы снова начали писать. Но говорит, что это так себе, несерьезно. Что вы все равно любите мисс Мэри.

–Остановись!

Хемингуэй, не говоря больше ни слова, вышел из машины и пересел на заднее сидение. Нахохлившись, как старый филин, он молчал всю оставшуюся дорогу.

Хмель еще не прошел, но Хемингуэй решил сейчас же поговорить с Мэри. Она была в гостиной и Хемингуэй сел в кресло напротив нее. Он молча рассматривал жену в упор недобрый взглядом, и та поняла, что предстоит серьезный

разговор. Мэри внутренне сжалась, как пружина, готовая не к отпору. Нет! Она была готова отступить и победить своего неуравновешенного мужа.

–Тебе подать ужин? – Спокойно спросила она и, не дожидаясь согласия мужа, крикнула. – Анна, подай ужин!

Служанка немедленно принесла креветок в соусе, так любимых Хемингуэем, и вышла на кухню, чтобы подслушивать разговор хозяев оттуда.

Хемингуэй отвел взгляд от лица Мэри, вздохнул и спокойно произнес. А ведь хотел криком выговорить Мэри все, что скопилось на душе.

–Мэри! Давай поговорим обо всем начистоту. Чтобы ничего не ясного не осталось между нами. Хорошо?

–Хорошо. – Согласилась Мэри и лицо ее, в обрамлении светлых кудряшек волос, будто окаменело и стало, как бы белее.

–Вот, что я хочу тебе сказать... – Хемингуэй мучительно подбирал нужные слова. – В общем, ты все знаешь. Давай разойдемся с тобой мирно. Ты знаешь почему?

Ни один мускул не дрогнул на худеньком лице Мэри. Она спокойно спросила мужа.

–Ты все обдумал? Долго думал? А теперь подумай, насколько ты все серьезно обдумал?

Хемингуэй был сбит с толку ее спокойным тоном и весь гнев, готовый прорваться наружу неуправляемым потоком, направился в мирное русло.

–Ты знаешь, я не люблю тебя. Я люблю Адриану. Давай расстанемся. Я тебе дам не только то, что получится при разводе, но и больше. Отпусти меня? – Как умоляющий стон вырвались из него рабские слова.

–Хорошо. – Бесстрастным голосом ответила Мэри. – Если я выполню твою просьбу, то ты обручишься с Адрианой? Я все правильно понимаю?

–Да. – Прошептал Хемингуэй.

–А что ты будешь делать с ней после свадьбы?

–Жить. – Снова прошептал Хемингуэй, проклиная себя за то, что не может сказать всего своей жене, громко и открыто.

Проклятая внутренняя трусость при отсутствии открытого врага сковывала его волю.

–Я не буду против. Но давай еще раз продумай все последствия своего неумного шага. Я тебе создаю все условия для работы. Я тебя выставляю перед всем миром честным человеком, не знающим страха. Я с тобой мотаюсь по морям, саванам, горам! – Голос Мэри креп и в нем был уже гнев. – Я тебе прощаю похождения с Адрианой! Говорю журналистам и друзьям, что это покровительство старика молодой особе. Спасая твою репутацию.

И здесь в Хемингуэя вернулся весь пьяный гнев, который он вез к ней в машине.

–Ты спасаешь мою репутацию?! Ты всем слугам раззвонила, что у меня нет никакой любви к графине! Что это пустое увлечение! Что она сыграла свою роль! Заставила меня

писать, а теперь может уйти, как венецианский мавр!

– Да! Она сыграла свою роль! – У Мэри не выдержали нервы, и она тоже закричала на мужа. – Ты о ней должен забыть и не терять меня!..

– Тебя! Да, ты знаешь кто ты после этого?.. Как ты так можешь говорить!?

Хемингуэй встал с кресла и сделал шаг к Мэри. Она сжалась в комочек, сидя на диване, и ненавидящим взглядом глядела на Хемингуэя.

– Старый болван! – Пискляво выкрикнула она. – Да ты ни на что не способен! Не писать, не любить! Ты живешь прошлым, а не настоящим. Погляди на себя!

Хемингуэй также с ненавистью смотрел на нее. Рука его потянулась к тарелке с креветками на столе, и деликатесы моря разлетелись по полу гостиной вместе с фарфоровыми осколками. На шум вбежала из кухни Анна.

– Вон отсюда! – Заорала на нее Мэри, и служанка испуганно отступила обратно в кухню, чтобы оттуда продолжать слушать семейную ссору.

– Ты превращаешь меня в собачку на поводке. – Задыхаясь, проговорил Хемингуэй, гнев которого заметно утих, после разбитой тарелки. – Но я освобождаюсь от твоего поводка! Я немедленно еду в Венецию...

Мэри поняла, что она сказала лишнее в разговоре с мужем и сейчас лихорадочно искала приемлемое соглашение. Было видно, что Хемингуэй в последней вспышке выдохся.

–Эрни! – Укоризненно произнесла она. – Давай поговорим спокойно. Покричали друг на друга, и хватит. Теперь разберемся. Я не хочу выяснять, чем я для тебя плоха. Раз ты так считаешь, считай! Но неужели не понимаешь, что я твоя защитница и опора! Неужели не видишь этого явного факта?

–Вижу. И мне твоя роль надоела. Я сам себя смогу защитить.

–Уже не сможешь. Ты привык ко мне, как к необходимой вещи. Хотя мне обидно говорить такое про себя, но это так. Без меня ты не сможешь сделать ни одного правильного шага. Вот сейчас ты хочешь устремиться в Венецию, за своей любовью, как ты себе представил Адриану. Я не буду препятствовать. Но подумал ли ты о ней? – Мэри выдержала паузу. – Она молода. Ей всего двадцать лет. У нее впереди вся жизнь. Допускаю, что она увлечена тобой, как известным писателем, интересным человеком. Но ей рано или поздно надоест общество с умным, многознающим и многоопытным человеком. Ей захочется в свое общество. Таких же молодых, как и она, людей. Более того. Тебе будет стыдно показаться с ней в обществе. Кто ты ей? Отец или муж? Ты сам поймешь дискомфортность общения с ней. Я готова даже поверить, что у тебя любовь к Адриане. Но, какое у твоей любви будущее? Как на тебя посмотрит мир? Ты не шут, как Чаплин. Ты серьезный и уважаемый в мире человек!

Хемингуэй снова опустился в кресло и поник головой.

Мэри была права. Он, собственно говоря, думал почти также, но упрямо рвался в костер поздней любви, отбрасывая логику жизни, описанную им же самим.

–Понимаешь, Мэри, – произнес он глухо, не соглашаясь с женой. – Я без нее ничего не могу делать. Думаю только о ней. Почему она не едет на Кубу? Ведь обещала. В письмах пишет о желании со мной встретиться. – Обтекаемое, чем в любовных письмах Адрианы, пояснил Хемингуэй. – А сама не едет.

–Может быть, ты недостаточно настойчиво ее просишь? – По матерински, участливо, как маленького ребенка, спросила Мэри, обезоруживая своей лаской, мужа. – Может мне попросить старую графиню, чтобы она приехала сюда с Адрианой?

–Не надо. Если она сюда не приедет, то я поеду к ней. Прости меня, Мэри, что так говорю.

–Тебя нельзя не прощать. – Ласково ответила Мэри и впервые за время разговора прикоснулась своими пальцами к его руке. – Если бы я не была в тебя влюблена также, как ты сейчас в итальянку, то я бы не обратила на твое состояние внимания. Но я должна тебе помогать всегда и во всем. Даже в таком неприятном для меня деле. Я напишу старой графине Иванчич письмо и попрошу ее приехать с дочерью. Ты согласен?

Хемингуэй почувствовал себя духовно сломленным и устало произнес.

–Напиши, если хочешь.

–Напишу утром. Эрни! Я прошу тебя, возьмиись за работу.

–У меня нет мыслей в голове.

–Занимайся старыми работами. Помнишь, ты говорил в Венеции, что хотел бы написать философскую вещь?

–Говорил. Но уже забыл.

–Давай договоримся так. Как только ты получишь известие о согласии семьи Иванчич посетить нас, то сразу же берешься за эту философскую работу.

–Если будет все так, как ты говоришь, то я согласен.

–И дальше. Я не стану тебе запрещать уединяться с ней, не буду преследовать вас. Но помни, ты на Кубе. Здесь твой каждый шаг на виду. Это не в Венеции, где тебя прохожие не знали в лицо. Здесь тебя каждый знает, каждый второй – здороваается. У нас бывает много гостей, в том числе, и журналистов. Не дай бог, чтобы они написали о твоих похождениях с девушкой, годящейся тебе в дочери.

–Ты многое, Мэри не понимаешь. – Вздохнул Хемингуэй. – Но ты и права во многом. Но я не верю, что ты можешь вытащить на Кубу графиню. С ее здоровьем ехать в тропики опасно.

–Я тебе пока ничего не гарантирую. Просто напишу им письмо с приглашением. Ты основательно устал. Может сказать, чтобы снова подали ужин?

Мэри поняла, что разговор закончен, и она одержала в нем победу. Теперь надо срочно продумать ход дальнейших

действий и закрепить свое превосходство.

–Я поел во «Флоридите». Пойду спать.

–Покойной ночи. – Пожелала ему на прощание Мэри.

Хемингуэй прошел в свою спальню и, не раздеваясь, лег на кровать. Сразу же к нему на грудь прыгнул черно-белый в изумительной кошачьей расцветке, Бойз. Он потянулся, стоя лапами на Хемингуэе. Потом, тихо заурчав, улегся на человеческой груди.

–Что, Бойз, ты нынче тоже одинок, как и я? – Спросил кота Хемингуэй.

Кот в ответ заурчал еще глубже.

«Тоже один. – Ответил за кота Хемингуэй, но уже мысленно. – Где твоя Принцесса? Бродит вдали от тебя. Мы оба брошены любимыми женщинами. Но ты, Бойз, завтра встретишь свою, подгулявшую Принцессу, а я не знаю, встречусь ли со своей принцессой. Ну что ж? Прости, Бойз. Я сейчас буду разбираться сам с собой. Что же сейчас есть у меня? – Он стал говорить о себе во втором лице. – Ты в своей жизни все потерял – семьи, детей, любимых женщин. Ты даже потерял свое прошлое, никогда его больше не вернешь. Прошлое необходимо, ради будущего? Бред! У человека, имеющего замечательное и запоминающееся прошлое, никогда не будет будущего. Он его исчерпал в прошлой жизни. А что же остается? Слава? Кому нужна слава за прошлое? Слава нужна для будущего, но уже без тебя. Тогда это будет настоящей славой. Что же еще? Любовь? Да. Тоненькая ниточка любви

связывает сейчас меня с будущим для поддержания прошлого. Как бы эту нить не оборвать неосторожным движением? Ее надо сохранить. Без любви нет жизни в настоящем. Прошлая любовь умерла, будущая – никогда не родится. Надо жить настоящей любовью. Чьей? Мэри или Адрианы».

– Скажи, Бойз, что нам теперь делать? – Вслух спросил он кота. Но кот тихо урчал на его груди, не желая брать на себя человеческие заботы. – Ты тоже не знаешь, Бойз! И никто не знает.

Рано утром, Мэри написала письмо Доре Иванчич с приглашением посетить Кубу с дочерью и брала на себя все расходы по поездке в обе стороны. В письме были слова: «Дорогая графиня! Понимаю, что поездка Вас может утомить. Я Вам дам пять тысяч долларов для укрепления здоровья. Одна просьба – все должно остаться тайной, о которой знаем только мы – двое». Мэри не была уверена, что Дора захочет приехать. Может быть, она оскорблена ее прошлым разговором, хотя деньги от нее приняла? Пусть приманкой будут еще и эти деньги. Рано утром она направила посыльного на почту.

Потом позвала Джанфранко Иванчича, который месяц назад приехал на Кубу и жил в их доме. Мэри отправила бы его жить в другое место, но боялась мужа – слишком уж он благоволил этому бонвивану. Привез рассказ, который Хемингуэй, вроде бы, даже прочитал, но оставил в своем столе. Видимо, рассказ не понравился Хемингуэю. Но он посоветовал Джанфранко на его основе написать роман. Мэри понимала, что Хемингуэй не хочет далеко от себя отпускать брата Адрианы, а тот беззастенчиво пользуется его расположением. Джанфранко, конечно же, не писал романа. До поздней ночи гулял с кубинками. Возвращался домой поздно, доставал из холодильника яйца, выпивал их, а скорлупу клал обрат-

но. Прислуга жаловалась Мэри, что он разводит грязь в холодильнике. Но приходилось терпеть его присутствие.

Джанфранко явился к ней ближе к обеду, когда выспался. Мэри, несмотря на раздражение к нему, спросила спокойно:

–Франки! Как тебе отдыхается на Кубе?

–Хорошо. Возможно, я скоро женюсь.

–На кубинке? – Удивилась Мэри.

–Да. Она богатая. У нее много земли и ферма. – Сразу же объявил состояние будущей невесты Джанфранко.

–Желаю успеха. – И Мэри перешла к делу. – Франки! Я написала письмо твоей сестре и маме с приглашением погостить у нас. – Мэри выдержала паузу, наблюдая за реакцией Джанфранко.

–О! Это было бы хорошо. Мама почему-то боится сюда ехать. А я так соскучился по ним.

–Так вот. Я тебе дам деньги. Съезди в Гавану и позвони оттуда своей маме и скажи, что я приглашаю их на Кубу и уже написала им письмо. Если они сразу же согласятся, то пусть сообщат, мы закажем им билеты на теплоход.

–Немедленно бегу. – Заторопился Джанфранко, взяв деньги у Мэри.

У Хемингуэя этот день начался счастливо. Просматривая газеты, он впервые увидел рецензию, в которой положительно оценивался его роман «За рекой, в тени деревьев». До этого критики его только били – кто мягче, а кто жестче, до беспощадности. В статье критик О’Хара называл Хемингуэя

самым крупным писателем Земли после Шекспира. Хемингуэй перечитал статью несколько раз, и радость засветилась в его лице. Он не знал этого критика и такая высокая оценка его творчества! Забыв, что вчера с Мэри состоялся неприятный разговор, он побежал к ней и дал почитать статью.

–Ну, как? Теперь видишь, кто я?

–Вижу. – Сухо ответила Мэри, не отошедшая от вчерашней ссоры. – Он перехватил – тебе далеко до Шекспира.

Не найдя у жены поддержки, Хемингуэй в своем кабинете уселся писать письмо Адриане. Затем аккуратно вырезал статью из газеты и бережно положил ее в конверт. «Пусть она разделит мою радость». – Подумал он об Адриане и немедленно вызвал посыльного, чтобы тот отвез письмо в Гавану, на центральную почту. Оттуда оно быстрее дойдет до Венеции. Посыльный только удивлялся, – сначала хозяйка поспешила отправить в Италию письмо, теперь хозяин. Но выполнил поручение. Также Хемингуэй поручил купить несколько экземпляров этой газеты.

Пришел доктор Эррера и измерил Хемингуэю давление. Потом еще дважды перепроверил себя. Сто пятьдесят на девяносто – доктор не мог ошибиться. Но вчера было двести двадцать на сто сорок.

–Что произошло, Эрни? – Спросил удивленный Эррера. – Давление у тебя почти в норме?

–Читай, Хосе. – Хемингуэй протянул ему газету со статьей О’Хары. – И все поймешь!

Эррера прочитал рецензию, снял очки и сказал:

–В целом справедливо. По настоящему великие люди появляются на Земле с определенной периодичностью. Существует и такая цикличность. Видимо, для писателей цикличность составляет триста пятьдесят-четырееста лет.

Хемингуэй напыжился при таком разъяснении доктора и предложил:

–Хочешь виски, а на закуску бананы?

–Эрни! – Укоризненно произнес доктор. – Посмотри на себя? Ты весь дрожишь от вчерашней пьянки, и сегодняшнего возбуждения. Скоро ты не сможешь подписывать чеки из-за похмельной дрожи, не говоря о писательстве. Побереги себя, Эрни. Прекрати пить. Еще не наступил полдень.

Хемингуэй его будто бы не слышал.

–Время завтрака давно прошло. Можно теперь позволить себе рюмочку виски с содовой. А то, действительно, я весь дрожу. Как ты правильно, доктор, сказал – от возбуждения.

–Тогда с минеральной. Она лучше на похмелье.

Хемингуэй вышел из кабинета в кухню, и вскоре служанка принесла из холодильника виски и запотевшую бутылку минеральной. Отдельно на тарелке лежали мелкие кубинские бананы, размером не больше мужского пальца, но очень вкусные. Хемингуэй и Эррера выпили.

–Я сейчас вырезал и послал эту статью в Венецию. Пусть Адриана увидит, что меня не только ругают за эту книгу. Я еще не исписался, как считают некоторые. Может быть, про-

играл, но еще отыграюсь.

–Сегодня ты в выигрыше, а что будешь делать завтра? Сумеешь еще что-нибудь накорябать?

–Не бойся за меня доктор. Я не вхожу в лес, если не знаю из него выходов. У меня много пороков. Но я никогда не стану рабом своего порока. Я хочу все знать и уметь, и никому не уступать.

–Эрнесто! Ты человек наиболее сложного умственного труда. Поэтому ты в любом случае проиграешь, так как смотришь на все очень сложно, с вершины своего ума. Но все равно ты не видишь всех закоулков и извилин жизни. Ты обречен на поражение. Победят те, у кого извилины прямее. У них путь к победе более короток, чем у тех, у кого извилины более извилистые.

Хемингуэй задумчиво посмотрел на доктора из-под припухших век.

–Я верю только в себя и свои силы.

–Ты веришь только в любовь. И твоя жизнь идет параллельно ей. Где-то они пересекутся, взорвутся, чтобы разлететься навсегда в беспредельном пространстве. Любовь – твоя слабость. Твоя жизнь – симфония порывов, вдохновляемых женщинами. Ты всегда проявлял перед ними слабость.

Ироническая улыбка сбежала с лица Хемингуэя, и он невесело ответил:

–В любви должно быть все честно. В слабости и покорности любви – ее сила. Конечно, если она есть. Ты врач, но не

понимаешь, что лучше всего пишется, когда влюблен.

–Поэтому тебе нужна Адриана. Из эгоистических побуждений. Как сильнодействующее медицинское средство, под названием – любовь?

–Вполне возможно.

–Тогда ты нечестен, Эрнесто перед самим собой. В этот раз ты рассчитал свою любовь с вершины своего опыта, бросив на расчеты весь свой ум.

–Любовь нельзя рассчитать с логарифмической линейкой. Любовь – чистилище, из которого выходишь обновленным и красивым.

–Я тебя понимаю. Но, как врач скажу тебе – физиология женщины такова, что ей нужна сила самца. Это для нее наивысшая красота. Найдешь ли ты в себе такие силы на долгое время?

–Врешь, медик! Глубоко ошибаешься, как человек. Красота настоящего мужчины в его уме. Красота женщины – в ее чистоте. Проститутка Леопольдина в своем падении чище похотливых самцов. Ее судьба бросила в грязь, но не вымазала.

Эррера усмехнулся.

–Не сказал бы так. Я ее знаю и...

–Ее здесь все мужчины знают. – Перебил доктора Хемингуэй. – Но я утверждаю, что она чище нас. Слушай, как говорит мой герой: «Я люблю тебя больше всего на свете, даже сильнее. Сильнее, чем могу сказать». Я точно так же люблю

Адриану. И уже не скрываю этого не перед кем.

–Так почему же ты не поместил ее портрет на стене своего дома? Пусть все видят твою любовь.

–Если я размещу на стене портреты Марлен Дитрих или Ингрид Бергман, то Мэри мне ничего не скажет. Прошлое не вызывает ревности. Если я повешу портрет Адрианы, то он, боюсь, может исчезнуть. Найдутся воры и в моем доме. Пусть он лежит в моем кабинете. Ты видел портрет. Скажи, можно любить такую девушку? Только не как врач.

–Можно. Но не всегда. Ты ее должен любить на расстоянии. Так будет лучше для тебя и Мэри, и для всех, кто тебя любит.

Хемингуэй поник головой. Никто не одобрял его поздней любви. Он это знал и чувствовал. А доктор – его лучший друг, говорит об этом прямо.

–Еще по рюмке. – Выдохнул он. – Мне бы только посмотреть на нее, прикоснуться к ней... Может, тогда я бы принял правильное решение... Чертова цивилизация! Она делает человека мельче. Подменивает настоящие чувства – любовь, гнев, ласку бесчувственной игрой. Неужели и я играю в любовь?

–Говорят, что любовь играет нами. А мы играем друг другом...

В конце сентября пришло письмо от Доры Иванчич, в котором она сообщала, что они готовы отплыть на Кубу.

–Эрни! Видишь, твои желания сбываются. – Сказала ему

Мэри, не в силах скрыть издевку в своих словах.

– Да. Я их звал столько раз, наконец, они едут.

Мэри разочарованно вздохнула, – он так и не понял, что она вызвала на Кубу Иванчичей и за этот визит придется заплатить его деньгами. А она же ему говорила, что напишет письмо с такой просьбой. Как малый ребенок, Хемингуэй забыл о ее подарке.

Да. Весь октябрь Хемингуэй напоминал ребенка – меньше пил, ежедневно брился, привел в порядок старые костюмы и купил новые. Отремонтировали дом и бунгало, в котором должны были жить мать и дочь Иванчичи, расчистили сад, заасфальтировали дорогу и еще многое сделали за этот месяц, до чего бы никогда не дошли руки Хемингуэя в обыденном ритме. Он был в возбужденно-радостном состоянии, и все вспомнили своего прежнего Папу – бодрого, энергичного, задающего ритм жизни. И все радовались, понимая, что к Папе едет Любовь.

Одна Мэри находилась в стороне от всей этой суматохи. Она концентрировала в себе силы и волю для последнего боя, где ставкой был ее муж и семья. Ее план не должен дать сбоев – пусть Хемингуэй насладится любовью в последний раз, а в этом она была уверена, и потом навсегда забудет Адриану. Пусть выпустит из себя любовный пар и станет примерным мужем, каковым знает его мир. А она с помощью Адрианы сумеет разжечь в его душе новый огонь творчества. Он еще обязан написать такую книгу, которая навсегда про-

славит его. И ее тоже, как последнюю любовь и хранительницу таланта Хемингуэя. Нельзя, чтобы любовь вышла из него, не оставив шедевра творчества. Тогда ее риск будет напрасен.

Накануне прибытия парохода, Мэри имела самый дружеский разговор с мужем.

–Эрни! Я попрошу тебя только об одном – не давай своим увлечением пищи, для лишних разговоров. Обещай мне это?

–Обещаю.

–Будь с Адрианой немного на расстоянии. Обещаешь?

–Обещаю.

–Если ты допустишь что-то лишнее, я сразу же уеду. Куба не Венеция. Америка рядом. И тогда скандал станет неизбежным. И он будет не в твою пользу.

Угроза отъезда Мэри напугала Хемингуэя всерьез. И он ответил:

–Только не делай этого. Наша репутация должна быть чиста. Я буду вести себя с Адрианой, только как гостеприимный хозяин.

–Хотелось бы тебе верить. Помни о себе и обо мне. Она уедет, а нам с тобой еще жить.

–Понимаю, но уразуметь не могу. Я буду стараться, чтобы ни одно грязное пятно не пало на нашу семью.

Хемингуэй любил Адриану, но и не хотел скандала. В его жизни было достаточно скандалов, и многие из них связаны с любимыми женщинами. Но тогда он был еще молод. Ны-

нешний скандал мог стать для него последним в его далеко небезупречной репутации. После него он станет постоянным клиентом скандальной хроники. А этого не хотелось. Потом, кроме Мэри, он никому не будет нужен. А может, даже и ей.

–И чтобы все было хорошо. – Настоячиво проводила дальше свою мысль Мэри. – Ты займись работой. Войди в рабочий ритм. Первую половину дня писать, вторую отдыхать. Тогда ни у кого не возникнет подозрений относительно приезда Адрианы.

–Я уже пишу. С тех пор, как узнал о их приезде. Я постараюсь работать еще больше, в присутствии гостей.

–Ты говорил о какой-то философской вещи. Будешь ее писать?

–Я скоро возьмусь за эту работу.

Подобные разговоры в последние дни происходили неоднократно, в обстановке доверия и доброжелательности, но у Мэри все равно было тяжело на душе. А вдруг что-то сорвется в ее плане или сорвется сам Хемингуэй? Но ей очень хотелось, чтобы и при ней Хемингуэй создал великую вещь, а не только при прошлых женах. И удивительное дело – Хемингуэй ей не перечил. Был на все согласен, даже временами кроток, и все для того, чтобы бы увидеть Адриану. А это тревожило Мэри больше всего, и она молила бога, чтобы этот визит итальянских гостей закончился для нее хорошо, и у нее хватило сил все выдержать и сохранить семью.

За день до прибытия теплохода она нашла Джанфранко и

сказала ему:

–Завтра прибывают твои мать и сестра. Ты рад?

–Очень. Я вам говорил, что соскучился без родных.

–У нас с Эрнестом будет не всегда достаточно времени, чтобы уделять им должное внимание. Ты бы, Франки, взял на себя часть наших забот, по развлечению своей семьи.

–Конечно. С удовольствием. Вы мне машину дадите?

–Дам. И деньги дам. Только у меня к тебе будет еще одна просьба...

–Я ее выполню. – Услышав о деньгах, вскричал Джанфранко, не зная еще просьбы. – Я, наверное, скоро женюсь...

– Сообщил он снова, невпопад предыдущему разговору, но как-то стыдливо.

–А она хочет за тебя замуж?

–Она богатая, а я... – Он сокрушенно развел руками и Мэри все поняла.

–Если потребуется наша помощь, то мы поможем. Даже деньгами. А как твоя работа над книгой?

Джанфранко виновато потупил глаза.

–Пока никак. Нет времени, чтобы вплотную заняться ее писанием. Может, при матери сяду. – По его тону было ясно, что он никогда не напишет книги. – Мисс Мэри, а какую вашу просьбу я должен выполнить?

–Я уверена, Франки, что о моей просьбе не узнает мистер Хемингуэй. – С нажимом произнесла Мэри.

–Я никогда не говорил ему о ваших просьбах. – Покривил

душой Джанфранко.

–Знаю. У меня к тебе такая просьба... – Мэри задумалась и стала четко формулировать свою мысль. – Когда Адриана будет здесь, то познакомь ее с каким-нибудь парнем. Понятно, хорошим, а не с теми, с которыми ты проводишь вечера и ночи. Чтобы был из хорошей семьи и культурен. Чтобы был интересен твоей сестре. У тебя есть такие друзья?

Джанфранко на мгновение заколебался:

–Есть! Есть из хорошей семьи, есть культурные. Какой лучше? – Задумался он, но Мэри прервала его раздумья.

–Чтобы Адриана им могла увлечься. Понятно?

–Да. А где мне их лучше познакомить? – Он раздумывал как бы про себя, но вслух.

–Вот тебе сто песо. Пока. Если надо – получишь еще. Но чтобы нашел своей сестре парня на второй день после ее приезда. Понял?

–Понял! – Четко отрапортовал Джанфранко, сжимая в руке кубинскую сотенку, равнявшуюся ста долларам.

Мэри пошла прочь от него, а Джанфранко думал. Ему мать сказала, что мисс Мэри дала ей две тысячи долларов. Сейчас что-то вновь должно было обломиться от жены Хемингуэя. Он не богат, ему надо пользоваться ее расположением.

«Твоя цена, сестренка, растет. – Думал он. – Хорошо, что ты у нас есть. Надо с мисс Мэри потребовать больше песо для твоих развлечений, сестра. – Но в тоже время в его души

тепились угли совести: – Мистер Хемингуэй, так хорошо относится ко мне и все благодаря тебе сестра. Неужели он ничего не видит вокруг себя? А все ли знает Адриана?»

Эта мысль встревожила его. Неужели и сестра является игрушкой для Хемингуэя в руках мисс Мэри. Надо бы, как-то откровенно поговорить с Хемингуэем.

Так подумал Жанфранко.

Теплоход приближался к Кубе. Адриана с матерью стояли на верхней палубе и всматривались в приближающийся кубинский берег. Уже легкий ветерок доносит до корабля аромат тропиков. Вот и скалистый берег, поросший пальмами. Корабль входит в гаванский порт, на страже которого стоит крепость Морро. Навстречу мчится катер, он поравнялся с пароходом, на нем завывала сирена и на мачте заплескались три белых флага на фоне чистого синего неба.

Адриана смотрела на катер и увидела на его палубе, машущих руками и платками, людей. Катер обошел вокруг, идущего на причал корабля, и Адриана различила на палубе Джанфранко.

–Мама! Посмотри? Видишь на катере Франки?

–Где? – Дора водрузила на нос очки и стала подслеповато вглядываться в катер. Но тот ушел дальше от борта, чтобы еще раз обогнуть корабль.

Катер вернулся и подошел ближе к борту. Теперь и Дора разглядела сына и замахала ему рукой. Рядом с ним стояла мисс Мэри и Хемингуэй с мегафоном. Но их большой корабль, недовольный таким соседством с маленьким катером, вызывающим опасность при причаливании к берегу, дал сердитый гудок, а кто-то из капитанской рубки замахал красным флагом. Когда гудок стих, Адриана услышала в мегафон

голос Хемингуэя:

–Куба приветствует вас! Увидимся в порту!

И Адриана, вроде бы, рассмотрела счастливое лицо Хемингуэя. «Пилар», успела прочесть она название катера, резко развернулся, и помчался в порт. Вскоре пришвартовался и их корабль.

На берегу их с объятиями встречали Хемингуэй, мисс Мэри, Джанфранко, слуги, с которыми Адриана познакомилась позже. Ее удивило, что Папа, обняв ее, поцеловал аккуратно в лоб. И все! Она надеялась на более открытое проявление его чувств.

Гавана звенела радостными голосами встречающих на берегу и прибывших на корабле. Острый запах чернокожих тел носился в воздухе, аромат садов и парков сливался с приторным запахом бензина, и все происходило так быстро, что Адриана не успевала за всем следить.

А потом – веселая дорога и долгая пирушка до поздней ночи. Все много пили, но Хемингуэй пил мало. Много говорили и вспоминали, но Хемингуэй больше молчал. К Адриане подошел раза два-три, а в основном, наблюдал за ней издали. А потом они пошли с матерью спать в бунгало. Оно стало их домом на все время пребывания на Кубе.

Отправляясь в свою спальню, Хемингуэй спросил Мэри:

–Как, мамочка, я вел себя?

–Превосходно. Ты держишь свое слово, Эрни. Я знаю, что на тебя всегда можно положиться. Встречайся с ней больше

на людях, чтобы все видели, что у тебя дружба с графиней и не больше. И мне так будет легче. Помоги мне хоть так, Эрни?

–Я старался сегодня помочь тебе.

–Спасибо, Эрни. Я благодарна тебе за это. Ты сегодня будешь со мной спать.

–Нет, милая. Я очень сильно устал сегодня и вообще за все эти дни. Пойду к себе.

–Хорошо. Спокойной ночи. – Глубоко вздохнула Мэри, понимая, что теперь он не ляжет вместе с ней в постель, пока не уедет итальянка. Ну что же, пусть будет так. Надо побыстрее настроить Хемингуэя на новую работу, не дать ему возможности, снова, как в Венеции, полностью увлечься своей любовью. И тревога в душе Мэри еще более усилилась, и уже не проходила до отъезда гостей.

Сможет ли она загнать джина любви обратно в бутылку?

На следующее утро, Хемингуэй по обыкновению встал рано. Побрился, одел гуаяверу – просторную рубашку. Дома он предпочитал носить шорты, но сегодня надел легкие полотняные брюки и стал прогуливаться по саду. Этот сад, можно сказать без преувеличения, посадил он своими руками. Когда в сорок четвертом году свирепый ураган повырывал с корнем деревья старого сада, сильно повредил дом, Хемингуэй решил создать сад из деревьев, росших на островах и побережье Карибского моря. Сейчас в саду цвели и плодоносили лимоны, апельсины, грейпфруты, бананы, аноны,

гуанабана, тамаринд, авокадо, желтый мамей из Санто-Доминго, кокосовые пальмы с разных островов, манго девяти сортов: белое, желтое, яблочное, персиковое, филиппинское и другие. По утрам сад благоухал изысканными ароматами тропиков, и Хемингуэй любил прогуливаться по нему, именно, ранним утром. Он запретил срывать с пальм кокосы, считая, что это наносит вред дереву и кокосы покупались на рынке. Также он не разрешал срезать цветы с клумб, предпочитая купленные. Хемингуэй хотел видеть природу в своем естестве, даже в саду, насколько позволяли условия беспощадной цивилизации.

Адриана в это утро проснулась рано, когда мать еще спала. Первая ночь на Кубе оказалась краткой. Да разве уснешь, когда сквозь мелкую решетку окон рвется такой экзотический аромат, а неизвестные ей птицы распевают удивительные по красоте рулады. Адриана выглянула из окна и увидела, прогуливающегося в одиночестве, Хемингуэя. Она сразу же поняла, что он сейчас ждет ее. Завязав густые волосы узлом на затылке, и накинув на голое тело легкое платье с открытыми плечами, что-то типа сарафана, Адриана вышла из бунгало в сад.

Хемингуэй увидел ее в лучах утреннего кубинского солнца, на фоне изумрудной тропической зелени, легкой и прозрачной, просвечиваемой насквозь свежестью утра. Ее кожа, под прозрачным сарафаном, казалась белой, а оголенные плечи, матово-розовыми. Лицо – умиротворенно-счаст-

ливым. Такие лики рисуют на иконах, изображают на картинах. Стройная и легкая она, казалось, парила по аллее сада, в ореоле солнечного света.

Хемингуэй сразу же пошел ей навстречу, и они встретились на середине аллеи у тамаринда, источающего дурманящий аромат, которым должна благоухать любовь. Он обнял ее за голые плечи и впился долгим поцелуем в ее пухлые губы. Она обнимала руками его грузное тело и чувствовала мужской внутренний трепет.

– Девочка, как я рад, что ты снова рядом. – Прошептал Хемингуэй, на мгновение оторвавшись от ее губ и стал снова целовать все ее лицо. – Как я рад! – Повторял он.

– Я тоже. – Прошептала в ответ Адриана. – Папа, почему ты вчера был ко мне так холоден?

– От любви. Чтобы никто ее не заметил. Я уже не надеялся, что мы с тобой встретимся.

– Я хотела приехать к тебе давно. Мама тоже собиралась к вам в гости, но почему-то откладывала поездку. А потом, после вашего настойчивого приглашения, решила. Сказала, что наступает осень и зима, и на Кубе будет не жарко. Вот мы и приехали.

– Очень хорошо, что ты здесь. Я чувствую себя с крыльями, готов лететь куда угодно, хотя не люблю летать самолетами.

– Полетим, посмотрим твой сад. Он так красив! А это, что за дерево?

– Гуанабано. Индейцы говорят так, – чтобы не разлучаться, надо влюбленным съесть его плод. Один на двоих. Тогда они будут вечно вместе.

– Давай и мы съедим один плод, мой индеец.

Хемингуэй приподнялся на цыпочках и сорвал один фрукт, внешним видом похожий на айву.

– На, моя Ева, вкуси плода любви.

Непроизвольно они перешли на игру. Но сейчас они не заказывали предмет игры, он появился сам, непроизвольно. Адриана откусила кусочек и протянула плод Хемингуэю.

– Какой ароматный! Как любовь. На, Адам, съешь свою часть любви.

Хемингуэй стал жевать гуанабану, одновременно говоря:

– Надо сорвать и засушить цветок гуанабаны на своем сердце. Тогда любовь будет постоянной.

– Я сорву цветок и положу его себе на сердце.

Адриана сорвала цветочек и положила его в вырез сарафана.

– Ой! – Вскрикнула она. – Я не надела лифчик и он падает вниз.

– Дай его мне. Я твой цветочек и свой... – Он сорвал еще один цветок с дерева. – Положу временно в карман рубашки. А потом тебе отдам твой цветок.

Адриана глубоко засунула руку в декольте сарафана, и Хемингуэй увидел ее маленькие, не тронутые загаром, груди. У него закружилась голова. До этого момента он помнил дан-

ное Мэри обещание, быть подальше от Адрианы, а сейчас все забыл. Он торопливо положил цветы гуанабаны в верхний кармашек и сказал:

–Пойдем. Я покажу тебе сад.

–Пойдем, Папа. – Адриана не заметила изменения, происшедшего в Хемингуэе. – Посмотрим твой Эдем.

–Да. Эдем. – И он вспомнил о неоконченной своей книге под таким же названием.

«Надо с усердием взяться за работу». – Подумал он.

–Папа! – Вывел его из состояния слепого полета, голос Адрианы. – Скажи, кого ты изобразил в образе Ренаты? Меня или другую?

–Конечно же тебя. Ты ведь читала книгу и поняла, что я описал встречи с тобой в Венеции.

–А Афдера Франчетти говорит, что Рената – это она.

–Нет. Это ты. Не верь Афдере. Она противная, злая и глупая девчонка. Хочет сделать тебе больно. Рената – это ты и только ты. Запомни!

–Я же не такая, как в книге. Я не глотаю мартини бокалами, как ты это описал. Я тебе не говорила таких слов, какие ты мне приписал. Я тебя стараюсь любить молча.

–Счастье влюбленных в том, что они могут молчать. Говорят их души, жесты, ласки. У нас с тобой было молчание любви и это большое счастье. Мало, кто может так любить.

–Но говорят, что женщина любит ушами?

–Женщина любит всем. От кожи до души. Звуки любви

рождаются только при соприкосновении тел. Звуки молчания слышны только влюбленным.

–Папа! Ты – поэт! Почему ты не публикуешь свои стихи?

–Публиковал, когда начинал писать романы. Стихи – предверие больших замыслов и дел. Вот почему влюбленные пишут стихи. Я их тоже пишу и посвящаю тебе.

–Ты мне их прочтешь?

–Конечно. Но чуть позже.

–Хорошо. Но все-таки, почему ты меня изобразил в романе не такой, какой я есть?

–Понимаешь ли... Ты слишком иная, чтобы понять ее. Но такие девушки существуют. Ты частица этих девушек. А в Ренате воплощена не одна женщина, а четыре разные женщины, которых я раньше знал. Я взял у них самое лучшее, что считаю необходимым для идеальной женщины. И, прежде всего – безропотную любовь. Может, я не прав. Но я хочу, чтобы все женщины были такими, как Рената и все мужчины, любящие их, были счастливы, как мой герой. Хотя бы перед смертью, напоследок они могли глотнуть полной грудью всепрощающей любви. А это большое счастье для обреченного...

–Я больше не буду задавать тебе вопросов об этой книге. Ее ругают те, кто не обречен на любовь.

–Люди не любят, когда им напоминают о смерти. Они боятся неожиданной смерти и ненавидят жизнь, когда смерть им гарантирована болезнью... Не будем о грустном. Пойдем

дальше, я тебе покажу, как цветет чиримойя. Ты видела это дерево?

–Никогда в жизни! Я впервые на экваторе!

Она засмеялась, и они ускорили шаг, но сразу же остановились, как вкопанные. Навстречу им шла Мэри... Она доброжелательно улыбалась им.

–Доброе утро, Адриана! – Приветствовала она гостью, не говоря мужу ни слова. – Нравится тебе у нас?

–Не то слово, мисс Мэри. – Поспешно ответила Адриана, и через смуглоту ее щек пробился румянец. Никак она не ожидала встретить здесь Мэри. Да и Хемингуэй, кажется, тоже не ожидал встретить ранним утром свою жену. Она вставала, обычно, позже. – Здесь просто великолепно. Я впервые нахожусь в джунглях.

–Это еще не джунгли. Мы еще покажем вам с мамой джунгли.

–Да. – Поспешно подхватил слова Мэри, Хемингуэй. – Вот поедem в пещеры, и там ты увидишь настоящие джунгли.

–Эрни! Пока стоит хорошая погода, пригласил бы наших гостей на рыбалку?

–Сейчас не время для крупной рыбы. Но обязательно поедem на рыбалку. Давайте завтра. – Такое мероприятие, даже при слабом клеве или его полном отсутствии, Хемингуэй не мог пропустить.

–Ну, Эрни, ты торопишься! – Всплеснула руками Мэри. – Гости еще не отдохнули от морской дороги, а ты их снова в

море.

–Осень. Погода может испортиться. Как подует холодный норд, о рыбалке не будет и речи.

Мэри приветливо улыбнулась мужу:

–Ладно. В ближайшие дни выйдем на рыбалку. Ты согласна, Ади?

–Да. Мне мистер Хемингуэй рассказывал, как он ловил акул. Хочу посмотреть. А лучше всего самой поймать акулу.

Мэри и Хемингуэй рассмеялись в ответ на ее слова.

–Молот и меч-рыбу тяжело зацепить на крючок. А сейчас на зиму они ушли дальше от берега в глубь Гольфстрима. Дай бог, поймать небольшую агуху, а то и макрели хватит. А ты, Мэри, что здесь делаешь? – Наконец спросил он так неожиданно появившуюся здесь жену.

–Я пошла нарезать цветов, чтобы поставить на стол. Скоро завтрак. – Пояснила спокойно Мэри. – Хотела сорвать необычные, которые еще не видела Адриана. В конце сада у нас растет ягрума. Я хотела ее цветы поставить на стол. Пойдемте со мной. Здесь недалеко.

Хемингуэй понимал, что неожиданное появление Мэри, вызвано, отнюдь, не цветами. Видимо, она решила полностью контролировать его встречи с Адрианой. И ему стало от такого контроля грустно. Но, ведь и он обещал Мэри не давать повода для огласки своих отношений с Адрианой. И они втроем пошли по аллее в конец сада. Мэри с доброжелательной улыбкой рассказывала Адриане о саде, о деревьях,

о цветах. То, что хотел рассказать Адриане Хемингуэй. Но у него получилось философствование о любви в цветах. Мэри садовыми ножницами срезала с яблони несколько веток с цветами и сказала:

–Пока хватит. Эти цветы такие нежные, что сразу же увядают без дерева. Как любовь! – Почему-то подчеркнула она, не глядя на собеседников. Наверное, просто к слову пришлось.

Потом вернулись в дом и сели завтракать. А когда позавтракали, Мэри вдруг при всех с шуткой напомнила Хемингуэю:

–Тебе пора за работу. А то ты уже несколько дней не работал.

Он хотел вспыхнуть от такой бесцеремонности, хоть и шутливой, своей жены, но сдержался. Он обещал Мэри сесть за книгу с приездом гостей, значит надо держать свое слово. И он покорно пошел в свой рабочий кабинет, пожелав гостям быстрее обустраиваться на новом месте,и стал просматривать старые рукописи,

Мэри прошла с Дорой в бунгало. А Адриана решила продолжить осмотр парка в одиночестве.

–Как вы себя чувствуете на Кубе? – Участливо спросила Мэри старую графиню Иванчич и получила неожиданный ответ.

–Вы правильно писали в письме, что после такой поездки, необходимо будет лечение. Такая резкая перемена климата

для меня убийственна.

Мэри поняла, что разговор сразу же пошел о деньгах. И надо же было в письме, пообещать пять тысяч долларов за их приезд! Кажется, Мэри поторопилась и предложила излишне крупную сумму.

«Чертова графиня!» – Выругалась она про себя.

–Конечно. Мы вам дадим деньги на лечение.

–Вы обещали пять тысяч, если Адриана приедет сюда. – С одышкой произнесла Дора. – Мистер Хемингуэй говорил о такой сумме.

Мэри снова про себя выразилась, но уже более крепко в свой адрес: «Хватило бы и оплаты проезда!»

Но, видимо, предстояло платить. Недаром графиня намекнула о Хемингуэе. А он не должен знать о том, что она за визит его гостей еще и платит.

–Хорошо, графиня. Я вам деньги перед отъездом.

Дора глубоко вздохнула:

–Боже, как здесь душно и жарко. Как привыкнуть к этому несносному климату? Мне необходимо лечение немедленно.

–У нас есть врач. Он вас обследует, и будет лечить вас, если потребуется, немедленно.

–Мисс Мэри! – Напрямую сказала ей Дора. – Мне деньги нужны сейчас.

–Зачем?

Дора не могла сказать Мэри, что еще вчера, в день их приезда, Джанфранко попросил у нее тысячу долларов, в упла-

ту какого-то долга. Притом срочно. Что за долг у сына она не поняла, – было мало времени для разговора, да и Жан-Франко не хотел всего рассказывать. А у нее такой суммы нет. Теперь Мэри должна была оплатить приезд Адрианы к Хемингуэю.

–Я выполнила вашу первую просьбу, не пускала Адриану к вам в гости. Я выполнила вашу вторую просьбу – приехала с Адрианой. Как я понимаю, вы с мистером Хемингуэем, согласовали этот вопрос?

–Дора! Вы понимаете, что Хемингуэй не в курсе моей просьбы и наших с вами взаимоотношений. – Прямо сказала разозлившаяся Мэри. – Ему нужна Адриана. И вы знаете для чего?

Мэри уже с ненавистью смотрела на хитрую и подлую графиню, каковой она ее считала.

–Знаю. Она его любовница. – Торжествуяще ответила Дора. – Но я девочке не говорю, что за свою любовь она получает деньги. То есть я их получаю и трачу на дочь. Надеюсь, и вы ей не скажете этого. Нужна хотя бы элементарная порядочность в этом деле. Раз вы запросили мою дочь сюда, значит, она нужна вам, а не мистеру Хемингуэю. Я понимаю вас так! Но я не знаю, зачем вам нужна моя дочь и не хочу знать! И не спрашиваю вас об этом. Я только знаю, что моя дочь любит Хемингуэя.

Дора говорила так жестко и открыто, что у Мэри защемило сердце, и она даже немного задохнулась от наглости гра-

фини. Но быстро взяла себя в руки.

–Вы правы, графиня! Она нужна мне, чтобы спасти Хемингуэя. Не буду скрывать, он по ней очень скучает, готов даже наложить на себя руки. Я боюсь за его жизнь и хочу, чтобы Адриана отвлекла его от страшных мыслей. Он слабый человек, хотя все считают наоборот. С ним очень сложно жить. И я должна его спасать, даже таким непорядочным образом. Но вы, графиня, берете на душу большой грех, сознательно продавая свою дочь...

–Кто еще берет на себя больший грех?... – Перебила ее бесцеремонно Дора. – Надо сравнить. Деньги платите вы, а не ваш муж. Вы более, чем я, сознательно грешите! – Дора успокоилась и продолжила. – Дорогая Мэри! Мне необходимы деньги сейчас. Потом я вам, может быть, скажу зачем...

Мэри вдруг почувствовала себя очень усталой. Получалось, что они с Дорой торгуют своими самыми близкими людьми. В этом Мэри не хотела признаваться сама себе, откидывала сразу же эту мысль и вот услышала ее из уст «подлой итальянки». Так она ее называла про себя. Выходит, что они равны в своей подлости. Но Мэри не была рождена для того, чтобы сразу сдаваться.

–Я вам дам деньги. Но учтите, что дорога сюда достаточно дорогая. Я вычту сумму билета. Думаю, три тысячи вам хватит, а для чего они вам, вы можете мне не говорить. За свой грех я готова заплатить не только деньгами. Но, как вы оплатите свой грех? Хотя римский папа живет рядом с вами.

Он прощает все грехи, независимо от их тяжести. Он, в отличие от вас, более добрый человек.

Тот, итальянский папа, сейчас не слишком интересовал Дору, а вот с предлагаемой суммой следовало смириться. Неплохо и три тысячи, а то можно ничего не получить и она ответила:

–Свои грехи я постараюсь замолить и без римского папы. Есть еще бог, о ком вы забыли. Любовь – это не только грех, но всегда и покаяние. А любовные грехи бог прощает всем, начиная с Адама и Евы. Вы мне деньги сегодня отдадите? – Спросила она собеседницу конкретно.

–Завтра. Мы не держим таких больших сумм дома. Я завтра поеду в Гавану и возьму их в банке. Сегодня некогда. Но вы мне должны пообещать, что не отпустите Адриану далеко от себя. Я попрошу вас всегда быть рядом с ней, особенно в присутствии Хемингуэя.

–Постараюсь.

Мэри вышла из бунгало недовольная собой и графиней. Навстречу ей шла Адриана с цветами в руках. Мэри, превозмогая досаду от разговора с ее матушкой, мило улыбнулась гостье:

–Как, Ади, тебе нравится у нас? – Непроизвольно повторила она утренний вопрос.

–Очень нравится. Цветы такие интересные и так пахнут...

–Я тебя попрошу, Адриана... – Неожиданно для себя сказала Мэри и испугалась будущих слов, но взяла себя в руки

и произнесла всю фразу до конца. – Ты помоги Папе в его литературной работе. Посоветуй ему что-нибудь написать. Он же к тебе относится, как дочери. – Внутренне скривилась Мэри. – Даже любит. Занимайся с ним творчеством. Тебе еще это пригодится.

–Хорошо, мисс Мэри. – Беззаботно ответила Адриана.

Когда она вошла в бунгало, то увидела вспотевшую от жары мать и, кажется, та была не просто расстроена, а зла. Только на кого? И вскоре Адриана вообще перестала понимать происходящее. Мать обратилась к ней:

–Ади! Я только что беседовала с мисс Мэри. Знаешь о чем?

–О чем?

–О тебе. – После разговора с Мэри, в голове Доры зародился план отмщения. А может быть, устройства судьбы Адрианы. – Ты мне говорила о своей любви к Хемингуэю. Я не думала, что он тебя любит. Мэри сейчас это подтвердила. Как ты считаешь, возможен твой брак с ним? – Дора выжидательно смотрела на дочь.

Адриана растерянно смотрела на мать.

–Мама, я об этом не думаю. Мне просто хорошо с ним.

–Надо, чтобы было и полезно. – Назидательно ответила мать. – Ты уже взрослая. Двадцать лет. Пора подумать и о замужестве. Он богат и известен. Этим компенсируется разница в возрасте. – Конкретно сказала Дора, сняв тем самым главную проблему разговора с дочерью.

–Мама! – Отчаянно закричала Адриана, и слезы выступили на ее глазах. – Ты понимаешь, что у нас чистые отношения.

–Не такие уж чистые. Ты мне сама об этом сказала.

–Ну и что? Они все равно чистые! Его нельзя обижать. Ты не знаешь, а он в отличие от меня, чист.

–Поэтому и платит деньги.

Адриана замерла и, заикаясь, произнесла:

–Кто платит? Хемингуэй?

–Пока не он. Платит его жена, чтобы ты забавляла ее мужа. – Жестко произнесла Дора.

–Это невозможно! Он мне и подарков, кроме негритенка не сделал. – Адриана не говорила матери о деньгах, которые Хемингуэй дал ей в Париже.

–Возможно. Я тебе скажу правду, дочка. Твоей любовью с Хемингуэем руководит Мэри. Она платит мне за это деньги и приказывает, когда тебе ехать к нему, когда не надо. Я тебя сюда не пускала потому, что Мэри не хотела. Но когда она написала мне и сообщила, что тебя хочет видеть Хемингуэй, мы поехали сюда. То есть она разрешила нам приехать сюда. За это она обещала мне пять тысяч.

–Мама! Неужели ты так могла...

–Обманула меня Мэри. Только три тысячи дает.

–Мама! Ты мною торгуешь?

–Нет, деточка. Деньги нам нужны, мы не так богаты, как хотелось бы. А вчера, не успели мы приехать, Жанфранко

попросил тысячу долларов. У него какой-то долг. А где взять деньги? Может быть, Ади, ты любовь обернула бы в серьезное дело?

—Нет, мама. Так нельзя. Мне противно. Получила эти деньги, и хватит. А я не хочу получать ничего, кроме любви. Как противно, что все это делается за моей спиной. Ты унизила меня, мама, перед Хемингуэем. Это же грех, мама!

Дора вздрогнула. Только что так ей сказала Мэри. Но она возразила дочери.

—Мы грешны только потому, что бедны. Богатые живут без греха. Им есть, чем оплатить свои грехи. И ты бы так могла. Подумай?

—Я не буду думать. Мне теперь стыдно показаться на глаза Хемингуэю. Он не знает, что его любовь куплена. Я ему все скажу!

Дора испуганно закричала:

—Ни в коем случае. Мэри сказала, что без тебя Хемингуэй хотел покончить жизнь самоубийством. Поэтому и вызвала тебя, чтобы ты его успокоила.

—Мама! Я же не игрушка. Уедем отсюда сейчас же.

—Нельзя, дочка. Ты должна помочь Хемингуэю написать еще книгу. Так просила мисс Мэри.

—Как помочь?

—Не знаю. Но она попросила, чтобы ты была с ним, когда он пишет. Но вечерами будь от него подальше. Она тоже об этом просила. Но, Ади, за это Мэри заслуживает, чтобы ты

взяла у нее Хемингуэя. Нам всем тогда будет лучше. И Мэри так отомстим.

–Я буду с ним рядом, потому что люблю. Но насчет замужества с ним, мне больше не говори.

И, заплакав Адриана, бросилась ничком на кровать. А Дора еще долго успокаивала ее, до самого обеда. Наконец Адриана, наплакавшись вдоволь, сказала:

–Вы, что хотите, – делайте. Но я не хочу знать ваших дел с Мэри. И больше мне ничего не говорите, что касается нас с Папой.

Но слова матери о возможности брака с писателем остались у нее в голове.

Через два дня поехали на рыбалку. Шкипер Грегорио Фуэнтес, с нанятыми рабочими, постарался на славу, чтобы привести «Пилар» в образцовый порядок ко дню приезда гостей. Выехали на рыбную ловлю, правда, поздновато – давно встало солнце, но для гостей сойдет и такое время. Когда Грегорио увидел итальянскую графиню, о которой был давно наслышан от Хемингуэя и совсем недавно от друзей, то у него все замерло внутри.

«Дьявольски привлекательна. – Подумал он, сглотнув густую слюну. – А кожа, как у мурены».

Графиня по-испански выговаривала слова так, что становилось сладко в груди. Грегорио был истинным кубинцем, понимающим толк в красивых женщинах. Но это была не его женщина, а Папы. А Папа для него – святой человек.

В такое время, лучше не рыбачить. Крупная рыба ушла от берега, а вот мелочи, до полуметра длиной, они поймали. Везет же гостям! Хемингуэй радовался каждой выловленной рыбине, и старался объяснить Адриане секреты лова. Грегорио заметил, как только Хемингуэй подходил к молодой графине, так мисс Мэри сразу же отворачивалась от них. Старая графиня сидела под тентом и истекала крупным потом. Но это понятно – она толстая для тропиков. Наконец, на спиннинг Хемингуэя клюнула какая-то крупная рыбина.

Папа очень хотел ее вытащить сам, но силенок не хватало, и позвал на помощь его, Грегорио. Вместе вытащили на палубу золотистую корифену. Как только она очутилась на палубе, Грегорио стукнул ее пару раз молотком по голове для порядка, и рыба успокоилась. Вообще-то, не в каждую рыбалку попадется корифена. Хоть и не редкая рыба, но плохо идет на блесну. Так, вот графинюшка, стала рассматривать корифену, даже переворачивать ее, и уколола свой нежный пальчик об острый плавник. Как бросился к ней Папа! Полчаса высасывал из ее пальца кровь, словно вампир. Ранка-то пустяковая, но Папа старался, будто водонасос. А вообще-то, он больше целовал ее пальчик, прижмет, поддержит во рту, а потом рассматривает. Но видели вы бы мисс Мэри. Она, кидала на них взгляды, как скат, вытащенный на палубу – чертовски круглые глаза. Кажется, такие были у Мэри. Только не черные с голубизной, как у ската, а синие с чернотой, как у агухи.

Так приблизительно рассказывал шкипер «Пилар» о рыбной ловле Хемингуэя и его гостей, на «Террасе» в Кохимаре, за кружкой пива. Всем было интересно послушать о красоте итальянки. И Грегорио старался воспроизвести рыбалку в красках, так чтобы у мужчин перехватывало дыхание, и всем хотелось помочь графине – поцеловать ее раненый пальчик, чтобы восстановить у себя нормальное дыхание и давление. Кубинцы очень отзывчивы на чужую беду.

Но не даром, Хемингуэй любил Грегорио. Тот ничего не

сказал лишнего. Когда гости сошли с катера, Папа задержался и спросил своего шкипера:

– Ну, как, Грегорине, тебе графиня?

– Во! – Поднял вверх большой палец шкипер. – Смесь голубой и белой марлины, и еще немного угря.

– Почему угря? – Удивился Хемингуэй, обрадованный высокой оценкой своей гостью, шкипером.

– Кожа снаружи гладкая и красивая. – Коротко пояснил Грегорио Фуэнтес. – А внутри она сладкая и вкусная.

Хемингуэй отчего-то грустно вздохнул:

– Если бы не она, то нам всем было бы плохо. Понимаешь?

Шкипер все видел и все понимал.

– Пусть она чаще приходит на катер, и все будет хорошо.

Хемингуэй еще раз грустно вздохнул и ничего не ответил шкиперу.

Он раздумывал, что делать дальше. Адриана, почему-то, избегала эти дни оставаться с ним наедине. Он тоже не хотел давать повода для пересудов, что много времени уделяет гостье, остается с ней наедине. В доме всегда присутствуют друзья и знакомые, приезжающие из Америки и других стран. На Рождество и новый год должны приехать сыновья и обязательно кто-то из его близких друзей. Все, конечно, обратят внимание, – почему и зачем в его в доме проживает молодая дама? Вопросов было много, а ответы невразумительные. Оставалось только с головой окунуться в литературную работу.

В тот же вечер Мэри спросила Джанфранко:

–Ты познакомил свою сестру с молодым человеком?

–Еще не успел, мисс Мэри. – Заторопился с ответом Джанфранко. – Пока из вашего дома Адриана никуда не выходила. Все время проводит с вами.

–Поторопись, Франки. Я знаю твою невесту. Из вас получится хорошая пара.

–Спасибо, мисс Мэри.

А Адриана эти дни грустила. Ей было жаль себя, жаль Папу. Ее угнетало то, что встреча с Хемингуэем на Кубе, подстроена ее мамой и Мэри. И она теперь не могла к нему относиться хорошо, как всегда. Между ними выросла какая-то стена, которую никто из них пока не мог разрушить. Теперь Хемингуэй писал в Белой Башне. Он располагался с пишущей машинкой на втором этаже, Адриана на третьем. Она рисовала иллюстрации к его книгам. Он рассказывал ей сюжет и говорил, что надо рисовать. Но Адриана видела, что ее рисунки получаются грустными. Они полностью соответствовали ее состоянию. А на крыше башни загорала Мэри. Она не вмешивалась в их работу, а зорко следила за тем, чтобы они долго не оставались наедине. Ее радовало, что Хемингуэй первую половину дня посвящал работе. Но огорчало, что он дописывал старые книги, а за новую, не брался. В его работе чувствовалось уныние и как от него избавиться Эрнеста, Мэри не знала.

Вскоре Джанфранко, на прогулке по Гаване, познакомил

сестру с молодым кубинцем – красивым квартироном с ярко-синими глазами. Он понравился Адриане, и она приняла его ухаживания. Все в нем нравилось Адриане, только не нравилась непосредственность его обращения с дамами. Но Джанфранко объяснил, что Куба – это бордель Соединенных Штатов и здесь нравы до такой степени свободные, что их можно свести к инстинктам животного мира. В этом убеждалась и сама Адриана, наблюдая веселую жизнь кубинцев. Женщины в молодости занимаются проституцией, чтобы в зрелые годы стать целомудренными матерями, а мужчины наполовину мужские проститутки – это до старости. Но при своем веселом и отзывчивом нраве, кубинцы большей частью бедны. Беднее нищих в Италии. На это обратила внимание Адриана.

Так начались ее встречи с молодым кубинцем, и Адриана думала, таким образом, немного позабыть Папу. А может, он узнает о ее увлечении и сам отдалиться от нее. Тогда планам ее мамы никогда не сбыться. Ее пугала даже мысль о будущей совместной жизни с Хемингуэем.

Мэри узнала от Джанфранко, что он выполнил ее просьбу и познакомил Адриану с воспитанным юношей. Она похвалила его и дала сто песо на цветы для невесты, имя которой было Кристина. Но Хемингуэю, она этого не сказала. Может, Адриана за это время по-настоящему полюбит молодого красавца, сама об этом скажет Хемингуэю, и он смирится с ее выбором. Также она не хотела, чтобы об увлече-

нии Адрианы, Хемингуэй узнал из ее уст.

Дора, узнав от Адрианы, что она встречается с молодым кубинцем, притихла и больше не заводила разговоры о женитьбе на Хемингуэе. Ее огорчало только то, что на любви дочери с писателем она теряет деньги, которые могла бы дать Мэри. С Мэри ее отношения, в сравнении с первыми днями, значительно улучшились. Они часто вдвоем сидели в беседке и подолгу разговаривали о женских делах, не касаясь собственных проблем.

Один Джанфранко чувствовал себя не в своей тарелке от игры, которая шла вокруг Хемингуэя. Он по-своему любил писателя – за талант, которым не обладал сам, за широту натуры и за помощь в его судьбе. С владелицей фермы Кристиной его познакомил Хемингуэй. Он кормит гостя, устроил на работу, помогает советами. Правда, он все отчетливей видел, что все-таки всем процессом жизни писателя руководит Мэри. От нее ему за мелкие услуги перепали деньги. Хемингуэй не имел привычки расплачиваться со своими друзьями деньгами. А в них Джанфранко был очень и очень стеснен. Он проиграл приличную сумму на петушиных боях и в рулетку. Пришлось влезть в долги, а то стыдно появляться в приличной компании, засмеют. Хорошо, что мать выручила его, и он отдал долги. Но мать проговорила ему, за что получены эти деньги. Джанфранко, по натуре, был добрым человеком, и ему было жаль Папу за то, что его так обманывают, а он ничего не замечает. Он чувствовал себя виноватым

перед ним.

И вот в начале декабря, когда задул холодный норд, в один из вечеров, его спросил Хемингуэй:

–Франки, ты не знаешь, куда пошла Адриана?

И Джанфранко решил ответить честно. Может, это была своего рода месть за унижительные услуги, которые он оказывал Мэри.

–Мистер Хемингуэй! Она пошла на свидание.

Он видел, как искривилось лицо Хемингуэя, и по нему пробежала нервная боль.

–Куда? – Голос Хемингуэя был твердым, как у солдата, готовящегося ринуться в смертельный бой.

–В Сан-Франсиско-де-Паула.

Это было небольшое селение рядом с «Ла Вихией» и в нем находился муниципалитет. Джанфранко видел, как Хемингуэй, не говоря больше ни слова, ринулся к гаражу.

–Хуан! Хуан! – Слышал он его гулкий голос, зовущий шофера.

К гаражу бежал испуганный Хуан и вскоре одна из четырех машин Хемингуэя, «Паккард», промчалась мимо Джанфранко. На переднем сидении, сжав челюсти до желваков, сидел Хемингуэй. Он даже не заметил, стоящего на том же самом месте Джанфранко.

Хемингуэй мчался догонять Адриану, словно безумный. Его пронзала, как острая боль, мысль, – неужели Адриана изменила ему? Гордость не позволяла принять эту мысль!

Он обычно бросал любимых женщин первым, но не они его. Такое оскорбление он не мог перенести от любимого человека. Так вот почему Адриана молчала? Она покинула его. Поэтому она была с ним холодна. У нее есть другой и, конечно же, моложе. Почему он сам не узнал, что у Адрианы появился кавалер? Потому, что и он с ней был холоден. Не поинтересовался ее проблемами. И эта признание вины самим собой немного охладило его. Когда их машина догнала, идущую по шоссе Адриану, Хемингуэй взял себя в руки и внешне был спокоен.

Он не стал выходить из автомобиля, а только приоткрыл дверцу, как два года назад на перекрестке Удино-Латисана и ровным голосом спросил Адриану:

– Ты не хочешь мне доставить удовольствие? – И сразу же пояснил. – Поедем со мной вместе в Кохимар.

Адриана посмотрела, в улыбающееся лицо Хемингуэя, и все поняла, – он специально догнал ее. Наверное, узнал, что она идет на свидание. Но в его лице не было просьбы, в нем была ненависть любви и Адриана, не произнеся ни слова, покорно села на заднее сидение машины и склонила голову. Машина снова рванула вперед. Хуан был классным шофером и очень хорошо понимал Папу – надо сейчас гнать к океану, как можно быстрее. Папа любит море и, может быть, там отойдет, и все снова станет на свои места. Чертова графиня, дьявол ее прислал на голову мисс Мэри и Папы! Шофер, как и вся прислуга, все хорошо видел и понимал.

Все молчали. Хемингуэю нечего было сказать. Он, внутри, кипел, как лава в недрах вулкана, не прорвавшаяся наружу. Адриана затаилась в предчувствии тяжелого разговора. Она, почему-то чувствовала себя виноватой.

Когда они приехали в Кохимар, заморосил мелкий дождь. Хемингуэй указал Хуану, где остановиться, и с Адрианой вышел из машины.

– Папа! – Настороженно спросила Адриана. – Что ты хочешь делать?

– Ничего. Всего лишь посмотреть на океан... Вместе с тобой. – Добавил он.

По маленькой бухте Кохимара стелился редкий туман, который с океана гнал ветер. Продолжал сыпать мелкий дождь. На черных хаотически разбросанных в море и на берегу скалах, нахохлились ястребы. Чайки держались ближе к берегу и противными голосами перекликались друг с другом, прячась в траве высокого берега. Все предвещало большую грозу. Рыбаки сворачивали сушившиеся сети, оттягивали подалеже от океана свои суденышки.

Адриана с тревогой смотрела на будто бы окаменевшего, как скала, Хемингуэя. Он, кажется, даже не моргал, всматриваясь вдаль океана. Адриане было не по себе от его молчания, и ей казалось, что Хемингуэй исполняет какой-то неизвестный ей ритуал. Может, по индейскому обычаю. Он же неоднократно говорил ей, что его предки были индейцами. Наконец он повернул голову в ее сторону, и она увидела его

просветленные глаза.

–Папа, что ты делал?

–Слушал океан. Спасибо тебе, что помогала мне понять его.

–Разве ты его раньше не знал?

–Знал. Я хотел, чтобы и ты его послушала. Ты его слышала?

–Нет. Я его не понимаю.

–Его надо чувствовать, а не понимать. Благодаря океану я стал больше понимать тебя.

–А раньше меня ты не понимал?

–Человек, как океан, до конца не познаваем. Я до сих пор тебя еще не узнал. Я с ним слушал песни, летевшие из Венеции. Но не от тебя.

–Что случилось, Папа? Почему ты так говоришь? Я и сейчас пою, но ты не слышишь.

–Я думал, что мы любим друг друга. Но, видимо, все когда-то заканчивается.

–Не заканчивается! Ты ошибаешься, Папа! Ты меня действительно не знаешь.

Хемингуэй резко обернулся к ней, схватил ее руки и крепко сжал так, что Адриане стало больно.

–У меня никогда не закончится любовь! К тебе! Ты моя последняя любовь. Сладкая и горькая.

–А ты у меня – первая любовь. Горькая и сладкая.

–Почему мы удаляемся друг от друга?

–Так хочешь ты, Папа! Так хотят другие.

Хемингуэй поник головой и отпустил ее руки. В ее словах была горькая правда. Он поднял голову, и она увидела его мокрое лицо. Шел дождь.

–Поедем отсюда туда, где никого нет. Нам не дозволено показывать любовь другим. Они не хотят нашей любви.

–Любить, где никого нет. Поедем, Папа.

Хемингуэй взял ее за руку, и они пошли обратно к машине.

–Хуан! Жди нас в «Террасе»! Вот тебе на пиво.

Хуан послушно вышел из машины, взял деньги и только спросил:

–Сколько вас ждать, Папа?

–Жди, когда вернусь.

Хемингуэй сел за руль машины, и они поехали туда, где никого нет. Вообще-то, Хемингуэй редко водил машину сам, предпочитал шофера. Но сейчас он ехал туда, где не должно быть никого, даже слуги.

Он ехал на пустынный пляж возле Мегано. Темнело. Дождь усиливался, из морозящего, превращался в тропический ливень. Машина въехала на гальку пляжа и остановилась.

–Давай выйдем? – И не ожидая согласия Адрианы, открыл дверцу машины.

Они вышли и оказались под теплым, тропическим душем дождя. Рубашка и брюки Хемингуэя, платье Адрианы сразу

же прилипли к телу, и казалось, срослись с ним.

– Чувствуешь океан?

– Чувствую дождь.

– Дождь соленый. Глотни его капли. Чувствуешь?

– Да. Он же с океана, поэтому соленый.

– Дождь соленый от нашей любви. Кто нам мешает быть вместе? – С горечью произнес или спросил Хемингуэй. Было непонятно по его интонации. – Пусть этот дождь смоеет с нас всю грязь, которой нас забрызгали недобрые люди. С сегодняшнего дня мы будем только вместе. Навсегда!

– Я боюсь нашей любви. От нее всем плохо. Тебе, мне, мисс Мэри и всем, всем, всем...

– Не бойся. С сегодняшнего дня все будет только хорошо.

Он обнял ее и поднял на руки, как всегда сильный и надежный, как медведь. Адриана крепко обвила руками его седую голову и поцеловала в губы.

– Мы очистимся от всего плохого и будем вместе.

Он осторожно, как хрупкое стекло, положил ее на камни пляжа...

Рванула молния, разрезавшая резким электрическим светом ночь пополам. Но ее энергия не могла разорвать сгустившуюся темноту навсегда. Две половинки ночи вновь соединились, и она стала еще гуще. Ветер трепал кроны пальм, срывал листья, хотел пригнуть деревья до земли, может, сломать. Но онигнулись, трещали, но не ломались. Сурово кипел океан, посылая небу свою многовековую мудрость, очи-

щающую мир от скверны и пороков. А потом неожиданно затих огромными плавными волнами. Он не бил о берег свою волну до белой ярости, а лишь мягко накатывал зеленые валы на благодатную кубинскую землю.

А дождь хлестал океан по бугристой спине, в бессильной страсти желания добраться до соли его мудрости. И, наконец, совсем обессилив, утих и дождь. А с ним и ветер.

Только гроза, затаилась в низких облаках...

На следующее утро, несмотря на то, что поздно лег спать, Хемингуэй проснулся бодрым и веселым. Усталости не было, энергия жизни переполняла его. Мэри, зная, что они с Адрианой возвратились на машине поздно ночью, поняла, что ее план в отношении увлечения Адрианы молодым кубинцем провалился. Ее быстрый мозг продумывал ход дальнейших действий. Она была готова немедленно отправить своих гостей назад в Европу. Нужен был только небольшой повод для осуществления этого плана: не обвинения Адрианы и Хемингуэя в прелюбодеянии – это было бы слишком грубо и выглядело бы ее поражением в борьбе за мужа, а что-то постороннее. И она стала усиленно искать повод, продумывая в голове многочисленные варианты. И, в конце концов, пришла к выводу, что можно с гостями поссориться из-за Джанфранко. Он становится невыносим, – каждый день перетаскивает свою постель в новую комнату и там спит. Прислуга на него обижается, жалуется Мэри. Надо об этом сказать Хемингуэю и намекнуть, что гостям пора бы отправляться домой, в Италию.

Хемингуэй с утра поднялся на второй этаж Башни. Следом за ним поднялась Мэри, решившая начать тяжелый разговор с мужем. Но он ее встретил не словами извинения за вчерашнее, долгое отсутствие, а сообщением, заставившим

ее отложить свой разговор на более позднее время.

–Мама! С сегодняшнего дня я берусь за новую книгу!

–Какую? – Насторожилась Мэри.

–Помнишь, я тебе говорил о ней. Философские раздумья старика, прожившего долгую жизнь.

–Помню. Желаю успеха.

И Мэри решила ничего не говорить мужу: о своем унижении, о поведении Джанфранко и, вообще, пока не мешать Хемингуэю в работе.

После завтрака он поднялся в Башню вместе с Адрианой, открыл папку с вырезками из газет и журналов.

–Слушай, дочка, что говорят критики о романе, который написали мы вместе с тобой?

–Папа! Ты же его писал, а не я. – Прижалась к нему легким телом Адриана.

–Да. Но без тебя его бы не было. Значит, ты мой соавтор. Так вот, что пишут о нем проклятые критики.

И Хемингуэй начал читать ей рецензии на роман «За рекой, в тени деревьев». Все подряд! Большинство рецензий, в другое время, Хемингуэй не показал бы никому и никогда. Но, словно бичуя самого себя, он читал: «роман-реминисценция», «неправомерное совмещение публицистики с вымышленным сюжетом», «писатель перепевает самого себя», «роман чувств, но без сюжета», «сюжет условен, банален и старомоден. Сейчас так не пишут», «откровения Кантуэлла не делают чести писателю», «писатель утратил свой талант»,

«щемящая душу элегическая нота личного умирания», «Хемингуэй неудачник и описал свой конец», «Хемингуэй стареет – он болтлив», «типичная старческая любовь эгоиста», «силы для любви нашлись, но их не хватило для книги»... . . .

Хемингуэй читал, а Адриана, выслушав очередную рецензию, сокрушенно возмущалась, и ругала критиков, а потом слушала новую рецензию. Она защищала свой роман темпераментно и горячо, будто критики не Хемингуэю, а ей самой нанесли глубокую рану. И когда Хемингуэй отложил последнюю газетную вырезку, она страстно прокричала:

–Они ничего не поняли! Они просто глупы!

Хемингуэй улыбнулся и снял очки:

–Я ими тоже недоволен. Но они, к моему сожалению, правы.

–Они не могут быть правы, потому что критики – несостоявшиеся писатели.

Хемингуэй громко от всей души рассмеялся.

–А вот это правильно.

–Папа! Неужели ты перед ними сдался?

–Нет! Они пока, просто правы.

Мэри загорала на крыше Башни и слушала их разговор. Она понимала, что у Хемингуэя начинается период творческой лихорадки. Обычно, она не мешала работать Хемингуэю и Адриане, но сейчас ей очень захотелось спуститься к ним и принять участие в закладке фундамента нового творческого здания Хемингуэя. Она же не посторонняя ему. Все-

таки, жена! Ей по семейной должности положено поддерживать мужа во всем! А то получается, что ради какой-то девчонки он готов на все. Даже писать для нее произведения, а она выходит – посторонний свидетель. Обидно! Она управляет мужем полностью, кроме его творчества. Здесь ее место занято другой. Ну что ж, пусть будет так. Она на время смирит свою гордость.

Мэри уже твердо решила не поднимать скандала, по поводу вчерашнего отсутствия Хемингуэя, забыла о провинившемся Джанфранко и сошла вниз. Она стояла в дверях рабочей комнаты Хемингуэя и слышала слова, обращенные к Адриане, но направленные против его недоброжелательных критиков.

–...Я им еще покажу, дочка! Сейчас я сочиню такую вещь, что заткну им их зловонные ямы. Все они проглотят свои слова обратно целиком!

Хемингуэй увидел Мэри и сказал ей так, будто в их отношениях все нормально. А вообще-то, все правильно – Мэри пока не высказала ему своего недовольства ночным отсутствием.

–Мама! Иди сюда и слушай! Я прочитал Адриане все рецензии, которые у меня были на тот роман. Все. Ничего не утаил. И теперь я их выбрасываю в свой ящик... – У Хемингуэя в комнате стояли ящики, в которые он складывал приходящую ему почту – газеты, журналы, письма, книги. Он бросил в один из ящичков папку с рецензиями на роман «За

рекой, в тени деревьев». – Все! О прошлом забыто! – Закричал он радостно. – Приступаем к новому этапу работы. Шампанского по такому поводу! Мэри, скажи, чтобы принесли сюда шампанское.

Мэри выглянула из широкого окна Башни и увидела на аллее Джанфранко.

–Франки! – Крикнула она. – Скажи Анне и Лоле, чтобы принесли сюда шампанского! И сам иди сюда.

Потом она повернулась лицом к Хемингуэю. Оно выражало одновременно радость и подозрительность:

–Эрни! А что ты хочешь писать?

–Совершенно новую вещь, мама! Я тебе уже говорил – пора подвести некоторые итоги своей жизни.

–Это будет философский трактат?

–На чистую философию я не способен. Это будет роман. Может, повесть. А может, просто размышления старого человека о прожитом, сущем, о том, что нас окружает. Точно не знаю. Вот с этой минуты, вот с этого места, на котором сейчас стою, я начинаю продумывать сюжет. Фабула есть. Старый человек борется сам с собой, борется со складывающимися вокруг него неблагоприятными обстоятельствами. И он должен доказать, что он сильнее всяких обстоятельств. Ему в этом помогает океан.

Мэри, совершенно забыв о том, что хотела выгнать гостей из дома, с признательностью посмотрела на Адриану, – сатанинская девка! Почему она может вдохновлять Хемингуэя?

эя, а Мэри, нет! Ну, ладно! Пока не стоит разбираться, кто оказывает большее влияние на его творчество. Главное сейчас – работа Хемингуэя. Мир заждался от него большого и умного произведения. И она обязана сделать для него все, чтобы это произошло. Пусть, даже ценой временной уступки Хемингуэя, итальянской графине. Но, что ж делать? И в который раз говорила себе – она вытерпит все, лишь бы он создал эпохальное произведение. Своим практическим складом ума, она решила некоторые моменты уточнить.

–Я так рада, Эрни, за тебя. От тебя давно весь мир ждет шедевра. Можно сказать, заждался.

–Сейчас должен получиться шедевр. – Ответил Хемингуэй, несколько напыщенно.

–Но, ты милый, не забывай условия нобелевского комитета, – он дает премии за литературу, написанную в идеалистическом плане, без описания жизненных грубостей.

–Я тебе говорил, что пишу не ради премий. Пишу, что считаю нужным. Но чувствую, должно получиться что-то выдающееся. Потому что сейчас, не должно получиться, что-то проходное. Мэри, Адриана – вы мне верите?

Адриана, чувствуя стеснение в присутствии Мэри, тихо улыбнулась:

–Я, всегда верю вам, Папа. – Ответила она коротко.

–Верю, Эрни! – Ободряюще улыбнулась ему Мэри. – Ты сейчас на подъеме. – Она кинула короткий, понимающий взгляд на Адриану. Но, в силу привычки и своего воспита-

ния, не могла не добавить. – Реализуй свой творческий потенциал, пока есть вдохновение. Не теряй времени.

В комнату вошли Джанфранко, с запотевшей со льда бутылкой шампанского и служанка Лола, с подносом бокалов и плодами филиппинского манго.

–Франки! – Распорядился Хемингуэй. – Открывай шампанское и выпьем... А за что мы будем пить?

–За тебя! За твою будущую книгу. – Поспешно предложила Мэри.

–Впервые мы будем пить за книгу, которая не только не написана, но я еще не приступал к работе над ней. Даже названия нет. Такого, кажется, у меня еще не было. Не так ли, Мэри?

–Но ты же ее напишешь? – Упорно продолжала гнуть свою линию Мэри.

–Обязан. Теперь выпьем за книгу, которую я только хочу написать. Лола, а почему ты себе не налила?

–Жарко. – Засмушалась служанка.

Но Хемингуэй не считал зазорным выпить со своими слугами. Недаром, они его ласково зовут – «Папа». Он же их товарищ – только более мудрый и богатый.

Лола вылила себе в бокал остатки шампанского из бутылки. Все подняли бокалы вверх, чокнулись и медленно выпили. Так хотел Хемингуэй.

–Знаете, какая мне пришла мысль?! – Весело закричал он.

–Какая?! – Откликнулись все недружным хором.

–Давайте создадим литературное общество! В него войдут только самые близкие нам люди. Как смотрите на мое предложение? Отвечайте?

–Эрни! Я всегда смотрю с энтузиазмом на то, что тебе необходимо для работы. Если тебе нужно литературное общество, то давай создадим его.

–И немедленно! – Весело подхватил Хемингуэй. Он приказал Лоле. – Лола! Бегом принеси сюда бутылку виски. Надо это дело окропить, как бы сказал наш священник. Да возьми не из холодильника, а из подвала.

–Какое виски? – Уточнила на всякий случай служанка.

–Возьми «Чивас». По такому поводу мы должны распить хорошее виски. И прихвати содовой.

Лола послушно побежала исполнять приказание, а возбужденный Хемингуэй сказал:

–У каждого приличного общества должны быть учредители. Основателем литературного общества буду я. Никто не возражает против моей кандидатуры?

Мэри включилась в игру и решила поправить Хемингуэя. Она понимала, что творческий порыв Хемингуэя необходимо поддерживать всеми силами и способами. Она загнала ревность к Адриане в самый дальний уголок своей души. Когда речь идет о крупном деле, – ревности не место в сердце.

–Если ты будешь единственным учредителем, то это будет не общество, а компания. Один учредитель быть не может. Я предлагаю в соучредители Адриану. Она твой компаньон. –

Мэри стало больно от такого признания, но надо быть благородной до конца. – Адриана сделала тебе обложку прошлого романа. Сейчас она будет рисовать иллюстрации к твоей новой книге. И тоже должна быть основателем нового литературного общества.

Адриана зарделась от такого предложения. Такого благородства от Мэри она не ожидала. Пока серьезного разговора между ними не было, но он должен обязательно состояться. Адриана была в этом уверена. Без серьезного разговора, нельзя поделить мужчину, а женщину – без драки. Но она, пока, не понимала игры Мэри.

–А какое я имею отношение к литературной работе?

–Ты же пишешь стихи, а Папе сделаешь иллюстрации. Вот вы и компаньоны. Остальные не занимаются литературной деятельностью. Значит, вы основатели. – Тонко улыбнулась Мэри.

–Так и Джанфранко написал рассказ и еще что-то напишет?

–Да. Джанфранко. – Произнес Хемингуэй. – Надо как-то выбрать время и переделать твой рассказ. Подойди ко мне в свободное время.

–Не знаю. Будет ли время. – И Джанфранко смущенно признался. – Я женюсь.

Вся компания на какое-то время переключилась на него, обрадованная этим известием.

–Кто избранница? – С суровой веселостью на лице спро-

сил Хемингуэй.

–Кристина Сандоваль. Она богата. – Добавил Джанфранко, как бедный, но красивый жених, достойный своей красотой богатства невесты.

–Известная фамилия. – Улыбалась Мэри. – У них много земли и ферм. Но учти, Франки, влюбленные кубинки неуправляемы. Они не прощают недостатков своим любимым мужчинам. Будь готов ко всему и сразу же подчиняй кубинку себе. Промедлишь – полюбит другого. Понял?

Как в воду смотрела Мэри. Через два года Джанфранко разойдется со своей избранницей. А пока он принимал шуточные поздравления.

–Когда свадьба?

–В марте или апреле. Точно не определили.

Адриана захлопала в ладоши.

–Так мы с мамой можем присутствовать на твоей свадьбе!

Папа, можно у вас побыть до весны?

–Хоть оставайтесь у нас навсегда. – Великодушно развел руками Хемингуэй.

Мэри поняла, что сейчас она должна поддержать мужа:

–Свадьба Джанфранко, судя по его словам, не за горами.

Конечно же, мы все будем на ней присутствовать. Поэтому, Адриана, не торопитесь расставаться с Кубой.

–Спасибо, мисс Мэри. Франки, ты уже сказал об этом маме?

–Еще не успел. Кристина только сегодня утром дала со-

гласие. Несколько часов назад.

–Поэтому, ты и не ночевал дома! – Расхохотался Хемингуэй.

Мэри передернуло от его смеха, – себя не видит в Жан-Франко. Но тот молод и холост, в отличие от Хемингуэя, и она не выдержав, язвительно ввернула:

–Сегодня некоторые тоже спали не всю ночь!

У Хемингуэя смех застрял в горле. Адриана отвернула глаза в окно, под пристальным взглядом Мэри. И взгляд у нее сейчас, не как обычно с улыбкой, а с ненавистью. Но это, наверное, показалось Адриане. В следующее мгновение Мэри улыбалась всем и ей, в частности, и говорила о деле, забыв о Жан-Франко и его будущей свадьбе.

–Так, значит, вы два основателя. А кто еще будет членом литературного общества? – Она продолжила игру, будто ничего такого и не сказала перед этим.

Хемингуэй, прокашлявшись, сказал:

–Прежде всего, ты, Мэри.

–А какое отношение имею я к твоему творчеству? – Запротестовала Мэри, забыв, что рядом стоит его вдохновительница – Адриана. Но сразу же поправилась – нельзя же признаваться, что она ничего не представляет во вдохновении Хемингуэя. – Правда, я твой первый критик, машинистка...

–Не прибедряйся, мама! – Перебил ее, смеющийся Хемингуэй. – Ты еще и редактор и верный друг писателя... –

Неудачно выразился Хемингуэй.

– Ты прав, Эрни. – Перебила его Мэри. – Собака – верный друг человека, я – верный друг писателя. Совершенно справедливая аналогия. – И слезы навернулись на ее глаза – как всегда, она в стороне от его вдохновения. Несправедливо – быть женой, но не быть музой поэта.

Увидев ее слезы, Хемингуэй поспешил исправить ошибку. Раньше из-за неосторожной фразы мог вспыхнуть скандал, сейчас, в присутствии Адрианы и Джанфранко, скандал исключался. Да и Мэри, судя по ее реакции, просто обижалась на него.

– Для меня ты, Мэри, все. Больше, чем можешь представить. Оберегая мой покой, ты даешь мне шанс работать. – Он взглянул на Адриану, которая продолжала смотреть в окно, а не на них. Он был противен сам себе за обман, который совершал на глазах сразу же у двух самых близких ему женщин. И он стал смотреть в угол комнаты, а не на них. – Ты будешь почетным членом литературного общества, Мэри. Согласна?

– А что мне остается делать, как не согласиться. – С кривой улыбкой ответила Мэри. – Хоть почетным членом буду рядом с тобой. Верным другом...

– Джанфранко! – Распоряжался Хемингуэй. – Ты тоже будешь почетным членом общества. Согласен, жених?

– Конечно! Как только устрою все свои дела, я имею в виду свадьбу, сразу же возьмусь за новый рассказ или роман.

– Роман пиши, не разменивайся на пустяки. – Ответил с сомнением Хемингуэй, но Джанфранко не обратил на его пренебрежительную интонацию внимания. – Двое почетных членов есть. Кого еще? Адриана, предлагай?

– Папа! – Решила пошутить Адриана. – Давай включим в общество всех кошек и собак, которые живут на первом этаже Башни. Пусть и от них будет польза.

– Правильно. Они меня вдохновляют на большие дела. – Продолжал смеяться Хемингуэй. – Сколько у меня котов и кошек? Сорок, кажется. Вот уже сорок членов. И Блеки, очень умная собачка. Сорок один, не говорящих, но мяукающих и гавкающих членов общества – мои критики, умеющие говорить невнятно, но противно. Почти, как критики на двух ногах.

– Но это их красивый язык, Папа! – Сказала Адриана.

– Я, конечно, не прав. Их замечательный язык нельзя сравнивать со зловонным языком критиков. Я своих кошек понимаю. Могу с ними разговаривать, а с критиками нет. Значит кошки и собаки члены нашего общества. Кого еще? Предлагайте! – Шумел развеселившийся Хемингуэй.

Вошла Лола с бутылкой и молча поставила поднос с бутылкой «Чиваса» и содовой на стол.

– За новых членов нашего общества надо выпить! Кого же еще ввести в наше литературное общество?

Мэри, взяв толстостенный стакан с виски, ответила:

– У тебя много друзей известных всему миру. Давай и их

введем в состав общества?

–Только великих друзей. Есть у меня две знакомые великие женщины – Марлен Дитрих и Ингрид Бергман. Не возражаете против их кандидатур?

–Пусть и они будут почетными членами. – Милостиво улыбнулась Мэри.

–Ни в коем случае – почетными! Обыкновенными членами. Почетными будут те, кто находится рядом со мной. Согласны?

–Согласны!

–Список членов общества не закрыт для других. А как назовем наше общество. Каждая приличная организация должна иметь красивое название.

Все на минуту притихли, задумавшись, и Адриана вдруг произнесла:

–Наше общество будет находиться здесь, в Башне. Давай назовем общество имени Башни.

–Можно! – Продолжал шуметь Хемингуэй. – Но как-то скучно звучит – общество Башни. Надо добавить какое-то сравнение.

–Общество Белой Башни. – Подсказала Мэри.

–Подходит, мамочка! Значит, тогда выпьем за литературное «Общество Белой Башни». Его аббревиатура звучит очень громко и надежно – ОББ. Решили этот вопрос?

–Решили!

–Тогда выпьем за наше общество, под названием ОББ, где

скоро будет создано великое произведение! Ура! – Окончательно расшалился Хемингуэй.

Все чокнулись и выпили.

–А теперь танцы! – Продолжал кричать Хемингуэй. – Испанские, кубинские! Лола! Напевай!

–Что? – Спросила ошарашенная кухарка.

–Что знаешь! Давай фламенко. Под него страстно танцуются! Джанфранко, приглашай на танец мисс Мэри. Адриана, приглашай меня на белый танец фламенко! Поем! – И Хемингуэй, бережно одной рукой взял за талию Адриану и запел без слов – Та-та-ра-та-та! Все поем и больше драматизма и страстности. Это фламенко, а не фанданго, где нужен темперамент!

Вслед за Хемингуэем все стали невпопад повторять мелодию, которая из-за своей простоты, оказалось сложной.

–Та-та-та-ра-та! – Доносилось из Башни и кошки, жившие на первом этаже, притихли. А коты подняли носы вверх, будто почувствовали запах валерьянки. И вдруг все они невпопад, как и танцующие вверху люди, замяукали и стали выбегать из дверей и разбегаться по саду. А из Башни неслось призывное:

–Ра-ра-та! Ра-ра-та!! – Нестройно раздавались короткие и резкие ритмы танца.

Джанфранко осторожно держал правой рукой миниатюрную Мэри и она, откинув голову назад, полузакрыв глаза, хотела показать Хемингуэю, как ей приятно находиться в объёме

тиях молодого кавалера. Но он ее не видел. А она видела, как Хемингуэй с нежной страстностью склонил Адриану спиной на свою руку и склонился над ней, вроде бы для поцелуя. Но тотчас же резко, в такт фламенко, отпрянул от нее, заставив встать и закружиться... Конечно же, успокоила себя Мэри, никакого поцелуя не было, такие движения положено выполнять во фламенко. Жаль, что ее тело не может так сгибаться... А Лола, удивленно раскрыв глаза, выдавливала из своего горла:

–Ту-та-та! Тр-тр-м!

Запыхавшись, Хемингуэй остановился. Он прижал к себе тяжело дышащую, с блестящими, огромными, черными, как у креолки глазами, Адриану и на мгновение затих, ощущая частый пульс ее сердца. Он чувствовал ее трепет, от сердца до кожи, и ему не хотелось выпускать партнершу по танцу из своих рук.

Но Лола смолкла, и фламенко закончилось. Джанфранко галантно поклонился мисс Мэри. А она, сверкнув улыбкой прокуренных зубов, через силу засмеялась:

–Учредительное собрание членов «Общества Белой Башни» закончилось. Теперь все за работу. Эрни, ты сейчас начнешь писать новую книгу? – На всякий случай, уточнила она.

–Сейчас я доделаю остатки прошлых работ и заодно прикину сюжет новой книги. Я иду к пишущей машинке.

–Что ж, Эрни, надеюсь на тебя. – Улыбнулась Мэри. – Жду твоей новой книги.

Джанфранко сказал Адриане:

– Ты остаешься здесь? – И увидев ее согласие, выразившееся в кивке головы, пояснил. – Я пойду скажу маме, о свадьбе.

– Иди обрадуй маму. – Сказал Хемингуэй. – А мы до обеда будем работать в Башне. Лола, убери виски, чтобы до обеда ничто не мешало нам в работе.

Лола послушно взяла виски и стаканы, поставила их в шкаф. Адриана поднялась на третий этаж, Мэри на крышу, загорать. Хемингуэй остался на втором этаже и подошел к машинке. На несколько секунд он замер над ней, собираясь с мыслями, потом ударил по кнопкам...

Джанфранко пошел к матери в бунгало, в котором она спасалась от жары.

– Мама! – Сказал он ей просто. – Я женюсь.

– О, Франки. Давно надо было тебе принять такое решение. Пора и жениться.

Джанфранко мялся с ноги на ногу, не зная, как подойти к основной части разговора. Потом сел в кресло и сразу же к нему пришла уверенность.

– Мама. Мне нужны деньги для свадьбы.

– Знаю. Будет много расходов. Но у нас есть небольшие сбережения, дадим тебе. – Ответила Дора. – А сколько нужно? – Поинтересовалась она сразу же у сына.

– Точно не знаю. Но говорят надо тысяч десять-пятнадцать.

Дора испуганно взмахнула руками.

–Я думала, хватит пяти тысяч.

–Нет. Здесь любят пышные свадьбы. И невеста моя богата.

Мне неудобно выглядеть на их фоне нищим.

Дора поняла, что необходимо достать деньги, и она стала вслух размышлять.

–У меня немного есть с собой. Еще в Италии осталось немного. Пять тысяч долларов мы как-нибудь наскребем, но десять тысяч... Даже не знаю.

Джанфранко тяжело вздохнул, понимая положение матери. А та поняла, что деньги необходимо найти.

–Я напишу письма нашим родственникам, может, помогут.

–А что-то из фамильных драгоценностей нельзя продать?

–Франки, какие у нас остались драгоценности? – Укоризненно ответила мать. – А оставшиеся драгоценности нельзя продавать, они переходят в нашей семье по наследству. Я их отдам тебе и Ади.

–А если я свою часть продам?

–Сынок, ты же сам знаешь, что они не продаются. Я постараюсь тебе найти деньги на свадьбу.

И графиня Дора Иванчич тяжело вздохнула.

Наступали зимние праздники: День благодарения, который отпраздновали на неделю позже из-за морского похода на «Пилар» к необитаемым островам, а там наступило Рождество и Новый год. На Рождество приехало много гостей, среди которых был знаменитый Гари Купер, сыгравший главную роль в фильме «По ком звонит колокол», с женой. Его сразу же, с весельем, ввели в состав членов «Общества Белой Башни». Приехали два сына Хемингуэя: Патрик с женой, и Грегори с невестой. Невеста не понравилась Хемингуэю. И он имел неосторожность, высказать сыну свое не совсем доброжелательное отношение к будущей невестке. А Грегори в ответ открыто сказал Хемингуэю:

—А вы, отец, у себя под боком тоже держите невесту, отодвинув жену к подальше к стенке.

Грегори имел в виду Адриану. Скрыть свою любовь к Адриане Хемингуэй не смог даже при гостях. Всюду он был вместе с Адрианой, ходил с ней в море и ездил на пляж в Мегано, который его очень манил. В Гаване, в кафе и барах, на бейсбольных матчах, с детским удовольствием гордо представлял Адриану своим гостям, как хорошую знакомую. Грегори все это видел и, зная характер отца по рассказам матери, о многом мог догадаться, многое представить.

—Она моя знакомая... — Попытался вяло защититься Хе-

мингуэй от упрека сына, ощущая правду в его словах. Но Грегори отпарировал так, что у Хемингуэя пропало всякое желание объясняться с сыном.

–Вы, отец, всегда находите себе будущую жену, не бросив предыдущую.

Хемингуэй совсем поник седой головой. В словах сына была голая правда, – действительно, он сходилась со всеми своими новыми женами, не оформив развода со старыми. На этот очевидный факт, раньше Хемингуэй не обращал внимания. Но сейчас слова Грегори поразили его в самое сердце, – неужели такие браки были для него обычной нормой? А он не придавал им значения. А другие заметили. Даже сыновья.

Как только гости после Рождества разъехались, он сказал Адриане:

–Поедем сегодня после обеда в Кохимар. Хочу прокатить тебя на «Пилар» и, может быть, поймает какую-то рыбешку.

Хемингуэй все эти дни, несмотря на присутствие в доме гостей, упорно работал над старыми рукописями, делал наброски новой книги. Никого в первой половине дня он не принимал, объясняя это обычаем своих индейских предков. А во второй половине дня отдыхал. Эта была его система работы.

Они поехали в Кохимар. Сначала сидели в «Террасе», пили текилу и смотрели на спокойное и безмятежное море. А потом, когда Фуэнтес подготовил «Пилар» к выходу в море, пошли на катер. Там Хемингуэй распорядился:

–Грегорине, до вечера тебе выходной. Сиди в «Террасе» и жди нас. Возьми десять песо, угостишь знакомых.

Но Фуэнтес, в ответ на такое хорошее для него предложение, вдруг разволновался:

–Папа, ты хочешь пойти один в море? А вдруг мотор откажет, он у нас старый, или еще какая-то поломка? Что ты будешь делать без меня?

–Справлюсь. А если нет, дам сигнал, и ты быстренько придешь на помощь.

Адриана прошла на корму и, увидев, что ее рядом нет, Фуэнтес зашептал, чуть ли не в ухо Хемингуэю.

–Я что стал тебе мешать, Папа?

–Без тебя я, как без одного глаза. – Ответил Хемингуэй.

–Так почему ты меня выгоняешь с судна?

–Я тебя не выгоняю. Сегодня ты, Грегорине, будешь в команде лишним. Не обижайся.

Но Фуэнтес продолжал беспокоиться за Хемингуэя:

–А если что случится? Шторм. Поломка. Течь... – Снова начал пугать опасностями шкипер.

–Сам видишь, шторма не будет. А всякие поломки – это стихия. Придется просить помощь с берега. Отдыхай сегодня, Грегорине. Выпей за нас.

Тогда верный шкипер предложил ему компромисс, но по-кубински, напрямик:

–Папа, ты же знаешь, что я, когда тебе нужно, ничего не вижу и не слышу. И сегодня, когда будет нужно, я же до-

гадливый, закрою глаза или уйду в машинное отделение. Но только не выходи в море один с женщиной?

—С сегодняшнего дня тебе придется часто сидеть и ждать меня в «Террасе». Привыкай. Она не женщина, а мой ангел-спаситель. Ты это знаешь.

Фуэнтес понял, что сегодня Папу не переубедишь в неправомерности принятого решения. Проклятая графиня! Полностью пленила Папу! Кубинки лучше – они любят мужчин без серьезных для них последствий. Шкипер сокрушенно вздохнул в ответ на последние слова Хемингуэя и, оскорбленный таким недоверием хозяина к преданному другу, молча сошел с катера, отдал швартовы и пошел в «Террасу», где угостил пивом знакомых. Когда его спросили, почему он не на катере с Хемингуэем, он как истинный кубинец, всегда готовый к художественному вымыслу, ответил:

—Папа сегодня хочет поймать русалку, а меня оставил на берегу купить гребень, чтобы расчесывать ей волосы. Есть и такая рыба в Гольфстриме. – Добавлял он и с обидой пил пиво.

Более крепкого, он не мог себе позволить – вдруг Папе потребуется помощь. Он любил своего хозяина, понимал, что сегодня не нужен на катере, но все равно ему было обидно, что женщина оттеснила его с моря на сушу.

Хемингуэй и Адриана стояли на рулевом мостике. Курс сразу же был взят в открытое море, к краю Гольфстрима – аорте океана, начинающейся в его сердце – Кубы, дающего

тепло холодным морям и землям, всему живому и их чувствам.

Куда они шли, Адриана не знала. Но чувствовала, что Папа остался с ней на катере не ради пустого разговора. Хемингуэй крепко держал горизонтальный штурвал и пристально вглядывался в лазурную гладь океана, недостижимую дымку горизонта. Он принял серьезное решение и сейчас собирался с духом, чтобы его претворить в жизнь. Хотя, как понимать жизнь? Может после этого не будет жизни, а только маета. Но надо было что-то решать. Он заглушил мотор и «Пилар» легла в дрейф.

– Пойдем вниз. – Сказал он Адриане.

Он первым спустился по вертикальному трапу с мостика на палубу и помог спуститься Адриане.

– Мы будем здесь рыбачить? – С выжидательной улыбкой спросила Адриана.

– Да. – Ответил Хемингуэй, хотя хотел сказать: «К черту сегодня проклятую рыбалку!» – Давай попробуем на спиннинг. Но вряд ли, что сегодня пойдет на крючок. Только после нового года рыба начнет подходить к берегу.

– Папа, ты чем-то встревожен. Может, не будем сегодня рыбачить, а посидим и послушаем океан. Посмотрим, как в нем рыба живет?

– Ты права, девочка. Давай послушаем океан, что он нам скажет. Он мудрый.

Они сели в брезентовые кресла, с которых, он сидя ловил

агуху. В бирюзовом зеркале океана играло солнце. Его блики, переламываясь, уходили в глубину и, достигнув непроницаемой толщи воды, отражались обратно, расцветившая поверхность океана цветными, переливающимися красками. Океан, словно, застыл в монолитном сознании временного покоя и постоянной силы. Даже слабое дуновение ветерка не могло поморщить его мощное тело. Океан отдыхал, и никто не мог нарушить его покой, иначе можно увидеть и ощутить на себе его стихийную силу. Сегодня природа установила равновесие в своих неразрывных составных частях и непостоянством людей.

Это чувствовала Адриана, но все же решила разрушить созерцательную тишину:

–Папа! Чувствуешь умиротворение моря?

–Да. Все здесь без дна. Одна бесконечность. Здесь – все вечно. Не как у людей.

Хемингуэй замолк и поник седой головой от собственного бессилия – он же хочет принять важное решение. Быстрее бы!? Но Адриана меланхолически произнесла вслед за ним:

–Вечно. От звезд, до Бермудской впадины. Когда мы сможем добраться до звезд и опуститься на дно?

–Не надо звезд, не надо дна. Был бы бесконечным океан и неиссякаемой его река, – Гольфстрим. Говорят, в Ледовитом океане он становится водопадом, уходит под воду и пропадает. А жаль! На поверхности океана он красивее. Вглядишься в Гольфстрим. Видишь, как он красив? Нам не хвата-

ет земной красоты. Вернее, мы не успеваем ее рассмотреть. Красоту так часто ломают бури, заливают наводнения, разрушают землетрясения, портит человек, что мы не успеваем ею насладиться. Хорошо, если ее кусочек останется в твоей душе. Счастье, когда можешь прикоснуться к собственному счастью. И к красоте, как к кусочку собственного счастья. А если нет – то водопад... Счастлив тот, кто не мешает чужому счастью. Красота – в уединении души.

–Красота, Папа, везде. Надо уметь ее видеть.

–Я разучился ее видеть вокруг себя. Вижу только недостатки красоты.

–Красота с недостатками... А может, так и должно быть. Красота без недостатков перестает быть красотой. Ты, Папа, как всегда прав. Это бездушный эталон.

–К сожалению, чем я дольше живу, тем чаще бываю правым. – Он хрипло засмеялся. – Запомни, девочка, нет более тяжелой ноши для человека, чем всегда быть правым и правильным. Ассиметрия души и жизни должна существовать, хотя бы для того, чтобы чувствовать боль от радости. А то мы ощущаем чаще всего радость от боли. От чужой боли. – Уточнил Хемингуэй.

–Папа! Когда ты говоришь заумно, мне становится страшно. Давай просто смотреть на океан.

–Правильно, девочка! Давай смотреть просто, без всяких мыслей. Только так можно увидеть красоту. Не осмысливая ее. Но пока ты посмотри на океан без меня, а я схожу в куб-

рик и принесу бутылку рома. Хочешь очутиться на палубе пиратского брига и увидеть настоящего карибского пирата.

–Хочу оказаться на ветхой палубе брига, пить ямайский ром и любить пирата-романтика!

–Через минуту ты увидишь настоящего кубинского пирата.

Хемингуэй спустился в кубрик, а Адриана с интересом ждала его появления обратно. И вот появился он – пират-Хемингуэй. Он успел снять рубашку и остался в одних шортах. Видимо, копотью от примуса на кухне, он провел пятерней по своему лицу и груди – будто пороховая пыль въелась в его тело. Левый глаз был завязан грязным полотенцем. Правой рукой, вместо сабли, размахивал пузатой бутылкой рома, а в левой, вместо кинжала, держал две алюминиевые кружки. Адриана от радости засмеялась и захлопала в ладоши:

–Браво, капитан Блад! Браво!

Услышав ее смех, Хемингуэй скривил страшное и ужасное лицо с одним огромным глазом, под припухшим веком, и зарычал:

–Я не Блад! Я страшнее – Черная борода!

–Папа, у тебя нет сейчас бороды! Будь не страшным, а благородным пиратом.

Но он словно не слышал ее:

–Ты моя пленница и я за тебя возьму хороший выкуп! Что ты мне можешь дать?

–Что ты хочешь!

– Я хочу тебя всю. – Сменив грозный рык, неожиданно тихо и серьезно, произнес Хемингуэй. – Ты будешь моей пленницей на всю оставшуюся жизнь!

– Я и так твоя пленница. – Попробовала пошутить Адриана, почувствовав непонятную пока ей серьезность его слов.

Но Хемингуэй медленно приближал к ней свое лицо, с одним глазом и от его пронзительности Адриане стало холодно под жарким тропическим солнцем.

– Я тебя сегодня забираю к себе, навсегда. – Он стянул полотенце с глаза и вытер им грязное лицо. – Как добычу пирата. Веришь?

– Верю, Папа! – Тихо ответила, ничего не понимающая, Адриана. – А во что верить? – Переспросила она.

– В меня. Я хочу, чтобы ты всегда была рядом со мной.

Он склонился перед ней и поцеловал ее колени.

– Моя пленница, на всю жизнь. Я твой пленник. Девочка, я, может быть, говорю невнятно, но я хочу, чтобы мы были всегда вместе. До конца моей жизни. – Уточнил Хемингуэй.

Вот и настал момент серьезного разговора. Адриана это поняла. Но, как он не решителен и робок! Как влюбленный юноша, а не лев, разбивший и покоривший сердца многих известных женщин. Она положила руки на его умную голову и погладила седые волосы.

– Папа! Я всегда с тобою рядом. Неужели, ты хочешь большего? Моим владыкой.

– Хочу. Я всегда хочу, чего-то большего. Я хочу, чтобы ты

стала моей женой.

У Адрианы навернулись на глаза слезы. Она не знала, что ей делать – плакать или смеяться. Радостная боль заполонила ее грудь. Она ждала этого предложения и боялась его.

–Папа! – Она отняла от его головы руки и вытерла слезы. – Папа!! – Отчаянно закричала она. – Я люблю тебя и так! Больше, чем тебя любили другие... – Закончила она тихо.

–Ты согласна?

–Не знаю. Я боюсь.

–Не бойся, дочка. Жизнь – страх, который никогда не преодолеешь. Его можно только на время забыть. – Он снова хрипло засмеялся. – Давай преодолеем этот страх. Видишь, пиратский ром. Настоящий ямайский колониальный ром, который пили пираты. Выпьем, и страх уйдет от нас.

–Делай, что хочешь, Папа.

Хемингуэй поставил кружки на палубу, открыл бутылку и налил в них ром. Потом одну кружку протянул Адриане, вторую взял сам:

–Стукнемся так, чтобы они не звенели. По-пиратски. Они, близко подобравшись к врагу, перед решающим броском, пили ром. Так тихо чокались, чтобы не было слышно их. Я пират, готовый к решающему броску. – Он ладонью сверху взял кружку, показывая Адриане, как надо брать металлическую посуду, чтобы она не звенела. – Не надо, чтобы нас слышал океан. Только мы должны чувствовать его дыхание и нашу любовь, как пираты последний глоток рома пе-

ред боем.

Он протянул свою кружку к ее, и металл откликнулся глухим стоном. Так почудилось Адриане. А может, так ответил океан на их любовь – бессильным стоном. Хемингуэй залпом выпил кружку, а Адриана мелкими глотками пила сладкую, пахучую и ужасно крепкую жидкость. У нее снова выступили слезы, но уже от нестерпимой горечи во рту, удавкой сдавившей горло.

–Ты плачешь? – Участливо спросил Хемингуэй.

–Да. – Теперь прохрипела она. – Дышать не могу...

–Я сейчас принесу минеральной...

–Не надо. Сейчас пройдет. Пусть все будет, как у пиратов.

Ну, вот, видишь, Папа, я отдышалась, а голова закружилась. Что это за любовное зелье?

–Ром. Ямайский, колониальный. Самый крепкий из всех ромов. Его любили пираты, так же крепко, как я люблю тебя.

В голове у Адрианы все кружилось

«Быстро и сильно действует ром». – Подумала она, и попросила Хемингуэя:

–Обними меня, мой пират, и поцелуй. И пока ничего не говори.

Хемингуэй обнял ее обмякшее тело своими медвежьими лапами, поцеловал в глаза, поднял и понес на корму.

–Папа, ты меня хочешь утопить?

–Я тебя утоплю в своей любви...

...Обнаженная Адриана лежала под жаркими лучами по-

слеполуденного кубинского солнца и слушала песнь океана. Кажется, она подпевала ему. А где-то рядом звучала хрип-лая мелодия Хемингуэя. Голова кружилась от крепкого ро-ма любви, и ей не хотелось двигаться. Рядом лежал Хемин-гуэй, и его рука покоилась на ее груди. Рука была тяжелой, но родной и от того казалась легкой.

– Девочка, моя... – Прошептал он.

– Тихо. Не говори ничего. Слушай океан и нас...

И Хемингуэй послушно замолк. Солнце клонилось к го-ризонту, а они все лежали под его нежными лучами. Океан, ветром покрыла вечерняя, мелкая рябь. Но песнь продолжа-лась. А они жаждали новой любви...

– Отвернись, я оденусь. – Смущенно попросила Адриана.

– Теперь я на тебя буду смотреть всегда. Любовь и нагота – жизнь и искусство. Ты – мое искусство. – Он приподнял голову и поцеловал ее грудь. – Ты достойна позировать сво-им великим венецианцам. Соблазненная пиратом Венера, с привкусом рома любви...

Темнело, когда «Пилар» подошла к причалу Кохимары. Фуэнтес, увидел катер из окна «Террасы» и поспешил на пристань. Хемингуэй счастливо улыбался, а Адриана – сму-щенно. Фуэнтес закрепил тросы и спросил:

– Мотор не барахлил.

– Нет, Грегорине. У моего судна сердце в порядке.

– Рыбалка была успешной?

– Да. В океане плавает море рыбы. Но мы решили ее не

ловить сегодня, пусть подрастет. Осмотри катер, а мы поехали домой.

–Папа! А я все песо пропил с друзьями... – Почему-то совсем постороннее сообщил Фуэнтес.

Хемингуэй помог Адриане сойти с катера и повернулся к шкиперу:

–На еще десять песо. Выпей за сегодняшнюю рыбалку. Она была удачной.

–Вижу. Не без глаз.

Хемингуэй вздохнул и тихо произнес, чтобы не слышала, стоящая недалеко от них Адриана:

–Если бы не она, Грегорине, нам с тобой было бы плохо.

Они пошли с причала. Сегодня, как они договорились с Адрианой, она скажет матери о его предложении. А Мэри, пока, говорить не будут – надо точно знать, что делать дальше.

А Фуэнтес, угощая пивом рыбаков, рассказывал:

–Русалка оказалось, что надо! Костяной гребень поломал на ее волосах. Папа дал мне еще денег, чтобы завтра купил деревянный. Где найти такой гребень? – Деланно сокрушался он, пропивая и эти песо. Но для этого их и дал ему Хемингуэй.

Когда Адриана сказала матери, что они с Хемингуэем хотят пожениться, то Дора вначале, вроде бы, испугалась. Словно забыла, что говорила об этом дочери ранее.

– Дочка, он же стар для тебя!

– Знаю, мама. Но, что делать?

– Да, он – Хемингуэй. Может все позволить себе. Я бы хотела, чтобы все было по чести, и вы обвенчались в церкви.

– Конечно, в церкви.

– Так положено. Но второй раз церковь не венчает. А он уже венчался в церкви и не раз. Я не могу дать тебе разрешение без венчания в церкви.

– Я сама, мама, еще не решила, что делать. Я его люблю и боюсь за него. Не будет ли ему плохо?

– Давай, подумаем, Ади...

Доре очень хотелось, чтобы Адриана в своей жизни встретила достойного человека. В это понятие она вкладывала свое содержание – богатого. Адриана красива и умна – без сомнения. Все это отмечают. Хемингуэй известен и богат – всем известно. Конечно, он был бы достойным партнером Адриане. Но Дору смущало в любви Адрианы два обстоятельства. Хемингуэй был уже четырежды женат, и немноговато ли ему жениться на Адриане в пятый раз. Что скажут окружающие? Церковь не одобряет свадебные метания при-

хожан. А Дора была ревностной католичкой, и ей хотелось, чтобы брак Адрианы был освящен церковью. А такое она может сделать только один раз. Правда, исключения и здесь бывают. И второе обстоятельство – возраст Хемингуэя. Выходить замуж за мужчину, годящегося в отцы, некрасиво со всех сторон. Но и здесь можно найти оправдания. Старой графине Иванчич и хотелось такого брака, и одновременно она колебалась. И свалились же на нее сразу же два предполагаемых брака – сына и дочери. А где взять на все денег? Но все-таки она была не против брака дочери с писателем. Но по закону.

Утром Хемингуэй не пошел на завтрак, а, схватив бутерброд, поднялся на Башню. Он решил приступить к новой книге. В эти дни декабря он закончил книгу о море, к которой не притрагивался с сорок седьмого года. Четыре года она продумывал концовку романа, и вот, наконец, он готов. Но с ним еще много работы и опубликует «Острова в океане» после его смерти – Мэри.

Он решительно подошел к машинке, стоящей на полке у стены. Печатал, как всегда, стоя, и его пальцы забегали по клавиатуре. Появилось первое предложение.

«Этот старик, рыбачивший в одиночку на своем челне в Гольфстриме, вот уже восемьдесят четыре дня возвращался домой с пустыми руками».

Почему восемьдесят четыре дня? Хемингуэй задумался. Двенадцать недель – критический срок в афро-кубинском

культе лукумми. Их божество Очун, что-то типа святой девы в католичестве, за это время успевает нагрешить и вновь стать непорочным. Таков цикл обновления природы – размышлял Хемингуэй. Видимо, не зря этой деве нужно двенадцать недель для одной жизни – три лунных месяца. Потом наступает следующая жизнь. Не этап жизни, а именно новая жизнь. Это предельный срок для неудач моего героя. Он кубинец. У него свое течение времени, не зависящее от цивилизации, а подчиненное вечному движению Гольфстрима. Что ж, пусть неудачи преследуют его только восемьдесят четыре дня, а следом ему должно улыбнуться счастье. А оно улыбается тем, кто очень сильно желает найти его. Старик желает себе счастья.

Он вздрогнул от неожиданного появления в комнате другого человека. Как он не мог заметить, что вошла Адриана?

– Доброе утро, Папа. – Со смущенной улыбкой, приветствовала она его.

– Доброе утро, девочка. – Ответил Хемингуэй, целуя ее. – Я приступил к новой книге. Ты сказала своей матери о нашем решении? И что ответила она?

Адриана склонилась над печатной машинкой, читая текст, чтобы оттянуть время ответа. Но Хемингуэй повторил свой вопрос:

– Ты сказала графине о нашем решении?

– Да. Но она отнеслась прохладно к нашему решению.

– Почему?

–Тебе, Папа, больше нельзя венчаться в церкви. А для нее это очень важно. Без святого благословения она не даст разрешения на брак. И потом... – Адриана думала, как ей это сказать, чтобы не обидеть Хемингуэя. – Разница в возрасте ее смущает...

–Проклятая цивилизация! – Взорвался Хемингуэй, энергично размахивая руками, пробежал по комнате из угла в угол. – Дьявольские условности! Умные люди давно не верят вашему римскому папе! Они верят только в себя. – Он вдруг остановился, и устало опустился в кресло. – Мой возраст! – Вырвалось у него, как стон. – Я доказал себе, что все могу преодолеть, только со старостью мне не под силу справиться.

–Успокойся, Папа. Ты молод. – Адриана поправилась. – Для меня ты всегда молод.

–Рядом с тобой я тоже молод. Я сравниваю себя с тобой, и невольно в голову лезут воспоминания, что я делал в двадцать лет? Каким был? Все помню, даже как родился. Память осталась молодой, а мир постарел вместе со мной. Понимаешь, дочка, нет ничего страшнее для человека, чем сравнение себя с прошлым. И это сравнение не в пользу настоящего. Когда начинаешь вспоминать себя юным, знай, что ты уже старик.

–Папа! – Укоризненно произнесла Адриана. – Рядом с тобой я чувствую себя умной. Мне хочется сравниться с тобой по уму и опыту жизни, переболеть твоими болезнями, одерживать победы. Я хочу повториться в тебе. Поэтому нам с

тобой, когда мы вдвоем, всегда одинаково лет. Я люблю тебя, какой ты есть! Даже больше!

–Спасибо, моя девочка на добром слове. Но, что мне сейчас делать? Как быть? Я хотел все сказать Мэри. Честно, чтобы она не считала меня подлецом. – И Хемингуэй почувствовал, что фальшивит. Определенность их отношений сейчас его пугала больше, чем неопределенность.

–Мама не сказала «нет» нашему браку. Поэтому давай пождем с окончательным решением. И пока ничего не говори мисс Мэри. Она так любит тебя и переживает вместе с тобой все твои радости и неудачи.

–Она знает, для чего ей нужны мои переживания и неудачи. – Туманно произнес Хемингуэй.

Адриана выглянула из окна.

–Ой! Идет мисс Мэри. Я побегу к себе на этаж. А ты ей не говори ничего. – Она торопливо поцеловала Хемингуэя в щеку и, как нашкодившая кошка, чувствующая свою вину, поспешила скрыться за дверью.

Хемингуэй продолжал сидеть в тростниковом кресле, когда вошла Мэри. Она подозрительно смотрела на него. Было отчего. Она ожидала от него подвоха для своей личной жизни каждый день. Сегодня утром он избежал встречи с ней, сейчас ему надо было найти оправдание за вчерашнее отсутствие целый день.

–Доброе утро, Эрни! – Как совсем недавно Адриана, произнесла приветствие Мэри. – Ты не был на завтраке, и я по-

няля, что ты с энтузиазмом продолжаешь работать.

–Нет, Мэри, не продолжаю.

У Мэри тонкие подбритые брови от удивления полезли вверх. А Хемингуэй продолжал говорить.

–Я начал новую работу.

–Правда! – Радостно воскликнула Мэри, забыв о внутренней тревоге. – Какой ты у меня молодец, какой умничка! Это то, что ты говорил – о философствовании или что-то другое? – Настороженно уточнила она.

–И то, и другое. Это будут размышления пожилого человека о жизни. Как ты говоришь, философствование. Но будет и сюжет – борьба человека с рыбой. Видишь, сначала читаю Вергилия, потом печатаю свое. Какой был умный человек Вергилий, не то, что я.

–Прекрасно! Читай Вергилия и еще кого нужно. – Мэри искренне была рада, что Хемингуэй приступил к совершенно новой работе. – Можно я взгляну, что ты уже напечатал? – Она подошла к полке с машинкой и прочитала единственную фразу, а потом сказала. – Начало хорошее. – И как журналистка и редактор, спросила. – А может быть надо написать, не с «пустыми руками», а «без улова», например. Так будет точнее. Он же рыбацк.

Хемингуэй мысленно поблагодарил Мэри за то, что она сразу же пытается улучшить его первое предложение будущего произведения, но решил не соглашаться с ней.

–Посмотрю. Но «без улова» мне, кажется, будет узко. Мы

говорим о философской книге. «С пустыми руками» объемнее. Читатель может понять так, что от него отвернулось не только рыбацкое счастье. Но и угасает жизнь. Он же старик... – Закончил Хемингуэй совсем тихо. Ему вдруг показалось, что это он сам остался в конце жизни, с пустыми руками.

Мэри тонко уловила перемену в его настроении:

– Не буду спорить насчет первого предложения. Потом будет видно, как лучше. Эрни! С высот своей, уже долгой жизни, ты должен показать, как я поняла, нелегкую жизнь старика. Старайся показать ее идеалистичнее, как требует нобелевский комитет...

– Я ее напишу, как умею. – Нахмурился Хемингуэй.

– Конечно же, пиши, как хочешь. – Поспешно согласилась с ним Мэри. – Я пойду на крышу загорать, пока еще не взошло высоко солнце. Может, распорядиться, чтобы тебе принесли сюда завтрак? – Как мать, заботливо спросила Мэри.

– Я уже перекусил. – Он встал и пошел к машинке, а Мэри вышла из его комнаты.

Хемингуэй остановился перед машинкой. Он же хотел сегодня сказать Мэри о их скором расставании? Не откладывая это дело в долгий ящик и вопреки договоренности с Адрианой. Как он забыл об этом сейчас? Увлекла его Мэри разговором о новой книге, и он забыл о главном. Впрочем, Адриана только что просила его пока не сообщать ничего о них Мэри. Он успеет еще ей все сказать. Успокоил свою совесть

Хемингуэй, одновременно ругая себя за нерешительность и даже, непривычную ему, растерянность.

Адриана сидела на третьем этаже Башни и делала рисунки к книге Хемингуэя. Это были морские пейзажи, навеянные содержанием книги о море, которую Хемингуэй отложил в сторону до лучших времен. Так он называл доработку книг. Работа не шла. Адриана думала, как ей быть дальше. Она не могла представить себе, будущую совместную жизнь с Хемингуэем. Сейчас она для него вдохновение. А что будет позже? А дальше Адриана не видела никаких перспектив. Конечно, перспектива стать женой Хемингуэя сама по себе значительная. Но, а дальше? И от этого мучительного – дальше, раскалывалась голова, не предлагая никаких вариантов. Сможет ли она своей любовью поддерживать вдохновение Хемингуэя долгое время, хватит ли у нее на это сил? Снова ответа не было. Она знала, что любит Папу, но чувствовала, что эта любовь может выбить его из привычного ритма жизни и не принесет ему пользы. Все-таки его возраст даст о себе знать. Он человек со сложившимися привычками и представлениями, и ломать их в пятидесятилетнем возрасте сложно и опасно. Так можно разрушить не только привычную жизнь, но и личность.

«Любовь и обстоятельства». – Горько усмехнулась сама себе Адриана. Лучше не думать о соединении двух страстей в одну любовь. Пусть будет все, как есть. Две страсти в одном времени, в разных пространствах...

Работа не шла, и она решила спуститься в комнату Хемингуэя. Может он ей подскажет, что следует нарисовать. Время шло к обеду, вскоре заканчивался дневной этап их литературной работы. После обеда, обычно следовал отдых. Но, может, сегодня они снова куда-нибудь поедут?

Адриана спустилась на второй этаж и через застекленное окно в двери увидела Хемингуэя. Он бил пальцем по клавиатуре пишущей машинки. Вот он задумался, опустил голову, почти на машинку, поднял ее и снова набрал слово. Потом отошел от полки с машинкой и прошелся по комнате, задумчиво поглаживая ладонью свой подбородок. Снова подошел к машинке и, кажется, напечатал строчку. Опять задумался, прошелся по комнате и снова к машинке...

«И сколько же он проходит километров, прежде, чем найдет нужное слово или выражение?» – С нежным состраданием подумала Адриана. Как он мучается над каждым словом? Никто сейчас этого не видит, кроме нее. Его надо жалеть, нянчить, потакать его желаниям, лишь бы писал. А она его только любит, но сможет ли, как Мэри, создать ему условия для работы? Она следила, как он пишет начало нового произведения. Станет ли оно великим произведением? Несомненно! Она вдохновила Папу на эту книгу. И чувство нежной гордости за великого человека, охватило ее. Адриана решила не заходить в его комнату и не мешать ему в работе. Пусть пишет, пока течет мысль и работает рука. И снова любовь к нему поднялась теплой волной в груди Адрианы.

Снизу слышались торопливые шаги, и она увидела, поднимающегося вверх по лестнице, Рене Вильяреала. Он работал у Хемингуэя и выполнял обязанности управляющего по дому. Хотя обязанностей у него достаточно было и других. С детства, служивший у Хемингуэя, Рене пользовался полным доверием своего хозяина. Впрочем, как и другие слуги. Иных слуг Хемингуэй просто не держал. Оставались самые верные. Адриана хотела уйти, но Рене обратился к ней.

–Сеньора графиня. – Вежливо спросил он Адриану. – Вы к Папе?

Рене все видел и знал, что происходит в доме. Его преданность Хемингуэю не знала границ. Адриана, застигнутая врасплох этим вопросом, пробормотала:

–Я хотела войти, но он работает...

–Заходите. Он уже заканчивает работу. Видите? – И Рене показал бутылку виски «Чивас». Она запомнила по прошлому разу эту марку виски. – Папа попросил ее принести. Значит, на сегодня работа закончилась.

«Все логично. – Подумала Адриана. – Наверное, у него начало пошло хорошо и он хочет отметить это событие. Конечно, он бы пригласил и меня. Но, кажется, он такую же бутылку оставил у себя в шкафу. Неужели выпил?»

Они вошли в комнату, и Хемингуэй, оторвавшись от листа бумаги, на котором что-то записывал, возбужденно произнес:

–Рене! Знаешь, сколько слов я сегодня написал?

– Не знаю. Но вижу, что много. – И он улыбнулся радостной улыбкой. Когда хорошо Папе, то и ему хорошо, и всем хорошо.

– Открывай «Чивас». Он заслуживает того, чтобы его сегодня выпили. Тысяча девяносто слов стоят «Чиваса»! – Гремел его победный голос.

Обычная норма у Хемингуэя была пятьсот слов. Это знали слуги. И знали, что он каждый день, заканчивая работу, подсчитывал количество слов, напечатанных за день. Сегодня он вдвое превзошел себя.

– Наливай всем!

– Пригласить мисс Мэри? – Спросил Рене.

– Пока не надо. Она пусть радуется за меня, без меня.

Рене налил в стаканы виски, разбавив их минеральной водой. Ее Хемингуэй предпочитал содовой, правда, когда только начинал выпивать. Потом шла содовая.

– Ну, Рене, я сегодня совершил подвиг! Моя книга продвинулась вдвое быстрее, чем бы это было в обычные дни. И знаешь, кто всему виной?

Рене знал, но ответил наоборот:

– Не знаю, Папа.

Адриана поняла, что разговор пойдет о ней, и смущенно запротестовала:

– Давайте выпьем. А то у меня после вчерашнего рома, до сих пор голова кружится.

Хемингуэй пристально посмотрел на нее и улыбнулся:

– Все правильно Голова должна болеть от работы или любви. Ром, девочка, у тебя давно прошел. Осталось другое... – Он не стал уточнять, что осталось. – Рене! Взгляни на меня! Я самый счастливый человек на свете! Не спорьте со мной! Взгляни на нее, Рене! И ты поймешь, почему я самый счастливый человек. Понял?

– Да. – Понимающе улыбнулся Рене.

– Сегодня я начал грандиозную вещь. Уверен, что она у меня получится. Кто рожден быть головой, тому шляпа с неба падает! – Вспомнил он свою любимую поговорку. – А теперь выпьем, за новую книгу!

Все выпили и Хемингуэй, с громким стуком поставив стакан на стол, подошел к полке и взял боксерские перчатки. Одну пару он бросил Рене, который ловко их поймал.

– Одевай! – Распорядился он и стал натягивать другую пару перчаток на свои руки. – Вспомню молодость, как побеждал боксеров-любителей Багам и Флориды. Так будет сейчас и с тобой, Рене!

Рене, с понимающей улыбкой, натягивал перчатки. Он был моложе Папы почти на тридцать лет и готов был уступить сейчас Хемингуэю матч.

Адриана увидела снисходительную улыбку Рене и встала между ними, посередине комнаты, замахав руками.

– Не надо! Пожалуйста! Я не люблю этого спорта! Это не спорт! Прошу тебя, Папа, прекрати.

Хемингуэй нахмурился, улыбка сбежала с его губ, и он

сказал:

– Не повезло тебе, Рене, быть побитым мною. А я сейчас в силе! С любым справлюсь. Как это важно. И кто в меня вдохнул силы? – Снова о самом главном заговорил Хемингуэй. – Адриана. Не каждая это может! Я пишу новую книгу. Давно такого не было. Я снова все могу! И все благодаря ей. Девочка, я тебе буду благодарен весь остаток своей жизни.

Он бросил боксерские перчатки обратно на полку и сел в кресло. Адриана, сзади подошла к нему и мягко положила руки на его широкие плечи.

– Папа! Сколько раз я просила тебя не говорить так. Ты молод, красив, силен. Ты самый лучший на планете из всех людей и проживешь еще очень долго. Ты самый лучший боксер из всех писателей. Понял? – Пошутила она.

Хемингуэю было приятно слушать ее слова и ощущать легкое прикосновение рук. Он смотрел на Рене Вильяреала, глазами победителя. Но это был не восторженные глаза юного триумфатора, а лучистый взгляд опытного бойца, наконец-то, одержавшего, так давно ожидаемую победу. И она пришла, в образе юной девушки-родника, иссушенному жаждой путнику, на поздней тропе жизни.

– Всем я обязан только тебе. – Тихо произнес он и щекой потерся о ее руку. – Как я буду без тебя? – Еще тише произнес, будто не помнил вчерашнего разговора.

– Папа! – Обратился к нему Рене. – А я сегодня хотел уйти с разбитым носом.

– Успеется. – Засмеялся Хемингуэй. – Знаешь такое. Парень был, так не счастлив, что, падая на спину, всегда умудрялся разбить себе нос. Но ты счастлив сейчас и будешь, счастлив еще долго.

Кажется, Хемингуэй завидовал его молодости. И это у него начало проявляться недавно, отметил про себя Рене.

Отворилась дверь и вошла Мэри. Адриана испуганно отскочила от Хемингуэя. Мэри вопросительно оглядела всех, но не задала вопрос, как обычно, а сказала:

– Услышала у тебя шум, думаю, кто-то пришел. Решила зайти.

– Вовремя, мамочка. – Спокойно ответил ей Хемингуэй. – Проверь, что я сделал.

Мэри взяла две страницы текста, лежащие рядом с машинкой и взглянула на них. Но она не стала их читать сейчас же, – надо всем уделить внимание. Положила их на место у машинки и произнесла:

– Поздравляю. Лед Гольфстрима тронулся, новая книга начала свой отчет для истории. Поздравляю. – Повторила она с улыбкой. Мэри видела, как ее мужа обнимала Адриана и притом в присутствии слуги. Ей это не нравилось, но не делать же им замечание прямо сейчас.

– Принимаю поздравление. Тысячи слов стоят твоего поздравления.

– Неужели тысяча слов? – Впервые задала вопрос Мэри и то удивленным тоном.

– Не поверишь, мамочка. Но работал, как в молодости, когда не было денег, и я мечтал о них. А заработать хотел только своими книгами. Так я сегодня работал.

– Еще раз поздравляю, Эрни. Не сбейся только с темпа.

– Уже не собьюсь! – Чуть ли не радостно прокричал Хемингуэй, и это не укрылось от Мэри. У нее все внутри сжалось. Она видела, как радость Хемингуэя проходила сквозь нее, к другому человеку, вернее другой. Как обидно все это чувствовать! – А теперь в бассейн! Рене, захвати виски! В бассейне выпьем. Идем с нами, мама! – Пригласил он ее, как постороннюю.

И Мэри, бодро улыбнувшись Хемингуэю, ответила:

– Идем! После загара купание необходимо.

Бассейн, в окружении великанов-эвкалиптов, казался небольшим. Все весело плюхнулись в его прохладную воду. Да, всем было весело от того, что Хемингуэй приступил к новой работе. Как всегда, названия еще не было. Но оно придет. Как всегда, – красивое и непонятное. В неконкретности названия больше притягательного смысла. А может, название книги будет кратким и конкретным? Но об этом говорить еще рано.

На воде плавали деревянные подносы с дырками и в них были вставлены бутылки и стаканы с напитками. Удобно придумал Папа, – не выходя из воды, пей, что душа пожелает!

На новый год Хемингуэй выписал настоящую елку из Соединенных Штатов. Решили, что вместо игрушек на ней будут висеть дорогие лимоны из Европы и другие фрукты, но уже кубинские. В бумажные пакеты были завернуты подарки – конфеты, игрушки и даже торт. Подарок должен получить каждый гость и слуги дома. Мэри, Адриана и ее мать убирали елку, пахнущую настоящей хвойной зимой. Прислуга помогала им. Всем было весело – зима на Кубе. Разве не интересно? Хемингуэй все время находился рядом с Адрианой, словно опасаясь, что ее кто-то может у него украсть. Мэри ревниво наблюдала за ухаживаниями своего мужа и одновременно веселилась. Нельзя хозяйке дома показывать свою озабоченность перед гостями. Но, когда гости разъехались, Адриана с матерью ушла в свое бунгало, она прошла в спальню Хемингуэя. Он, еще не успев раздеться, сидел на своей кровати в довольно сильном подпитии.

–Эрни! – Сказала Мэри, как можно мягче. – Эрни! – Повторила она. – Я понимаю твое увлечение юной девушкой, но мне, кажется, пора с ним кончать. Ты забыл обо мне, как о жене. – Она ждала ответа от Хемингуэя, но его не последовало. И Мэри была вынуждена продолжить. – Уже все, кто посетил нас, знают о твоей любви. Ты хочешь, чтобы узнал об этом весь мир? Подумай о своем образе... – Хемингуэй

молчал, и Мэри решила предложить то, что давно носила в себе. – Они у нас гостят давно. Может им пора домой, в Италию?.. – Больше она ничего не успела сказать.

Хемингуэй резко поднял голову и с такой ненавистью взглянул на Мэри, что та отшатнулась. Такой ненависти она не ожидала. Скандал, крики, битье посуды – было, но взгляд с ненавистью. Но сейчас – только бы не молчаливая ненависть. А Хемингуэй, четко выговаривая каждое слово, коротко произнес:

–Я женюсь на Адриане...

У Мэри от неожиданности подкосились ноги, и она присела на стул.

–Когда ты это решил? – Заикаясь, спросила она.

–Давно. Может год назад, может полтора. Когда ее встретил впервые! – Вдруг бессильно закричал он.

Его крик позволил Мэри собрать всю свою волю, и она четко, как и он, произнесла:

–Поздравляю! – Хотела добавить – «старый болван», но сдержалась. Сейчас злить Хемингуэя, опасно. Он может совсем взорваться. И она подбирала злые, но не обидные слова. – Пятый брак тебе мир не простит! Не простят дети, знакомые. А самое главное – я могу тебя не простить! Запомни!

Она, больше не говоря ни слова, встала и пошла в свою спальню. Там, зарывшись лицом в подушку, она словно окаменела от подлого известия мужа. Она не плакала. Никто не должен видеть ее слабость, тем более слезы, как символ сво-

его уничтожения. Унижения для нее закончились. Началось уничтожение. Так, не раздеваясь, она пролежала остаток новогодней ночи, до завтрака, без сна.

В эту же новогоднюю ночь у Адрианы с матерью состоялся семейный разговор.

–Ади, я вижу – Хемингуэй в тебя влюблен. А что, если ты действительно дашь ему согласие на брак. Я не буду возражать.

–Мама! – Душа Адрианы замерла и провалилась куда-то вниз. – Я сама об этом думаю, и не знаю, что делать. Я боюсь погубить его. Он такой хрупкий...

–Погубить его нельзя. Но зато ты сразу же станешь богатой и известной.

–В скандальной хронике. Я этого не хочу, мама!

–В любом случае ты будешь известна. Потом для тебя будут открыты все дороги.

–Какие дороги? – С изумлением спросила Адриана.

–Ты станешь богата, и известна. – Повторила мать. – А это означает успех в любом обществе, в том числе, и мужском. Они любят гордиться победами над известными женщинами. А это означает дальнейший успех. – Невозмутимо разъясняла дочери Дора истины женской судьбы.

–Мама! – В отчаянии, чуть ли не прокричала Адриана. – Какой ты мне судьбы желаешь?! Не стыдно тебе!

Дора поняла, что говорит слишком открыто. Сказала то, что пока дочери рано знать, и стала исправлять свою ошибку.

–Адриана, ты же знаешь, что Джафранко скоро женится?

–Знаю. А я при чем?

–У тебя почти нет приданого. У нас нет денег, чтобы дать Джанфранко на свадьбу. Он просит десять тысяч. А где их взять?

–Так ты хочешь взять их у Хемингуэя, если мы заключим брак?

–Можно сделать и так. Запомни, дочка, свадьбы проходят, а жизнь после них продолжается.

–Я не хочу такой свадьбы. Если, мы будем с ним вместе жить, то начну с хижины!

Дора скептически улыбнулась и погладила Адриану по голове.

–Ади! Я тебе уже говорила, что за твои встречи с Хемингуэем мисс Мэри платит. Но я тебе не сказала, что она платит уже давно. Даже за твои первые встречи с Хемингуэем заплачено.

–За первые встречи тоже заплачено? – Удивилась Адриана. – А я думала тебе Мэри дала деньги только за поездку на Кубу. Почему ты мне об этом не говорила? А когда это началось?

–Еще в Италии. Кажется, для того, чтобы ты поехала в Кортина Д'Ампеццо, мне Мэри дала деньги. Правда, с условием, чтобы ты была там только один день. Всего не припомню. А последние деньги она дала за то, что я тебя сюда привезла. Ты об этом знаешь.

–Знаю. Зачем ты их взяла, мама? – С горечью в голосе спросила Адриана. – Как мне все это противно!

–Я бы их не взяла. Но Джанфранко надо было уплатить какие-то долги. Я ему их дала. Теперь ему еще нужны деньги.

У Адрианы на глаза навернулись слезы:

–Я думала, что два года назад меня продал Джанфранко, а оказывается и ты тоже. – Сквозь слезы произнесла она.

–А что Джанфранко получил? – Удивленно спросила мать.

–Машину. Зато, что отвез меня в Падую к больному Хемингуэю. Оттуда все началось. Там я его полюбила, хотя этого не хотела и понимала, что нельзя мне это было делать!

–Успокойся, дочка. Я не на чем не настаиваю. Поступай, как хочешь. Женишься на нем – хорошо, не захочешь... – И Дора не закончила последнюю фразу. Но ее закончила Адриана.

–Женюсь на нем, всем вам назло! Но вам не дам ни цента, ни сантима. Вы получили от меня достаточно, и я об этом не знала. Спрошу Папу, – знает ли он обо всей этой низости?

–Ни в коем случае! – Испуганно запротестовала Дора. – Он бывает яростным и может убить Мэри. Пожалей ее, Ади?

–Я всех жалею. Меня только никто не жалеет.

Она бросилась на кровать и зарылась в подушку, как и Мэри, но только горько плакала, в отличие от нее. Дора пошла спать, решив, что после слез, у дочери крепче будет сон. Пока не понимает жизни. Она немного злилась на Адриану.

В новогоднюю ночь две женщины, любящие Хемингуэя, не спали до утра. Они не вышли к завтраку. А Хемингуэй, выпив неразбавленного виски, спал крепко, как человек, в новый год решивший жить по-новому и, отбросивший прочь, старые проблемы. Пусть о них думают другие – любимые и любящие женщины! Это их проблемы.

Мэри несколько дней не разговаривала с Хемингуэем, избегала оставаться с ним наедине. Она размышляла, как ей сейчас поступить? Вначале, сгоряча, она подумала, а не бросить ли Хемингуэя? Самой! Пусть живет с Адрианой. Может это лучше будет для него. Он найдет утешение в объятиях молодой супруги, она вдохновит его на новые произведения, то чего не может дать ему Мэри. Может, она просто всего не видит и не до конца понимает, что развод для Хемингуэя – выход из творческого тупика. Она не будет ему больше мешать. Но потом вспомнила, что Хемингуэй пишет новую книгу и она у него получается. Мэри читала рукопись книги, которую он пишет. Значит, он поймал свое вдохновение и при их совместной жизни. Стоит ли его в этих условиях отдавать его Адриане?

Через некоторое время капитулянтские мысли в голове испарились у нее совсем. Она была воспитана в американском духе и не могла так быстро сдаться.

Бросить Хемингуэя, она не могла. Ее пугали будущие разговоры, – не сумела справиться со старым Хемингуэем. Отдала ему шесть лет жизни, и напрасно. Жизнь разведенной

жены Хемингуэя для нее позорна. А потом, она мудрее его! Он просто умный, но в жизни глупый. Ему надо постоянно доказывать свою исключительность, чтобы не выглядеть перед другими трусом. Он боится показать свою слабость. Надо показать ему, что пятое замужество является его слабостью. Только как? И Мэри мучительно над этим раздумывала. И решила действовать, как можно быстрее – Адриане находиться здесь до свадьбы брата необязательно. Пусть она с матерью уедет раньше.

Через неделю она зашла к Доре. Мэри сразу же приступила к делу с чисто американской, бесцеремонной хваткой.

– Милая графиня, вы слышали, что ваша дочь и мой муж хотят или обручиться, или жениться? Не пойму точно. – Притворилась не знающей Мэри.

Дора внутренне напряглась. Разговор должен быть конкретным, а значит, полезным.

– Мне Ади что-то говорила, но я тоже не поняла.

– Так, что же они хотят? – Настойчиво переспросила Мэри.

– Вроде, связать свою судьбу и жить вместе. – Продолжала уклончиво отвечать Дора.

– Вы, как мать Адрианы, понимаете, что у них не получится совместной жизни?

– Это я понимаю. – Вздохнула Дора. – Но что делать, если ваш муж любит мою дочь, а она его. Не знаю, что и делать. Джанфранко женится, теперь такая же проблема с дочерью.

Столько расходов. – Дора стала клонить разговор в полезную сторону.

И Мэри поняла ее.

–Расходов предстоит много. Джанфранко должен иметь хоть небольшое состояние, вступая в брак с такой невестой. Я знаю, у Сандовалей гордая семья. Нищему они не позволят жениться на дочери.

Мэри задела фамильную честь Доры:

–У него есть графский титул и к тому же он итальянец. Это для семьи Сандоваль большая честь. А состояние небольшое я дам. Придется продать или заложить фамильные драгоценности. Не хотелось бы этого делать, но если потребуется... – Спесиво ответила Дора.

Мэри с минуту думала и решила со старой графиней говорить конкретно.

–Если я возьму у вас стоимость ваших драгоценностей, вы выполните мою просьбу?

–Какую?

–Вы приехали с дочерью по моему приглашению. И должны уехать по моей просьбе.

–Если вы нам отказываете в проживании у вас, мы немедленно переедем в новое место – Гордо ответила графиня, показывая тем самым, что Мэри ее оскорбила. – Мы намерены остаться на Кубе до свадьбы сына. Я, думаю, его невеста и родня не бросит нас и пригласит жить к себе.

Разрыв с семьей Иванчич не входил в планы Мэри. Тем

более Хемингуэй отнесется к этому отрицательно, и она останется, как всегда, виноватой.

—Я не ставлю вопрос, чтобы вы нас покинули. Я хочу, чтобы вы объяснили дочери, что брак с Хемингуэем для нее невозможен. У него это будет пятый брак. — Уточнила она. — На вашу дочь ляжет пятно разлучницы или еще что-то хуже.

—Разлучницы всегда были и будут. — Ответила Дора, умело обходя сети, которые ей ставила Мэри. — Плохо, что церковь не сможет освятить их брак.

Мэри ухватилась за эту ниточку.

—Хорошо, что вы, графиня, понимаете все сложности, стоящие на пути Адрианы. Без благословения нельзя...

—Сейчас многие не обращают внимания на церковь. — Махнула рукой Дора. — После войны нравы упали. Джанфранко будет венчаться в церкви. — Почему-то вернулась она к разговору о свадьбе сына.

—Я могу... — Раздельно произнесла эти слова Мэри, не видя другого выхода. — Предложить вам денежную компенсацию за драгоценности, которые вы хотите продать ради Джанфранко. Но при условии...

—Каким? — Быстро спросила Дора.

—Если вы не дадите родительского согласия Адриане на брак. Объясните ей, что это опрометчивый шаг... То я могла бы вам возместить часть расходов на свадьбу сына. Сколько вам нужно?

Дора думала. Джанфранко просил десять тысяч долларов.

Увеличивать эту сумму или не надо? Но не решилась увеличить.

–Необходимо десять тысяч на свадьбу.

–Что!?! – Подскочила в кресле Мэри, не ожидавшая услышать такую цифру. – Вы понимаете, это же целое состояние! – Она возмущенно глядела на графиню, и та сказала в ответ.

–Столько просит семья Сандоваль у жениха? – Она горестно вздохнула. – Я не могу препятствовать счастью своих детей. – Двусмысленно добавила она и замолчала.

–Я таких денег не могу дать. Хотите пять тысяч?

–Тогда мне легче самой найти десять. – Ответила Дора. – Мы с Адрианой, видимо, покинем ваш кров и найдем другое место.

–Ни в коем случае. – Мэри поняла ее игру. – Я подумаю.

–Скоро свадьба сына... – Также горестно вздохнула Дора.

Мэри, возмущенная старой потаскухой, так она сейчас ругала графиню, вбежала в свою спальню и, неожиданно для себя, расплакалась. Ей стало жалко себя, за то, что одной придется вести борьбу за Хемингуэя. И никто ей в этом не может помочь. К ней подошла прачка Анна – женщина с тяжелой долей, переехавшая жить на Кубу из Аргентины и пожалела хозяйку:

–Мисс Мэри, не переживайте. Все будет хорошо.

Все слуги видели увлечение Хемингуэя, но только Анна могла вот так просто подойти и сказать своей хозяйке скупые

слова поддержки. Остальные молчали.

– Спасибо, Анна! – Ответила Мэри и вытерла слезы. Впервые услышанные слова утешения от чужого человека придали ей силы. – Я верю, что все будет нормально.

– Да! – Горячо воскликнула аргентинка. – Папа еще не понял, что она очень злая и некрасивая! Он еще все поймет и увидит.

Но такой Адриану – злой и некрасивой, считала только Анна, у других слуг было противоположное мнение.

– Анна, принеси холодной воды?

А потом Мэри долго раздумывала. Может стоило согласиться с Дорой и дать графине требуемую сумму. Но такую денежную брешь в их бюджете может заметить Хемингуэй. Только он подписывает чеки на крупные суммы. Конечно, можно что-то занять, а потом отдать долг незаметно для Хемингуэя. И Мэри решила принять условия Доры. А то от коварной графини можно ожидать всего.

И вдруг Мэри пришла в голову идея, – а если дать небольшую огласку новой любви Хемингуэя? Как он поведет себя? Побоится большого скандала или нет? Небольшая информация в прессе о его увлечении, может послужить прививкой, которая не даст ему возможности разорвать с законной женой. Эта идея показалась Мэри привлекательной, и она два дня обдумывала ее. Сначала надо дискредитировать старую графиню Иванчич, которая не против любви ее дочери и мужа Мэри. Она ее ненавидела и больше всего боялась. Старая

графиня сейчас руководила судьбой дочери. А значит, судьбами Хемингуэя и ее.

Мэри стала набрасывать черновик письма знакомой журналистке в Париже. Розалинда Бейкер была когда-то ее хорошей подругой. Но тогда они были моложе, и всякое бывало в корреспондентской жизни. После войны Розалинда осталась жить в Европе и работала в представительствах американских газет. Мэри весной встречалась с ней в Париже и они не теряли дружеских контактов. Наконец, она сочинила подруге письмо. Надо было решить вопрос сугубо конфиденциально и не слишком заинтересовать парижскую подругу ее разладом с Хемингуэем. Описав вначале свою жизнь, как можно непринужденнее, Мэри, как бы попросила у Розалинды совета. «Мой муж, на старости лет, увлекся юной девушкой, итальянской графиней. Ее образ он неудачно описал в своем последнем романе. Я понимаю, что у них ничего серьезного не будет, но, как женщине, ты понимаешь, мне все это неприятно. Если ты сможешь организовать об этом факте небольшую заметку в какой-либо европейской газете, то я тебе бы предоставила такую информацию. Посоветуй, какая газета могла бы этим фактом заинтересоваться? Как понимаешь, Розалинда, все должно остаться между нами». Больше Мэри ничего не написала. Она знала журналистскую среду и побаивалась, чтобы Розалинда не выдумала ничего лишнего и не подала свой материал раньше ее разрешения.

Мэри решила поехать в Гавану, чтобы лично отправить

письмо в Париж, побывать на выставке новой моды, прибывшей на Кубу. И еще у нее созрела мысль встретиться со знакомой журналистской в Гаване. Надо посоветоваться и с ней, по поводу Хемингуэя. Оказывается, в этот день, Адриана тоже хотела побывать на выставке. Решили ехать вместе. Машина стояла у подъезда дома, но Хуан, шофер куда-то отошел. Мэри указала Адриане на орхидею, которая росла из ствола сейбы и спросила:

– Не правда ли, Ади, цветы венесуэльской орхидеи напоминают женщину, кричащую кому-то об опасности. Смотри, они похожи открытый в тревоге рот?

Адриана посмотрела на цветы:

– Кажется, они раскрылись навстречу солнцу. Сейба их закрывает своей листвой.

Мэри оглянулась, – никого рядом не было. И она громким шепотом сказала Адриане:

– Дорогая! Брось Хемингуэя. Ты еще найдешь себе другого. – Мэри хотела добавить, что она уже вряд ли может найти себе нового мужа, но сдержалась. Не надо проявлять слабость в глазах девчонки. – Брось его. Для тебя же будет лучше. Ты его плохо знаешь. Он трудный. Пока тебе кажется, что с ним просто. Ты с ним не справишься. Поверь мне, так будет лучше для тебя... – Она сделала паузу, и добавила. – И Хемингуэю тоже.

Адриана, закусив губы, молчала. Лицо ее стало розовым. «Что ей ответить? – Мелькала в голове мысль. – Я еще

сама не знаю, что лучше!»

Но из-за кустов вышел Хуан, который слышал их разговор и молча распахнул перед ними заднюю дверцу «кадиллака».

«Делят Папу. – Отметил он. – Да, перед такой шикарной девкой трудно устоять. Но и мисс Мэри жалко. Тяжело Папе». – Констатировал он.

В машине, Мэри будто не произошло неприятного разговора с Адрианой, спокойно сказала:

–Ади! Ты какие цвета предпочитаешь в своей одежде?

Но Адриана, продолжая крепко сжимать губы, ничего ей не ответила. Так они и ехали, Мэри говорила о нарядах, Адриана молчала. Мэри была довольна, что прямо объяснилась с соперницей. Хватит играть с ней в прятки! Она играет в них уже два года. Пора заканчивать отступление и идти в наступление. Но так, чтобы ее маневров не заметил Хемингуэй!

Она попросила Хуана остановиться возле почтамта. Пошла и сама сдала письмо в отдел корреспонденции. Вернувшись, сказала Хуану:

–Я не пойду сегодня на выставку. В следующий раз посету ее. Мне надо зайти на радио. Ты за мной туда заедешь.

Она шла на радио к знакомой журналистке Лоуэлле Парсонс. Та, к счастью, была на месте. Лоуэлла вела отдел светской хроники и была известна большим знанием жизни великих и богатых. Мэри не была так близка дружна с Парсонс, как, например, с Розалиндой Бейкер, но поддерживала с ней

хорошие отношения.

–Здравствуйте, мисс Мэри. – Приветствовала ее Лоэулла.

–Здравствуйте, милая Лоуэлла. – Ответила ей Мэри. Не в ее правилах было сразу же приступить к делу. – Как зайду в корреспондентский пункт, так чувствую родную стихию. Хочется бросить семейную жизнь и вновь стать журналисткой.

–Вас, мисс Мэри, мы всегда возьмем к себе на работу. – Ответила Парсонс и предложила Мэри сигареты. Та взяла, и они закурили. – В связи с расширением зоны информации, работы много. Не успеваем собирать все сплетни, происходящие в мире. Нам нужны опытные журналисты. Приходите к нам.

Парсонс говорила и вела себя чисто по-мужски. Профессия журналиста выработала в ней мужскую хватку, которую она подчеркивала не только своим поведением, но и одеждой – рубашка на голое тело, брюки и сандалии.

–Нет. Мне уже поздно возвращаться к старой работе. – Деланно вздохнула Мэри. – Жизнь с таким человеком, как Хемингуэй, не позволяет заниматься любимой работой.

–Кстати, о любимой... – Парсонс смахнула пепел с кончика сигареты на пол. – Ходят слухи, что он гуляет с молодой девицей? При вас, Мэри. Правда это? – Напрямую спросила Парсонс. Она не привыкла к церемониям в журналистском деле.

И Мэри вдруг засмушалась. Говорить правду, – признать

свое поражение, неправду, – зачем тогда она сюда пришла? И она осторожно начала.

– Да. Мы пригласили к себе погостить графскую семью – мать и дочь. Хемингуэй дочери стал уделять достаточно много внимания. В последнее время. – Уточнила Мэри. – Дорогая Лоуэлла, знайте, что никакой опасности для нашей семейной жизни молодая графиня не представляет. Но, немного, неприятно. – Мэри поморщилась, глубоко затянулась сигаретой и закашлялась.

Парсонс сразу поняла, что Мэри не договаривает правды, но поддержала ее.

– Кому приятно иметь такое соседство. А сколько лет этой молодой особе?

– Двадцать. А ему, вы знаете, летом будет пятьдесят два. Старческий маразм. – Подчеркнула Мэри.

– Нет. Обыкновенное дело, когда старый мужчина пытается ухватиться за остатки молодости. Мужчины в таком возрасте опасны для своих жен, стараются доказать себе, что они еще молоды, сильны и находят себе юных спутниц. Даже иногда женятся на них. Но к шестидесяти годам они смиряются с тем, что стали стариками, и ведут нормальную семейную жизнь. Кстати, и пожилые женщины не лучше своих сверстников. Сорокалетние, даже пятидесятилетние женщины стараются найти юных любовников. Посмотрите на наших киноактрис и убедитесь, что они точно такие же, как и мужчины. Наверное, это закон природы для известных и

богатых. Надо с этим смириться и ждать, когда старческая блажь у великих людей пройдет. Вы говорите Хемингуэю скоро пятьдесят два? Вам осталось немного ждать, когда он успокоится. Потерпите еще года два-три, и все образуется, мисс Мэри. Хемингуэй поймет, что он стар для молоденьких девушек.

Мэри, ободренная рассуждениями Парсонс, решила перейти к конкретной просьбе.

– Милая Лоуэлла. Раз вы так хорошо разбираетесь в жизни, то не могли бы мне помочь... – Мэри замялась, как лучше объяснить свою ситуацию ведущей светской хроники на гаванском радио.

– Конечно, помогу. – Поддержала ее Парсонс. – Мы, женщины, должны помогать друг другу в борьбе против неверных мужей. – Она рассмеялась. – Вы правильно сказали, что я хорошо разбираюсь в этих делах. Столько наслушалась, столько сама насочиняла всяких историй о звездах... Если бы я не сочиняла многое сама, то пришлось бы мне закрыть свою рубрику и стать безработной. Так, что вы хотите сказать, Мэри?

– Хемингуэй очень боится огласки своих, не совсем правильных, действий. Он следит за тем, чтобы о нем проходили только сведения, подчеркивающие его романтичность, геройство и все такое прочее. Вы, понимаете меня, Лоуэлла?..

– Все мужчины этого боятся! – Ответила Парсонс, хрипло рассмеявшись прокуренным голосом. – Женщины боятся

подобной огласки меньше мужчин. По себе знаю.

–Вы очень наблюдательны, Лоуэлла. – Польстила ей Мэри. – Так вот! Не могли бы вы по радио сообщить, что Хемингуэй увлекся молодой девушкой, семья его рушится... Ну, в таком роде. Только мягко, а не грубо.

–Все понимаю и, конечно же, все могу. Мы никогда не даем слушателям прямую информацию. Пусть слушатель сам поразмышляет, пусть еще посидит возле радио, дожидаясь новой информации, пусть больше звонит нам или пишет. Это наш хлеб. А еще какие-нибудь подробности вы можете мне сообщить. Например, далеко ли зашли их отношения?

Здесь правду говорить было нельзя, и Мэри уклончиво ответила.

–Как вы сказали – обыкновенная блажь. Между нами женщинами скажу, Лоуэлла, он уже не тот Хемингуэй. Я имею в виду его отношения с женщинами. Да и как писатель не тот. Хотя пишет новую книгу и, кажется, она у него получается.

–А какую книгу? – Сразу же заинтересовалась Парсонс.

–О рыбалке. Она еще не дописана и мне не хотелось бы раньше времени о ней говорить. – Мэри поняла, что сказала лишнее любопытной журналистке.

–Хорошо. – По деловому, резюмировала Парсонс. – О книге мы говорить не будем. А о том, что ваша семья рушится, я сообщу, например, завтра-послезавтра.

–Давайте договоримся так. Я скажу, когда это нужно сделать и дам вам дополнительную информацию.

–Давайте так. – Согласилась Парсонс. – Но только обязательно подробности дайте. Я такую информацию о Хемингуэе уже готовила к передаче. Так, что вы пришли вовремя.

–Подождите неделю-две. Можно?

–Конечно, дорогая Мэри. Вам можно все, как моей коллеге.

–Бывшей. – Уточнила Мэри.

На этом они расстались. Усаживаясь в машину, Мэри мурлыкала песню. Она была довольна сегодняшним днем, и даже не раз взглянула на Адриану с видом победителя. Но только раз, чтобы та не заметила.

Ответ от Розалинды Бейкер пришел дней через десять, где она просила Мэри немедленно выслать ей материал для газеты, и извинялась за то, что не сразу дала ответ.

И Мэри написала: «Дорогая Розалинда! В газету следует дать такую информацию – на Кубе, у Хемингуэя, проживает итальянская графиня, фамилию не стоит называть, которая послужила прообразом героини романа «За рекой, в тени деревьев», Ренаты. О ней все! Но далее укажи, что ее мама, старая графиня, желает брака ее двадцатилетней дочери с пятидесятидвухлетним Хемингуэем. Именно она строит козни против семейной жизни Хемингуэя и его законной жены. Намеком укажи, что Хемингуэй много времени уделяет молодой графине. Остальное – подумай сама. Только прошу, милая Розалинда, чтобы все было приподнесено в мягкой и туманной форме. Никаких резкостей. Ты понимаешь меня,

Розалинда... И сразу же вышли мне авиапочтой газету». Далее Мэри мило описала жизнь на Кубе, как прекрасно там зимой.

И стала ждать. Это был ее последний бой за Хемингуэя, который она была обязана выиграть. Проигрыш исключался. Он означал конец ее жизни с великим писателем.

И Мэри была уверена в своей победе. Может потому, что хорошо изучила своего мужа?

А Хемингуэй с упоением работал над новой книгой. Ежедневно он писал по тысяче слов, в два раза перевыполняя свою привычную норму. Но это в первой половине дня. А во второй, если не было гостей, и стояла хорошая погода, продолжал встречаться с Адрианой, и часто, наедине. Она сопровождала его всюду: на бейсбольные матчи, бои петухов, стрельбу в тире, охоту, на различные встречи со знакомыми. Он перестал, как раньше, стесняться друзей и знакомых, представляя им Адриану, как свое, понятное всем мужчинам, увлечение. А потом они уединялись на катере или пляже Мегано... Но, если бы Хемингуэй внимательно присмотрелся к Адриане, то увидел бы, что она грустна, только ничего ему не говорит. Теперь о браке они, почему-то, избегали говорить. Только мать Адрианы была не против их брака и периодически намекала об этом дочери. Но Адриану угнетало то, что ее любовь оплачивалась, и об этом не знал Хемингуэй. Да и Мэри вела наедине с Адрианой не просто решительно, а агрессивно. Каждый день внушала ей, что с Хемингуэем у нее ничего не получится. Вот и сегодня она сказала Адриане:

—Адриана, спасибо тебе. Ты помогла Хемингуэю восстановить, утраченную им было способность писать. Спасибо! Но не более того! Знай, что серьезного между вами быть не

может. А прихоть его – пройдет. Не замахвайся на многое. Он очень сложный человек и через месяц совместной жизни ты от него сбежишь. Знай это...

И такие разговоры проходили в присутствии прислуги, которая все слышала. Кажется, прислуга жалела и ее и Мэри, но не одобряла и далеко зашедшее увлечение Хемингуэя. Конечно, если бы Хемингуэй предложил ей все бросить и уехать на край света, она бы немедленно согласилась. Но он ей этого не предлагал. Адриана понимала, что она может вырвать Хемингуэя из привычной среды, и тогда хорошего у них не будет. Но резко прервать с ним отношения не имела сил и духа. Видимо, такое же состояние было и у писателя.

А на Хемингуэя сильное впечатление произвел последний разговор с доктором Эррерой, которому он всегда доверял, как старому фронтовому другу по Испании. Тот был категорически против брака Хемингуэя с графиней. Он объяснил свое отрицательное отношение к увлечению писателя с точки зрения врача.

–Эрнесто! Я являюсь свидетелем твоих волнений и забот и понимаю их. Я могу оценить твое душевное состояние, как лечащий врач. Чувство может одолеть душу. Страсть может задавить ее своей безмерной тяжестью. Человек может утратить способность правильно воспринимать то, что происходит вокруг, когда он охвачен большой нежностью и испытывает серьезную любовь. Такое случается в психиатрической практике. Однако не забывай, что духовные силы чело-

века закалены, они подготовлены к подобным атакам, способны бороться и выстоять. Ты человек, который может возвеличивать плотское и духовное, способен, переходя границы обыденной жизни, погружаться в мир душевных переживаний, и ты часто уносишься в этот нереальный мир, создаваемый твоей экзальтированной фантазией. Ты сейчас влюблен, но в предмет любви, а не в саму любовь. Ты влюблен в свое собственное чувство. Не меняй играющего красками горизонта на жалкий блеск разочарования! Ты же твердо не знаешь, что твое новое чувство является последним. Уверен ли ты в том, что, удовлетворив морально и физически свою страсть, ты обретишь полное счастье, которое ищешь? Гений – плод души. Он вечен. Ты наделен гением, ты творец и можешь самовоссоздавать свою духовную жизнь в постоянном творческом горении. В этом, возможно, и есть твоя беда. Ты способен анализировать то, что создаешь, но ты еще, должным образом, не задумывался над чувством, охватившем тебя сейчас. Оно кажется тебе бездонным, непостижимым. Ты боишься его, оно устрашает тебя и ты, как ребенок, который поет, чтобы отогнать страх, стремишься похоронить призраки, охватившие тебя в искусственном забвении. Ты присыщен, и поэтому создаешь призраки. Переведи свою любовь в идеал, чтобы она заполнила вершины твоего вдохновения. Подумай о женщине, которая подарила тебе свою любовь и не желает ничего, кроме твоего счастья. Она разделяет и твою радость, и твою печаль. Любит тебя, и

боготворит с таким же чувством, какое ты себе сейчас придумал по отношению к другой. Я говорю о Мэри. Она именно такая. Одна ошибка, один ложный шаг могут превратить твое будущее в неприветливое, холодное, лишенное всякой надежды существование...

Долго они говорили и, к обоюдному удивлению, не спорили. Хемингуэй соглашался с выводами врача и в заключении сказал:

– Ты во многом прав, Хосе. Но, к сожалению, человек – философ для других. Когда сам начинаешь жить чувствами, – прощай философия. Я это понял.

Хемингуэй понимал, что попал в тупик. Он был в растерянности, что с ним редко случалось. Сделать правильный выбор между Адрианой и Мэри он сам не мог. Мэри – надежна, Адриана – любима. Но что будет впереди? Совместное будущее с Адрианой его пугало. Он не хотел быть выбитым из привычной колеи жизни, к которой привык за пятьдесят лет. К той жизни, которую себе создал. Но ему не хотелось терять Адриану. Хорошо было бы иметь ее рядом с собой всегда. Но Мэри... Куда он без нее?

И почему западная цивилизация не допускает многоженства? В последнее время Хемингуэй часто задумывался над этим вопросом. Допускается несколько разводов и соответственно, браков. Происходит узаконенная, последовательная полигамия. Так можно, а одновременно, нельзя. И он завидовал африканцам и азиатам. Их жизнь более правдива, чем

наша. Правда приходит на рассвете, ложь – сопровождает человека весь день.

Его любовь шла к логическому завершению – разлуке. Нужен был только повод. И он нашелся.

Вскоре Мэри получила письмо из Парижа от Розалинды Бейкер, которая сообщала, что заметка о Хемингуэе и молодой итальянской графине скоро будет опубликована. Мэри сразу же поехала в Гавану и встретила с Лоуэллой Парсонс. Договорились, что материал о семейной жизни Хемингуэя пойдет в светской хронике через два дня. Теперь Мэри должна была устроить все так, чтобы его услышал Хемингуэй.

В доме были радиоточки. На кухне, например, радио никогда не выключалось. Прислуга работала и слушала новости и музыку. В других комнатах радио включали по мере надобности. Мэри включила на постоянную работу радио в столовой. Светские новости должны были идти в два часа, сразу же после окончания обеда, конечно же, если он не задержится. Два дня Мэри приучала всех к включенному радио. Если его кто-то выключал, Мэри немедленно включала обратно. И прислуга привыкла, что радио должно работать в столовой.

В тот день обед прошел как обычно и, когда гости разошлись по делам или, просто говоря, на послеобеденный отдых, Мэри задержала Хемингуэя. Вообще-то, последний месяц они общались между собой мало. Обменивались только

деловыми репликами. Мэри завела разговор об Америке.

–Эрни! Кончается январь и скоро на Кубе станет невыносимо жарко и влажно. Мы куда-нибудь этим летом собираемся ехать?

По радио крутили музыку. Хемингуэй сел на диван. Ему хотелось поговорить с Мэри и то, что она первой начала разговор, его обрадовало.

–Не думал еще. Как закончу книгу, то можно куда-нибудь съездить.

–А сколько у тебя уже напечатано страниц?

–Больше ста. Еще недели две, и я завершу книгу.

–Я рада за тебя, Эрни. – Мэри старалась в разговоре держаться от него на расстоянии. Пусть чувствует ее обиду. – Может, поедем в Америку, в Айдахо? Мы давно не были на своей усадьбе.

Музыка закончилась, наступила томительная для Мэри пауза. В голову ей вдруг неожиданно влезла мысль, – не перепутает ли Парсонс, что-либо? Вдруг она зря держит в столовой Хемингуэя, – информации о нем не будет. И Мэри напряженно ждала ответа мужа и сообщения радио. Первым ответил Хемингуэй:

–Да. Я думаю, что пора посмотреть наше ранчо. Мы давно там не были.

Заработало радио, и Мэри услышала хриплый голос Лоуэллы Парсонс. «Со всего света, понемногу!» – сообщило радио ее голосом. У Мэри все напряглось внутри. Она

уже боялась, что прозвучит имя Хемингуэя. Лишь бы продолжать непринужденный разговор! Только этого сейчас хотела она. Но Хемингуэй, к ее радости, не слушал радио, никак не реагировал на светские сообщения.

–Эрни! – Торопливо произнесла Мэри, боясь, что Хемингуэй может уйти в любую минуту. – Может распорядиться, чтобы там сделали ремонт?

–Пока не надо. Но, вообще-то, я там хочу кое-что переделать.

Мэри с отчаянием взглянула на радио, Парсонс сообщала о голливудских новостях.

–А что переделать? – Ухватилась за его слова Мэри.

Хемингуэй стал рассказывать, что он хотел бы сделать вместо мансарды, перепланировать второй этаж... Мэри ждала сообщения, но Парсонс, словно издеваясь над ней, сообщала о каких-то семейных скандалах у шахов и эмиров Азии.

–Тебе не нужна помощь в подготовке рукописи?! – Мэри от ожидания, которое сковало ее душу, перешла на другую тему.

–Пока, нет. Как закончу книгу, тогда, если согласишься, можешь помочь в редакции. Мы все вопросы решили? – Спокойно спросил Хемингуэй.

–Да. – Торопливо ответила Мэри. – Только еще одно... Когда мы поедем в Америку, ты пригласишь на ранчо своих детей?

Хемингуэй удивленно приподнял брови. Мэри никогда раньше не проявляла инициативы в приглашении его детей в гости. Когда они приезжали, встречала приветливо, как семейную необходимость.

– Не знаю. Подумаем.

Он встал, собираясь выйти из столовой. Мэри доходила до истерики, – что там случилось у Парсонс? Не забыла ли она их договоренности?! И от внутреннего напряжения, она фальцетом пропищала:

– На ужин кокосы будешь?

– Да. – Ответил Хемингуэй. Он выпивал до десятка кокосовых орехов в день.

– Тогда надо распорядиться, чтобы шофер съездил на базар. – Голос Мэри стал нормальным.

И вдруг радио произнесло игривым голосом Лоуэллы:

– Это были вести издалека. А сейчас наши новости. Местные. Ходят слухи, что писатель Хемингуэй расходится со своей женой Мэри, из-за одной итальянской девушки...

Хемингуэй замер посредине столовой. Лола убирала со стола посуду, но тоже слушала радио. А оно продолжало:

– Эта девушка, не будем называть ее имя и фамилию, из старинного графского рода в Италии. Там еще сохраняются титулы. – С ехидством уточнил голос Парсонс. – Хемингуэй проводит с ней все свободное время, часто остается наедине...

– Что это? – Зловещим голосом произнес Хемингуэй.

– Не знаю... – Дрожащим до заикания голосом, ответила Мэри. Ей казалось, что сердце у нее сейчас остановится.

«Только бы выдержать!» – Думала она.

– Откуда она все это взяла?! – Прокричал Хемингуэй, и Лола выпорхнула из столовой, не успев убрать посуду со стола.

– Не знаю... – Только одно могла повторять Мэри.

Информация о Хемингуэе закончилась и Парсонс перешла к событиям в Гаване – кто из известных приезжих что делал, где гулял и что пил.

– Кто это выступал? – Бешено вращая глазами, кричал Хемингуэй.

Он подбежал к приемнику, стоящему на столике в углу комнаты, схватил его, вырвав шнур из гнезда и, размахнувшись, с силой бросил его на пол. Пластмассовый корпус лопнул, и жалобно зазвенели металлические детали.

– Не знаю. – Как попугай повторяла одно и тоже слово Мэри. Но она уже пришла в себя и торжествующая улыбка змеей пробежала по ее губам и скрылась. – Эрни! Успокойся. Не нервничай так. Надо позвонить на радио и узнать, кто вел передачу. – Мэри сейчас нравилось его утешать. А Хемингуэй, тяжело дыша, пнул приемник ногой. – Эрни! Оставь в покое радио, не разбивай его до конца. Сядь и выпей холодной воды.

И Хемингуэй так же, как вспыхнул, также сразу ссутулился и сел в кресло. Мэри встала с дивана, налила стакан воды

и подала ему. Он проглотил его несколькими глотками.

–Откуда она это узнала? – Прохрипел он.

–Это всем известно. – Спокойно ответила Мэри, полностью овладевшая собой. – Я же тебе говорила, будь осторожней, меньше находишься вместе с Адрианой. Даже предлагала отправить их обратно в Италию. Ты не согласился.

–Они наши гости. Пусть живут, сколько им нужно. – Хемингуэй тяжело дышал, но багровый румянец с его щек стал сходиться.

–Я не против. Они будут жить, пока Жанфранко не сыграет свадьбу. Сейчас им нет резона уезжать, чтобы через два месяца приехать сюда обратно.

–Откуда стало известно? – Снова повторил он снова вопрос, но уже сам себе.

–Я уже тебе сказала, все знают. Пока на Кубе. Успокойся и занимайся своими делами.

Мэри участливо погладила его по седым волосам, столько чтобы он чувствовал ее заботу, и отошла. Они же находятся в ссоре. Но пусть рассчитывает на ее поддержку. И Мэри прошла на свою половину дома.

Вечером Хемингуэй встретился в саду с Адрианой. Сегодня они никуда не планировали ехать. И он ей сразу же сказал:

–Милая девочка! Ты слышала, что говорили о нас по радио?

–Нет. – Встревожено ответила Адриана.

–И не надо знать. – С горькой усмешкой ответил Хемингуэй.

–А что было? – Стала настойчиво спрашивать Адриана. – Почему ты такой хмурый, Папа?

И Хемингуэй решил сказать.

–По радио сообщили, что я увлекся какой-то молодой итальянской девушкой и хочу разойтись со своей женой.– Он снова горько усмехнулся.

–И мое имя назвали?

–Пока нет. Но назовут.

–Папа! – Воскликнула Адриана. – Но это же неправда. Я до сих пор не знаю, что мне делать. Мне приятно быть с тобой и не быть твоей женой.

–Мне тоже. Но лучше бы ты была моей женой...

–Так и мама говорит. Но, Папа, я люблю тебя, сердцем хочу быть с тобой, но понимаю, что нельзя.

–Нельзя потому, что мы мыслим головой. Что делать?

–Пусть останется все, как есть. Мы будем с тобой встречаться, как всегда. Но о свадьбе больше говорить не будем.

–Будем! – Упрямо произнес Хемингуэй. – Будем! Пошел весь мир к чертям, если я люблю самую лучшую девушку мира. У меня еще такой любви не было. С годами все ощущаешь острее, а любовь входит в тебя не радостью, а болью. Почему так?

–Потому, что влюблен, Папа!

–Нет. Потому, что это у меня последняя любовь. Все свои

прошлые увлечения и любовь, я понимал. Сейчас не понимаю. Только чувствую. А почему не понимаю? Потому, что не вижу ничего кроме любви. Поцелуй меня, девочка.

Адриана прижалась к нему и осторожно поцеловала в губы.

– Все пройдет. Только останется наша любовь. Я ее чувствую и понимаю. Понимаю, что надо все оставить, как оно есть. Тебе ведь и так хорошо, Папа?

– Хорошо. А тебе?

– Очень-очень. Ты моя первая любовь и незабываемая.

– Я не хочу с тобой расставаться! – Суетливо произнес Хемингуэй. – Никогда!

– Папа, я еще буду здесь три месяца. Три месяца запланированной любви. Знаешь об этом?

– Почему запланированной? – Настороженно спросил Хемингуэй.

И Адриана заколебалась – говорить ему правду о их любви или нет? И решила – не надо. Пусть Папа продолжает любить чисто, не знает о всей ее грязной подоплеке – Дора, Мэри и даже Джанфранко хотят ее любви к Хемингуэю с пользой для себя. А она его просто любит. И ей ничего от него не надо. Кроме любви!

– Нам еще три месяца, как минимум, можно любить друг друга. Вот и все планы. – Она не стала ничего плохого говорить Хемингуэю. – А ты часто смотришь на мои изумруды?

– Нет. Как ты приехала, совсем забыл о них.

– Правильно. Я же рядом. Но ты, когда я уеду, трогай их. Будешь вспоминать меня.

– А где твой негритенок?

– Я его оставила дома. Иголка крепления поломалась, и не было времени отнести его в ремонт. – Адриана виновато улыбнулась. – Ты меня простишь, что не уберегла твоего слугу?

– Я тебе еще подарю. Не знаю что, но подарю. Ты мой самый драгоценный изумруд.

И он почувствовал непомерную усталость своей поздней любви, драгоценным грузом, легшей на его сердце, и со страстным отчаянием стал целовать ее лицо... Он не мог сдаться. Он цеплялся последними силами за свою... гордость.

А еще через два дня на имя Мэри пришла бандероль из Парижа. Там лежали три экземпляра газеты «Пари суар». Один экземпляр она положила в спальню Хемингуэя. Хотела отнести в Башню, где он работал, но потом решила, что записка может сбить его вдохновение. Пусть лучше почитает на ночь. А с одним экземпляром она пошла в бунгало к графине Доре, как обычно, прятавшейся от полуденной жары в доме. Сегодня Мэри решила весь любовный узел разрубить окончательно.

– Дорогая графиня! – Сразу же приступила она к нужному разговору, не заходя, как обычно издалека. – Я поспешила к вам, чтобы показать газету с неприятным сообщением.

–Каким? – Встревожилась Дора.

–Вы знаете французский язык?

–Да. Правда немного позабыла...

–Тогда читайте, вот здесь. – И Мэри показала пальцем на коротенькую заметку в газете.

Дора надела очки, и стала читать. Видимо, она действительно позабыла французский язык и читала, шевеля губами. Прочитав всю заметку, она вернулась к ее началу. Мэри решила ей помочь.

–В заметке говорится, что Хемингуэй в образе Ренаты, героини романа «За рекой, в тени деревьев», изобразил свою любовницу Адриану Иванчич, с которой он встречался в Венеции. Понимаете, графиня, уже написали – любовница. Вам ничего это не говорит?

–Это плохо, что газеты так пишут. – Покачала головой Дора.

–Я тоже так считаю. Но дальше говорится, что сейчас графская семья гостит у Хемингуэя на Кубе и писатель полностью находится во власти своей молодой любовницы. Говорят, что их связь может закончиться браком. Но самое главное, что мать юной графини желает этого брака и направляет все усилия, чтобы соединить жизнь своей дочери и великого писателя. Старая графиня играет роль сводницы своей дочери. Вот, как говорит о вас газета!

–Я сама поняла это из заметки. Откуда пошли такие слухи?

— Не знаю. — Улыбнулась Мэри. — Но ваша дочь и мой муж не скрывают своих отношений перед окружающими. Поэтому умному журналисту нетрудно предположить, что происходит в доме Хемингуэя. А мы на виду перед всем миром и такая информация интересна читателю. А вы никому не говорили, что хотите брака своей дочери со старым писателем? Это так не укрощает вас.

— Конечно, для меня это неприятность. Но я никому об этом не говорила, кроме своих детей. — Проговорилась Дора и Мэри ухватилась за ее признание.

— И вам не стыдно, Дора, разбивать чужую семью? Чего вы желаете своей дочери? Чтобы она мучилась со старым писателем-шизофреником. Он же годится ей в отцы! Как вам не стыдно? — Беспощадно, наотмашь хлестала ее злыми и обидными словами Мэри.

Но Дора, молча выслушав Мэри, произнесла:

— Я желаю счастья своей дочери...

— Какого счастья вы ей желаете? — Горячо воскликнула Мэри. — Вы хотите обречь свою дочь на мучения с больным человеком! — Дора молчала и тогда Мэри решила вернуться к предыдущему разговору. — Вы говорили, что вам необходимо десять тысяч долларов на свадьбу сына, и вы покинете Кубу. Я вам дам эти деньги.

Дора подняла на нее оплывшие, в глубоких морщинах, глаза.

— Вам хорошо так рассуждать. Вы богаты. А попробуй, по-

живи нормально, когда нет денег. Джанфранко просит на свадьбу, Адриане нужны деньги для повседневной жизни. Вам хорошо. – Тяжело вздохнула Дора.

–Поэтому я вам предлагаю эти деньги, только с одним условием. Его я сказала. Эти условия вы мне сами предложили месяц назад. Тогда я не была согласна, теперь согласна.

Дора думала и не отвечала Мэри. Та снова решила прибегнуть к материнским чувствам.

–Как мать вы должны понять, что у Адрианы с Хемингуэем жизнь не сложится. Я это знаю! – И она бросила весомый аргумент. – Еще знайте, что в случае расставания с ним, Адриана многого не получит от Хемингуэя. У него есть дети и четыре жены, которые имеют на его наследство больше прав, чем их будет иметь Адриана. Я жду вашего ответа? – Жестко закончила Мэри.

Дора подняла голову и посмотрела в глаза Мэри.

–А вы страшный человек! – Произнесла она неожиданно. – Вас ничто и никто не остановит. Вы сметете все преграды, стоящие на вашем пути.

–Меня таким сделал Хемингуэй и вы. Но вы мне принесли больше страданий, чем он. Так вы согласны с моим предложением?

–Согласна. – Ответила Дора. – У меня нет другого выхода, а деньги нужны Джанфранко.

Мэри смотрела на нее с торжествующей улыбкой римского триумфатора, одержавшего нелегкую победу над злост-

ным врагом, отчего победа выглядит значительнее. И она сразу же перешла к делу.

–Вы сегодня же объявляете о своем отъезде. Уезжаете через три дня. Полетите в Америку самолетом. Я полечу с вами. У меня там есть дела, и там помогу вам взять билеты там на ближайший пароход. Сейчас я вам дам пять тысяч. А Америке еще пять. Вы согласны, дорогая графиня?

–Если можно... – Сделала слабую попытку сопротивления Дора. – То дайте мне все деньги сейчас.

–Не бойтесь, я не обману. Пять тысяч я отдам вам на континенте и если надо, то при вас переведу их телеграфом Джанфранко. А пока ему хватит половины.

–Хорошо. – Покорно согласилась Дора.

В этот же день, без объяснений, она сообщила Адриане об их немедленном отъезде в Европу. Кажется, дочь, также без лишних расспросов, поняла причину их поспешного отъезда с Кубы.

За ужином Дора сказала, что они с Адрианой должны немедленно покинуть Кубу в связи с семейными обстоятельствами.

–Почему вы торопитесь? – Удивился Хемингуэй, для которого это сообщение прозвучало неожиданно.

–Нас просят родственники явиться срочно в Венецию. – Туманно пояснила Дора.

Адриана, с краской в лице, проступавшей сквозь загар ее кожи, смотрела в стол, не поднимая на Хемингуэя глаза.

–Здесь есть еще обстоятельства. – Поспешила на помощь Доре Мэри. – Я тебе о них чуть позже скажу.

Действительно, чуть позже, сразу же после ужина Мэри дала Хемингуэю газету, с обведенной чернилами, заметкой. Он ее прочитал и после минутного молчания, произнес:

–В этом мире нельзя жить. Проклятая цивилизация разрушает совесть человека...

–Ты прав, Эрни. – Согласилась с ним Мэри и пошла на свою половину, бросив на ходу. – Теперь о твоих похождениях знает весь мир. А раньше он знал о твоём геройстве!

Пусть свои ошибки исправляет сам.

И Хемингуэй с ясной остротой осознал, что он свою последнюю любовь проиграл. Он понимал, что больше у него никогда любви не будет. Сил для борьбы не осталось. Он больше не способен на настоящую любовь. Много их было в жизни и все, кроме этой, он выиграл.

«Выдохся чувствами. – С равнодушной болью подумал он о себе. – Всё против меня. А самое главное – я сам противен себе».

Он потянулся к столу, взял бутылку виски и налил полный стакан. Медленными глотками выпил горькую, от собственной душевной горечи жидкость, и поставил стакан на пол.

Больше размышлять не хотелось. Он устало вытянул ноги, безвольно опустил руки мимо ручек кресла и закрыл глаза.

«Быстрее бы все кончалось!» – Медленным ужом проползла по мозгам усталая мысль капитулянта. Впервые в

жизни! Ему хотелось, как можно быстрее заснуть и забыть все.

Желание дальше подчинять себе мир, совершенно отсутствовало. Мир оказался сильнее его теперь уже окончательно.

И в дальнейших немногих книгах, в отличие от прошлых произведений, осталась только тень борьбы. Теперь он сложился навсегда.

Билеты на самолет в Штаты для троих были приобретены, и через три дня семья Иванчичей должна была покинуть их, ставший негостеприимным, дом. ак, чтобы разлука запомнилось ей на всю жизнь. Так он сказал. Только гостей, приглашенных и не приглашенных, собралось около двухсот человек. Мужчины были в смокингах, женщины в шикарных вечерних платьях. Столы были установлены в доме и возле бассейна. Полностью на свежем воздухе не решились праздновать, – вдруг пойдет дождь. А главное, Хемингуэй откуда-то достал настоящие пушки прошлого века, стрелявшие ядрами. Но сегодня из их жерл должны были раздаваться залпы салюта.

Адриана в белом вечернем платье, купленном ей по такому случаю Хемингуэем, тайком утирала слезы. Из печального транса ее не могли вывести ни музыка, ни танцы. Она страдала от предстоящего расставания и считала себя виноватой, что ничего у них с Хемингуэем не получилось. А может это и правильно? Успокаивала она себя. И при этом вол-

на раздражения накатывалась на нее при виде удовлетворенного лица матери.

А Хемингуэй был суетливо возбужден. Много пил и отдавал много распоряжений. Когда стемнело, они с Адрианой вышли в сад. В проводах всегда есть грусть, а он не хотел показывать вида, что грустит, и поэтому молчал.

—Папа, ты хотел бы еще со мной встретиться? — Первой спросила Адриана.

—Мы расстаемся с тобой для того, чтобы встретиться снова. А потом еще раз снова. Так до бесконечности.

Адриана вздохнула, кажется, Хемингуэй не понимал ее состояния.

—Мне так не хочется расставаться с тобой. До бесконечности не хочется расставаться! — И в который раз за этот вечер слезы навернулись на ее глаза.

Хемингуэй обнял ее за плечи и поцеловал мокрые от слез глаза.

—Прости меня, девочка, что все получилось не так, как мы хотели. Обстоятельства сильнее нас.

—Я знаю эти обстоятельства. Ты их, Папа, не знаешь. — Тихо проговорила Адриана.

—Какие обстоятельства? — Встревожено спросил Хемингуэй.

—Искусственно созданные руками наших близких... — Адриана хотела продолжить свою мысль, но раздался страшный грохот старых пушек и темное небо над «Ла Вихией» взо-

рвалось тысячами ярких огней

Это был грандиозный фейерверк, продолжавшийся более получаса, без перерыва. И Адриана не успела рассказать о каких-то «искусственных обстоятельствах». А хотела на прощание сделать Хемингуэю больно. Так же, как больно ей, знающей их любовь изнутри. Не получилось.

– Папа, зачем нужен такой салют? – Спросила она Хемингуэя. – Мы же не встречаемся, а расстаемся.

– Это не расставание, а встреча будущего...

– Будущего... – Вздохнула Адриана, глядя в разноцветное небо. – В прошлом году я верила в расставание для будущего. А знаешь, Папа, что мне сейчас хочется?

– Говори, моя девочка. Я все исполню.

– Мне хочется взорвать «Ла Вихию». Поджечь ее! Так, чтобы полетели ее осколки в разные стороны. И все те, кто мешал нашей любви, навсегда исчезли из нашего сознания. Чтобы на этом месте остались только ты и я. И больше никого!

– Я тебя понимаю, моя девочка, но исполнить твоего желания не могу. – Рассудительно ответил Хемингуэй, совершенно не поняв Адрианы. – В двадцать лет, когда что-то не получается, хочется взорвать мир. Так хотят все, кто к чему-то стремится. В свое время и я хотел взорвать мир. А потом хочется сохранить мир. А еще больше сохранить свой личный мир. Я живу в мире, который не понимает моего мира. Я прошел этап разрушения миров. В войну я разрушал...

Адриане стало неприятно слушать заумные рассуждения писателя, так контрастирующие сейчас с ее трагически-надломленным состоянием. Она обхватила его руками и стала целовать, прерывая поцелуи словами, где указывала, что она целует:

–Я целую твой умный лоб! Твои, всё понимающие и зоркие глаза! Вот! Я целую твой нос, чувствующий всех и вся. Я целую твои губы, которые не понимают иногда, что они говорят... Я целую всего тебя, за то, что ты есть...

И Хемингуэй, ощущая ее соленые слезы на своих губах, устало обнимая свою любовь и отвечая на ее страстные поцелуи, одновременно думал:

«Почему всегда любовь заканчивается расставанием? Для новой встречи? Кто знает! Я до сих пор не знаю. Не поэтому ли в своих романах я с любовью расправлялся через смерть героев. Выдуманные мною ситуации вернулись ко мне бумерангом – смертью любви. Держи удар пострашнее нокаута. Сможешь?...»

Но сердце молчало, а сознание вяло ответило: «Нет!»

...На следующий день Адриана с матерью и Мэри улетели в Штаты. А Хемингуэй долго махал вслед самолету, превращающемуся в невидимую точку неба.

–Хуан! – Сказал он шоферу, оторвав взгляд от голубой пустоты. – В моей сумке виски. Налей мне целый стакан. Содовой не надо...

17 февраля 1951 года на 26 тысяче 531 слове новой книги, Хемингуэй поставил окончательную точку. Он отдал читать рукопись Мэри, прилетевшей накануне из Америки и до сих пор, не разговаривавшей с Хемингуэем. Свет в спальне Мэри горел всю ночь. А утром она сказала мужу:

–Пакостник! После прочтения этой книги, я готова простить тебе все, что ты сделал мне гадкого.

Это была знаменитая «Старик и море», сделавшая Хемингуэя Нобелевским лауреатом.

То, чего хотела от него, Мэри.

Письмо Адриане.

Все издатели и еще некоторые люди, которые прочли «Старика и море», считают, что это классика. Можно подумывать, что я хвастаюсь. Но это не так, потому что это говорю не я, а все они. Они утверждают, что книга производит удивительное, самое разностороннее впечатление. Даже те люди, которые меня не любят, имея, возможно, на то основания, и те, кому не нравятся мои книги, говорят тоже самое. Если все это действительно так, то это значит, что я сделал то, чему пытался научиться всю мою жизнь; значит, это удача, и мы должны радоваться этому. Но я должен забыть об этом и должен попытаться писать еще лучше...

Глава 4. Последний раз – Венеция

«Все мы любим Венецию.

А вы, может, больше всех».

«—Почему мы стареем?

—Откуда я знаю, полковник?

Наверное, это закон природы».

—Да. И я так подозреваю.

«За рекой, в тени деревьев».

«Нью-Йорк геральд трибюн», 25 января 1954 года.

Смерть писателя Хемингуэя. Экстренное сообщение.

Вчера, поздно вечером в редакцию пришло трагическое известие из Африки. В районе водопада Мэрчисон, у озера Альберта, самолет «Сессна», на котором находились Эрнест Хемингуэй, его жена Мэри и пилот, пропал без вести. Предпринятые властями поиски пока не дали результатов. Это второе за последний месяц известие о смерти Эрнеста Хемингуэя. Редакция газеты следит за событиями, связанными с поиском писателя, его жены и пилота. Подробности в вечернем выпуске газеты. Следите за нашими сообщениями.

«Информасьон», 2 февраля 1954 года.

Смерть и воскрешение Хемингуэя.

Если у кого еще и были сомнения, они рассеяны неопровержимым фактом. Хемингуэй пользуется у себя на роди-

не огромной популярностью. Известны три наиболее модные фигуры в Соединенных Штатах – Эйзенхауэр, Трумэн и Хемингуэй. Сообщения, передаваемые по радио в воскресенье вечером, и информация, появившаяся в понедельник утром о том, что самолет, на котором путешествовал Хемингуэй, потерпел аварию и разбился в глуши африканской сельвы, вызвали глубокое потрясение. В Нью-Йорке «Дейли ньюс» выпустила экстренное издание, с целью оповестить читателей о том, что Хемингуэй жив и здоров. В понедельник утренние выпуски ряда газет утверждали со всей уверенностью, что Хемингуэй погиб. В одной из них мы читали следующую «элегию»: «Он был писателем глубоко драматическим и драматически погиб. Когда за плечами такая жизнь, какую прожил Хемингуэй, трагически расстаться с ней это великое счастье...» Между тем, к нашей радости, жизнь Хемингуэя не оборвалась и драма может продолжаться. О нем уже столько насочиняли и еще больше будет написано. Без сомнения, Хемингуэй сегодня самый крупный из живущих писателей США. Он дал направление целому поколению писателей. На литературу США он оказал он оказал такое же влияние, как на испанскую Ортега-и-Гассет и Асорин. Недаром говорят, что в Соединенных Штатах половина тех, кто пишет, имитирует его стиль, а вторая – пытается. Тот факт, что Шведская академия не удостоила его Нобелевской премии, говорит скорее в пользу Хемингуэя, чем Шведской академии. Хемингуэй составляет группу вместе с Золя,

Толстым, Горьким и Гальдосом, которые также не были удостоены этой премии. Хемингуэй уже создал несколько произведений, которые будущие поколения будут читать, как классику. «Прощай, оружие!» – роман, посвященный первой мировой войне и построенный на любви. После «Пармской обители» Стендаля, это лучший из всех написанных романов о любви. В глубине, за щитом силы и мужественности, скрывается романтик. Возможно последний романтик нашего века...

Две самолетные аварии в Африке, куда Хемингуэй отправился на сафари вместе с Мэри, следом за ним пожар в Шомони, где он основательно обгорел, заставили семейную чету отправиться в Европу. Хемингуэй предложил отправиться для лечения в Венецию, и Мэри не возражала. Она прекрасно понимала, что он хочет увидеть Адриану. Больному нельзя отказывать в его желании. Сейчас Мэри была спокойна, как римская сенаторша, не такой, как три года назад, когда Хемингуэй со своей молодой пассией попортили ей немало крови. Но к чему вспоминать прошлое? Прошлое не вспоминают, о нем грустят. Пусть его увидит Адриана и скажет Мэри спасибо за то, что она спасла ее от страшной участи жить со стариком. Да, так она его ласково называла после выхода в свет книги «Старик и море». И Хемингуэй не возражал. Он действительно был по-стариковски мудр, и принимал это дружеское обращение не только от нее, но и от

близких друзей.

Как всегда они поселились в отеле «Гритти», который после ремонта стал еще красивее. Так же, окна их номера выходили на Большой канал. Так же, как и в два последних его приезда в Венецию, стояла за окнами адриатическая зима, мягкая и дождливая, как американская весна. Почему-то он не может выбрать для посещения Венеции другое время года, кроме зимы. Праздник святого Стефана и карнавалы, к счастью, закончились. Да и он не мог принять участие в гулянии, врачи запретили даже самые маленькие увеселения, и прописали постельный режим. И было отчего. Итальянские эскулапы нашли у него компрессионный перелом двух позвонков, разрыв печени и одной почки, паралич сфинктера, вывих правого плеча и проникающую рану черепа. Журналистам, встречавшим его в Венеции, он оптимистически сказал по поводу своих травм:

–Удача со мной неразлучна!

И вот теперь он больше лежал, в номере «Гритти», чем ходил. Читал газеты и делал из них вырезки с сообщениями о себе. Хемингуэй вечером, в день приезда, позвонил Адриане, но ее не было в Венеции. Только спустя три дня она приехала, и они договорились, что Адриана сегодня посетит семью Хемингуэев.

С утра Хемингуэй привел себя в порядок, – прежде всего, побрил свое обожженное огнем костра лицо, подстриг седую бороду и вместо халата, надел рубашку и брюки. Мэри по-

могла ему привести себя в порядок, и он сел за журнальный столик со свежими газетами. Хемингуэй заметно волновался перед встречей с Адрианой, что видела Мэри, и успокаивала:

–Эрни! Если тебе немедленно что-то будет нужно, я рядом. Когда я уйду, то позови горничную. Она предупредит, что тебе может понадобится помощь.

–Не хочу горничную. Я все сделаю сам или подожду тебя. Ты недолго будешь отсутствовать?

–Часа три. Может меньше. Я только посмотрю в Сан-Трөвазо «Тайную вечерю». Пишут, что после реставрации, фреска засияла новыми красками. Ты же знаешь мою слабость, – не могу пройти мимо работ старых мастеров. А в Венеции каждый год что-то реставрируют. Я все посещать не буду, но на обновленного Тинторетто мне хочется взглянуть. Я быстро вернусь.

–Сейчас придет Адриана, ты не спеши уходить.

–Хорошо, милый.

И вот вошла она, с распущенными волосами до плеч, огромными черными глазами, сводившими когда-то Хемингуэя с ума, с извиняющей улыбкой на смуглом лице. Милое, до мельчайшей черточки знакомое Хемингуэю, лицо. Правда, черточек стало больше. Она немного пополнела, и каждый ее шаг был величав и грациозен, как у примадонны балета.

Адриана вглядывалась в лицо Хемингуэя. Обожженное лицо. Подпаленные волосы расчесаны и даже сделана по-

пытка привести их в порядок. Борода, тоже с подпалинами. Раньше он всегда встречался с ней без бороды. Специально сбрасывал. Маленькое, в глубоких морщинах лицо, в обрамлении совершенно седых волос. Три года назад он не был таким седым – любви ее властитель. Кажется, он что-то потерял в своем облике. Да, точно. Он похудел, осунулся, стал меньше, в нем не чувствуется прежней незыблемости. Но все же это он – ее любимый пират, похитивший своими руками свое и ее счастье. Как он изменился за эти три года разлуки. Неужели такое возможно в природе? Почему это называется необратимый процесс жизни? Почему жизнь течет именно так? Ему можно дать сейчас семьдесят лет!

Она прошла к журнальному столику и остановилась перед ним. Он, не отрываясь, смотрел в нее. Да, Адриана за три года сильно изменилась. Нет той милой и наивной угловатости юной девчонки, видна дама, в самом привлекательном для мужчин возрасте. Расцвет женских лет – переливание наивной юной девушки в чувствительную зрелую мадонну. Именно, в таком возрасте изображали своих мадонн итальянские художники Возрождения. Они знали, что надо возрождать! Их вкус безупречен.

Хемингуэй усилием воли отвел от нее взгляд и с глухим хрипом, произнес:

–Здравствуй, моя девочка. Вот ты и пришла.

–Здравствуйте, Папа. Вот я и пришла.

–Здравствуй Ади! – Приветствовала ее Мэри. – Какая ты

стала красивая. А я тебя все представляю такой, какой в последний раз видела на Кубе.

–Старею. – Тихо улыбнулась Адриана.

–Ади! Сними плащ. Дай его мне, я повешу в шкаф. Садись за столик, где Папа. А я сейчас принесу шампанского.

К своему удивлению, она не испытывала ревности к Адриане и даже была рада ее приходу. А к чему, собственно ревность – Хемингуэй весь на виду у любящих его женщин – Мэри и Адрианы. Теперь не каждая из женщин согласится связать с ним свою судьбу. Пусть на него смотрит Адриана и делает соответствующие выводы. Права была Парсонс, говоря, что к шестидесяти годам, у мужчин полностью сгорит любовный порох, и остаются вредные привычки. Кажется, у Хемингуэя с возрастом стало меньше вредных привычек. Это отмечает про себя его жена.

Мэри принесла на подносе бутылку шампанского и весело сказала, обращаясь к Адриане.

–Папе запретили пить крепкое, так он пьет по утрам только шампанское. То за свою смерть, то за спасение. – Она засмеялась мелким смешком, а Хемингуэй и Адриана улыбнулись. Мэри пришлось пояснить свою мысль. – Папа вырезает из газет заметки о своей гибели и за каждое такое известие пьет шампанское. Сначала за свою гибель. Находит сообщение о своем спасении, – пьет за свое спасение.

Теперь рассмеялись все. Адриана села в кресло напротив Хемингуэя и спросила:

—А правда, когда вы вышли из джунглей, то в руках Папы была бутылка джина и гроздь бананов. Так писали в газетах. — Адриана, видимо, чувствовала в их семье себя неловко, после трех лет разлуки, и больше обращалась к Мэри. Почему-то она боялась обратиться к Хемингуэю.

—Нет! Это все неправда. Выдумали газетчики. — Ответила Мэри. — Эрни! Ты сможешь разлить нам шампанское? — Подчеркивая его больное состояние, обратилась к нему Мэри.

—Конечно.

Хемингуэй взял шампанское и разлил шипучий напиток в бокалы.

—Давайте за встречу. — Предложила с улыбкой Мэри. — Сколько лет мы не виделись?

—Три? — Одновременно ответили Хемингуэй и Адриана и весело рассмеялись от такого совпадения мыслей и слов.

Неловкость была снята и все выпили за встречу. Потом за Венецию, которая стала родной Хемингуэям. Шампанское закончилось, вести светскую беседу у Мэри не было желания, и она стала одеваться, чтобы пойти посмотреть обновленные фрески.

—Каждый раз, когда я приезжаю в Венецию, всегда вижу ее совершенно другой. Как вы умудряетесь делать город все более красивым и старинным? — Обратилась она к Адриане.

—Мы любим наш город. — Ответила та просто.

—Да, Ади! Мы забыли спросить, как у тебя складывается жизнь? Мы слышали, ты замужем?

– Да. – Ответила Адриана и покраснела. Она вдруг почувствовала, что предала Хемингуэя.

– Как складывается семейная жизнь? – Продолжала спрашивать ее Мэри, одевая плащ.

– Хорошо. – Коротко ответила Адриана и еще больше покраснела. Конечно же, нельзя было сознаваться в том, что семейная жизнь у нее не складывается. – Вам передают привет мама и Джанфранко.

– Спасибо. Жаль, что у Джанфранко не сложилась жизнь с Кристиной, и ему пришлось покинуть Кубу. Как он сейчас?

– Хорошо. Нашел хорошую работу...

Но Мэри ее уже не слушала. Она оделась и сказала:

– Я пойду. А вы поговорите, вспомните прошлое. – Она улыбнулась щедрой улыбкой. – Если тебе что-то потребуется, Эрни, то позови горничную. Как мы с тобой говорили. Я скоро приду.

Она торжествующе посмотрела на Адриану, – Хемингуэй принадлежит только законной жене. И сейчас ей не страшно оставить их наедине. Пусть, действительно, вспомнят будущее. Им, кажется, есть, что вспомнить. Пусть вспоминают!

– Я не прощаюсь. – Она снова победоносно улыбнулась Адриане и вышла из номера.

Оставшись вдвоем, Хемингуэй и Адриана первое время молчали. Они разглядывали друг друга, и никто первым не решался нарушить тишину номера. В тишине стал слышен мерный ход больших напольных часов. Как маленький коло-

кол. Наконец Хемингуэй, прокашлявшись, произнес:

– Сильно со мной в этот раз обошлась Африка. Я не все рассказал врачам. . .

– Что-то утаили? – Спросила Адриана, радуясь, что разговор завязался и его надо поддержать.

– Да. Обгорела левая рука. Видишь? А когда упал в горящий кустарник, то подпалил живот, ноги, предплечья. Врачи не заметили у меня сотрясения мозга. Левый глаз совсем не действует. Полный калека. – Усмехнулся Хемингуэй.

– Ты, Папа, выздоровеешь. – Впервые назвала его Адриана на «ты». Мэри же ушла. – Я всегда являюсь к тебе, когда тебе плохо. Когда ты болен или удручен неудачами. Помнишь Падую? Там ты был хуже, чем сейчас. – Подбодрила его Адриана. – Также не видел глаз, также весь был обожжен, и к тому же, порохом. Помнишь, как после моего приезда, ты сразу же пошел на поправку?

– Помню. Ты огонек в моей душе, благодаря которому я живу и пишу. Потухнет огонек и меня не будет.

– Папа! – Укоризненно сказала Адриана. – Мы с тобой столько лет не виделись, а ты сразу впал в пессимизм. Неужели, ты не рад меня видеть?

– Очень рад. – Улыбнулся Хемингуэй. – Я имею в виду, что не меня не будет. Не будет творческого огонька. Вот что я хотел сказать. Ты можешь подойти ко мне ближе, чтобы я мог тебя обнять?

– Да, Папа. Я осталась такая же, как прежде. Стоит тебе

приказать, и я все исполню, что ты захочешь. Я иду к тебе.

–Я никогда не приказывал тебе, девочка.

–Я не это имела в виду. Я хотела сказать, что наши желания всегда совпадали. Помнишь? А приказывали другие.

–Что ты имеешь в виду. Почему ты мне всегда что-то не договариваешь?

–Я хочу тебя поцеловать. Видишь, снова наши желания совпадают. – Адриана снова решила не рассказывать о двойном дне их прошлой любви. Нельзя больному сообщать плохие вести, даже если они из прошлого.

Она подвинула свое кресло ближе, склонилась к Хемингуэю и поцеловала его обгоревшую бороду на щеке. Он обнял ее и нашел своими губами, ее губы. Поцелуй был долг, но в нем не было былой страстности, стремления слиться друг с другом. Это они почувствовали оба.

У Хемингуэя начал затухать огонек в груди, о котором он только что говорил. И чтобы поддержать тлеющее тепло в душе он спросил:

–Ты хорошо помнишь все наши встречи?

–Помню все, до последней капельки. Не поверишь, Папа, а я помню, как мы первый раз катались по морозу в гондоле. Там ты меня впервые поцеловал. Помню больницу в Падуе, когда я впервые стала твоей. Помню негритенка, твоего слугу, карнавал, где своего Казанову нашла Коломбина, ночь молний в Мегано, пиратский корабль и его капитана... Я все помню. А ты не забыл? А помнишь половинку гребня, кото-

рую ты подарил мне на охоте? Я разгадала символ твоего подарка, – половинки должны быть вместе, чтобы составлять целое. Ты сохранил свою половинку?

–Я ничего не забыл. А половинку гребня я, к сожалению, потерял. Еще тогда, в Венеции. Половинки никогда вновь не срастутся – останутся половинками. Нет такого закона в природе, чтобы из осколков можно было собрать целое. – Он устало вздохнул. – А твои изумруды до сих пор согревают меня. Твой портрет смотрит на меня, и я с ним разговариваю. Так я с тобой говорю. Как наяву. Говорю, когда мне бывает плохо. А мне сейчас, всегда плохо.

–Теперь тебе будет хорошо. Я буду с тобой всегда. Ты мне разрешишь приходить к тебе?

–Да. Вот мне станет немного лучше, и мы снова прокатимся по каналам в гондоле. Зря пустили катера в каналы Венеции. Они портят ее вид. Будем бродить по улицам и площадям. И вокруг нас будет только Венеция. Я тебе подарю самый дорогой подарок...

Адриана погладила тонкими пальцами его руку, и Хемингуэй увидел на безымянном пальце обручальное кольцо. Она подняла руку и приложила палец с чужим ему кольцом к его губам. А могло кольцо быть его... Но, все уже прошло. Прошлое возвращается только памятью.

–Тсс! Не надо подарка. Тем более дорогого. Я рада, что мы снова вместе. Самый большой подарок – ты. Не каждому дано любить такого человека, как ты, Папа. Мне просто по-

везло в жизни. Ты – незабываемый подарок моей хрустальной юности.

Хемингуэй смотрел на ее обручальное кольцо, и ему хотелось задать вопрос – кто у нее муж? Но зачем вспоминать о муже, когда ему хорошо с его женой. Чужая жена – его любовь. Он никогда об этом не писал в своих книгах. Жизнь сама определила ему любовь, которую он не смог описать в своих романах. В его книгах всегда чистая любовь – трагическая, но верная. Вот и ему от любви осталась трагедия, как в его романах.

«Как плохо ты знаешь человеческую жизнь?» – Укорил он сам себя.

–Мы с тобой еще поедem в Париж, Испанию. Я собираюсь после Венеции отправиться туда.

–Я на все согласна, Папа. Но я сейчас не свободна. Для меня имеются семейные оковы. Правда, они не крепкие, но все же... Почему же, Папа, там, на Кубе, мы были так нерешительны?

Хемингуэй поник седой головой. Тогда решительность требовалась от него, а ее у него не оказалось.

–Я боялся, дочка... Себя. – Честно признался он.

–А я за себя не боялась. Я хотела тогда все взорвать, а ты не понял. Я понимала, что на обожженном чужой любовью месте, нельзя создать свою любовь. Такого в жизни не бывает. Хотела начать с нуля нашу любовь. Но, как нуль не переменжай, он останется нулем. Какой я было молодой и наивной!

Видишь, Папа, я стала вспоминать о не сбывшемся. Значит, я постарела. Ты мне так говорил. А ты слышишь песни, которые я тебе пою через океан?

–Океан велик... – Тихо ответил Хемингуэй.

Они замолчали. Хемингуэй отпил из бокала немного шампанского и почувствовал, как творческий огонек в его душе, угас. Он понял, что больше этот огонек не зажжется у него никогда.

–Я многого не понимаю в этой жизни. – Признался он. – Я додумывал в своих книгах реальность. Придумывал, что должно происходить потом... Я оказался романтиком реалистической мечты. Недавно это понял. – Он тяжело вздохнул, и спросил. – Мы будем продолжать с тобой встречаться и переписываться?

–Да, Папа. Твои письма – отдушина в мир тревог и любви, которых я сейчас не имею. А так хочется бурь и молний, и корабль, плывущий среди звезд, на которых никто не живет. Мне, кажется, что только там мы могли бы сохранить свою любовь. Без людей...

Она прижалась к нему и снова поцеловала его обгоревшую щеку.

–Нам бы не корабль, а индейское каноэ, чтобы мы плыли на нем только вдвоем, по океану только нашей жизни, где нет никого. Мечтаю о жизни, где нет мира. – Тоскливо произнес Хемингуэй.

Он обнял ее и крепко, насколько позволяли силы, прижал

к себе. Они на минуту затихли. Часы на полу, как метроном, тихо, но четко отбивали секунды. Одна секунда их новой любви, вторая... Минута жизни прошла. Наступил час разлуки... Они вслушивались в музыку времени. Ритм был однообразен, не такой, как ритм их прошлой любви. Еще немного и наступит вечность памяти их любви...

Адриана глубоко вздохнула и произнесла:

—Ах, Папа. Как бы нам хорошо было вместе. Правда?

От часов дуло тленом времени, и раздался их бой. Будто звонил большой колокол. По ком? Периодически надо вздрагивать в жизни, а то не заметишь течение времени. Когда часы отбили положенный им час, Хемингуэй устало ответил:

—Да. Этим можно утешаться...

Эпилог

Посмертное письмо Хемингуэя

Октябрь 1960 года.

Нью-Йорк.

Моя любимая венецианская Дева! Мое незабываемое чудо!

Когда получишь это письмо, не ругай меня и не пугайся. Меня уже не будет на этом свете. А с того света, как известно, письма не приходят. Извини за исключение из правил жизни зато, что тебе придет оттуда моя весточка. Видишь, вынужден начать последнее письмо с грустного, а может, трагического сообщения. Но что делать, если все будет именно так. В скором времени меня поместят в больницу, из которой мне уже не выйти живым. Я очень болен и другого выхода для себя, не вижу. Когда ты получишь это письмо, то уже будешь знать о моей кончине, и надеюсь, что оно не станет для тебя ударом. Извини меня много раз, моя Девочка, что вынужден напомнить о себе после смерти.

Я пишу тебе, а воспоминания прошлого встают в моей больной голове. Я помню нашу первую встречу под дождем и до сих пор виню себя, что заставил тебя долго мокнуть. Я помню последнюю встречу, когда мы ностальгически по-

прощались в Венеции. А между этими двумя встречами, – сплошные расставания. Не буду о них писать потому, что становится больно в душе, а голова раскалывается от раскаяния, – почему мы больше расставались, чем встречались? Но расставания остались в прошлом, встреч больше не предвидится.

Даже из бесконечного, несуществующего будущего я должен решать дела, чтобы моя совесть была чиста перед тобой, моя Девочка. Сегодня, сейчас, в нью-йоркском банке я положу в сейф самые дорогие подарки, которые ты мне когда-то сделала. Я последний раз осмотрел твои изумруды, подержал их в своей ладони. Я ощутил твое тепло в последний раз, и в последний раз говорил с тобой. Как обычно, через океан. Положил их обратно в коробочку, на которой написано твоим красивым почерком «Эрнесту от Адрианы с любовью» и слезы навернулись у меня на глаза. С возрастом все воспринимаешь острее, я бы сказал, в полном комплексе имеющегося опыта. Поговорил в последний раз с твоим портретом, где ты серьезно спрашиваешь меня: «Почему все закончилось разлукой?» Но не дал тебе ответа. Мы больше молчали. Я возвращаю твои подарки. Они мне больше не будут нужны. Не подумай, что я говорю грубо. Ты мне нужна до сих пор. Но в той стране, в которую мне вскоре предстоит отбыть, подарки любимых не нужны. Там должно быть все намного проще – я буду там один.

Эти подарки тебе вернут, когда меня уже не будет. Пусть

моя память о них перейдет тебе, и ты сможешь их сохранить для других. Это моя последняя просьба, но ее не обязательно исполнять. Почему-то у меня все в письме получается последним. Что ж, раз положено так, то пусть все будет последним.

Прощай моя последняя любовь. Моя последняя радость уходящего мира.

Любящий тебя до последнего мгновения,
твой Папа.

Эрнест Хемингуэй

«Океан велик, а челнок маленький, разве его углядишь». – Кажется, так сказал мой Старик.

Я слышу, как в своей комнате Мэри поет песенку про блондинку. Я подхватываю припев «А волосы у меня черные». Слышу голос Мэри: «Покойной ночи, милый ягненок. Приятного сна». И я ей бодро отвечаю: «Покойной ночи, котенок!» Сегодня ночь для меня должна стать покойной. Решение принято давно и сегодня я должен набраться духа, и завершить все счета с жизнью. Сегодня я должен до утра поспать, чтобы быть бодрым и смелым перед последним уходом.

В психиатрической клинике сделали все, чтобы я не был писателем. Психиатры ничего не мыслят в писателях. У них, в отличие от меня, нет угрызений совести раскаяния. Надо бы всех психиатров заставить пройти курс литературного творчества, чтобы они поняли, что такое писатель. Они разрушили мою голову электрошоком, подорвали мою память, навсегда вывели меня из строя. Тринадцать электрошоковых процедур вынес я. Некоторые заканчивают свою сознательную, а иногда и физическую жизнь, после первой процедуры. А я все еще жив и даже могу думать. Но сейчас не думать о болезни, а спать до утра. Оно станет решающим в моей жизни... Прощай бессоница!

...Слышу пение птиц за окном. Солнечная Долина Кетчума пробуждается. Пора и мне вставать. Я сегодня выспался хорошо, можно решить самое последнее дело моей жизни. Вот мой красный халат, вот шлепанцы. Я осторожно по лестнице спускаюсь вниз. На подоконнике лежит связка ключей от комнат дома. Раньше Мэри прятала от меня ключи, сейчас уже не прячет. Считает, что я совсем выздоровел. Спасибо ей за то, что она меня понимает. Она знает, как я должен закончить свою жизнь. Романтично и героически. Поэтому снова привезли мои ружья в дом.

Теперь в подвал. Замок открылся без задержек. Вот ружья, которые прячут от меня. Какое выбрать? Двустволка «Босс». Она меня никогда не подводила. Сколько взять патронов. Один? Лучше два. Больше не надо. Осторожно поднимаюсь обратно и кладу ключи на место, на подоконник. Спасибо, Мэри, за ключи. Теперь переламываю ружье, вкладываю в него два патрона и ставлю его рядом с собою. Нельзя уходить, пока не объяснишь свой последний поступок другим. На столе есть бумага и ручка. Надо оставить прощальное слово. Кому? Семьи – растерял, не осталось других близких. Но написать надо. Всем и никому. О чем? Перо скользит по бумаге. Я пишу в последний раз. Медленно, мучительно долго, но пишу.

«Пишу остатками своей памяти. Кому-то хочется уничтожить меня физически. Меня уже сделали полным инвалидом, духовным и физическим. Кто-то торопится закрыть

книгу моей жизни. Она ими прочитана от корки до корки, а другой книги жизни у меня просто не имеется».

Что еще написать? Приходится с силой выдавливать из себя слова. А когда-то они лились из меня бурным потоком.

«Я всю жизнь боролся сам с собой. Не думайте, что я побеждал других, для того чтобы доставить наслаждение другим. Я доказывал себе всю жизнь, что все умею, все знаю. Умел я мало, но знал еще меньше. Я – романтик реализма, поэтому не смог познать жизнь до конца».

Трудно подвести итоги. Может, мало осталось времени для выводов? А может, не сумел накопить знаний и поэтому нечего сказать?

«Самое плохое, что я совершил в жизни, – боролся со своей любовью. Меня женщины просто любили, а я боролся за их любовь. Поэтому я потерял всех своих любимых женщин. Они не вынесли моей борьбы за их любовь. Только последняя любовь была у меня без борьбы. Мне была дана фора в этой любви, но я не сумел ею воспользоваться. Потому, что не боролся за свою последнюю любовь».

Яркое, ослепительное солнце заглянуло в мою комнату. Его блики бегают по стенам живыми красками памяти. Долго же я пишу последнее письмо. Пора заканчивать.

«Мне создали все условия, чтобы я ушел из жизни романтическим страдальцем. Я воспользуюсь данной мне возможностью. От меня требуют, чтобы я остался в истории трагической личностью. Я выполняю вашу просьбу...».

Кажется, что-то стукнуло. Проснулась прислуга. Все! Кладу письмо в конверт. Ставлю к цветочному горшку, чтобы его сразу увидели.

За окном солнце становится огненным шаром, раскаленным до последнего градуса, который может иметь природа. Лишь бы оно не взорвалось раньше времени! Моего времени. А птицы поют, не зная, что скоро конец...

Ну, «Босс», не подведи меня? Раньше ты был надежным товарищем. Как лучше тебя приспособить? В рот. Чтобы наверняка! Какая холодная сталь и противно пахнет машинным маслом. Ее ледяную правду ощущает мой мерзкий язык и высокое небо. Теперь, как бы достать до спускового крючка? Рука не достает. Скидывай шлепанец и ощупай пальцами ноги дерево и железо ружья! Не бойся! Как всегда покажи другим, что ты смел и настойчив в достижении цели! Вот и хорошо. Пальцы ноги нажимают на спусковые крючки. Надо, чтобы было сразу же два выстрела одновременно. Старайся! Пройден люфт спусковых крючков...

Слышу звон. Это стонет мой Колокол! Он звонит по мне потому, что отлит мною. Струнами моих рук, мелодией ума, симфонией души. Звони мой Колокол! Мой мозг дождался твоего последнего стога! Спасибо тебе, что звонишь вовремя!

В меня стреляют снарядами из всех трех войн! Они взрываются внутри сердца и мозга!

...Мой молодой соперник, нокаутировал меня в двена-

дцатом раунде!

Я не смог дольше продержаться.

Я не смог обновиться за этот срок, отпущенный мне природой!

Выдохся!

...Все реки текут из океана и заканчиваются водопадом. Это я теперь знаю точно! Я на своем индейском каноэ не пытаюсь выгresti на середину океана. Меня засасывают воронки реки и влечут к пропасти водопада. Я бросил грести. У меня нет сил. Прочь все из моего каноэ! Я остаюсь один! Я всегда был один!

Я одинокий атом, прорвавший оболочку моей молекулы, и создавший собственную орбиту без звезды!

Мою лодку поднял гребень пены падающей воды и несет вниз на острые скалы.

Я вижу глаза океана в последний раз! Он смотрит в меня! Он одобряет мое решение...

Вижу, как взорвалось солнце, и разлетелось яркими одинокими атомами! Я один из них! Атом сердца!

Без звезды...

В бледном луче неземного света, рвусь в пасть черного, холодного водопада...

...и вечный мрак...

Мэри Хемингуэй

Я не лгала. Я сознательно, в те первые, трагические минуты, сказала всем, что это несчастный случай. Я еще долго не могла осознать всю правду происшедшего. Но теперь мне ясно – он ушел из жизни сознательно.

Он, к сожалению, не оставил посмертного письма и не объяснил причины своего ухода из жизни. Хотя некоторые склонны считать, что такое письмо должно было быть. Я отвечаю, что его не было. В крайнем случае, его никто и никогда не видел. Я его тоже не видела. А мне оно было бы нужней других. А ручка и бумага, всегда лежали у него на столе.

На меня свалилась куча дел, которые не успел закончить Эрнест. Сразу же после похорон поехала на Кубу. Хемингуэй оставил мне письменное распоряжение, чтобы после его смерти все его личные бумаги были уничтожены. Костер в «Ла Вихии» горел десять дней и ночей, не переставая. Я сжигала его переписку, как он хотел. Слуги плакали, вынося из Башни ящики с бумагами. Но я им показала письмо Хемингуэя, требующее уничтожить его личные бумаги, и они подчинились. Некоторые письма, я лично бросала в костер, не читая, и разгребала его палкой, чтобы все сгорело полностью. С особым старанием я жгла письма и фотографии итальянской графини. Била по пеплу палкой, чтобы ничего не осталось. Вы меня поймете. Она принесла мне больше

страданий, чем все остальные враги. Это была не любовь, а старческая привязанность Хемингуэя, если хотите, к игрушке или к ушедшей молодости. Знайте это, кто считает по иному.

Я его сохранила для всех героическим и непонятым, гениальным пьяницей. Если хотите, считайте так. Он последний романтик двадцатого века. Пусть им и остается. Я создала ему такой образ, и должна его поддерживать в последующем всеми средствами. Не изданные им, но подготовленные мной к печати произведения, докажут, что Хемингуэй был сильным человеком нашего времени и трагическая смерть только это подтверждает.

Я его создала! При мне он стал Нобелевским лауреатом. Его славу при жизни, я умножу после его смерти. А слава – бессмертна!

Я знаю, что говорю. Потому, что я последняя любовь и опора Хемингуэя в этой жизни. Была и остаюсь.

Я прожила долгую, трудную, но считаю, счастливую жизнь.

Адриана Иванчич

Когда я узнала о смерти Хемингуэя, то бросилась аэропорт. Хотела лететь в Америку, успеть на похороны. Или на Кубу, чтобы сжечь тот дом, в котором закончилась, против нашей воли, наша любовь. Но меня друзья и родственники удержали в аэропорту и не позволили мне лететь к Хемингуэю. Да, для меня он всегда жив.

Потом появилось много статей о нем. Мисс Мэри утверждала, что он любил только ее. Тогда я опубликовала и с аукциона продала, шестьдесят пять писем Хемингуэя, написанные мне. Пусть мир знает правду. Я его последняя любовь! Только мне он пел через океан. Песни ко мне в его книгах. После меня он никого больше не любил.

Получив его посмертное письмо и прочитав, долго сидела, окаменев от навалившейся памяти. Конечно, плакала. Я представила, как он мучился в последние дни и годы своей жизни. Почему никто этого не увидел?

Я говорила Папе, что не возьму назад изумруды и, если он их мне вернет, то выброшу в Адриатику. Я ему подарила не драгоценности, а свою душу и честь. Кажется, он этого не понял и вернул подарок обратно. Изумруды, как я ему и обещала, выбросила в Большой канал, по которому мы ездили с Папой, возле набережной его любимого «Гритти-паласа». В нем зародилась наша любовь.

Вечерами я прихожу к этому месту. В сумерках, а то и в темноте, всматриваюсь в мутные воды Большого канала. И вижу, как откуда-то из глубины светятся чистые изумруды Хемингуэя. Это он глядит в меня. И я разговариваю с ним. В последнее время я все чаще и чаще прихожу сюда.

Я так и не смогла найти свою, другую, любовь. Была дважды замужем, но браки были неудачными. Любовь к Папе, заслоняла все мои семейные отношения, и я ничего не могла с этим поделать.

Я – его Рената. Этим все сказано, кто читал книгу «За рекой, в тени деревьев».

Кто близко знал Хемингуэя, разделял с ним радости и горечи, любил его самозабвенно, тот вошел в поле его ауры. Он обязательно до умопомрачения будет тосковать по своему Папе.

Я не смогла справиться с любовью к Папе и должна была последовать за ним.

...В 1983 году я закончила жизнь самоубийством.